

В. А. ПЕТРОВСКИЙ

**ЛОГИКА «Я»:
ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА**

Монография

Самара
2009

ББК 88.8
П30

Рецензент: доктор психологических наук, проф. *Н.Е.Веракса*
доктор психологических наук, проф. *К.С.Лисецкий*

Петровский, В. А.
П30 Логика «Я»: персонологическая перспектива. Моногр. / В. А. Петровский.– М.; Издательство САМГУ, 2009.

В новой книге доктора психологических наук, профессора Государственного университета «Высшая школа экономики» В.А.Петровского представлена модель рефлексивного синтеза категорий общей персонологии: *индивид → субъект → «я» → личность → индивидуальность*. Давая оригинальную трактовку каждой из категорий, автор знакомит читателя с собственными моделями логико-математической интерпретации активности человека. Среди них: имплицативная модель триумвирата субъектов, импульсная модель экзистенциального выбора, модель четырех ресурсов состоятельности, модель гедониста, а также – «парадокс адюльтера», булева типология смысловых миров, «алгебра когито» и др. Логико-философские и математико-логические разработки автора находят свое развитие в «персоно-логике», объединяющей в себе академический и практико-ориентированные разработки в области персонологии – «науки личности».

Книга будет интересна профессиональным психологам, философам, логикам, экспертам по междисциплинарным исследованиям.

**ИЗДАНИЕ КНИГИ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
НАУЧНОГО ФОНДА ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – «ВЫСШАЯ
ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» в рамках проекта № 08-01-0143
«Идеи и методы мультисубъектной персонологии»**

ББК 88.8

Научное издание

ПЕТРОВСКИЙ Вадим Артурович

Логика «Я»: персонологическая перспектива

Монография

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 25.12.2008. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 19,1.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Издательском центре САМГУ

443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

ПЗ0

© В. А. Петровский, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я.

ПСИХОЛОГИЯ «Я»: ЛОГИКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

Глава 1. «Индивид» (психофизическое целое)

Глава 2. «Субъект» (индивид как *causa sui*)

Глава 3. «Я» (субъект в саморефлексии)

Глава 4. «Личность» (Я в своих отражениях)

Глава 5. «Индивидуальность» (неотразимость личности)

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

ПСИХОЛОГИЯ «Я»: ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Глава 6. Импликация. Опыт психологического портрета

Глава 7. Триумвират субъектов: транзактная модель выбора

Глава 8. Импульсная модель экзистенциального выбора

Глава 9. Опыт эмпирического обоснования
мультисубъектной модели выбора

Глава 10. Модель четырех ресурсов

Глава 11. Модель гедониста: рефлексивная «возгонка» влечения

Глава 12. Обретение состоятельности: «золотое правило гармонии»

Глава 13. Семь пространств существования личности:
состоятельность самополагания

Глава 14. Булева модель смысловых миров

Глава 15. Парадокс адюльтера

Глава 16. Алгебра когито

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я.

ПЕРСОНО-ЛОГИКА

Глава 17. Общая персонология – наука личности

Глава 18. Категориальный строй психологии: «академический взгляд»

Глава 19. Категориальный строй психологии: персонологический поворот.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Литература

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Эта книга посвящена созданию и апробации логико-психологических и логико-математических моделей человека в мире.

Скажу сразу, в каком плане здесь используется термин «модель».

Я вижу четыре значения этого термина применительно к задачам психологического познания (иллюстрирую, в основном, известными работами отечественных авторов):

1. *Описательные (дескриптивные) модели.* Они представляют собой схемы, маршруты, «ориентировочную основу действия» исследователя, погружающегося в свой предмет. Я мог бы назвать выдающиеся работы моих коллег, российских психологов, создающих такие модели, что имеет не только инструментальный, но и самоценный характер, если иметь в виду становление психологической теории и практики. Существенную роль в разработке таких способов понимания индивидуальности играют ценности исследователей, аксиологические аспекты продвижения вглубь изучаемой реальности. «Я»-центрированные модели такого рода (выступающие под разными именами) представлены в работах С. Л. Рубинштейна [112], К. С. Абульхановой-Славской [4], А. Г. Асмолова [2], Б. С. Братуся [13], А. В. Брушлинского [15], Ф. Д. Горбова [25], В. П. Зинченко [29], В. Ф. Петренко [63], В. В. Столина [116] и ряда других мастеров психологии.

2. *Прогностические модели.* Важное различие касается «аристотелевского» (индуктивного) и «галилеевского» (дедуктивного) подходов в построении подобных моделей. Это различия прекрасно проанализировано в диссертационной работе В. В. Архангельской, посвященной проблемам понимания в современной индирективной психотерапии. Так, в частности, автор показывает, что в рамках галилеевского подхода, мыслить – это моделировать, с тем чтобы, сверяясь с данными наблюдения, вновь моделировать. Знания не извлекаются из опыта, а на опыте только проверяются, причем в обстоятельствах, далеких от условий реальной жизни (как-то свободное падение тел в пустоте).

В самом деле, ошеломляет, но факт: пушинка и металлический шарик падают с одинаковой скоростью в вакууме, что абсолютно противоречит обыденному опыту, однако вытекает из соотношений, «живущих» в теоретической плоскости. Общеизвестно, что физиков данное положение дел не смущает нисколько. Более того, им порой не хватает «сумасшедших идей». Однако, мне не приходилось слышать, чтобы психологи выказывали интерес к подобного рода идеям. Исключение, пожалуй, составляет памятное мне высказывание А. В. Петровского: «Нам нужны сумасшедшие идеи!..» – далее следовал комментарий: «...Но еще никто не доказал, что нам нужны идеи сумасшедших».

По-видимому, в психологии, между сумасшедшими идеями и идеями сумасшедших, перегородка тоньше, чем в физике... Точных прогнозов,

применительно к сложным формам человеческого поведения, мало; каждый прогноз грозит превратиться в повод к опровержению; но если допустить, что психологи когда-нибудь научатся «попадать в реальность» своими прогнозами, им все равно придется «укоренять» свои выкладки в переживаниях людей, чье поведение они прогнозируют. Есть, впрочем, работы снайперской меткости и глубины проникновения в свой предмет (например, модели, предлагаемые В. М. Аллахвердовым [1]). Абрис теории личности с акцентом на построение прогностических моделей содержится в трудах А. В. Петровского, предложившего онтологическую модель личности [65]. В редких случаях мы имеем дело с пересечением «прогностических» и интерпретативных» моделей» (например, концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина [43]), «онтологическая модель личности» А. В. Петровского [65], структура «личностных факторов» принятия решений (Т. В. Корниловой [32]), модели, представленные в работах В. Ю. Крылова [33] и некоторые другие.

3. *Объяснительные (интерпретативные) модели.* Примером таких моделей в психологии личности являются многообразные психоаналитические построения, идеи общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [38], теория установки Д.Н.Узнадзе [125], некоторые модели психики, сознания, самосознания и развития личности, разрабатываемые в русле классической (=неспекулятивной¹) психологии. Таковы модели, представленные работами: Т. Ф. Базылевич [5], В. Г. Грязевой-Добшинской [26], Л. А. Дорфмана [28], О. А. Конопкина [30], Н. И. Непомнящей [58], А. К. Осницкого [61], О. С. Никольской [59], В. Т. Кудрявцева [61], В.Е. Лепского [44], К.С. Лисецкого [46], В. И. Моросановой [55], В. С. Мухиной [56], Н. Носова, И. В. Равич-Щербо [110], Э. В. Сайко [113], Е. И. Улыбиной [124], В. Д. Шадрикова [132] и др. Интерпретативные модели, сохраняя «дистанцию свою» по отношению к данным непосредственного опыта, тем не менее, ориентированы на него, и, кроме того, по ряду параметров сближаются с прогностическими моделями.

4. *Трансформационные модели.* Мы назовем их так, потому что они преобразуют то, что описывают. Именно эти модели могут быть названы «неклассическими» психологическими моделями. Ряд психотерапевтических систем и подходов (например, транзактный анализ [9,10], личностно-центрированная терапия [111], понимающая психотерапия [18], процессуальная психотерапия [51], глубинная топологическая психотерапия [35], «триолог» [60], терапия инициального опыта [109], мультисубъектная персонология [101] и др.), задают такие способы описания и объяснения, что в результате «предмет» понимания трансформируется:

«В результате рефлексии ее объект – система знаний – не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, то есть ста-

¹ Автор этих строк довелось дважды выступать с докладами – на Эльконинский чтениях и семинаре, посвященном памяти А. А. Леонтьева – с докладом «Классическая психология как неклассическая наука».

новится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя» (Лекторский В. А. [36]).

Очевидно, что модели, обозначенные как «трансформационные», лишь в том случае могут оправдать свое имя, если позволят в большем объеме и с большей отчетливостью рефлексировать изучаемую реальность, а также предсказывать и объяснять ее проявления

Имея дело со всеми категориями-степенями осмысления индивидуальности, мы фокусируем внимание на категории «я» центральной категории в ряду других, «персонологических», то есть относящихся к науке, которую мы именуем «наукой личности» [101]. «Центральное место...» – это, конечно, конечно, не оценка сравнительной важности категории – было бы нелепо считать, что есть среди них «более» или «менее» важные – как если бы одни категории занимали почетное, «центральное», место, а другие – были бы менее уважаемыми, «периферийными». Речь идет лишь о том, что «я» занимает срединное положение в цепочке категорий, описывающих человека, а именно:

«индивид» – «субъект» – «я» – «личность» – «индивидуальность»²

Особое положение категории «я» в ряду позволяет рассматривать её как связующую, узловую, проводящую сквозь себя «токи» влияния и последующего синтеза категорий ниже- и вышележащего уровней. Слева от «я» в этом ряду – уходящие корнями вглубь человеческой природы категории «субъект» и «индивид», а, справа – поднимающиеся ветвями в высь человеческой культуры категории «личность» и «индивидуальность». Процессы развития «я» можно мысленно прочесть «слева направо» и «справа налево». В первом случае, мы рассматриваем логику перехода «природного» в «культурное»; во втором – встречную логику перехода.

Обе логики правомерны.

В книге мы рассмотрим логику синтеза таких категорий (первая глава) и предложим читателю ознакомиться с опытом построения логико-математических моделей в области психологии «я» (вторая глава).

В первой главе акцент делается на дескриптивных моделях, описывающих взаимосвязь категорий персонологии, имеющих «общую точку» в

² Полисемия психологических терминов допускает и другую, не рассматриваемую здесь возможность построения цепочки категорий: «организм» → «индивид» → «я» → «личность» → «индивидуальность». При таком прочтении, каждая из категорий несет на себе печать «субъектности», то есть самопричинности бытия, способности к самовоспроизводству разных по уровню своей сложности и организации существ – как их общая (родовая) черта. «Субъектность» здесь – одно из возможных новых имен первого кластера категорий в категориальной системе теоретической психологии (см. [91]).

«я». Автор опирается при этом на логический механизм «рефлексивной дедукции» (это наше рабочее название). Так, отталкиваясь от понимания индивида как психофизической целостности, мы рассматриваем его отраженность в себе, получая категорию «субъект»; рассматривая отраженность субъекта в себе самом, рефлексивные формы субъектности, мы приходим к категории «я»; рассматривая формы отраженности «я» индивида в себе и других индивидах, мы раскрываем категорию «личности»; и наконец, рассматривая многообразие форм отраженности личности в себе самой, мы приходим к категории «индивидуальности», – «неотразимости», представляющей собой недостижимый идеал попыток личности осознать свою самость.

Во второй главе представлены интерпретативные и прогностические модели. Они имеют логико-математическую форму; каждая из них может быть подтверждена или отброшена; некоторые из моделей имеют исключительно гипотетический характер; другие – рассматриваются в контексте проведенных эмпирических исследований.

В третьей главе содержатся основания для построения трансформационных моделей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПСИХОЛОГИЯ "Я": ЛОГИКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

ГЛАВА 1

«Индивид» (психофизическое целое)

Традиция, утвердившаяся в российской психологии, – определять «личность», отталкиваясь от понятия «индивид». Но это последнее не является первым в ряду. К нему нужно еще подойти. Существует несколько путей восхождения (см. А. Н. Леонтьев [38]). Мы предлагаем еще один путь – в русле идей «теоретической психологии» (А. В. Петровский, В. А. Петровский [91]).

Ближайшим к «индивиду» является понятие «живого» («живого существа», «организма»). Но и «живое» логически производно, имея свою предпосылку в понятии: «существо»; а то, в свою очередь, базируется на понятии *сущего*.

«*Сущее*». Мы говорим: «нечто *сущее*», подразумевая под этим постоянство (воспроизводимость) этого нечто в пространстве и времени. «Нечто *сущее*» – это еще не *существо*. Оно может рассматриваться просто как вещь. Повторю: «как вещь» – без каких-либо признаков жизни. В семиотике есть обобщающий термин: «актант». Это термин-подножье множества более конкретных, более богатых своими определениями терминов. Нечто, способное быть источником движения или, как минимум, подвергаться воздействию («претерпевать»). Как в том, так и в другом случае оно рассматривается как обладающее относительным постоянством (способное «пробывать», а не только меняться).

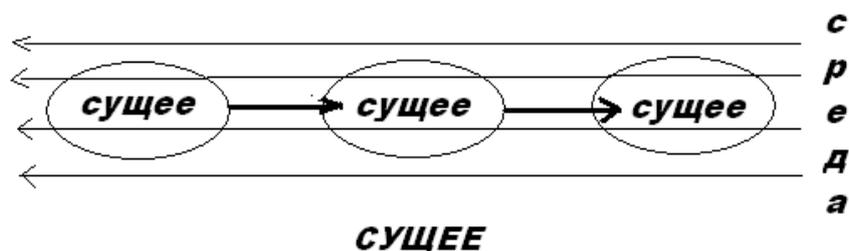

Рис. 1

«*Существо*». В общераспространенном понимании, хотя это понимание и не формулируется эксплицитно, *существо* есть нечто *сущее*, вступающее во взаимоотношения с другим сущим (чем-то *иным*), и тем самым

(то есть посредством этих взаимоотношений) обеспечивающее свое постоянство (рис. 2). О существе можно говорить – *агент*, а об этом «ином» – *реагент* (среди них – *контрагенты*, то есть *другие существа*, и – *реагенты среды*, = *вещи*). Все существа обладают запросами и ресурсами, и, вступая во взаимодействия с реагентами, характеризуются тем или иным уровнем состоятельности. Здесь уже намечена, хотя прямо и не выражена, идея *живого* существа. Когда идея «существа» в значении *живого* существа формулируется явным образом, оно получает новое имя: «*организм*», «*живое*».

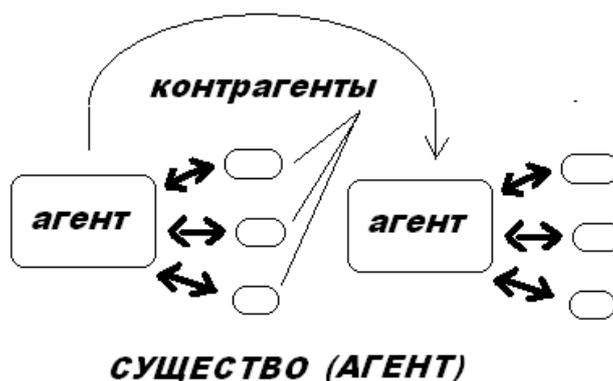
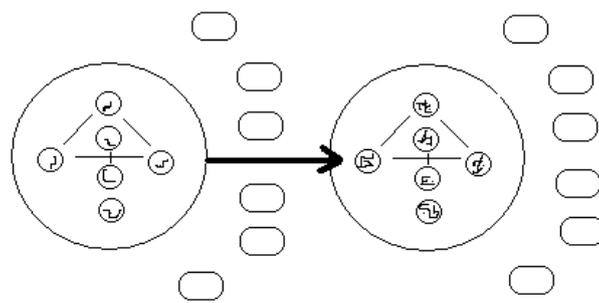

Рис. 2

«Живое» («организм»). На вопрос: «Чем живое существо отличается от неживого?», мы бы, вслед за В. М. Михайловым, ответили так: «оно существует *дольше*, чем любая из его частей», это – целое, которое сохраняет себя на более длительный срок, чем любая из его частей, даже самых устойчивых во времени. Ту же мысль можно выразить более эмоционально: живое есть целое, сохраняющее свою пространственную организацию и побеждающее время, – такое целое, которое воспроизводит себя ценой смерти того, из чего состоит. Об организме мы не говорим (хотя и не отрицаем возможности этого), что он обладает каким-либо целостным образом себя (избегаем здесь телеологических интерпретаций), и не используем, например, таких определений, как «бытие для себя». Для нас организм есть нечто *само по себе и через себя* существующее, иначе говоря, нечто *дореклексивно* длящееся в мире. Заметим, что в речи сохраняется сочетание «по себе» в значении детерминанты процесса: «не *по себе* дерево рубишь», суди *по себе* и т. п.; «по себе» здесь – не образ, а, прежде всего, прообраз действия и его результата. Сказанное настолько важно, что нелишне еще раз подчеркнуть: «*само по себе*» не предполагает посредничества в виде образа чего-либо, но, наоборот, это «что-то» выступает как прототип производимого (оригинал, диктующий воспроизводство)³.

³ Читатель заметит, что в этом трактовке «организма» не содержится в качестве определяющего признака, по крайней мере, в эксплицитной форме, понятия «цели» и «целесообразности». Не всё воспроизводящееся подлежит целевой трактовке (например, круговорот воды в природе). Не будем спорить по поводу целевой организации мироздания: вполне возможно, что Вселенная похожа на организм (является Целевой системой), однако, обратное, казалось бы, очевидное, утверждение (организм похож на Вселенную) не представляется нам бесспорным.

ЖИВОЕ (ОРГАНИЗМ)

Рис. 3

«Индивид». Говоря об индивиде, мы опираемся на такие конструкты, как *бытие, физическое и психическое, объективно и субъективно существующее, переживание, чувствования и ощущения* и др. Предлагается следующее определение: *индивид есть живое существо (организм) как психофизическое целое.* «Психическое» и «физическое» здесь трактуются как равноценные определения его бытия (см. рис 1 , вариант б), а не а)):

"ИНДИВИД" - это а) или б)?

Рис. 4

Индивид при этом не отождествляется с организмом как физическим телом, и наряду с этим психическое не рассматривается здесь как некое «отражение» состояний физического тела (образ этих состояний и т. п.), чему бы соответствовал вариант *а)* на рисунке. Избегая подобных упрощений, столь типичных для многих публикаций, мы исключаем возможность впасть в дурную бесконечность уже на следующем шаге логических построений, связанных с введением понятия «Я». Ведь «Я» предполагает момент отраженности индивида в психике, но если индивид есть *носитель* психики, а психика есть *отражение* состояний тела и его окружения, то и отраженность индивида в себе самом должно включать в себя отраженность его бытия как носителя его психики, в которой он, в свою очередь, отражен как носитель психики и т. д. и т. п. до бесконечности.

«Психика» – система процессов и состояний взаимоперехода между объективными и субъективными атрибутами бытия живых существ (организмов). Пояснением этой дефиниции может служить рисунок:

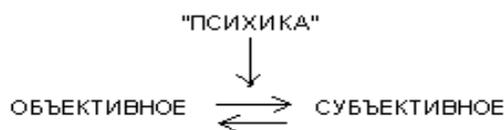

Рис. 5

Под «субъективным» подразумевается внутренняя, то есть неотчуждаемая от живого существа и порождаемая им самим система феноменов, совокупность чувственных проявлений его бытия. «Субъективное» включает в себя образы мира (конфигурации «чувственной ткани», в которых воспроизводятся формы объектов), мысли («усмотрение отношений» как специфическое переживание), цели и побуждения (чувственные прообразы будущего), аффекты, эмоции, чувства, настроения и др. Неотчуждаемость «субъективного», «внутреннего» от индивида может быть осмыслена в соответствии с различием условий порождения и существования этих феноменов. Возникнув однажды, «субъективное» неотделимо от производящих его условий (локус существования того, что возникло, совпадает здесь с локусом возникновения его).

В этом отличие его от *физического* как объективно сущего. Объективное есть *всеобщее* достояние, – то, что потенциально «существует для всех».

На фоне многочисленных попыток определить «психику» (*психическое*), которая часто неправомерно отождествляется с понятием «субъективное» (будь то «сознательное» или «бессознательное»), философы и психологи, трактующие этот предмет, поразительно малое внимание уделяли тому, что представляет собой *физическое*. Между тем, без этого никакие попытки справиться с первой задачей не могут претендовать на успех. И в этой связи, мы обратим внимание читателя на тот признак существования, который может рассматриваться как определяющий для понимания *физического*. Оно может быть осмыслено как обладающее свойством *транспонируемости*: для него выполним **перенос**. Действительно, физическое тело («вещество») или физическая волна, возникая где-либо, могут быть «перенесены» за пределы места своего возникновения, при этом их свойства сохраняют свою неизменность. Локус существования физического может отличаться от локуса его возникновения.

Психическое и его атрибут – *субъективное* – возникнув «где-то», остается там, где возникло. По этой причине внутреннее, субъективное невозможно каким-либо способом «увидеть», «подсмотреть» (сфотографировать или каким-либо еще способом воспроизвести) с позиции внешнего наблюдателя: оно не распространяется, подобно волне, и не перемещается, подобно вещи; оно принадлежит исключительно индивиду, составляя его достояние, его имманентное свойство. Ни боль, ни запах, ни переживание «красного», ни ощущение плотности, ни образ объекта передо мной, ни мысль, ни чувство, ни смыслы как формы проявления психического не мо-

гут быть «извлечены» из той среды, из того «места» пространства, в котором они возникли,— такой перенос всегда означал бы трансформацию психического (вплоть до его полного уничтожения).

Психические процессы невидимы, беззвучны и неосязаемы; они не имеют ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Но без них было бы невозможным появление зрительных, слуховых, кинестетических ощущений, невозможны чувственные переживания. Так же и воля, внимание, сопровождаемые напряжением и усилием, сами по себе сверхчувственны; они не являются чувствами напряжения и усилия как таковыми. Переход объективного в субъективное и субъективного в объективное, свершаемый посредством психики, эмпирически неуловим. Зазор, существующий между этими атрибутами бытия, не может быть «заполнен» физическими или химическими сущностями, представлениями о волне и корпускуле; точно также этот «зазор» не может быть «перекрыт» представлениями об известных или еще неизвестных элементах чувственного.

Психика – это ль не диво творения?
вот доказательство в две строки:
нет никого, кто видел бы зрение
и осязал бы работу руки...

Грань между объективным и субъективным – отнюдь не условна, конечно, если считать, что «психика» – не «конструкт», а особая (третья) реальность. Психическое не только отделяет, но и связывает пространства объективного и субъективного. Если от этой общей посылки перейти к примерам, то вопрос звучит так: «Можно ли обнаружить в реальном физическом мире то, что нельзя не мыслить как психическое?» Мы говорим, что это возможно! Такова, например, форма объектов, отношение между частями, границы, отделяющие одну от другой, динамика вещи, сходство, различия, запись (отпечаток) чего-то одного в чем-то другом и т. д. Я приведу пример «как бы физического» объекта, который, в действительности, к категории физических объектов не относится (если бы он имел статус физического объекта, то его поведение вступало бы в противоречие с законами физики). Так, пятно света, имеющее, положим, форму окружности, может перемещаться со скоростью, значительно превышающей скорость света. Я имею в виду известный парадокс с вращающимся прожектором, угловая скорость которого является, конечно, субсветовой, в отличие от возможной скорости перемещения светового пятна на отдаленном объекте (она-то и может быть существенно больше скорости света). Объяснение парадокса состоит в том, что круглое пятно, движущееся со скоростью $v > c$, не есть физический объект, и поэтому физические законы ему «не писаны».

Звезда – физический объект, а созвездие, как известно, нет.

То же и отношения, а стало быть, статические и динамические структуры, образуемые физическими сущностями. Говорят, форма воска,

несущая на себе отпечаток предмета, не содержит в себе ни грана вещества. Но также – и не грана волны, если бы волна могла быть измерена в гранах.

Формы, «ограничивающие» физические сущности, суть психические образования; их носители – физические тела и волны, а они сами – суть носители субъективных явлений (переживания, ощущения, восприятия, представления и т. п.), образуют субстрат и композицию их.

Особый вопрос заключается в том, чтобы осмыслить место «непространственных» ощущений в мире телесных контактов индивида с миром. О каких порожденных или порождающих *формах* здесь могла бы идти речь? Ведь ощущения, говорят, «просты»... Вспомним тонизирующий эффект черного кофе, и попытаемся перебросить мысленный мостик между этим переживанием, с одной стороны, и особенностями поведения приободренного человека, с другой. О каком структурном соответствии могла бы идти речь при сопоставлении таких, столь непохожих друг на друга явлений? В известных примерах Э. В. Ильенкова, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова, демонстрировавших переход формы внешнего объекта в форму движения руки, и, далее, формы движения руки в форму субъективного переживания формы объекта, – в таких примерах подобный вопрос не стоит. Ведь тут перед нами наглядный пример переноса формы: форма объекта → форма деятельности → субъективная форма.

Мы полагаем, что место ощущений в системе организации поведения – двойное. Как ни парадоксально, ощущение, казалось бы, «простое», способно структурировать поведение, и, кроме того, способно направлять его.

В одном случае речь идет об ответе на вопрос «зачем?» (зачем нужны ощущения, если психика, как носитель форм, способна «сама» направлять поведения, не опираясь на параллельный ряд сопутствующих ей переживаний)? Читатель, конечно, узнает в этом послы знаменитый вопрос об эпифеноменальности психики. Действительно, легко может составить представление, будто ощущения – эпифеномен работающего (движущегося, воздействующего, действующего) тела индивида. Они будто «не нужны» ему для его собственной жизнедеятельности в мире. И это, должен сказать автор, вполне справедливое недоумение.

Ну, в самом деле! – говорим мы, – *телу* индивида вообще ничего «не нужно»; ведь именно тело является инструментом «нужды», *обслуживая* производимые его работой ощущения, а не наоборот (то есть не ощущения обслуживают тело). Иначе говоря, ощущения суть не столько возможный инструмент функционирования, сколько возможный результат, и на этой основе – цель, смысловой вектор существования индивида, само острие этого вектора.

Далее, раскрывая возможное место ощущений в организации поведения, от вопроса «зачем?» мы переходим к вопросу «как?» (то есть как возможно, чтобы «простое» ощущение конфигурировало сложное поведение). Суть возможного ответа состоит в следующем. Нет ощущений, изолированных друг от друга. Любое ощущение соотносено с ощущением, ко-

торое ему непосредственно предшествует и за ним следует, существует на фоне других ощущений или само образует фоновое ощущение по отношению к какому-либо другому. Нет, и не может быть единичных, замкнутых на себя ощущений; в субъективном пространстве-времени они сосуществуют друг с другом. Иными словами, иллюзия полагать, что ощущения бывают «точечными». Они всегда «заполняют» области субъективного опыта, а значит, заключают в себе **границу**. Так, «синее» отграничено от «красного», «этот запах» от «того» и т. п. Они ограничивают и ограниваются друг друга. Длительность и пространственность ощущений неразлучны (интересно, что сказал бы по этому поводу А. Бергсон?). Усилим тезис, «соберем» мысленно ощущения в отдельные «психические состояния», образуем *паттерны* ощущений. И если нам удастся это мысленное собирательство, то мы будем готовы сказать, что ощущения способны к образованию *форм*. А если так, то границы и основанные на них формы сочетания ощущений приобретут в наших глазах искомую функцию. Мы сможем рассматривать их как нечто, способное **направлять (структурировать)** поведение, – конфигурировать потоки активности. Ибо форма заключает в себе пространственное определение, структуру (так же как перфокарта с отверстиями, образующими определенный рисунок). Такая структура способна опосредствовать активность, сказываясь на ее протекании.

Таким образом, тело – инструментально; душа – самоценна. Организм есть машина, *поставляющая* ощущения и *опирающаяся* на них в своем функционировании. Как же это происходит? И какова перспектива динамики?

Предположительно, это происходит так. Сначала, в результате телесных контактов индивида со своим окружением, спонтанно, в его психике появляются ощущения, имеющие определенный гедонистический тон («приятное» – «неприятное» и т. п.). Далее, в психике фиксируется маршрут, приводящий к таким ощущениям (поскольку переживание имеет форму, возможно управление поведением, ведущим к позитивному результату). Там где возможно говорить об управлении со стороны субъективного, мы всегда находим следы наслаждения и страдания; вкрапление опыта притягательных и отталкивающих переживаний. При автоматизации поведения, переживания, производимые психикой, имевшие гедонистический знак, становятся необязательными и покидают субъективную сферу.

«Пограничный» статус психического объясняет феномен перманентного поиска и реинтерпретации психологией своего собственного предмета (время от времени психология как бы утрачивает свой предмет), «исчезновения» фундаментальных психологических категорий и понятий. На протяжении истории психологии встречались случаи отрицания психологами реальности «ощущения», «внимания», «воображения», «мотива», «воли», «деятельности», «субъекта» и др. Примером может служить высказывание Х. Хекхаузена, описывающее онтологический статус «мотива», базовой категории психологии: «Собственно говоря, *мотивов* не суще-

ствуем» (подразумевается, что это – конструкт нашего мышления). Между тем, предлагаемое здесь понимание психики исходит из признания **реальности** её бытия: психика, по отношению к объективному и субъективному, есть «нечто третье» – особый род бытия, описываемый понятиями «спредельное», «переходное», «связующее».

Процессы и состояния, объединяющие внешние и внутренне образующие бытия индивида, объективные и субъективные измерения его жизни, опосредствуют движение «извне во внутрь» и «изнутри во вне». В первом случае имеется в виду «перенос» форм внеположных индивиду объектов во внутренний, субъективный план (познание в широком смысле), во втором – встречное движение (порождение и воплощение во вне внутренних моделей мира).

Это не означает, что содержания субъективного, все без остатка, могут быть сведены к каким-либо внешним воздействиям, имея свой прототип во вне и являясь копиями (отражениями) этого прототипа. Точно также и объективное сохраняет своего рода дистанцию по отношению к психическому: не всё в объективном актуально «переводится» психикой в субъективный план и не всё являет собой воплощение субъективного. Но каждый процесс, каждое состояние или свойство психики представляет собой единство «центростремительной» (ориентировочная активность) и «центробежного» (исполнительная активность) переходов объективного в субъективное и субъективного в объективное.

Когнитивные акты, такие как восприятие, память, воображение реализуют переход «извне во внутрь» (во всех случаях этот переход опосредствуется активностью индивида, направленной во вне).

Акты поведения – импульсивные, произвольные и волевые формы активности – реализуют обратный переход «изнутри во вне» (данный переход опосредствуется процессами, ориентированными противоположным образом – извне во внутрь).

В противоположность «центростремительному» и «центробежному», мышление уравнивает оба процесса, придавая статус реальности тому, что до этого существовало в субъективном плане (воображение, гипотезы о мире), и в то же время – статус субъективного отношения, существующим во вне.

Подобно психическим процессам, психические состояния также – переходное звено между субъективными и объективными аспектами жизнедеятельности индивида: они реализуют функцию воспроизводства ситуации и играют регулятивную роль. В некоторых случаях психические состояния способны «порождать» свой объект, то есть являются самоподтверждающимися (так, страх оступиться повышает вероятность падения, ревность «порождает» соперника и т. д. и т. п.).

Отдельные психические процессы и состояния выступают в единстве, образуя целостные системы активности, реализующие взаимопереходы объективного и субъективного. Таковы – «предметная деятельность»

(в трактовке А. Н. Леонтьева [38].), установка (в теории Д. Н. Узнадзе [125].), «настроение» (в концепции М. В. Басова), «Я» (как особая *идея*) и др.

Психика относится к субъективным продуктам собственного творчества (мир субъективных явлений) так же, как и к объективной реальности: копирует нечто в том, что она сама создала, опускает что-то при этом, усиливает подчеркиванием, «группирует» наново. Эффекты восприятия двойственных картинок, «фигура-фон», перестук колес, в котором человек способен по своему произволу слышать то один стихотворный размер, то другой и т. п., всё это – творения психики, результат вторичного психического отражения того, что уже было ранее отражено.

Из определения психики следует, что существуют осознаваемые (присутствующие в субъективном плане) и неосознаваемые ее содержания. Психика – и исторически (в филогенезе и онтогенезе), и логически (в соответствии с приведенной дефиницией) – непосредственно неосознаваемое образование. Осознание основано на отражении (рефлексии) психического в субъективной сфере индивида; сознание – своего рода **автопортрет** психики вместе с ее предпосылками и результатами.

Мир субъективного объединяет в себе всё, что есть для меня и единственно для меня, включая и мой собственный образ, в котором всё это есть. Вопреки сложившемуся убеждению, моё «Я» ничего не воспринимает, ничего не видит. Есть только картинка, среди которых и картинка того, кто «смотрит», и даже картинка того, будто бы он что-то «видит». Но, разумеется, на этой картине нет *зрения* как особого процесса превращения нарисованного объекта посредством нарисованного субъекта в картинку образа объекта в голове у нарисованного человечка. «Видимое», «Видящий», «Видение» – суть феномены субъективного, то есть «картинки»; а «зрение» – это просто слово (оно субъективно дано как звучание), обозначающее стрелочку трансформации «видимого» в «*видение*» «видящим».

Таким образом, мы осмысливаем идею восприятия в терминах «есть» – «нет» «на картинке». При этом, как можно убедиться, мы устраняем лопа-тинского «человечка в человечке», – упраздняем саму идею воспринимающего «гомункулуса». Показываем, – рисуя, – что сам гомункулус – это фантом, включенный в структуру картинки, порождаемой мозгом. Иначе говоря, мы налагаем вето на гипостазирование (придание статуса объективно сущего) того, что является не более чем конструктом-картинкой.

Таким образом, глобальный конструкт «психика», в значении посредника между «объективным» и «субъективным», реализует в себе исторически складывающиеся представления о взаимодействии и взаимосоответствии («сосуществовании», «параллелизме») внешнего и внутреннего, телесного и душевного, идею нерасторжимости объективного и субъективного атрибутов бытия индивида ⁴.

⁴ В рамках теоретической психологии «психика» раскрывает себя в системе биологических, протопсихологических, базисных, метапсихологических категорий и экстрапсихологических (экзистенциальных) категорий теоретической и практической психологии [91].

В заключении сформулируем положение, имеющее гипотетический, а с точки зрения кого-нибудь из скептиков, явно фантастический характер. Суть вот в чем. Если мы правы, и психика, – обладая способностью отражать мир, – сама по себе остается неотразимой, то правомерен вопрос об эволюционном смысле психического (в качестве такой невидимой силы, способной производить переживания и направлять поведение). Думаю, что этот вопрос, о психике-невидимке, если только отважиться его поставить, заключает в себе и ответ. Кажется разумным считать, что, располагая такой волшебной способностью (выше мы назвали ее «дивом творения»), индивиды приобретают дополнительные возможности достигать своего, чувствуя защищенность, – особые конкурентные преимущества. Его цели, планы, эмоции, всё это – только внутри индивида, и соглядатаям недоступно. Таким образом, психика-невидимка скрывает от чужих глаз то, что должно быть действительно невидимо, и в этом возможный эволюционный смысл ее потаенности.

ГЛАВА 2

«Субъект» (индивид как *causa sui*)

Активность как причинность причины. Понятие «субъект» описывает индивида со стороны его *активности* – деятельного состояния живых существ как условия их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении, оно содержит в себе источник своего движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения. Восстанавливается энергия, структура, процессы, функции живого существа, его места в мире, вообще говоря, любые измерения его жизни, относящиеся к разряду его существенных и неотъемлемых свойств. Говоря об индивиде как психофизической целостности, поставляющей ему *образ себя* (исток того, что, со временем, раскроет себя как *Я*), мы вступаем на территорию *субъекта* активности. «Быть субъектом» – это значит направлять процесс воспроизводства изнутри, быть «причиной себя», опираясь на образ себя в мире (рис. 6).

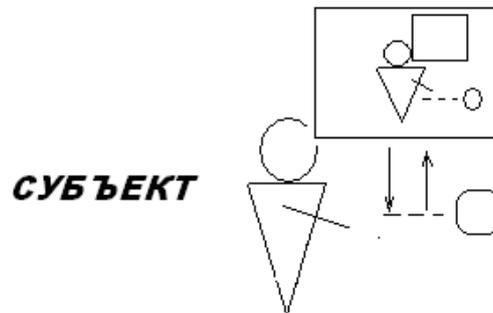

Рис. 6

Однако субъект не просто повторяет себя, каким он был для себя прежде. Новые и новые витки активности устремлены к условиям предшествующих достижений. Сейчас воспроизводится то, что прежде служило средством воспроизводства. Стирается грань между «средством чего?» и «зачем?» Условия жизни входят в состав самой жизни. Осуществляется то, что может быть названо *расширенным воспроизводством*. И такова определяемая здесь *идея субъектности* индивида: «быть субъектом» – это значит быть источником расширенного воспроизводства своего бытия в мире.

Эта идея гласит: «Поскольку я сознаю себя субъектом, постольку я приобщаю к себе и превращаю в себя то, что было для меня инструментом жизни; внешние предпосылки и условия жизни становятся внутренними предметом и содержанием жизни; средства превращаются в цель».

Всем сказанным определяются четыре атрибута субъекта:

1) субъект есть целеустремленный (то есть целеполагающее и целедостигающее) индивид: иначе ни о каком «воспроизводстве» нет, и не может быть, речи;

2) субъект есть рефлектирующее индивид, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;

3) субъект есть свободный и ответственный индивид (никто, кроме него самого, не инициирует и не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о мере его завершенности);

4) субъект есть развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности, условия и способы самовоспроизводства⁵.

Как видим, сквозной характеристикой субъектности индивида является его активность, которая, в нашем понимании, обеспечивает расширенное воспроизводство его жизни.

Рассмотрим некоторые формы того, что мы называем «расширенным воспроизводством».

Инновационное моделирование. Хотя и говорят, что единственный урок истории состоит в том, что из нее не извлекают уроков, человек все-таки учится на своих ошибках, а то, что обеспечило ему когда-то успех, старается закрепить. Таким образом, суть того, что мы обозначаем как *инновационное моделирование* состоит в том, что индивид извлекает уроки из собственного опыта, повторяет – реально или мысленно – действия, в результате которых он пережил что-то важное для себя, будь то положительный или отрицательный эффект содеянного. Для тех, кто предпочитает строгие формулировки, сказанное может быть выражено следующим образом. ***Если событие X обуславливает значимые для индивида последствия S(X), то связь $X \rightarrow S(X)$ становится предметом воспроизводства, – независимо от сферы локализации X (“внутри” или “вне” индивида) и независимо от знака (“+”, “-”, или “?”) последствий S(X).*** Для слуха читателей, искушенных в области политической экономии, та же мысль может быть выражена в терминах *воспроизводства средств производства*, если, говоря о производстве, иметь в виду *порождение значимых для индивида последствий его активности*. В одной из своих частей принцип активного возобновления опыта, ведущего к значимым для индивида результатам, описан одним из пионеров исследования поведения, американским психологом Э.Торндайком. Таков – *закон эффекта*. Этот закон гласит: “Некоторые из реакций на одну и ту же ситуацию, а именно те, что сопровождаются у животного чувством удовлетворения или вслед за которыми это чувство наступает, будут более тесно связаны с ситуацией, а когда та повторится, эти реакции, скорее всего, тоже повторятся; те же из реакций, что сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится” (Торндайк, 1911).

⁵ Впервые данное понимание «субъекта» было опубликовано мною в главе 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» (под общей редакцией проф. А. В. Петровского). М., Академия, 1996, включено в «психологические словари» и «словники», а также (без упоминаний авторства, лишь отягощающих написание и чтение) в многочисленных публикациях и диссертациях коллег [79].

Иначе говоря, из закона эффекта следует, что если X было средством достижения *позитивного* результата Y , то X превращается для индивида в предмет воспроизводства (составляет для него внутреннюю цель устремлений). Средства *успешного* производства воспроизводятся, или, что то же самое, индивид *возобновляет* активность, подарившую ему успех. Закон эффекта Торндайка, однако, тенденцию к повторению распространяет лишь на случаи успешного исхода опыта. Более того, Торндайк специально подчеркивает (такова вторая “часть” закона эффекта), что реакции, которые “сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится”. Иначе говоря, согласно Торндайку, неуспех, скорее, стимулирует реакцию избегания повторения.

Между тем, сформулированное нами правило восстановления активности, приведшей к значимым последствиям, распространяется и на случаи вызванных негативных эффектов. Предполагается, что человек будет возобновлять соответствующую активность – до тех пор, пока он не воссоздаст образ связи между своими действиями и их негативными последствиями.

И, наконец, необходимо принять также, что в результате активности могут выявиться эффекты, смысл которых требует *дополнительного определения*. Временами их нельзя подвести под одну категорию или измерить единой мерой, и они могут быть описаны (должны быть *прожиты*) лишь как сочетание противоположностей. Познавая, мы сталкиваемся со всевозможными парадоксами, например, – логическими апориями; в поле нашего зрения оказываются иллюзорные объекты, магические картинки, фигуры невозможного. Действуя, мы порожаем противоположные последствия своих действий (например, добро и зло одновременно). Чувствуя, мы испытываем: “любовь-ненависть”, “творческое предстояние”, “смирение – (что паче гордости)”, переживание “комического” (в нем сочетается несочетаемое, а точнее осуществляется знаковое отождествление неотожествимых знаков) и т. д. Движение человеческой деятельности постоянно порождает переживания, в которых “сходятся” противоположности, смешиваются полярные чувства. Кроме того, среди значимых последствий опыта могут быть события, ценность которых пока еще не выявлена. Их значимость будет осмыслена позже, но уже сейчас о ней можно вести речь, и состоит она в том, что таковы события, которые прояснятся благодаря *возможному* опыту. Условия появления таких событий в человеческой жизни, разумеется, также подлежат моделированию.

Рассмотрим рассмотренные формы инновационного моделирования подробнее.

Эвристическое моделирование. Слово “эврика”, как известно, означает “нашел!”. Эвристическое моделирование – это попытка ответить на вопрос “как нашел?” Поделимся с читателем одним наблюдением над че-

ловеком, манипулирующим с головоломкой. После многократных неудачных попыток решить головоломку, представляющую собой разъемную металлическую конструкцию из двух частей (жесткие изогнутые проволоки, которые необходимо разомкнуть), человек на время прекращает активные пробы. При этом он опускает руки, и не глядя, как бы инерции, продолжает вертеть головоломку в руках. И что же? По прошествии небольшого времени – головоломка решена! Оказывается, *не глядя*, решить ее проще, чем под контролем зрения. Любопытно, что, вновь получив ту же головоломку (собранную), он по-прежнему испытывает трудности в решении. *Необходима специальная активность по восстановлению случайно найденного решения.* При этом то, что было случайным условием достижения значимого результата, превращается в предмет самооценной активности. Этот процесс представляет собой выдвижение и проверку *гипотез*.

Никакое научение и, следовательно, развитие человека было бы невозможно, если бы не действие описанного механизма *самообучения*. Являясь условием какого бы то ни было обучения, он сам в свою очередь не является следствием какого-либо обучения, имея у человека врожденный характер. Об этом свидетельствуют, в частности, замечательные эксперименты с младенцами, проведенные Папусеком (1969). Приведем развернутую цитату из книги Б. Бауэра “Психическое развитие младенца”, [6]) (объем выдержки может рассматриваться читателем как косвенный показатель значимости обсуждаемых материалов для пояснения высказанной здесь идеи самооценного инновационного моделирования).

В эксперименте “младенец может включить свет, поворачивая голову. Большинство двух-трех месячных младенцев несколько раз включат свет за довольно короткий промежуток времени. Затем частота поворотов головы падает ниже того уровня, который служит критерием научения. Она не увеличивается до тех пор, пока сохраняется устойчивая связь зажигания света с поворотом головы налево. Допустим, что экспериментатор меняет направление связи: свет зажигается при повороте головы вправо. Рано или поздно младенец повернет голову налево и свет не зажжется. В этом случае он сделает большое количество поворотов влево. А потом обнаружение правой схемы, показателем чего является непродолжительная высокая частота поворотов направо, которая затем уменьшается, если ситуация не меняется, эта частота тоже останется низкой.

Если схема подкрепления вновь меняется, так что для включения света необходимо сначала поворот головы налево, а потом поворот направо, то частота правых поворотов возрастет после первой попытки, когда свет не зажжется; частота левых поворотов тоже увеличится, и наконец, младенец повернет голову налево, потом направо, и включит свет. После краткого роста частоты поворотов налево-направо, частота уменьшится и будет постоянной до тех пор, пока ситуация не изменится. Перемена программы подкрепления выявляет вспышку активности, которая прекращается после обнаружения правильной комбинации поворотов. Таким обра-

зом, ребенок осваивает довольно сложные последовательности движений: например, направо-направо-налево-налево. Рост активности наблюдается каждый раз со сменой ситуации. Исследования показывают, что эта активность неслучайна. Младенец как бы перебирает ряд гипотез, испытывая последовательности движений, чтобы выяснить, которая из них эффективна в данный момент. Обнаружив правильную, он проверяет ее несколько раз и затем прекращает вынужденную активность. Она опять увеличивается лишь в том случае, когда предыдущая последовательность перестает быть применимой. Наблюдения за поведением младенца достаточно ясно, что световые раздражители не являются мотивирующим фактором.

Когда начинается проверка гипотез, младенец после первого успеха почти не смотрит на источник света. Он бросает на него мимолетный взгляд для того, чтобы убедиться, зажегся он или нет. Убедившись, что свет зажегся, он может проявить признаки удовольствия, но при этом не обращает внимания на источник света, который явно не является причиной его удовлетворения. Таким образом, удовлетворение от решения задачи стало достаточным для того, чтобы служить мотивом внешнедвигательной и умственной деятельности младенца. Если экспериментальная ситуация допускает возможность взаимодействия, ребенок покажет, что он может обучаться; если единственным мотивом является перспектива награды, то он этого не продемонстрирует.”

Механизм эвристического моделирования, по-видимому, лежит в основе игры и служит одним из *необходимых* критериев выделения игры среди других в особый вид активности (кстати сказать, сформулировать такой различительный критерий отнюдь не легко!). “В процессе развития обычно личную значимость и привлекательность естественно приобретают прежде всего те действия и те проявления личности, которые, становясь ей уже доступными, еще не стали для нее повседневными. То, что ребенку впервые удалось сделать, будь то хотя бы впервые ему удавшиеся открытие двери, поворачивание ручки, именно потому, что это для него достижение, что это какая-то удача, приобретает значимость, привлекательность, в силу которой переходит в игровой план: ребенок начинает раз за разом открывать и закрывать дверь, снова и снова повертывать ручку, не потому, что сейчас практически нужно открыть дверь, а потому, что это действие бессознательно радует его, как выражение его достижений, его успехов, его развития; действия уже привычные, повседневные утрачивают интерес и перестают быть темой игры. *Именно новые, только народившиеся, еще не укрепившиеся как нечто привычное, приобретения* развития по преимуществу входят в игру. ...Ребенок, конечно, не для того играет, чтобы приобрести подготовку к жизни, но он, играя, приобретает подготовку к жизни, потому что у него закономерно появляется потребность разыгрывать именно те действия, которые являются для него новоприобретенными, еще не ставшими привычными” (С. Л. Рубинштейн, 1946, [109]).

ОБСУЖДЕНИЕ. Не обратил ли читатель внимание, прочитав приведенный отрывок, на слова “бессознательная радость”? Речь здесь, конечно, не идет о каких-либо мифических “бессознательных переживаниях”: для С. Л. Рубинштейна переживание всегда входит в сознание, а выражение “бессознательные переживание” есть не что иное, как противоречие в терминах. Применительно к данному случаю, подразумевается, что эти переживания самоценны, не “заказываются” заранее ребенком для осуществления какой-либо сторонней практической цели. Сверх того, заметим, что эти переживания, прежде чем они были впервые испытаны, конечно, не были и не могли быть заранее предметом устремлений ребенка, точно так же, как не было загодя определено и действие, породившее их. Вполне возможно при этом, что действие строилось в направлении той или иной цели; однако рождению эффективного действия здесь, как и всегда, помог случай. Ибо в силу случайного стечения обстоятельств, впервые рождается у человека нужная комбинация управляющих поведением импульсов, и соответственно, появляется специфическое чувство успеха от выполнения именно этого действия. И уже после этого, вслед за тем, что свершилось, ребенок прицельно станет воспроизводить в содружестве то и другое. Момент случайности здесь имеет принципиальный характер, выражая собой общую закономерность развития. “Движение, – утверждал создатель концепции физиологии активности Н.А.Бернштейн, – не детерминируется полностью эффекторным процессом”. Иначе говоря, импульсы регуляции поведения, бегущие от центра к периферии, никогда не бывают достаточными для построения эффективного действия; последнее не может быть заранее предусмотрено и предрешено в “центре”; динамическим “материалом” построения нужного действия, являются, как мы подчеркиваем, **случайные** события, закономерно отбираемые в направлении потребного результата. Таким образом, то, что содействовало успеху предприятия как его случайно найденное условие, превращается теперь в предмет самостоятельного устремления человека, [11].

Фрустрационное моделирование. Отсев предполагает посев. Для того, чтобы отсеять неуспешное действие, неожиданно приведшее к неуспеху, его нужно восстановить – хотя бы в памяти! Иначе говоря, приходится повторять неуспешные пробы, для того чтобы убедиться в их неуспешности. Эту особую форму инновационного моделирования можно обозначить как *фрустрационное* моделирование (от слова *фрустрация* – от лат. *frustratio* обман, неудача, тщетная надежда – “состояние подавленности, тревоги, возникающие у человека в результате крушения надежд, невозможности осуществления целей). Предполагается, что вслед за пережитой фрустрацией как результатом *случайного* происшествия, человек нацеливает активность на моделирование условий, повлекших неуспех или травму. Иногда – это ориентировочная активность, производимая в плане образа ситуации, связанной с негативным исходом. Но в ряде случаев не ис-

ключено и практическое моделирование условий, ведущих к неблагоприятному результату.

Начнем с обсуждения вопроса, который мог бы быть сформулирован в несколько гротескной манере, а именно: ”Сколько раз, на ваш взгляд, умный человек может наступить на грабли?” Не спешите с ответом. Предлагается следующий возможный ответ: 1,5 раза. В первый раз человек наступает на грабли совершенно случайно (не уберется!); второй раз – в условном (идеальном) плане. Зачем? – Для того, чтобы в следующий раз не наступить наяву. Другой пример. Человек опасается темноты, но тем не менее проходит темный тоннель. Почему? Человек удостоверяется в истинности или беспочвенности своих опасений. Страх, который он при этом испытывает, есть следствие *идеального проигрывания* действий, которые подкреплялись болью или другими экстремальными воздействиями. Проверка же своих опасений в данном случае осуществляется в плане *реального действия*, которое может устранить страх или подтвердить его обоснованность (порою, такая проверка включает в себе реальную угрозу, и оказывается дезадаптивной).

Под этим углом зрения могут быть осмыслены (и переосмыслены) многие факты, полученные в экспериментальных исследованиях и наблюдениях. Например, в экспериментах В. М. Бехтерева испытуемый подвергался легкому удару электрического тока после сигнала. Предполагалось, что в этом случае должен сформироваться “сочетательный рефлекс” избегания (отдергивание). Однако, совершенно неожиданно выяснилось, что в некоторых случаях испытуемый намеренно держит палец на электроде после сигнала. Это бывает, когда испытуемый подозревает, что его хотят подвергнуть какому-то неизвестному испытанию. С точки зрения высказанной здесь гипотезы фрустрационного моделирования, такой испытуемый своими действиями “идет на обострение” во взаимоотношениях с ситуацией, проясняя для себя ее смысл, провоцируя возможные стрессовые воздействия для дополнительной ориентировки в условиях, которые их вызывают. В данном случае моделирование связи между действием и негативной стимуляцией осуществляется человеком намеренно и при том в реальном плане. Но такая ориентировка может иметь совершенно произвольный характер, протекая в плане действия, представления или мысли. В экспериментах Д. Маркварта и П. Арнольда (1952) испытуемый должен был нажать на кнопку в ответ на одну из двух предъявляемых карточек с рисунками. При правильном выборе в экспозиционном аппарате открывается дверца и испытуемый получает карточку. При неправильном выборе испытуемый получает удар электрическим током в руку. После нескольких повторений экспериментатор меняет условия эксперимента, и теперь испытуемого время от времени наказывают током независимо от выбранной карточки. Теперь задача неразрешима. В результате одна из реакций выбора упрочивается и ее непоколебимость тем заметнее, чем чаще она наказывается. Майер (1949), изучавший подобные реакции у живот-

ных, обозначил их как “поведение без цели”. Если принять гипотезу фрустрационного моделирования, то речь могла бы идти о моделировании индивидом условий негативного опыта, о наказании этих попыток, которое, вместе с тем, является знаком точности (“успешности”) нахождения связи между действием и его негативным результатом: наказание здесь подкрепляет реакцию (как бы подтверждая: “Да, ты не ошибся, этого делать нельзя!”); и, таким образом, действие, ведущее к наказанию фиксируется. Прикованность внимания к запрещенному действию – показатель значимости и вместе с тем побудитель той скрытой работы, которую предпринимает субъект, чтобы зафиксировать связь между попыткой и наказанием. Одной из загадочных, на первых взгляд, закономерностей в протекании аффективных, то есть сильных и относительно кратковременных эмоциональных переживаний, является их сдвиг к концу события (Клапаред). Если негативные переживания, связанные с действием, уподобить грому, то угрожающие события сравнимы с молнией; гром – устрашает, но опасен не он, а молния, блеснувшая прежде. В чем же тогда функция страха? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в том, что аффекты служат образованию специфического опыта – “аффективных следов, определяющих избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект” (А. Н. Леонтьев, [38]). Отметим непроизвольность, а порою и насильственность активности подобного “полезного” слеодообразования. И, наконец, многие духовные искания, испытания и борения (например, муки совести, знаменитое русское «эх, пострадать бы!», “поиски смысла” – В. Франкл, А. Н. Леонтьев и др. [38]), по-видимому, обязаны своим происхождением активности фрустрационного моделирования.

Моделирование ограничений. Первоначально условия потенциально успешного действия отделены от условий, вызывающих неуспех, невидимой и неосязаемой чертой. Чарли Чаплин в фильме “Новые времена” идет вдоль границы – одна нога на территории одной страны, другая – на территории другой. В жизни ситуация, порою, сложнее. Граница скрыта от глаз, и только действуя, человек способен прочертить границу между действиями, порождающими альтернативный исход. “Бытие на границе” – жизненная проблема многих людей, но иногда граница как таковая становится притягательной: человека привлекать сама возможность “пройтись по краю”, – между успехом и неудачей, падением и победой, катарсисом и фрустрацией (В. А. Петровский, 1971, 1975, 1990 – [66], [67], [78]).

Моделирование ограничений – это попытка ответить на вопрос, в каких пределах я могу сейчас знать что-либо, обладать чем-либо, действовать. Если что-то и ограничено, то *чем?* – решает для себя человек, пытаясь изведать, что могла бы означать частичка “не” в словах: “неизвестно”, “невероятно”, “невыносимо”, и частичка “бес” в словах “бесконечно”, “беспричинно”, “бесполезно”. В этой устремленности человека в *запределье*, к постижению того, **что** ограничивает, – источник непрагматизма и даже видимой иррациональности поведения.

Тенденция моделировать ограничения, как показывают исследования, в возрастном развитии проявляется очень рано. В специальном эксперименте (В. А. Петровский, Е. И. Кузьмина, 1980, [78]) создавалась ситуация, когда детям без каких-либо разъяснений запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половину комнаты от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. У детей обеих групп наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли до этого убедиться дети, ничего интересного для них не было (она была пуста), а в “разрешенной” половине комнаты находились игрушки и даже рояль, на котором дети могли “музыцировать”. Младшие дети выбегали за запретную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали: выходить или нет, а потом все-таки отваживались переступить через разделительную черту. Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое “законное право” проследовать за ним. Предприняв этот маневр, они возвращались в разрешенную часть комнаты (таков аналог побудительной силы запрещенного действия из известно сказки Шарля Перро “Синяя борода”, что дает название феномену, обнаруженному в эксперименте – “*феномен Синей Бороды*”). В отличие от известного житейского факта под названием: “запретный плод сладок” (подтверждение чему было найдено в остроумных экспериментах Д.Брема и Е.Розен, в экспериментальных условиях запрещавших детям есть одно из нескольких пирожных, после чего оно оценивалось как более вкусное), феномен Синей Бороды – свидетельствует в пользу “чистой” побудительной силы запрета, – привлекательности *границы* как таковой [78], [105].

Влечение к границе входит в состав сложных форм мотивации поведения: в сфере познания (здесь притягательна граница между известным и изведанным), творчества (граница между возможным и невозможным), риска (граница между благополучием и угрозой существованию), игры (граница между воображаемым и реальным), доверительных контактов между людьми (граница между открытостью другим людям и защищенностью от них) и т. п.

Моделируя ограничения, человек смещает демаркационную линию между доступным и недоступным, создает новые границы, чтобы вновь переступить их. Его деятельность *движется*, а сам человек *развивается как личность*.

Функциональная автономия и взаимодействие форм активности. Инновационное моделирование в единстве трех описанных его форм (эвристическое, фрустрационное и моделирование “границ”) может рассматриваться как механизм порождения высших ступеней активности из низших (предлагаем читателю еще раз обратиться к тексту раздела “Феноменология активности” и проанализировать возможное действие этого механизма как условия возникновения новых форм). Г.Олпортом был сформулирован принцип “функциональной автономии”, состоящий в том, что

данное проявление активности может стать самоцелью (самоподдерживающимся мотивом), несмотря на то, что первоначально оно осуществляло иные цели (осуществлялось по иным причинам). Излагая свою точку зрения, Г.Олпорт указывает, что она созвучна более ранним формулировкам других исследователей, таким как утверждение, что механизмы могут превращаться в побуждения (Вудворт), что “средства-объекты” могут “вступать в свои права” (Толмен) и др. Сегодня к этим формулировкам можно добавить и такие, как “манипуляционное побуждение” (Харлоу), “частичная необратимость” (Соломон и Винн), а также “сдвиг мотива на цель” (А. Н. Леонтьев, [38]) и др.

Обращаясь к процессам инновационного моделирования и распространяя на них принцип функциональной автономии (превращения их в фиксированные формы поведения), необходимо отметить возможную противоречивость ее последствий для жизни личности. Эвристическое моделирование – источник роста личности, однако, если допустить, что оно становится нерушимой чертой любого опыта, то мы будем втянуты в пучину “дурной бесконечности” неостановимого подведения базы под свои успехи (событие X восстанавливается как условие события Y, событие Z – как условие события Y и так далее, до бесконечности); и, кроме того, в этом случае приобретет силу критика принципа функциональной автономии со стороны Берточчи (“если какая-то форма поведения потенциально способна стать устойчивым мотивом, то что должно защитить индивида от развития своего рода психологической анархии, при которой противоречивые и прямо противоположные мотивы будут возникать в организме и рвать его на части?”). Фрустрационное моделирование – в ограниченных пределах – также оправдано интересами жизни и развития индивида. Но если оно приобретает функциональную автономию (то есть фиксируется в качестве одной из ведущих сил поведения), то перед нами пример невротического развития. И наконец, моделирование “ограничений” – без чего немислим ни индивидуальный и социальный прогресс, в не меньшей мере нуждается в ограничении: фиксация, в качестве автономной, тенденции во всех случаях моделировать “границы” может стать причиной индивидуальной и социальной дезадаптации личности.

Единство адаптивных и неадаптивных проявлений активности. Одной из господствующей ориентаций в эмпирической психологии личности является принятие “постулата сообразности” – особого принципа понимания источников и механизмов активности. Говоря о “постулате сообразности” (В. А. Петровский, 1975[64].), мы имеем дело с определенной методологической предпосылкой, объективно представленной в мышлении исследователей. Слово “сообразность”, согласно В. Далу, означает “соответствие чего-то чему-то”. В данном случае речь идет о соответствии, сообразуемости того, что происходит с индивидом, предустановленному в нем. Итак, суть постулата заключается в том, что индивиду приписывается изначальное стремление к “внутренней цели”, в соответствии с которой

приводятся все без исключения проявления его активности. По-существу, речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Понятия "активность", "адаптивная направленность" и т. п. трактуются здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования и т. д.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует "полноценность" субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также процессы "самоприспособления": саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т. п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет также о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фиксированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т. д. Приспосабливает ли индивид себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам – в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, базис для которых уже сложился, определен в прошлом. "Отсекается" все, что избыточно по отношению к этим исходным ориентациям. Не следует, конечно, смешивать понятия "адаптивность" и "репродуктивность": адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, "незаданными", адаптивными их делает наличие ответа на вопрос "зачем?".

Но это, в свою очередь, значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос "зачем?" – Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как "адаптивные" и "неадаптивные". Постулат сообразности и заключается в открытом или скрытом признании такой Цели и приписывании ей роли основного "вдохновителя" и "цензора" поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивид в каждый момент времени "хочет сделать что-то", т. е. "устремлен" к какой-то цели, смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая, в конечном счете движет поведением, каким бы противоречивым и неразумным не представлялись при "поверхностном" наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

Существуют логические и эмпирические аргументы против точки зрения универсальной сообразности психических процессов и поведенческих актов человека. Суммируя эти аргументы, можно сформулировать альтернативный взгляд, – "принцип неадаптивности". Вначале представим себе, чем обернется для идеи субъектности человека как личности принятие постулата сообразности за универсальный принцип интерпретации по-

ведения, психических процессов и состояний? Отвечая на этот вопрос, мы поначалу отвлекаемся от обсуждения конкретных форм воплощения постулата, обусловленных спецификой Цели, которая предпосылается активности индивида. Оказывается, уже чисто логически, – минуя анализ этих исторически сложившихся форм, а также – факты, которые могли бы решительно “высказаться” в поддержку или против принятия данного постулата, можно вывести из него весьма важные следствия. Можно ли считать, что человеку, чья активность удовлетворяет условиям “постулата сообразности”, присущи такие черты, как *свобода, целеустремленность, целостность, развитие*, – черты, которые мы хотели бы видеть в личности (а, точнее, привычно считаем чертами, присущими человеку как личности)? “Свобода”. За счет существования изначальной Цели, индивид выглядит значительно более свободным существом, чем любая вещь в “цепях причинности”. Говоря “Я хочу”, “Я стремлюсь”, “Я совершу это”, человек трактует себя как причину происходящего – причину среди причин, – и в этом же акте он противопоставляет себя всему остальному миру причинности, выделяет себя из причинно-следственного ряда как независимую силу. Но здесь же и иллюзия свободы: воспринимая себя как причину, человек не замечает, что сам он зависим. Ведь это Цель, которая изначально присутствует в нем, диктует ему путь и ориентир действий, и в рефлексии, – а “постулат сообразности” направляет ее, – он будет вынужден признать свою несвободу, действие независимой от него, но обязательной для него Цели.

“Целеустремленность”. Она здесь не более, чем заданность, – предтерминированность целеполагания и целедостижения исходным телеологическим отношением. Говоря, что человек ставит перед собой ту или иную цель, мы должны каждый раз иметь в виду, что, в сущности, речь идет только о многоликих воплощениях одного и того же: Цель (с большой буквы), кристаллизуется во множестве “промежуточных целей”, каждая из которых – лишь средство осуществления вышестоящей или вышестоящей. Но тогда любой индивидуальный акт есть, в конечном счете, проявление внешней целесообразности – все есть лишь средство для осуществления чего-то и лишено самоценности.

“Целостность”. “Постулат сообразности” гарантирует единство всевозможных форм проявления активности человека. Все они, как если бы это была ось, вращаются вокруг телеологического отношения, принимаемого за основное. Но идея целостности (“целокупности”) есть, как известно, идея не простого единства, а единства в многообразии. Сомнение – как раз в этом пункте: о каком многообразии может идти речь, если проявления активности трактуются как существенно совпадающие между собой по своему действительному предназначению? Независимо от того, будут ли они рассматриваться как равнозначные с точки зрения главенствующей Цели или иерархизированные, существенная однородность их гарантирована. Используя метафору В. П. Зинченко, можно сказать, что лич-

ность выступает здесь как "административное учреждение", правда, в одном случае в виде одноэтажного здания с мезонином, а в другом – как пирамида с непременным "хозяином" на верхнем этаже. Целостность индивида при этом редуцируется, выступает как "одномерность" его бытия, единообразие его активности.

"Развитие". "Постулат сообразности" удобен тем, что он предрешает взгляд на человека как на самостановящееся существо. Имеющиеся холистические трактовки личности вполне адекватны этому постулату, что, несомненно, возвышает его в наших глазах. Однако существует и другое слово, не менее точно выражающее суть – "преформизм", принцип которого и состоит в "саморазвертке", "самораскрытии" того, что предзадано, предвосхищено в Цели. При подобном взгляде идея развития личности сводится к представлениям о "росте ее изнутри". Предметно-социальная среда существования человека выступает при этом в роли обстоятельств развития, имеющих внешний и случайный характер. Таковы последствия открытого принятия идеи "трансцендентального субъекта" для понимания личности как особой инстанции в организации эмпирического индивида. В представлении о личности как о целокупном субъекте активности вносятся существенные ограничения. По сути, мы стоим на пороге отрицания свободы, целостности, устремленности, развития человека как носителя личности: свобода здесь выступает как иллюзия самосознания, устремленность сводится к заданности, целостность – к единообразию, развитие – к самодетерминации в рамках предсуществующего. Импонирует ли Вам такой образ личности как "субъекта активности"? Кроме того, можно заметить, что ни гомеостатическая, ни гедонистическая, ни прагматическая разновидности постулата сообразности, увы, не могут постоять за себя, и более того, сами свидетельствуют против себя, как бы снимая себя изнутри "Гомеостатический" человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью. "Гедонистический" человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость, и должен постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; "прагматический" человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело (Э.Берн) – упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже. Итак, постулат сообразности несовместим с идеей субъектности и здесь мы сталкиваемся с дилеммой: либо – телеологическая парадигма, представленная различными вариантами "нацеленности" индивида на конечную Цель, и тогда человек бессубъектен, то есть не выступает как причина себя, либо – принятие идеи субъектности, и тогда постулату сообразности приходится потесниться, уступая свое место альтернативному принципу истолкования активности индивида.

Сказанное буквально подталкивает нас к тому, чтобы принять противоположный принцип истолкования активности, прослеживая отклоне-

ния в проявлениях активности человека от тех целевых ориентиров, которые, как предполагается, вызвали ее к жизни. Когда под этим углом зрения мы исследуем витальные контакты человека с миром, его предметную деятельность, общение, самосознание, то оказывается, что и они в телеологическом, то есть глубинно-целевом, мотивационном, отношении не безупречны: постоянная трансценденция, выхождение за пределы себя! (слово “трансценденция” происходит от лат. ...). Здесь правомерной аналогия с легендарным универсальным растворителем, который растворяет все, и поэтому его не в чем хранить. Таким образом, открывается целый класс явлений неадаптивности, – расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Заметим, что пафос, с каким обычно говорят, что “человек есть трансцендирующее существо”, – здесь не уместен ничуть. Ведь во всех этих случаях неадаптивность как выход за границы предустановленного имеет произвольный и непредотвратимый характер.

Впрочем, иногда, по поводу неизбежной трансценденции за границы заданного психологи торжествуют, что вполне оправданно. Например, когда утверждают, что “Деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание”, что “Созидание одно не знает границ” (А. Н. Леонтьев[38].), что “Мышление не делает ошибок” (А. В. Брушлинский, [15].) и др. Здесь трансценденция непосредственно совпадает с обогащением человека новым опытом. Но основания для оптимизма не всегда столь очевидны. Рассматривая телеологические иллюзии, мы обрекаем себя видеть также и то, что взор не ласкает. Феномены неадаптивности как неизбежности встречаются буквально во всех сферах человеческого бытия. ...Загадка: “Болезнь, от которой умирают все”. Разгадка: “Жизнь” (И. М. Фейгенберг). Это саркастическое свидетельство по своей лаконичности уступает знаменитой сентенции: “Жить значит умирать”, – но последняя, все-таки, начисто лишена психотерапевтического подтекста, свойственного первой. Приговор, который светская мысль подписывает индивиду как физическому существу (реализующему свои витальные отношения с миром), отдается эхом и в других сферах бытия человека. Ну, в самом деле: что есть, в сущности, познание мира, как не процесс продвижения человека к “ученому знанию о собственном незнании” (Н. Кузанский)? А какова на поверку созидательная активность людей (– три гордых слова! –), которой плоды-перевертыши неисчислимы? А мнимая – по своим последствиям – альтернатива доктрине созидания в виде принципа “недеяния”? Таким образом, и здесь, в сфере познавательно-практических отношений человека с миром, мы встречаемся с эффектами неадаптивности. Но то же можно сказать и процессах общения между людьми. То, что рождается в общении, – неизбежно иное, чем намерения и побуждения общающихся. Эгоистическая установка, если хотя бы какая-то из сторон придерживается ее, подтачивает общение и рано или поздно оно рушится; кто-то, как видно, слишком “тянул на себя”. Альтруистическая установка сводит на нет личное, подвигая другого (других) к бессознательной или беззастенчивой эксплуатации

жертвующего (позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т. п.). Кажется бы, “идеальная” позиция, сулимая “конгруентностью” в противовес “пристрастности”, увы, обуславливает ценностную нивелировку для нас тех, с кем мы вступаем в общение (“Любить всех – значит не любить никого” – писал Л. Н. Толстой). Если же от такой, вселичной, любви обратиться к обычной человеческой любви, например, в супружестве, то окажется, что и в ней моменты неадаптивности (в виде тех или иных форм эмоциональных проблем) заявят о себе со всей определенностью... Сфера самосознания людей не составляет исключения из правила. Интересная возможность для психологического исследования – феномен неуловимости “Я” в рефлексии: любая попытка осознать свое “Я” приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что, в свою очередь, порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, чувство того, что “главное” остается за чертой осознания. При обсуждении этой проблемы кажется целесообразным вычленение качеств “первого” и “второго” рода (В. А. Петровский, 1979, [80]). Качества первого рода (геометрические представления, “красное”, “боль” и т. п.) в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации; качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (в данном случае – рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлекслируемое оказывается безучастным к самой рефлексии: образ себя никогда не тождественен переживанию самости. Итак, феномены неадаптивности как неизбежности встречаются во всех без исключения сферах человеческого бытия. Они относятся к сущностным, а не к случайным его проявлениям. И мы не можем абстрагироваться от них, обсуждая проблему субъектности.

Итак, была ли “спасена” только что идея субъектности? – Ни в коей мере, наоборот! Она оказалась вновь под ударом. Человек, трансцендируя, отнюдь не “заказывал” себе бытия за чертой. Он не был во всех рассмотренных случаях тем, о ком можно было бы смело сказать: “субъект трансценденции”: выход за границы предустановленного осуществлялся, так сказать, “сам по себе (“мимовольно”). Более того, в самом несовпадении цели и результата активности индивид как бы утрачивал качество “быть субъектом”, ибо последствия действия оказывались неподконтрольны ему.

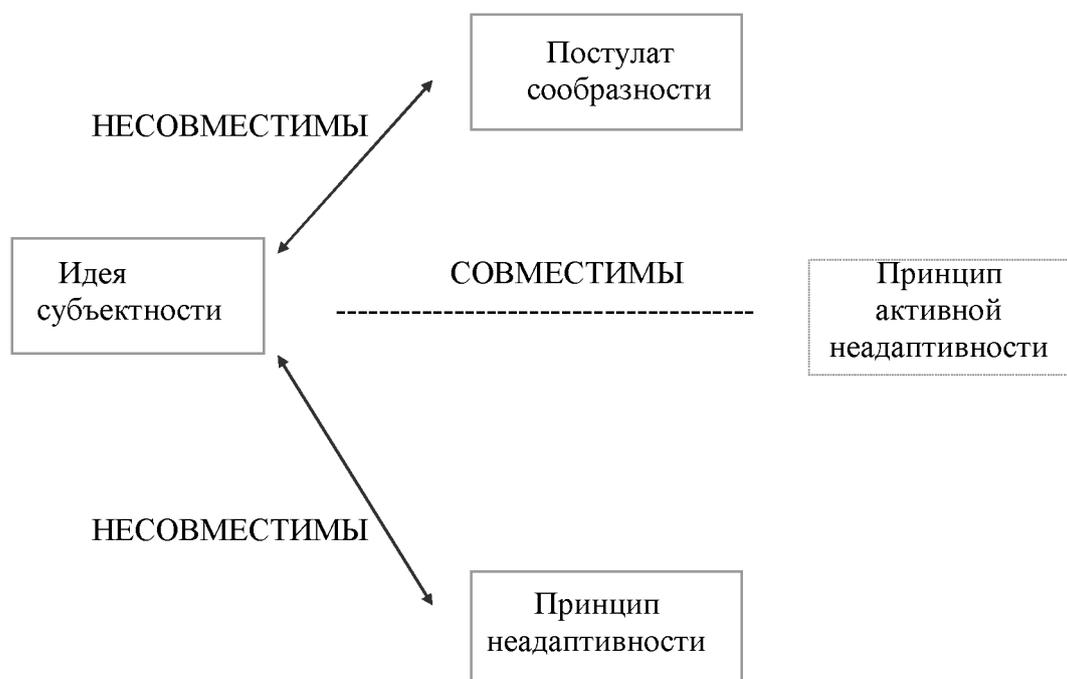
Словом, если отказаться от идеи универсальной целевой регуляции и заданности (постулата сообразности) и принять альтернативную точку зрения – **принцип неадаптивности**, то выяснится, что при этом, точно также как и в первом случае, девальвируется идея субъектности.

“Свобода” человека при этом подменяется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы;

“Целеполагание” – обесмысливается, выглядит самообманом;
“Целостность” – утрачивается;

“Развитие” – сводится к дрейфу.

Не означает ли сказанное, что следовало бы вообще отказаться от помыслов воплотить идею субъектности в “материале” индивидуальной активности (а вместе с тем – и от стремления отстоять “личность” индивида)? Или, быть может, все-таки удастся найти путь позитивного решения этой проблемы? Ситуация теоретического кризиса и возможный путь ее разрешения обозначена на схеме:

Единственная возможность возвращения себе этого желанного качества – в том, чтобы взять на себя ответственность за осуществление действий с непредрежденным исходом, иначе говоря, быть субъектом избрания целей, результат достижения которых непредрежен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного должна содержать в себе вызов, отвечая на который, индивид производит (или как мы предпочли говорить выше – полагает) себя как субъект. Мы, таким образом, приходим к принципу активной неадаптивности (В. А. Петровский, 1992, [80]). Защищая себя как субъект, индивид стремится предрешить непредрежденное, – действует наперекор обстоятельствам, на свой страх и риск ставя перед собой цель выявить свое скрытое под спудом других побуждений качество субъектности как таковой – быть причиной себя (“causa sui”).

ГЛАВА 3

«Я» (Субъект в саморефлексии)

Семиотика «Я». Как можно было бы определить «я»? Будем стремиться к тому, чтобы определение было похоже на определяемый предмет, по крайней мере, своей краткостью. Мы предлагаем – следующее:

«Я» есть субъект в саморефлексии.

В этом определении заключено (довольно плотно «упаковано») множество смыслов, – и каждый из них образует некую грань «я». Таковы: *субъект*, рефлектирующий себя; *процесс* саморефлексии; *образ* субъекта, данный ему в рефлексии. Всё это разные стороны «я». Сочетаясь друг с другом, они образуют «я» как таковое.

Говоря о себе «я», мы пользуемся *именем* этого знака. Его нам подсказывает культура.

Подсказывает *имя*, но отнюдь не *форму* этого знака; как бы говорит нам: «Мучайтесь, господа, догадками!»

Зачастую – хитрит, подсказывает *ложные знаки*. К примеру: «глаз-наблюдатель» (будто бы «я» – это отражающее и принимающее «во внутрь» устройство, что порождает идею «человечка в человечка, а там еще человечка и т. д.»), или «круг» (будто бы «я» – это субстрат, внутри которого что-то спрятано), или приведенное нами ранее изображение «индивида *вместе* с психикой (будто бы «я» – это часть психики, являющаяся «собственностью» индивида) и т. п.

После выхода замечательной во многих отношениях книги Л. М. Веккера «Психика и реальность» (1998, [19], с. 648), мы столкнулись с полярными точками зрения на природу «я», высказанными двумя выдающимися теоретиками. Один из них – сам Л.М. Веккер, который, говоря о «я», ассоциировал это понятие с понятием «психического субъекта», «психического носителя», «n-й производной по отношению к своему исходному физическому носителю» Другой теоретик – С. Л. Рубинштейн, [109], который, я бы сказал, с особым пафосом подчеркивал, что «я» – это "живой чувственный индивид". Как видим, очень четкая поляризация позиций: «я» как нечто ментальное, глубоко внутреннее, сопричастное «тонким» материям, и «я» как что-то вполне осязаемое, данное в восприятии так, как вещь может быть дана среди вещей. Где же истина? Вы догадываетесь, что я сейчас скажу...

Можно принять – как версию – третью точку зрения, а именно, что «Я» – это особый, я бы сказал, «маргинальный» знак. Такой знак, который, будучи носителем идеи «я», заключает в себе *границу*, – нечто сопредельное, переходное, срединное...

После Л. С. Выготского мы много говорим об опосредствовании, часто забывая, что опосредствующее звено должно содержать в себе особое качество – «быть между», что позволяет сводить воедино, «состыковать»

вать» какие-то вещи. Согласно Гегелю, значений, помечаемых словом «граница» – три. Это: *предел, переход, связь*. Предел отделяет нечто от иного и в той же мере – иное от нечто. А это значит, что, говоря «предел», мы мысленно переходим от одного к другому и обратно, что, в свою очередь, означает для нас, что идея «границы» включает в себе идею *перехода* – пишем «предел», подразумеваем «переход». Но ведь этот переход – двусторонний. Условно говоря, переход – слева направо и справа налево, причем это «происходит» одновременно. «Нечто» и «иное» тождественны (в этом переходе) и нетождественны друг другу (в самогашении этого перехода). «Нечто» и «иное» теперь должны уже рассматриваться как *приверженные* друг другу, хотя и не растворенные друг в друге. Так «граница» обнаруживает в себе еще одно своё значение – *связь*.

Все эти значения слова «граница» – предел, переход, связь – должны быть представлены в знаке «я», если, конечно, принять версию, что «я» – маргинальный знак. Говоря о границе, мы можем наблюдать метаморфозы значений этого термина (предел – переход – связь). Очевидно, что и знак границы, если он есть наяву, должен быть весьма необычен: он должен являть собой этого **живое** единство, эти превращения. Мы так будем о нем говорить: «живой знак», имея в виду, что ему самому он присуще движение; отнять у него это движение – это, в данном случае, значит: истребить сам знак. У Хеменса есть такие слова: «Бабочка света, красота, ускользает, а в руках остается одно ощущение бегства». Ускользающая бабочка света, сопровождаемая ощущением бегства в руке, – для меня это: метафора «живого знака». Описать живые знаки – значит описать динамику бытия, воссоединяющую полюса. И «я» – это один из таких «живых» знаков.

Я уже говорил о том, что сознание теоретиков, определяющих «я», расколото на двое. «Я» – как живой чувственный индивид (нечто объективно существующее, наблюдаемое извне, данное человеку как вещь среди вещей). И – «ментальное «Я». Идея маргинальности «я», представленности «я» живым знаком, на мой взгляд, снимает эту оппозицию.

Онтологическая модель, представляется нам, таким образом, нам в виде кубика Неккера; в силу волшебных перцептивных свойств этой фигуры (отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство), она являет собой *динамический («живой»)* знак (см. рис. 7).

Куб Неккера – «живой знак», как бы специально замысленный природой, чтобы в движении своих переходов воплотить в себе «я» как идею рефлектирующего себя индивида. «Живые знаки», я думаю, суть способ существования идеи вообще, и в частности – идеи себя, присущей индивиду и являющей собой «я». В последнем случае индивид в качестве *источника* саморефлексии (объект, субъект, носитель) как бы рокируется с самим собой как *явлением* саморефлексии (образ, результат, данность): физическое и психическое, объективное и субъективное, пульсируя, переходят друг в друга.

ИДЕЯ "Я" = СУБЪЕКТ В САМОРЕФЛЕКСИИ

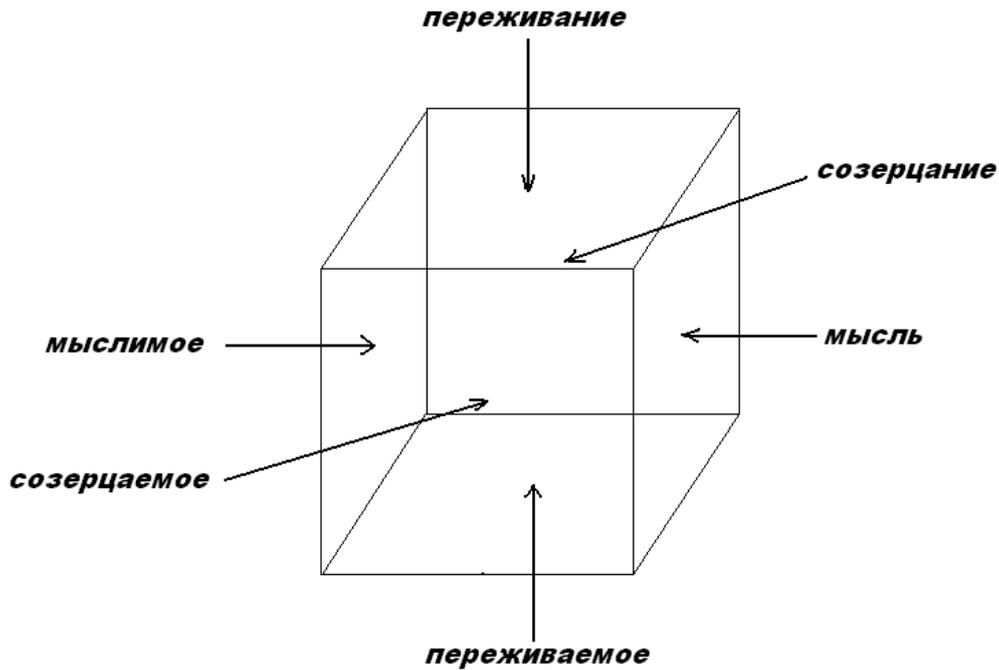

Рис. 7

Противостояние двух взглядов на «я» – Веккера [19] и Рубинштейна [112] – преодолевается, таким образом, трактовкой «я» как особой идеи, имеющей свой специфический знак, в котором ипостаси спиритуального и материального совместны, неотделимы друг от друга. Напрашивается ассоциация (по сходству) с «ангелом» из повести Ярославцева (А. Н. Стругацкого); о некоем герое мужского пола там сказано: "Он – ангел, и именно что во плоти".

Разумеется, этот знак не единственный. Варианты «динамического знака» – это фигура-фон, «трансформер», еще очень плохо осмысленные и освоенные нами «фигуры невозможного», опыты запечатления «триединства» (я согласен с теми, кто считает, что нелепы попытки определить, «Кто есть Кто» в рублевской «Троице»). Наконец, особые топологические формы, такие как пояс Мебиуса (вот, предлагаю вам, фразу: «На вопрос, хорош ли человек, отвечать: «Не знаю, не знаю, я знаю его только с одной стороны – хорошей»). И так далее...

Но всё это – как бы визуальные динамические формы (я говорю: «как бы», но не подумайте, что это – слово-паразит из лексикона студента-психолога; это – указание на то, что сомнительна сама возможность полноценной визуализации этих динамических форм – мы не вполне способны адекватно воспринять их глазом, они обманывают обычное зрение, они нуждаются в «другом зрении»). А область «живых знаков», я думаю, значительно шире. И в частности, они существуют как действия, производимые людьми. Но это не вполне обычные действия. Они могут показаться иррациональными. Возможно, это так и есть. Не только действия, но и слова, также заключающие в себе двойственный, к чему-то одному не

редуцируемый смысл. Имея в виду эти необычные действия и необычные слова в роли знаков, я хочу подчеркнуть: речь не идет о символах (которые, как известно, обладают множеством значений). Речь идет о *взаимопереходах* значений, заключенных в знаковой форме «я» – иногда даже о стирании каких-то значений, о чем мы еще будем говорить...

Я остановлюсь на некоторых формах маргинального знака, представленного действиями человека, и заключающих в себе такие моменты «границы» как «предел», «переход», «связь». Всё это – знаки «я».

Первая группа знаков. «*Бытие «я» через абсурд*»: люди делают заведомо бессмысленные и шокирующие действия. Буквально с молодых ногтей: негативизм (вспомним прекрасно описанный в культурно исторической теории «кризис 3-х лет»), вычурность («кризис 7-и лет»), а также выплески индивидуальности в подростковом и юношеском возрасте. Перед нами область существования и функционирования того, что М. В. Бороденко обозначила как «контр-знак»; в контр-знаке – не одно, а два означаемых, они противоположны друг другу и при том заключены в тесную для них обоих динамическую знаковую форму. Через «контр-знаки» ребенок выявляет себя как *индивидуальность* в том смысле этого слова, который содержится в концепции социогенеза индивидуальности А. Г. Асмолова [2].

Когда ребенок прибегает к контр-знакам, «переворачивает» слова, творя мир «наоборот», или, как говорит В. Т. Кудрявцев [34], совершает инверсионные действия, то он рушит устойчивое и обязательное. Тем самым, выявляет для себя свою самость, нередуцируемость «я» ко всему внешнему и привходящему.

Чаще всего контр-знаки встречаются в смеховой культуре. Вернемся к двум граням «я»: физической и духовной. У В. Я. Проппа, в книжке о комическом, есть такая глава: «Человек-вещь». Там – примеры сравнения человека с вещью и вещи с человеком. Вот – из его коллекции: «Не будь штанами, приезжай» – пишет А. П. Чехов брату. Или «Характер ваш похож на прокисший крыжовник». «Одним словом ты – пуговица» и т. д. И еще рельефней и действенной – обратное сравнение (это уже из Гоголя): в огороде Коробочки на фруктовые деревья наброшены сетки для защиты от сорок и других птиц; «для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах с растопыренными руками; на одном из них был надет чепец самой хозяйки». Через фигуру осмеяния, смеющийся, я думаю, освобождает себя от изначального страха быть вещью среди вещей, – абсурд сравнения разрушает определенность, о-определенность «я» физическим бытием индивида.

Вторая группа знаков. Они характеризуют «*бытие «я» на границе*, являясь *переходными знаками*. В первую очередь, я бы отнес к ним то, что я обозначил некогда термином «надситуативный» («бескорыстный») риск. Такой риск – это «взрыв», взлом ситуации. Именно в этот момент моменты человек остро переживает свое «я». И здесь главное – непредреженность, неизвестность того, что будет. Если я что-то заранее знаю, заведомо могу

предсказать свои реакции и свои будущие жизненные обстоятельства, как я почувствую свое «я»? А «я», по сути, – это то, что «здесь и теперь» («тут»). Оно всегда «первой свежести» (а иначе это уже не «я», а кто-то, с кем я был когда-то знаком). Риск дает возможность убедиться: «я есть». «Я рискую, следовательно, я существую».

Третья группа знаков. Это – «я» как зеркало. Исторически сложились две парадигмы истолкования жизни индивида, жизни общества, шире – мироздания. Первая из – телеологическая: есть предустановленная гармония или цель. Этот взгляд восходит к Аристотелю, который говорил об энтелехии – конечной цели всего происходящего в мире. В психологии (применительно к индивиду) до сих господствует именно эта точка зрения, я назвал ее когда-то «постулатом сообразности»⁶; реализуется она в гомеостатической, прагматической и гедонистической формах. Другая парадигма, – это парадигма хаоса и возникновения порядка из хаоса. В психологии этот, *пригожинский*, подход, на мой взгляд, практически не представлен, хотя, некоторые «прорывы» в этой области есть, ну, например, в микропсихоанализе Фанти, который отталкивался в этом вопросе от Фрейда.

Я думаю, может и должен быть выделен третий подход, снимающий в себе противоречия двух первых. Я бы сказал: «Да, индивид и общество суть средоточие хаоса, но это – «целевой хаос». Личность – это единомножие активных сил. Иногда говорят – «субличностей». Однако нет какой-нибудь «супер-личности», которая, подобно кучеру на облучке, правила бы остальными. Моя мысль заключается в том, что «я» осуществляет отражение (и тем самым, сообщение между собой) разных других во мне, а также и вне меня. Что порождает целый ряд интересных последствий.

Отражаемые «субличности» (говорю сейчас метафорически, на языке психосинтеза), или, более точно, – целеустремленные системы – могут вступать между собой в самые парадоксальные отношения. «Берегите птиц! – говорит один. Другой говорит: «Да! ведь это источник вкусной и здоровой пищи!» Целевые системы могут противодействовать друг другу («мышь» и «профиль» в примере В.А. Лефевра), они могут быть совершенно безучастны друг к другу или они могут случайно совпадать в своих интересах – но при этом каждый из них имеет свою цель, работает «на себя».

Возникает такой вопрос: «Положим, есть целевой хаос. Есть заинтересованные подсистемы (их можно называть субъектными подсистемами, «субличностями» и т. п.). Они действуют в своих интересах. Но нет ли такой подсистемы, у которой нет ни одного собственного интереса, который бы не был в то же время опосредствован интересами других, смежных подсистем?»

Я буду исходить из того, что такая подсистема возможна, что суть ее в рефлексивном соотношении между собой других подсистем, и что такая подсистема уже нами названа: это – «я». Иными словами, мы говорим

⁶ В. А. Петровский. К психологии активности личности // Вопросы психологии.– 1975.– № 3.

о том, что «я» живет «заимствованными» интересами смежных целевых систем. Но это отнюдь не значит, что ей не свойственны свои интересы (просто они от интересов других подсистем неотчуждаемы). И я могу сейчас указать некоторые интересы «я», благодаря которым его не выталкивают со сцены другие заинтересованные подсистемы.

«Я» – согласовывает устремления других подсистем. Именно согласовывает, а не упорядочивает, потому что система «я» не – по крайней мере, в моей модели – не играет роли какого-либо третейского судьи. «Я» не судит и не ранжирует. Первый ее интерес – это соотнесение интересов других субъектных подсистем. А для этого их нужно рефлексировать. И уже в этом пункте можно разграничить «идеал» и «анти-идеал» в функционировании «я»-системы. Анти-идеал в построении «я» – это, конечно, булгаковская Аннушка-Чума. Вы помните, она появлялась, и тут же начинался скандал. Она была мастером диссоциирующего управления, постоянно порождающего конфликты. Аннушка-Чума в душе порождает столкновение всевозможных «персонажей» и «сил»: влечение и долг, свобода и ответственности (В. Франкл говорил, что напротив, статуи Свободы должна стоять статуя Ответственности), «Оно» и «сверх-Я», берновский Родитель и Дитя, Либи́до и Танатос и т. д. и т. п. *Такое «я»* будет содействовать бунту и вымещению вместо прощения и приятия, будет порождать идеи, которые сводят с ума и ведут к полной деструкции поведения.

На фоне анти-идеала, рельефнее выступает то, что мы вкладываем в понятие об истинном «я». Истинное, совершенное «я» позволяет каждой системе, по крайней мере, с точки зрения внешнего исследователя, быть представленной в «я» самотождественным образом. Идеально-устроенное «я» – это: точная рефлексия смежных систем и примирение каждой из них с каждой. Такое «я» являет нам лик «миротворца». Оно предоставляет возможность, через рефлексю в нем, *воплотиться* каждой из систем и через обратный шаг рефлексии, когда «я» воплощается в смежных системах, прийти к *согласию* (примирению). Истинное «я», также как и «дурное» «я», живет между молотом и наковальней. Но иначе оно жить «не умеет»: «жить» для него это значит – быть инструментом опосредствованной рефлексии.

Существует и другой интерес, присущий системе «я». Он состоит в том, чтобы продуцировать саму способность к имитации (рефлексии) по отношению к другим подсистемам. Ибо для того, чтобы «я» справилось с решением первой задачи – примирения, оно должно уметь повторять в своих состояниях содержание смежных подсистем, быть универсальным имитатором. То, что «я», по-видимому, проверяет эту свою способность – имитировать – может объяснить нам некоторые парадоксальные проявления активности индивидуума. Мы уже упоминали внутреннего Родителя, Взрослого, Дитя, живущих в нас; можно говорить также об архетипах аналитической психологии, «субличностях» психосинтезе, «фигурках сна» и «монстрах» в процессуально ориентированной терапии и т. д. Каждый из

этих внутренних субъектов может стать объектом имитации со стороны «я». Наше «я» как бы присоединяется к каждому из этих субъектов – такого рода присоединения совершенно непрагматично, оно лишено иного смысла, кроме апробации самой возможности имитации. Так рождаются «игры», «интриги», «комические положения», «розыгрыши», словом, особая драматургия собственной жизни. Поведение может со стороны казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл – в имитации смыслов других субъектов, «живущих» внутри.

Метафора «зеркала» являет нам знак «я» как *синтезирующего*, связывающего, образования, одновременно преодолевающего и поддерживающего дистанцию между разными инстанциями жизнедеятельности индивида.

Особую проблему образует знаковая природа «Я» в форме *представления индивида о себе*. Когда мы в своей речи используем слово «я», то оно обычно фигурирует для нас в значении личного местоимения («я сделал...», «я посмотрел...», «я почувствовал...», «я замечаю...» и т. д.). Здесь еще не идет речи о Я с большой буквы, – о рефлексивном «я», звучащее в русском переводе с немецкого «Ichheit» (Фихте) не слишком-то благозвучно («яйность»). Личное местоимение «я» – это «я сам» индивида, нечто более сложное и онтогенетически более позднее, чем индивид в своем самопереживании, и нечто более простое и раннее, чем индивид, данный себе в мысли. Это и есть «я» как представление индивида о себе. Мы говорим: «У него (у нее) нет еще и представления о себе», не утверждая при этом, что у него (у нее) начисто отсутствует «я»; наоборот, мы вполне допускаем, что индивид воспринимает себя, обладая самостью, но просто имеем в виду при этом, что данный индивид еще «не видит себя *со стороны*», не может «взглянуть» на себя глазами другого. Впрочем, строго говоря, видеть (воспринимать) себя «со стороны» невозможно. Можно только *вообразить*, что смотришь на себя со стороны, а стало быть, вообразить себя на месте стороннего наблюдателя, смотрящего в твою сторону и воспринимающего тебя. «Нет представления о себе» – это значит, что воображение не «дорисовывает» образ самовосприятия до образа восприятия себя глазами другого. Представление о себе – двухслойно: это восприятие себя плюс воображение себя в качестве объекта наблюдения со стороны. Но что означает здесь: «воображение дорисовывает образ самовосприятия до образа представления»? Ответ на этот вопрос невозможен вне описания актов *семиозиса «я»* – знакового становления «я» на интересующей нас ступени саморефлексии индивида.

Естественно считать, что «Я» в самопредставлении рождается и функционирует как знак связи между сопредельными жизненными сферами самого индивида и *других* индивидов, с которыми тот вступает в общение. Допустим, речь идет об индивиде X, чье представление о себе нас особенно интересует, и индивиде Y, «соучаствующем» в процессе порождения этого представления; соответственно, мы можем говорить о *мире*

с точки зрения X , « M_X », и мире с точки зрения Y , « M_Y ». Развивая идею о том, что «я» – маргинальный знак, а также всё сказанное ранее о соотношении понятий «представление» и «восприятием», естественно принять и такую гипотезу: тогда и только тогда, когда индивид X способен в воображаемом плане взглянуть на мир с позиции некоторого индивида Y (будем говорить о «точке обзора», чтобы подчеркнуть первоначальный геометрический, а не психологический аспект позиции наблюдателя), вернуться далее в свою исходную позицию и при этом заметить разницу, – только в этом случае он способен получить представление о собственном «я».

Если высказанная гипотеза верна, то представление индивида о себе может быть понято как продукт чередования актов центрации и децентрации, имеющего первоначально характер смены впечатлений при изменении точки обзора: представление о себе репрезентировано индивиду прежде всего переживанием *различий*, существующих между двумя картинками мира – M_X и M_Y . Самое интересное, что первоначальная картина мира M_X при таком чередовании, с одной стороны, сохраняется, а с другой стороны, приобретает некие дополнительные характеристики. Какие? – Очевидно, служить указателем на существование некой иной картины, а именно: « M_X в сочетании с M_Y и с пустым множеством \emptyset » (необходимость привлечения пустого множества разъясняется из дальнейшего).

Это сочетание может иметь самый различный характер: $(M_X \cup M_Y) \cup \emptyset$ (объединение двух множеств, «двух картин мира»), или $(M_X \setminus M_Y) \cup \emptyset$ (разность, индивид фиксирует свое внимание на различиях), $M_X \cap M_Y \cup \emptyset$ (пересечение двух множеств, – обобщение «двух картин») и т. п.; возможны и такие комбинации: $M_X \cup (M_Y \cap \emptyset) = M_X$ (объединение с пустым множеством – «ничего не меняется»), и $M_X \cap (M_Y \cap \emptyset) = \emptyset$ (пересечение с пустым множеством – «всё стирается»), $(M_X \cap \emptyset) \cup M_Y = M_Y$ («мир глазами другого и только, видимый мир – иллюзия») и др. Обобщенно, мы можем записать: $M_{Y,X} = \Phi_X(M_X, M_Y, \emptyset)$ ⁷.

Во всех этих случаях M_X может интерпретироваться как *означающее* только что образовавшегося знака, а $M_{Y,X}$ – как его *означаемое*. Точно также, при переходе на точку зрения (обзора) Y , порождается еще один знак: с *означающим* M_Y и *означаемым* $M_{X,Y}$. И тогда динамика центрации и децентрации может быть осмыслена как двусторонний процесс порождения (взаимопостроения) двух знаков:

$$(M_X / M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y}).$$

Остается только отметить, что вся эта динамическая система может рассматриваться как сложное означаемое знака («сложенное» из двух, подменяющих друг друга знаков), именуемого « $Я$ » (означающее этого знака может быть представлено звуком “ $Я$ ”, или иероглифом или каким-то

⁷ Привлекателен шанс соотнести выражение $M_{Y,X}$ с символом, вида M_{YX} (« M с позиции Y с позиции X ») рефлексивной алгебры Лефевра (см. стр. этой книги); однако, способ такого соотнесения всё-таки неочевиден.

другим значком). Итак «я» как динамический знак приобретает здесь следующий вид:

$$\langle \text{я} \rangle = \text{“Я”} / ((M_X / M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y}))$$

Если предлагаемое знаковое представление «я» оправдано, то перед нами – путь построения типологии «я» (и, в частности, построения, мы бы сказали, «пато-типологии» «я»), а также описания и конструирования «я» в контексте межиндивидуальных взаимодействий.

Довольно рано, в онтогенезе «я», во внутреннем мире индивида (ребенка) начинают объединяться две картины реальности. Одна из них – это собственное тело, воспринимаемое с позиции «внутреннего наблюдателя» – попытку зарисовать такой мир глазами, точнее *глазом* (другой глаз был прищурен), лежащего человека предпринял Э. Мах; в поле его зрения оказались бровь, ус, и кончик носа⁸. Другая картина – это взгляд на себя как бы извне, с позиции стороннего наблюдателя. При этом в поле зрения такого стороннего, воображаемого («виртуального», «условного») наблюдателя оказывается сам индивид, воспринимающий себя «изнутри». Мгновенная перемена позиции – и картина T_X превращается в *означающее* только что рожденного знака, *означающим* которого тут же становится композиция двух картин – $T_{Y,X}$. Если считать, что «возвращаясь» из позиции воображаемого «внешнего наблюдателя» Y в позицию «внутреннего наблюдателя» X , индивид сохраняет неизменным открывшийся ему только что образ собственного тела, то картина $T_{Y,X}$ упрощается и превращается в T_Y . Теперь T_X свидетельствует о T_Y (и соотносится с ним как означающее и означаемое в знаке). Иными словами, непосредственно видимые индивиду части собственного тела (например, руки, прядь волос, упавшая на глаза, кончик носа, брови и т. д.) образуют для него теперь не только *объект* созерцания, но составляют и *субъект* созерцания – как части *тела, которое «само на себя смотрит»*: в себе-видимом индивид открывает себя-видящего.

Попытки объединить две картины реальности (T_X и T_Y) в пределах единого знака (кстати сказать, означающее и означаемое этого знака постоянно меняются местами, – без такой «рокировки», осуществляющейся, надо думать, в определенном ритме, чувство «я» угасает), служат, возможно, объяснением таким «нарциссическим» устремлениям детей, как разглядывание себя в зеркале, многократно прослушивание одной и той же магнитофонной записи собственного голоса, сокрытия (прятки) и обнаружения себя перед взрослыми («вот я!») и т. д. и т. п. Действительно требуется изрядное время и неисчислимое число сопоставлений, по сути, – «примерок» своего «для-себя-бытия» и своего «для-других-бытия», чтобы они могли объединиться друг с другом, пульсируя, превращаться друг в друга, в живом знаке «я».

⁸ «Сведение "Я" к зрительной проекции носа на сетчатку обычно вызывает радостное оживление и насмешки слушателей». Т. Бауэр. Психическое развитие младенца. [6]. С. 75.

Анализируя неадаптивные, поражающие нас своей иррациональностью, избыточностью, иногда упорством формы активности (абсурдные и смеховые действия, бескорыстный риск, показное злодейство, «проигрывание» других отталкивающих ролей, «поддавки при игре в прятки», «нарциссическое самосозерцание», не-детские игры в кабинете терапевта и в жизни) – анализируя все эти феномены, мы замечаем, что за всеми этими формами вырисовывается единая сущность – бытие на границе, рефлектируемое индивидом как «я». Психологический смысл всех этих необычных действий и побуждений – быть знаками «я», избегающего каких либо форм овнешнения и овеществления.

«Быть свободной причиной» – что это значит? Возможно ли это? Одним из стереотипов, носителем которых мы невольно становимся, является повсеместное отождествление гуманистической психологии с телеологической точкой зрения, согласно которой «всё осмыслено». Действительно, гуманистическая психология, в лице В. Франкла, настаивает: смысл не конструируется, – смысл всегда уже есть, его только должно найти. Вместе с тем, гуманистическая психология, побуждающая искать и находить смыслы, неизбежно сталкивает нас с вопросом: **кто** ищет смыслы? Иначе говоря, – с вопросом о Я, которое предсуществует смыслу в живом действе его нахождения.

Реальность Я как свободной инстанции человеческого существа превращает, как это часто бывает, постулат изначальности смысла – в *проблему*: верно ли, что «смысл всегда есть», и что его только «нужно найти»? Или, быть может, разумнее было бы полагать, что в значительном числе случаев смысл есть вторичное построение нашего сознания (ибо так уж сознание устроено – оно подвержено соблазну осмысливать происходящее); и что, таким образом, смысл в качестве *универсальной* основы наших поступков и чувствований (“*вот* ради чего я действую”, “*вот* зачем это необходимо мне”) – не более чем иллюзия. И речь здесь идет, подчеркиваю, не столько о каком-либо исключении из правил, сколько о правиле, имеющем исключения. Поэтому на вопрос “зачем?”, чаще всего должно ответить:

“За-не-зачем, а потому что не-иначе-как!”

Действительно, может ли быть схвачен какой-то *один* смысл, объясняющий, почему (а точнее – зачем, ради чего) человек поступает – так, думает – так, или чувствует – так? Я думаю, нет... Лишь синтез того, что может быть названо “смыслами”, диктует вектор активности. А является ли *композиция* смыслов сама, в свою очередь, всегда осмысленной?

Возможны два ответа на этот вопрос.

Первый ответ – “да”, если мы верим, что “предустановленная гармония”, провозглашенная некогда Лейбницем, существует.

Второй ответ – «нет», если принять, что “предустановленная гармония” вообще, и гармония смыслов, в частности, – не более чем прекрасная

сказка. И в этом случае приходится признать, что истоки человеческой активности иррациональны (не рационализируемы),

Тогда возникает проблема: если не “смысл” (не долг, не голос совести, не указание свыше), а что-то иное образует основу активности, то, спрашивается, что же именно?

Общий ответ, который может быть дан: таким источником является наше Я, – но Я, определенным образом понятое. А именно, – как модус, средоточия жизни особой *идеи*: “Я есть причина себя” (*идеи свободной причинности*).

Идея “свободной причинности” (т. е. возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) по своему историческому возрасту – ровесница самой философии, в которой она с такой настойчивостью и страстностью отстаивала себя. Независимо от того, склонялись ли философы к признанию свободы или объявляли ее иллюзией, постулировали ли ее существование или выводили, “ощущали” ли ее как данность или видели в ней идеал, – будет справедливым сказать, что идея “свободной причинности” неизменно самоосуществляется в философии; присутствие этой идеи в пространстве и времени философской культуры давно уже приобрело, – и здесь мы воспользуемся термином Хайдеггера, – *не-обходимый* характер. Соответствует ли философской идее “свободной причинности” нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И.Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (однако, принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа “свободной причинности” психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию, и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?

Понятие causa sui. Согласно Аристотелю, «причиной» называется то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь – причина изваяния и серебро – причина чаши, а также их роды суть причины; форма или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы или первообраза (например, для октавы – отношение двух к одному и число вообще) и составные части определения; то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина и отец – причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее – причина изменяющегося; цель, то есть то, ради чего, например, цель гулянья – здоровье” (Аристотель, 1975, с. 146). Причина есть “материальная причина”; – “формальная причина”; – “действующая причина”, – “целевая причина”. Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что “есть причины по отношению друг к другу (так, занятие трудом – причина хорошего самочувствия, а оно – причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно, – как цель, другое – как начало движения”.

Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи “возвращения причины к самой себе”, – ключевой для развиваемой нами трактов-

ки "свободной причинности". Связь между причиной и действием в своей истине, отмечал Гегель в "Науке логики", предполагает возвращение причины к себе (через то, что выступает как ее действие и благодаря чему "в изначальность полагается действие, т. е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией" (Гегель, [23]). Итак, причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой, – в конечном счете, определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именуется "свободой"! Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через свое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть – *causa sui* ("причина себя"), используя этот термин именно в указанном смысле.

Категория "свободной причинности" (в форме *causa sui*) до сих пор не была в должной мере осмыслена психологически. Между тем, есть, по крайней мере, одна область психологических разработок, само существование которой, на мой взгляд, определяется мерой освоения, или точнее, "высваивания" (термин М. Хайдеггера) идеи свободной причинности. Речь идет о *психологии Я*

Я как причина. Приведем здесь еще раз уже предложенную нами дефиницию «я»: субъект в саморефлексии. "Можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы", – иронизировал В. Набоков. Вполне возможно, что предложенная здесь дефиниция, при всей своей краткости, слишком затейлива. Но она схватывает, как нам представляется, по-настоящему важные характеристики «я». Так, согласно традиционному пониманию, «я» неотделимо от *телесности* индивида ("Душе грешно без тела, как телу без сорочки"...; "Дано мне тело – что мне делать с ним, таким единым и таким моим?... Я и садовник, я же и цветок..."). Подчеркивая, что Я индивида – это "он сам" в своей отраженности как субъект, мы, таким образом, обозначаем ("предъявляем") телесную образующую «я» вполне осязаемо. Традиционно, «я» рассматривается как *субъективная* образующая физической и психической жизни. Не сводя «я» лишь к субъективному, мы отмечаем его неотделимость от телесного, объективного. Субъектность индивида выступает здесь в своей *отраженности* (далее мы рассмотрим формы такой отраженности). Принято считать «я» "*активным*". Этот момент предусмотрен предложенной дефиницией: «я» индивида рассматривается как субъектная форма тождества отражаемого и отраженного. Тем самым подчеркивается *самопричинность* индивида в «я». Ведь отраженность должна заключать в себе то, что существенно в отражаемом. А это, в данном случае, способность быть "причиной себя".

Итак, если Я есть форма существования субъектности индивида, то каковы ее основные "образующие", и что могло бы придать ей характер *causa sui*?

Causa sui как психологическая реальность. Философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает алгебраическое

уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения – четыре "корня" в ответе на вопрос о психологической природе *causa sui*. Согласно принятым нами условиям, "корни" решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам, и каждая – в сочетании с другими – должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение "свободной причины".

В качестве искомых "корней" уравнения могут быть выделены четыре ипостаси Я индивида: "Имманентное Я", "Идеальное Я", "Трансцендентальное Я" и "Трансфинитное Я"

"Я"

(ЕДИНСТВО ЧЕТЫРЕХ ЕДИНСТВ)

Имманентное Я :	Единство движущего и движущегося ("Я само по себе", "Я в себе")
Идеальное Я :	Единство представляющего и представляемого ("Я в самосозерцании")
Трансцендентальное Я:	Единство мыслящего и мыслимого ("Я в мысли о себе")
Трансфинитное Я:	Единство переживающего и переживаемого ("Я в самопереживании")

Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и вместе с тем, каждая могла бы быть возведена в ранг *causa sui*.

Имманентное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении "материальной причины". "Неуловимая", по всеобщему мнению, материя Я как бы соткана из мгновенных состояний Я, непрестанно обновляющихся во времени и в этой подвижности содержащих в себе нечто общее, – "претерпевающее", что рефлектируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе претерпевающим изменением). Имманентное Я существует, таким образом, в *настоящем* пространстве и времени. Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные Имманентному Я, со всей отчетливостью выражены Б. Пастернаком: "И нужно ни единой долькой // Не отступаться от лица, // Но быть живым, живым и только, // Живым и только – до конца". Имманентное Я есть Я становящееся, заключающее в себе "единство возникновения и прехождения" (в терминах гегелевской философии). Имманентное Я "принадлежит", таким образом, парадоксальной реальности "Вот-сейчас-бытия" – реальности, на которой, безусловно, держится мир, и которая никогда как таковая не дана нам в своей непосредственности. Выход из этого парадоксального положения заключается в том, чтобы допустить существование чего-то, что могло бы заключать в себе несуществующее, давая ему возможность быть. Такое искомое существует в "природе", и точное его имя – "переживание" (к чему мы еще вернемся). Однако, Имманентное

Я в момент своего рождения еще не переживается, и так же не выступает в виде в виде какого-либо образа или мысли. Имманентное Я полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некоей точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы "застаем" Имманентное Я), – а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему Имманентное Я есть столь же и сокровенное Я человека.

Идеальное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении "формальной причины". Идеальное Я существует в процессах самосозерцания. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в идеальном пространстве и времени, и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности (даже тогда, когда он конструирует образ себя в настоящем). Таков взгляд человека на свое физическое Я (экспериментальные исследования показывают, насколько зависим образ собственного физического Я от установок личности); здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения (вспомним о лопатинском "внутреннем человечке"); в Идеальном Я конструируется также образ себя как мыслящего ("мыслящая вещь" Декарта); и, наконец, Идеальному Я принадлежат образы того, как человек переживает себя, – возможность длить свое бытие, воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным – подлинный источник целеполагания (в нашей трактовке "цель" есть образ возможного как прообраз действительного – В. А. Петровский, 1992). Психологической категорией, отвечающей детерминизму возможным как таковым, является надситуативная активность (В. А. Петровский, 1975, [67], 1977, [69]).

Трансцендентальное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении "действующей причины". Таково наше мыслящее и вместе с тем мыслимое, вне-находимое и вне-временное Я. Вне-находимость означает, что нечто *находится* (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его, как такового, никогда не было; вне-временность – значит, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное Я, таким образом, существует в условном пространстве и времени. Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие; и, будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание ("Мысль изреченная есть ложь" – Тютчев). Мысль как таковая вне-находима и вне-временна, ее чувственная запись – своего рода письменное послание нам – существует в пространстве и времени. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение (свидельство о рождении, как известно, выдается уже после рождения, хотя дата, отмеченная на нем, совпадает с моментом рождения). "Я мыслю" (когито) означает, что мысль сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем, сама производит эти представления. Подлинным основанием мысли, ее источником является сама мысль: без мысли о мысли есть, мо-

жет быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действию, – нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя, "думу думает"...). Мысль, мыслящая себя, и есть трансцендентальное Я. Именно оно ведет в за-пределе, будучи действующей причиной в составе *causa sui*. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что тоже самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить. Психологическим эквивалентом философской трактовки *мысли* явилась бы одноименная психологическая категория, увы, еще далеко не осмысленная.

Трансфинитное Я. Ему соответствует *causa sui* в значении "целевой причины". Таково переживание безграничности своего существования в мире. Опираясь на представления Г. Кантора, трансфинитность вообще можно определить как присутствие актуально-бесконечного в сознании (В. А. Петровский, 1995, [81]). В данном случае, речь идет о полноте "присутствия" (М. Хайдеггер, [123]) человека в мире. Это – переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие – "Зачем считать меня? Я был и есть и буду, // Жизнь – чудо из чудес, и на ладони чуду // Один, как сирота, я сам себя кладу..." – Арсений Тарковский), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя немислимое. "Немыслимость" не-существования мысли в любой точке пространства и времени – также переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие от мысли как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени, и удостоверяющей себя в этом посредством "свободного выбора", переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания – это **философия не-выбора** (зачем выбирать, если весь мир – мой, если альтернативы суть знаки друг друга?)⁹. Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют совершенное пространство и время; в нем-то и пребывает наше Трансфинитное Я. Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть, или иначе говоря, – невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). Трансфинитное Я как пережива-

⁹ Буриданов осел был умней Буридана. Осознав идентичность стогов, он поставил на левый, а мог бы – на правый (подумаешь, – разницы нет!). Уплетая, он думал: «Один – наяву, а другой – в голове, и они идентичны. И поэтому я, насыщаясь одним, поглощаю другой – идеально. Не умру «неспособностью выбрать», как думал осёл Буридан, а наемся **вдвойне**, и таков мой **не-выбор**.

ние актуальности бесконечного сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное Я, освобожденное (или еще свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг *causa sui* оказывается замкнутым. Психологическая трактовка Трансфинитного Я, как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории переживания.

Свобода как деятельность. Я как субъект свободы. Взаимопереходы, замыкающие круг *causa sui*, отчетливо прослеживаются на примере анализа особой деятельности, имеющей в философии давнюю традицию интерпретаций. Ранее мы уже обращались к словосочетанию: “свобода воли”, – именно оно может быть использовано для обозначения этой особой деятельности. Правда, до сих пор свобода воли рассматривалась нами как *действие*, в данном же случае речь пойдет о *деятельности*, носящей то же имя. Существует, конечно, разница между соответствующими понятиями. В первом случае (свобода воли как действие) человек берет на себя ответственность за совершение свободного акта, а *posteriori* выявляя его значимость для себя; мотив саморазвития может при этом отсутствовать. Во втором случае человек с самого начала устремлен к саморазвитию, его Я выступает как цель акта.

Охарактеризовать *свободу воли как деятельность* – это значит указать ее мотив, цель, средство, и авторство. Наше понимание того, что может быть осмыслено как “свобода человеческой воли”, исходит из идеи сосредоточенности в человеческом Я четырех рассмотренных нами выше причин: “целевой”, “материальной”, “действенной”, “формальной” и их взаимоподдержки. Сущность свободы воли – в самом совпадении этих причин, а именно: “во имя чего”, “в силу чего”, “чем” и “по форме чего” – в единомножии Я.

Спросим теперь себя, *во имя* чего мы проявляем свободу собственной воли? – Ответом могло бы служить: во имя того, чтобы пережить свое Я в его трансфинитности, иначе говоря, чтобы прочувствовать его беспредельность. “Я как переживание себя в своей бесконечности” – целевая причина деятельности свободы. Сразу видно, что нельзя заранее записать это переживание как таковое, ибо если бы оно было известно *заранее*, то присущая ему полнота исключила бы устремленность (стремящийся к красоте уродлив: по мысли Сократа, мы не стремимся, когда имеем). Состояние беспредельности зашифровано в чувстве непредрешенности исходов действия.

Спросим себя, далее, *в силу* чего мы действуем? Этот же вопрос можно задать и так: “Из чего”? – Ответ: в силу того, что содержится в спонтанном движении Я – свобода воли “произрастает из Я”, глубинных синтезов бесценно проникающих друг в друга внутренних состояний (такова наша дань Бергсону). “Я каков я есть сам по себе” (несуществующий ни в чем ином, кроме себя самого) – такова “материальная” причина деятельности свободы.

Поставим теперь вопрос о форме свободного действия (“по форме чего” мы действуем?). Естественно, это – содержание нашего самосознания, в котором мы представляем себя действующими свободно, – “поверх барьеров”, “спонтанно”, “независимо” (все это дано нам в чувственных символах отрицания заданности). Кроме того, “направляющей” оказывается здесь и позитивная символика, в которой Я предстает как “властелин” совершенных возможностей действия, понимания, чувствования, – повелитель “Могу”. Синтез негативных и позитивных моментов символической репрезентации Я выступает в образах “надситуативного деятеля”. “Я в представлении о себе самом” есть “формальная причина” деятельности свободы.

И, наконец, *чем* (или, точнее, *кем*) реализуется деятельность свободы? Наш ответ: творит Я как мысль о себе, – “Я мыслю”. Я как мысль о себе раскрывает мне смысл моих действий (моя мысль указывает, “во имя чего я действую”, открывает мне “целевую” причину действия). Я как мысль о себе принимает в себя и претворяет в себе спонтанность – изначальные токи, или, иначе, истоки предстоящего действия (саму “материю” действия, “материальную” его причину). «Я как мысль о себе» разрешает действовать себе только так, – не иначе (реализация “формальной” причины, – “что” этого действия). И, наконец, это моя мысль о себе проделала сейчас то, чему мы были свидетели: она “раскрывала”, “принимала” и “претворяла”, “разрешала”, – словом *опосредствовала* причинность других причин; и *вот сейчас* она *осмыслила* себя в своем действии, – вернулась к себе в качестве “действующей причины”. Действующей причины ...чего?

Ответ на кончике пера: «...деятельности свободы».

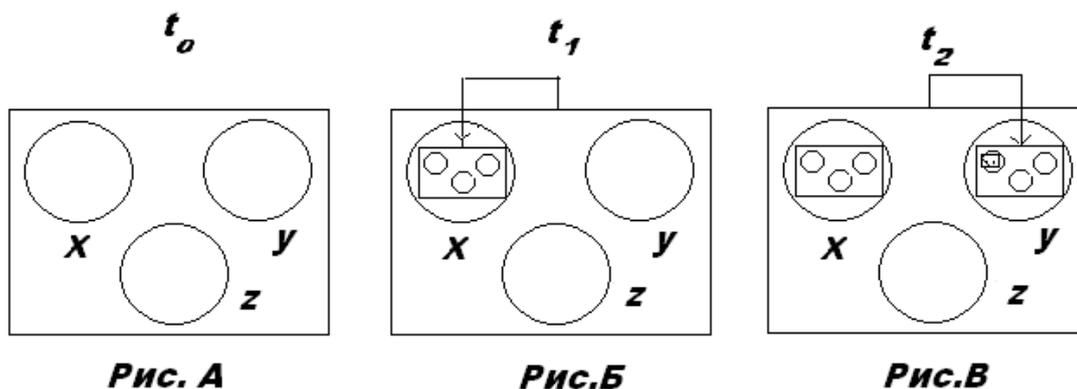
Итак “Я как переживание себя”, “Я каков я есть сам по себе”, “Я как созерцание себя”, “Я как мысль о себе” в единстве друг с другом образуют то, что мы называем Я. И в этом единстве – *его свобода*.

Уровни саморефлексии. Существует логическая преемственность между понятием «идея» в философии Гегеля («идея есть абсолютное единство понятия и объективности») и оператором осознания Лефевра ($1+x+\dots$), преобразующим *нечто* в единство этого нечего с *образом* его в рефлексии: $T(1+x+\dots) = T + Tx + \dots$ (где T – «платцдарм, на котором действуют персонажи, а Tx – картина платцдарма, лежащая перед X »).

Используемые здесь термины поясним выдержкой из «Конфликтующих структур» [41] В. А. Лефевра:

«Будем изображать символом T платцдарм, на котором действуют персонажи. Этому символу соответствует рис. А. Картины этого плацдарма, которые могут лежать перед персонажами X , Y и Z обозначим, соответственно, Tx , Ty , Tz (читается « T с позиции X », « T с позиции Y », « T с позиции Z »). Элементы Tx , Ty , Tz возникают как результат осознания. На рис. Б изображен случай, когда осознание произвел персонаж Y , но, разумеется, всё сказанное справедливо для любого персонажа. Картины, которые есть у одних персонажей могут отражаться другими. В результате возникают

элементы T_{xy} , T_{xz} , T_{yz} и т. д. (читается « T_x с позиции Y », « T_x с позиции Z », « T_y с позиции Z » и т. д.). Элементы с двумя индексами также могут отражаться в результате чего возникают элементы T_{xyz} и T_{xzy} , T_{zxy} и т. д. Они читаются соответственно – « T_{xy} с позиции Z » и т. д. Картина, которую некоторый персонаж имел в момент t_1 , может быть также осознана им уже в момент t_2 , причем осознана именно как картина, а не как некоторая «физическая реальность». Вследствие этого возникают элементы типа T_{xx} , T_{yy} , T_{zz} и т. д.» (Лефевр [41], стр. 14).

Рефлексивный оператор Лефевра и порождаемые им построения могут рассматриваться как способ интерпретации гегелевской «идеи» на языке формальной теории. На основе использования категории «идея», и, соответственно, реализации рефлексивного оператора Лефевра, могут быть выяснены логические взаимоотношения между понятиями «индивид», «Я», «самость» и определены сами эти понятия. С другой стороны, осуществимость оператора рефлексии, устанавливающего формальную связь между понятиями, коренится в бытийных характеристиках «я», каждой из ступеней его развертки.

Индивид, определяемый нами как *психофизическое целое*, включает в себе возможность саморефлексии, возможность «Я». Такая возможность обусловлена двойственной природой индивида, символизируемая рис. 8 – \uparrow [психическое] (единство физического и психического):

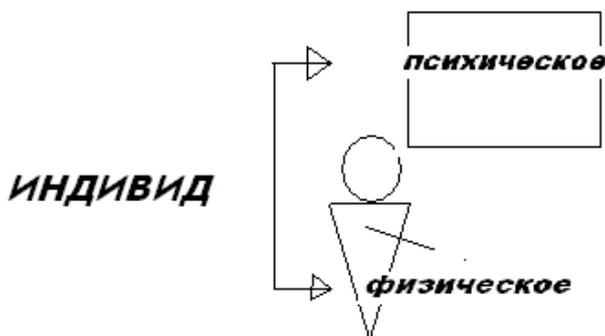

Рис. 8

«Психическое», – мы уже отмечали это, – в отличие от «физического», определяется нами как *жестко локализованное*, «привязанное» к месту своего возникновения; иными словами, психическое не может само по себе перемещаться в пространстве без ущерба для своих изначальных свойств (поэтому-то и не удастся «подсмотреть» извне, что представляет или чувствует другой человек). «Физическое» же, наоборот, *перемещаемо*; оно способно покинуть локус своего порождения и при этом хранить свои свойства (таковы вещество и волна). Добавим, что психическое, которое столь часто путают с «отражением», составляет лишь условие последнего (не всё в психике есть отражение). Поэтому психическое, непосредственно, **не есть рефлексивное**, хотя некоторые субъективно-психические образования могут рассматриваться как рефлексивные. Психика индивида включает в себе «рамку» потенциальной рефлексии, но сама эта рамка на ступени «возможного Я» не рефлектируется.

Среди проявлений психического мы выделяем и определяем «созерцание», «мышление», «переживание»; в единстве они характеризуют то, что может быть названо рефлексией. «Идея» включает в себе единство рефлексивного (оригинал, прообраз) и того, что дано в рефлексии (образ).

«Я», субъект в саморефлексии, также и «идея себя, свойственная субъекту». Первоначально мы обращаемся к оператору осознания $(1+x)$, рассматривая в качестве плацдарма реализации этой процедуры самого субъекта X . В результате имеем: «Я» = $X + X_x$. X в этом выражении может интерпретироваться как «рефлексивное» (объективно существующее), а X_x – как рефлексированное (субъективно существующее). Онтологическая модель Я (= $X + X_x$) представляется нам в виде кубика Неккера (см. раздел «семиотика «я»»). В силу волшебных перцептивных свойств этой фигуры (отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство), она являет собой *динамический знак*. Перед нами – то, что может быть обозначено как («просто») «Я»

«Рефлексивное Я» («Самость»). Самость» – это «Я» как идея. Здесь мы вновь обращаемся к аппарату рефлексивной логики Лефевра и, в частности, оператору осознания. Представляется возможным использование таких его форм как $X(1+X)$ и $(1+X+X^2)$, где X – рефлексивный себя субъект. Если в первом случае результатом его действия является «Я», то во втором – «самость». Данные наших собственных экспериментальных исследований, полученных с помощью метода «Не думай о...», подтверждают правомерность положения о «двуслойности» самосознания (и в частности, возможности существования «Я без самости»), индивидуальные и возрастные особенности актуализации «рефлексивного Я» (самости).

Критерии ясного и измененного состояния сознания. Измененному состоянию сознания часто противопоставляют «обычное», «обыденное», что – неточно. «Измененному» сознанию должно быть противопоставлено «ясное» сознание. Может быть предложена общая трактовка «ясного сознания» как характеризующегося «обратимостью саморефлек-

сии»: рефлектируя – «след в след» – собственную активность, при ясном сознании всегда можно вернуться к исходному пункту, при измененном же сознании подобное невозможно (обоснование этого положения выходит за пределы поставленной задачи). Наряду с понятиями ясного и измененного сознания (эти термины получили прописку в психологии и даже устойчивую аббревиатуру¹⁰) мы предлагаем говорить также о ясном и измененном состоянии *самосознания*. Поскольку в логическом отношении определяющая характеристика «Я» заключается в тождестве двух форм существования индивида: как отражающегося (оригинал) и как отраженного (образ), то кажется разумным предположить, что именно в тождестве этих форм коренится критерий «ясного самосознания». В основе этого предположения – равенство двух многочленов, полученных в результате реализации оператора осознания $(1+x+x^2)$ применительно к индивиду X , а именно:

$X+X'+X_{X'} = X + X' + X'_{X'}$, где $X' = X_X$ (выражение справа – это « X с точки зрения X »)

Выражение $X_{X'}$ (индивид как объект саморефлексии) может быть осмыслено в терминах У. Джеймса («Моё») или, например, как «Территория Я» (Мейли). А выражение $X'_{X'}$ (образ индивида в саморефлексии) – как «Я сам». При ясном сознании «Моё» («Территория Я») и «Я сам» совпадают (фактически они чередуются, мгновенно превращаясь друг в друга). При измененном состоянии сознания, наоборот, это равенство исчезает, – человек «привязывается» к чему-то одному, упуская другое.

Но в этом пункте я должен сделать одно важное уточнение. Если мы говорим «просто» об образе чего-либо, то было бы слишком сильным допущением утверждение о том, что такой образ сам способен строить образ. Не только фотографический, но даже зеркальный образ не способен осилить этого. Чтобы «образ строил образ» он должен быть образом субъекта, – что означает отраженность сущности такого отражаемого (что же это за отражение, если оно не отражает определяющий и существенный признак отражаемого?). Сущность же субъекта состоит в его действительности, способности строить образы мира и действовать на их основе. Поэтому *отраженная* субъектность сама, в свою очередь, должна обладать *субъектностью*. Поэтому я предпочитаю говорить о субъектном образе себя (или кого-то другого) в рефлексии. Такой образ *наследует* черты отражаемого, и поэтому сам способен порождать образы.

«Невидимки» во мне. Рассмотрим некоторые феномены, значимые для анализа «я» как субъекта саморефлексии. Будем говорить о феноменах «невидимой» («прозрачной») субъектности.

¹⁰ Это отнюдь не значит, что они определены. На наш взгляд критерием ясного состояния сознания является *обратимость саморефлексии*, след в след сопровождающей действия человека и динамику его психических состояний (человек при этом может вернуться назад, и вновь пройти пройденное). При измененном состоянии сознания индивид не может «вернуться в прошлое», с тем, чтобы пройти путь заново.

во втором – о невидимости себя как субъекта *cogito*. В первом случае мы будем говорить о Невидимке-1, а во втором – о Невидимке-2.

Невидимка-1. Речь здесь – о том, что индивид, будучи субъектом восприятия мира (и себя как части этого мира), именно в этом качестве (то есть в качестве субъекта восприятия) *себя* не видит. В терминах рефлексивной алгебры Лефевра, субъект индивид «выколот» из собственной картины мира. В определенных условиях наблюдения возможно даже формирование дихотомии: либо «я», как субъект восприятия, либо объект, да и только (субъект не воспринимает себя). Есть замечательные психологические эксперименты И. М. Фейгенберга, подтверждающие такую возможность (личное сообщение).

*И. М. Фейгенберг, путем очень остроумной методики, действительно выявил эту дихотомию: либо – вижу, что вижу (объект), либо – вижу, что вижу (субъект), но удержать одновременно субъект и объект видения – его испытываемый не в состоянии. Это были эксперименты, в которых человеку одевали очки с поляроидами. На экране перед испытуемым на некоторое время появлялось число или слово, которое должно было быть прочитано. Например: число «8325» или, положим, слово «матрос». Цифры или буквы слова появляются в поляризованном свете, так что свет от одних цифр или букв пропускается только фильтром правого глаза, от других – только фильтром левого глаза, от третьих – обоими фильтрами. К примеру, свет от цифры 8 попадает только в правый, от цифры 3 – в оба глаза, от 2 – в правый, от 5 – в левый. Нужно смотреть буквально «в оба» (то есть обоими глазами), чтобы увидеть число или слово полностью. В гипнозе испытуемому внушали, что левый его глаз «не видит». Оказалось, что если испытуемый закрывает ладонью правый глаз, то он «ничего не видит», как и должно быть, согласно гипнотической инструкции (возникают негативные галлюцинации). Но самое замечательное всё же состоит в том, что при открытых глазах испытуемые читают число 8325, а не 832 и слово «матрос», а не «трос». Таким образом, в «пробе с ладонью» испытуемый не видит левым глазом, а в пробе с «поляроидами» – видит. Результаты деятельности левого глаза испытуемый бессознательно приписывает активности своего правого глаза. Словом, если испытуемый видит (рефлектирует), что он **видит**, то он перестает видеть объект; а если он не видит (не рефлектирует), что он **видит**, в этом случае он видит **объект**. Таковы специальные эксперименты. Но они только добавляют резкости тому факту, что субъект восприятия может не присутствовать в поле восприятия воспринимающего (а в обрисованных особых условиях и не должен присутствовать, чтобы восприятие состоялось, – иначе восприятие будет тут же разрушено).*

Однако, почему, в силу каких причин, мы способны видеть объект, но при этом отнюдь не обязательно внутренним взором видеть себя *видящим* этот объект? На мой взгляд, таков очень интересный результат иден-

тификации индивида с другим индивидом, играющим роль «супервизора». Вот, представим себе ребенка, который смотрит на какой-то объект. Мы сейчас тоже посмотрим на этот объект глазами ребенка. Нам понадобится еще пара глаз, и это будут глаза взрослого. Давайте сделаем совершенно невинное предположение, что первоначально ребенок охватывает взором объект, на который смотрит также и взрослый, и – самого взрослого, смотрящего на этот объект. Еще один шаг, это принять предположение, что для ребенка «видеть» это первоначально значит: «смотреть» (а «смотреть» есть то же, что и «видеть»). Благодаря взрослому, смотрящему на объект, ребенок осваивает – говорим мы – что значит «видеть». Невольно подражая взрослому, устремляя глаза в направлении объекта, переживая соответствующие двигательные и зрительные ощущения, повторяя вслед за взрослым имя объекта, ребенок начинает рефлексировать себя в качестве видящего этот объект. Но при этом взрослый вначале должен быть непременно в поле восприятия ребенка (этот факт, конечно, самим ребенком не осознается). Ребенку нужно именно видеть, что взрослый видит (*смотрит*), чтобы осознать себя в качестве того, кто сам видит.

Теперь можно допустить, что по мере взросления, ребенку уже не обязательно непосредственно видеть взрослого, смотрящего на предмет, чтобы осознавать себя самого, видящим этот предмет. Взрослый может находиться вне поля зрения ребенка, смотреть из неопределенного «откуда-то оттуда». (Привычка помещать наблюдателя за пределы, охватываемые взором, в пределе – в бесконечно удаленную точку, настолько характерна для нашего мышления, что мы совсем не замечаем ее, и в силу этого, такие трудности представляет разгадка одного из мало известных, но изящных парадоксов, именуемых «шапкой-невидимкой»). Словом, для ребенка объект *есть* для того, кого *нет* наяву: кто-то «видит» объект, хотя сам невидим. Объект как бы несет на себе отпечаток взгляда взрослого, – отпечаток, «восстанавливающий» ощущение присутствия взрослого в сознании ребенка. Поразительна способность детей 2–3-х лет «показывать» родителям вещи «по телефону»! Их не смущает, что родители за тридевять земель и явно не выглядывают из телефонной трубки. Родители невидимы, но сами «видят». С ним-то, этими невидимками, и отождествляет себя ребенок. Так и он становится невидимкой. И есть для этого великолепное средство, отобранное веками. Это – «прятки». Прячась, ребенок наблюдает или представляет, что происходит вокруг, и, по сути, превращается в того самого взрослого, чье неусыпное око хоть часто и не видимо, но «видит всё»! Итак, вполне вероятно, что отождествляясь в этой игре с невидимым супервизором, ребенок впервые, а потом уже навсегда, приобретает способность «быть невидимым» в момент наблюдения за происходящим в мире, – то есть превращается в «Невидимку –1». Впрочем, в любой момент, он может вызвать в своем представлении образ того, *на кого* этот невидимка смотрит, и тогда «невидимка», став объектом, проступит, подобно уэллсовскому герою. Тому, правда, понадобилось умереть, чтобы стать види-

мым. Нам же достаточно «просто» превратиться в объект, перестав быть субъектом рефлексии.

Невидимка-2. Имеется в виду *субъект интроспекции* – индивид как субъект внутреннего самонаблюдения. Он, как выясняется – также склонен к подобным играм: «делаться» прозрачным, незримым, ускользающим. Вот результаты наших собственных исследований, задуманных в шестидесятые годы, а проведенных и опубликованных в восьмидесятые годы (то есть с большим интервалом во времени, что имело свои причины – тотальная борьба с «порочной практикой» интроспекционизма: диссертация Елена Михайловны Черепановой, выполненная под моим руководством, не была защищена). Суть подхода – а я назвал его «методом негативации» – заключается в том, что испытуемый был должен выполнить парадоксальную инструкцию: ему «просто» предлагают «не думать» (по аналогии с тем, как Хаджа Насреддин предлагал своим недругам «не думать о желтой обезьяне»). Здесь – очевидная параллель с медитационными техниками и философией медитации, о которых в «Космическом субъекте» пишет В. А. Лефевр. Итак, испытуемым не разрешается думать о каких-то конкретных событиях или запрещается думать «вообще», регламентируются воспоминания пережитого или образы будущего, ощущения, возникающие «здесь и теперь», и желания человека, то, что находится «вне» субъекта или «в нем самом» и т. д. и т. п. Поскольку испытуемые часто недоумевают по поводу предложенного задания, экспериментатор соглашается, и говорит, что «задание действительно парадоксально, но вы попробуйте!»

Вот некоторые данные, полученные нами, совместно с Е. М. Черепановой, при использовании метода негативации:

1. Каждый испытуемый характеризуется индивидуально своеобразным интервалом времени, в течение которого, как ему представляется, он «не думает» (интервал субъективного отсутствия мысли – одни: 3 секунды, другие – 30 секунд, третьи – 3 минуты, а кто-то – «бессрочно»: просто засыпает...);

2. Между возникновением мысли и ее осознанием существует некий интервал времени (он ретроспективно выделяется очень четко), в течение которого испытуемые не осознают присутствие своей мысли в сознании («я думал об этом, но заметил, что думаю только потом»). Существует индивидуальное своеобразие в том, как долго испытуемые не замечают присутствие собственной мысли в сознании.

3. Экстравертированные испытуемые значительно дольше переживают «отсутствие» мысли, чем интровертированные; содержание их сознания в интервале субъективного отсутствия мысли также оказывается различным;

4. Осознание собственных мыслей (*cogito*) как спутник мышления появляется лишь в подростковом возрасте;

5. Удалось выявить индивидуально-своеобразные средства саморегуляции, посредством которых люди достигают состояния субъективного

отсутствия мысли (релаксация или, наоборот, напряжение, ритмические действия, проговаривание детских считалок, концентрация внимания на чем-то, осуществление ритуализированных действий);

6. Многие взрослые испытуемые всё же не замечают парадоксальности ситуации, в которой они средствами мысли пытаются отвлечься от мысли (человек, например, говорит себе: «Ни о чем не думаю, ни о чем не думаю, ни о чем не думаю...» – ему не приходит в голову, что он думает, что ни о чем не думает; или, например: «...Пел песенку, песенка закончилась, и только тут появилась мысль об этом» и т. п.).

Итак – феномен до-рефлексивности (или – до-когитальности) мысли: мыслю, но не мыслю этого. То есть, меня, как субъекта мысли для меня самого, как бы и нет! Но в силу чего?

«Я понимаю, – говорит экспериментатор, вводя испытуемого в курс дела, – «не думать ни о чем» кажется вам чем-то невозможным... абсурдным... парадоксальным... Но вы всё-таки попробуйте!» Так, повторяю, говорит экспериментатор. И я уже рассказал вам о том, как испытуемые «пробуют» и *что* у них получается. А ведь получается! Вопрос состоит в том, почему – пробуют и почему – получается. Есть смысл рассмотреть ситуацию в терминах рефлексивной логики Лефевра. На мой взгляд, здесь происходит следующее. Мысль испытуемого (X) о том, что должно с его точки зрения произойти – «я не думаю, что я не думаю, что я не думаю и т. д. и т. п.», чему соответствует формула $(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + \dots)$, как бы погружается «в мысль другого человека» (экспериментатора – Y); *такой* мысли испытуемого X теперь соответствует формула $[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + \dots)_Y]_X$. Заметим, что мы вынуждены взять в кавычки выражение «мысль другого человека», потому что, строго говоря, речь тут идет не о мысли экспериментатора как таковой, а о его мысли, *отраженной* в мысли испытуемого. Но испытуемый (X) не рефлектирует этого, принимая свою мысль о мысли экспериментатора за мысль самого экспериментатора Y. Иначе говоря, формула $[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + \dots)_Y]_X$ не расширяется испытуемым до формулы $\{[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + \dots)_Y]_X\}_X$.

Что стоит за этим явлением? – Я думаю, ранний детский опыт, согласно которому «мысли другого» – это именно мысли *другого человека* (а не его собственные мысли). Детская ситуация, соответствующая этому инфантильному опыту, восстанавливается в экспериментальной ситуации. Регрессия возраста – своего рода ответ на парадоксальность инструкции. Экспериментатор, предлагающий задание, и комментирующий его как парадоксальное, как бы замещает собой фигуру думающего испытуемого. Теперь испытуемый думает «как экспериментатор», или как кто-то, подобный экспериментатору (например, говорит себе: «ни о чем не думать, ни о чем не думать, ни о чем не думать...»), не осознавая, что такова его собственная мысль.

Заметим, что дольше всего «не думают, что думают» экстраверты: вполне вероятно, что их сознание, как бы включающее в себя сознание

другого, не охватывает его извне, не рефлектирует как содержание собственной мысли. Оператор рефлексии, вероятно, при этом имеет строение $(1+x+ux)$. В отличие от них интроверты могут описаны оператором $(1+x+x^2)$. Заметим также, что именно в юношеском возрасте, cogito впервые выходит на сцену, становясь спутником мысли... А юношеский возраст – это, как известно, впервые переживаемые проблемы с «самостоянием», впервые посещающее личность чувство одиночества, «непонятости», собственной уникальности. И если младенчество – пора бессознательного солипсизма, то, юношество, это время осознанного солипсизма. Говорят: «счастье – это когда тебя понимают», но я думаю можно продолжить: «несчастье – это когда тебя понимают все». Это может быть сказано о времени, когда еще не хочется впасть как в ересь в неслыханную простоту... И наконец, можно заметить, каким образом испытываемые добиваются «исчезновения» мысли. Они совершают ритмические действия, расслабляются или напрягаются, повторяют детские считалочки, подвергают себя ритуалам... На языке транзактного анализа – они во власти Родителя. Родительское эго-состояние как бы замыкает собой их мысль: это не моя мысль, это кто-то во мне, кто-то через меня действует.

Таким образом, дурная бесконечность саморефлексии испытываемого «перекрывается» мыслью экспериментатора, которую испытываемый принимает за свою. «Мысль другого» в голове испытываемого – здесь своеобразный предел на пути «самораскрутки» его собственной рефлексии.

Обсудим, наконец, *последний вопрос: в чем разница между Невидимкой-1 и Невидимкой-2?* «Невидимка-1» – это результат идентификации индивида с невидимым наблюдателем («супервизором», который видит, но сам невидим). Невидимка-2 – это результат идентификации индивида с видимым или представляемым наблюдателем, который *замещает* собой рефлектирующего индивида. Невидимка-2 вызывает у меня в памяти предложенный кем-то проект построения логической шапки-невидимки. Эта шапка-невидимка состоит из бесчисленного множества очень тонких слоев непрозрачного материала, накладывающихся один на другой, и тем самым скрывающих один другой; их – бесконечность, и поэтому последнего слоя нет, – каждый скрывается под последующим; предмет, спрятанный в шапке – невидим в силу непрозрачности каждого слоя, который, впрочем, также невидим, так как экранируется другими и т. д.

Есть, впрочем, и **Невидимка-3**. Это – «здесь и теперь» бытие самости. Такое состояние индивида в принципе не может быть «схвачено» в переживании, образе, мысли. Ибо в тот самый момент, когда это состояние «здесь и теперь» достигает уровня своей отраженности – оно уже иное... Увы, нельзя видеть ту самую точку, с которой смотришь. Смотрение предполагает смещение.

ГЛАВА 4

«Личность» (Я в своих отражениях)

В чем состоит идея «личности»? В чем заключается преемственность этой идеи по отношению к идее «я», которая только что была нами рассмотрена? Личность есть не только «я» в его обращенности к другому (другим) «я», но и присутствие его «я» в «я» другого индивидуума (других людей), а также – присутствие «я» другого (других) в его собственном «я».

Мы также говорим в этом случае об идеальной представленности и продолженности себя в другом и другого в себе, что образует феноменологию «отраженной субъектности».

Понятие отраженной субъектности (В. А. Петровский, 1985 [73]) в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения: «Человек отражен во мне как субъект» – означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования данной ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного человека в другом, мы прежде всего имеем в виду отмеченное обстоятельство: первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла¹¹. Опишем три основные, *генетически преемственные* формы проявления отраженной субъектности. В первом случае перед нами запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой. В третьем – как претворенный субъект.

Запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Первый аспект анализа отраженной субъектности – это характеристика его в рамках проблематики межиндивидуального влияния, выступающего как эффект взаимодействия между людьми, непосредственно воспринимаемыми друг друга. Влияние, оказываемое одним человеком на

¹¹ Понятно, что возникновение отраженной субъектности возможно только на основе реальной деятельности, при условии осуществления людьми поступков, которые выступают в качестве действительного источника преобразования жизненного мира другого человека, раскрываются в общественной жизни как деяния. В этой связи необходимо подчеркнуть, что индивид в аспекте отраженной субъектности может выступать не только как субъект.

другого, может быть направленным и ненаправленным. В первом случае субъект, оказывающий влияние, ставит перед собой определенную задачу: добиться желаемого результата от объекта влияния, например, произвести на него впечатление, принудить сделать что-либо и т. д. Различают две формы подобного рода влияния: прямое – когда субъект влияния открыто представляет те или иные притязания; косвенное, когда он, имея цель модифицировать поведение другого, изменяет среду в расчете на получение требуемых ему откликов (от элементарных двигательных ответов до изменения личностных диспозиций другого лица). В обоих случаях влияние и воздействие относятся друг к другу как цель и средство, что составляет специфическую черту той категории явлений, которые традиционно описываются как феномены социального влияния и власти. Во втором случае влияние субъекта не связано с целью вызвать ту или иную запланированную ответную реакцию объекта влияния (ненаправленное влияние). Тем не менее эффект соответствующего действия может быть весьма ощутим. В значительной мере один из аспектов проблемы ненаправленного влияния разрабатывается в рамках изучения феноменов фасилитации – изменения эффективности деятельности одного субъекта в контакте с другим. При фасилитации направленность воздействий человека не связана с появлением у других людей каких-либо дополнительных моментов активности, например, целей, прямо не относящихся к решению ими исходной задачи. Таким образом, эффект влияния не относится здесь к целям того, кто оказывает влияние, но вполне соотносим с целями объекта влияния. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть особо, в силу того, что в значительной мере «незаполненным» остается тот участок проблемы межиндивидуального влияния, который противостоит как феноменологии социального влияния, так и фасилитации. Это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека, обнаруживающихся в сфере не запланированных проявлений активности последнего. Именно этот аспект проблемы межиндивидуального влияния представляет собой интерес для разработки феноменологии отраженной субъектности.

В частности, в этом пункте мы сталкиваемся с особой группой феноменов межличностного восприятия, прямо не соотносимых ни с объективными, ни с субъективными модусами социальной перцепции¹². Перед нами переживания индивидом того влияния, которое на него оказывает другой индивид и которое в данной ситуации фактического или воображаемого взаимодействия не вытекает из намерений этого последнего. Это переживание субъектом своей собственной динамики, характеризующее, как это ни парадоксально, личность другого человека, однако особую «часть» его личности – фрагмент его отраженной субъектности. Когда мы говорим: «Мне этот человек смешон» – то этим мы не хотим сказать, что этому че-

¹² О субъектном и объектном уровнях межличностного восприятия. См.: Хараш А. У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия. [125]. С. 3.

ловеку весело; наоборот, подобное высказывание может свидетельствовать об обратном. То, что происходит со мной (хочется смеяться над ним), выступает как характеристика не столько меня самого в присутствии другого, сколько именно его личности в моих глазах.

Переживание собственной динамики в контакте с другим человеком, по-видимому, выступает генетически начальной формой восприятия человека человеком.

Над ней далее надстраиваются уровни объектного и субъектного восприятия. Мы называем указанную форму социальной перцепции метасубъектной. Метасубъектный «слой» межличностного восприятия не является какой-либо внешней и необязательной «добавкой» к субъектному и объектному слою. Он составляет специфическое, неотъемлемое условие и продукт межличностного восприятия.

Идеальный значимый другой. Следующей формой проявления отраженной субъектности является феномен действительности идеального образа отражаемого индивида в системе реальных или воображаемых контактов с ним индивида – носителя отражения. В феномене действительности находит свое выражение эффект идеальной продолженности первого индивида во втором. В рефлексивном плане жизненная ситуация индивида, являющегося носителем подобного действительного идеального образа другого индивида, выявляет в себе как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра. Находясь на чужой «территории», другой человек образует «государство в государстве». Жизненный мир человека, заключающего чью-либо отраженную субъектность, может быть представлен в виде эллипса, имеющего два фокуса: Я и Другой во мне. Это психологическое строение жизненного мира может сохраняться даже тогда, когда другого значимого для нас человека фактически, наяву, нет рядом.

Точные слова для обозначения интересующего нас явления мы находим у Л. Н. Толстого в его «Трактате о жизни»: *«Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем. ...Осталось воспоминание – не воспоминание его рук, лица, а воспоминание его духовного образа... Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая невидимая, неведущая атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, что оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не умень-*

ишлась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, действует на меня.

*...На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такую же, какая она была при плотском существовании моего брата, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни?.. Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он все-таки держит меня и, следовательно, существует [122]*¹³.

Перед нами не обычный способ воспоминания, а «что-то такое, что действует на меня», оно «не есть только представление». Воспоминание это описывается как «невидимая, невещественная атмосфера», которая наделена признаками действительности, динамичности, силы: она «действовала на меня и других» и «требует от меня» чего-то. Брат, запечатленный в переживаниях повествователя, составляет отныне часть его собственной жизни, часть, которая переживается «всем существом», но тем не менее не сливается с авторским Я, остается силой, действующей не только в нем, но и на него. Ни образ брата, ни объединение себя с братом, в котором оба стали бы неразличимы, не составляют, следовательно, сути того образования, которое столь тщательно описывает Л. Н. Толстой. Перед нами особая форма отраженной субъектности, которая должна быть и особым образом названа, психологически осмыслена, чтобы не был упущен главный определяющий ее признак, указанный Л. Н. Толстым: «его (другого человека) отношение к миру, уясняющее мне мое отношение к миру».

Для ее обозначения можно было бы прибегнуть к термину «интроспект», который кажется значительно более адекватным для описания, чем многие другие.

Но термин «интроспект», используемый прежде всего в психоаналитической литературе, интерпретируется уже, чем это нам необходимо, и при всей неодинаковости дефиниций в основном описывается как «производящая основа идентификации». Нас же интересует более широкий круг явлений межиндивидуального отражения, в которых отражаемый субъект выступает для отражающего его субъекта как идеальный значимый другой.

Присутствие идеального значимого другого создает почву для проникновенных феноменологических описаний соответствующего круга явлений. Причина здесь заключается в том, что духовный образ другого человека существует в переживании тех, кто является их носителем, относительно автономно от переживаний собственного Я, и поэтому может быть с той или иной степенью достоверности и отрефлексирован как бы со стороны. В художественной литературе, в произведениях классиков содержатся характеристики отраженной субъектности на уровне идеального зна-

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1956. Т. 26. С. 412.

чимого другого (в русской литературе замечательные описания действенной идеальной представленности одного человека в другом встречаем у Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака и др.).

Но идеальный значимый другой характеризует лишь ступень восхождения к той форме отраженной субъектности, которая может быть обозначена как завершающая.

Претворенный субъект. В последнем случае опыт непосредственного самоанализа, опирающегося на актуально присутствующие в сознании субъекта переживания, уже невозможен. Только перед исследователем или перед человеком, фактически анализирующим себя как исследователь, выступает последняя, выделяемая нами форма, которую мы обозначаем как ступень претворенной субъектности. Отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что *Я*, этого последнего, оказывается внутренним и радикальным образом опосредствовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. В данном случае, на этапе претворенного *Я*, фактически теряется взаимоотноительность субъектов, и, следовательно, разрушаются диалогические формы взаимоотношения между ними: ведь *Я* одного здесь уже неотделимо от субъективированного им *Я* другого. Точнее, диалогическая оппозиция другому в данном случае выступает как самоконфронтация, как проявление борьбы с собой. Теоретически могут быть выделены три разновидности претворенного *Я*: идентификации, конфронтация (представление о подобной форме претворенного *Я* иногда может быть осмыслено согласно формуле И. С. Кона: «Негативизм – это конформизм наизнанку»), конвергенция (в частности, становление *Мы*).

Какие же механизмы отражения должны быть приведены в движение, чтобы воспроизвести «чужое» отношение к миру, «уясняющее мне мое отношение к миру» и целостный эффект субъективации чужого *Я*, который выступает в феноменологии претворенной субъектности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать не с анализа самого акта отражения, а с того, что должно быть отражено в нем, то есть с «субъекта», понятие о котором фактически складывается у нас на протяжении всей этой книги.

Понятие «субъект» многопланово. Не сливаясь с понятием «индивид», оно выступает в психологии под разными именами: «Я», «Деятель», «Личность». За каждым из этих имен в психологии вырисовывается та или иная форма проявления активности человека. Имея в виду собственную «динамику индивида», его самоизменение, индивида как «*causa sui*» («причина себя») и порождаемую ими феноменологию субъективности, мы говорим о субъекте как «Я». Вовлекая в круг рассмотрения процессы опредмечивания, описывая индивида в аспекте предметной деятельности, мы выходим за пределы индивидуального *Я*, и субъект теперь выступает перед нами под именем «деятель». Но и это определение субъекта не являет-

ся завершающим. Следующее – это понимание субъекта как источника деяний: реальных изменений, которые он произвел в жизни окружающих его людей и в самом себе, – изменений, которые значимы не только для него, но и для окружающих его людей, даже если они выходят за пределы собственных его побуждений и намерений. В этом последнем аспекте субъект выступает собственно как «личность». Понятие «личность», как видим, необходимо включает в себе понятие «Я» и «деятель», (мы рассматриваем здесь зрелые формы деятельности, соотносимые с категорией «личность»). Различая имена субъекта, мы как бы объединяем их в единую «семью», выделяя в качестве общего для них – фамильного – признака представление о внутренней динамике как источнике внешней динамики, иначе говоря: признак некоторого перехода от внутреннего к внешнему, причинно-следственное отношение, в котором индивид выступает как инициативное, ведущее звено.

И, следовательно, «отраженная субъектность» должна быть теперь понята таким образом, что один индивид в своих психических состояниях и процессах, в проявлениях собственной субъектности воспроизводит причинно-следственные переходы и превращения, продуцируемые другим индивидом: что теперь эти определяющие субъектность другого человека переходы и превращения перенесены на новую почву – на «территорию Я» первого индивида, в его жизненный мир, и образуют то, что мы уже обозначили как «инобытие» одного индивида в другом.

Сказанное вплотную подводит нас к мысли, что *отраженная субъектность должна быть осмыслена как субъектность самого отражения*, что идеальной представленности одного человека в другом присущ активный, «незеркальный» характер. Да и может ли быть иначе, если термин «отражение» мы берем в его точном значении? Отражить что-либо – это значит воспроизвести *существенные*, определяющие черты отражаемого: в данном случае – признак действительности, активной причинности индивида по отношению к чему-либо, происходящему в нем самом, в других людях, в предметной действительности.

Вот почему «отраженная субъектность», немислимая вне актов и продуктов межличностного восприятия, к ним не сводима и должна быть выделена в особую категорию психических явлений. Тем не менее, представляется, что природу интересующего нас образования характеризуют два психологических механизма, сближающих проявления отражающей субъектности и межличностного восприятия. Это, как нам кажется, механизмы каузальной атрибуции (приписывание причинности) и опережающего отражения (предвосхищения необходимого развития событий). Последний может быть назван еще механизмом «выведения следствий». Приписывая другому человеку стремления (каузальная атрибуция), мы отчетливо переживаем необходимость последующих его воздействий на окружающие его предметы (опережающее отражение) и, таким образом, отражаем индивида со стороны активности *его Я*. Наделяя его определен-

ными намерениями (каузальная атрибуция), мы предвосхищаем предметные результаты его деятельности (опережающее отражение) и, с этой стороны, он открывается нам как деятель. Наконец, приписывая ему функцию контроля над социальными последствиями производимой им предметной деятельности (опять-таки каузальная атрибуция), мы прогнозируем соответствующий социальный эффект (снова опережающее отражение), и в этой связи отражаем субъектность индивида со стороны его деяний, то есть в собственно личностном измерении.

Хотя механизмы каузальной атрибуции и опережающего отражения – каждый в отдельности – относятся к феноменологии социальной перцепции, охарактеризованное здесь их совместное, содружественное действие выходит за пределы перцептивных процессов и образований. Это и понятно: образы восприятия в собственном смысле всегда даны нам как что-то внешнее, внеположное. Отраженная же субъектность не противостоит человеку, осуществляющему отражение как образ какого-либо предмета, как образ созерцания. (Заметим, что понятие «познание», которым охватывается понятие «восприятие», уже по своему объему, чем понятие «отражение»). Понятие «познание» соотносимо по своему объему с понятием «субъективное», понятие же «отражение» – с более широкой категорией «идеального» (в значении, придаваемом этому понятию Э. В. Ильенковым). Подобно тому, как субъектность индивида не есть сама по себе его интенциональность или осуществленность действия, а представляет собой необходимый переход от внутренней динамики к внешней, от события-причины к событию-следствию, то есть подлинным образом раскрывается как становление причины следствием, так и отраженная субъектность на каждой из своих ступеней и в движении от ступени к ступени представляет собой переход от акта каузальной атрибуции к акту опережающего отражения. Это движение сравнимо с развитием музыкальной темы: каждая новая музыкальная фраза, звучащая как бы самостоятельно и отдельно от воспринимающего, концентрирует в себе неизбежное движение перехода от предшествующей к последующей фразе. И этот переход переживается как осуществляющийся в самом воспринимающем субъекте; движение этого перехода не может быть противопоставлено субъекту как его созерцание.

Понятие отраженной субъектности выражает собой, таким образом, особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение. Это движение может совсем не осознаваться им,

а в случае, если задача осознанная и возникает, то далеко не всегда оно обретает опору в образах и заключенных в них значениях. Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений к миру последнего. В этом движении непосредственно выявляется при-

чинность первого по отношению ко второму, его субъектность как «авторствование».

Итак, отраженная субъектность, не являясь только образом, выступает как продолженность одного человека в другом, как смысл первого для второго, в динамике¹⁴ определений бытия последнего. По существу речь идет об инобытии одного человека в другом. Эти соображения лежат в основе построения *экспериментального метода отраженной субъектности*.

Идея предлагаемого метода заключается в следующем. Экспериментатор оценивает или измеряет психологические особенности какого-нибудь индивида, выступающего в роли испытуемого, по тем или иным известным или новым методикам (проективным, психосемантическим, «деятельностным» и т. д.) и выявляет устойчивые характеристики этого индивида в соответствующих измерениях. Они принимаются за точку отсчета.

Теперь предлагается включить другого индивида (мы его называем «*исследуемым*») во взаимодействие с первым. Сдвиг в проявлении индивидуальности испытуемого выступает в качестве исходной характеристики личности *исследуемого*. Предполагается, что мерой его личностности служит фиксируемая экспериментатором степень изменения поведения и сознания других людей, которое значимо для этих других, для их собственного самоопределения. Таким образом, мы подступаем к явлениям отраженности, запечатленности *исследуемого* в системе индуцируемых им изменений жизненных проявлений испытуемых, что и обрисовывает личностный модус индивидуальности *исследуемого* как источника нового смысла для испытуемого. Подобный подход к изучению личности может быть, следовательно, обозначен как *принцип отраженной субъектности*.

Среди форм и способов «предъявления» *исследуемого* испытуемым можно выделить следующее: 1. Реальное взаимодействие *исследуемого* и испытуемого в пределах экспериментальной ситуации; 2. Фактическое присутствие *исследуемого* в ситуации осуществления испытуемыми той или иной деятельности при соблюдении условия невмешательства; 3. «Материализованные репрезентации» *исследуемого* испытуемому: предъявление фотографий, голоса, записанного на магнитофон, предметов, символизирующих присутствие *исследуемого*; 4. Включение *исследуемого* или его символических замещений в структуру экспериментального материала, например, включение их в саму «картинку» проективного теста; 5. Квази-

¹⁴ Любая изощренная попытка «схватить» движение в созерцании — «бабочка света, красота ускользает..., а в руках остается одно очертание бегства» (Хименес) — всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя или лишь иллюзорно преодолевая извечную дистанцию между образом созерцания и неподвластным ему движением. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал «флогистон», то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу именно таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души; «субъектность», которая так напоминает живое пламя, так же, как и огонь, невещественна и неостановима в полете, и в образе воспроизводится приблизительно и условно.

присутствие–гипнотическая актуализация образа *исследуемого*, «мысленное» присутствие и т. п.; 6. Субсенсорное предъявление стимулов, связанных с *исследуемым* (его имени, фотографий и др.); 7. Воспроизведение ситуаций, в которых имело место взаимодействие испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа последнего; 8. Экспериментальные условия, аналогичные только что описанным, при гипнотическом внушении испытуемому «забывания» *исследуемого*; 9. Включение испытуемых в такие ситуации, которые были бы сходны с предшествующими ситуациями взаимодействия испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа *исследуемого* (условие «нулевой» репрезентации).

Первый из названных способов «предъявлений» позволяет реализовать исследования прямого или косвенного, намеренного или ненамеренного влияния, улавливая соответствующие эффекты запечатленности *исследуемого* в проявлениях активности испытуемых. Формы репрезентации *исследуемого*, начиная со второй по шестую, нацеливают на выявления характеристик его отраженной субъектности, выступающей на уровне идеального значимого другого. Остальные формы репрезентации представляют интерес в плане оценки претворенной субъектности.

Основные методические трудности, обусловленные отсутствием какой-либо традиции соответствующего экспериментального исследования, возникают в основном при изучении отраженной субъектности во втором из выделенных ее вариантов, переходном между первым и третьим. В этом аспекте деятельность испытуемых актуально опосредствуется идеальными репрезентациями *исследуемого*. Поэтому главный акцент при описании того, как практически «работает» метод отраженной субъектности, мы здесь сделаем на основе освещения данных о том, как «вмешивается» идеальный значимый другой (*исследуемый*) в выполнение экспериментальных заданий испытуемыми.

Отметим в порядке иллюстрации несколько исследований, проводимых на основе предложенного автором метода. Так, в работах Ю. В. Янотовской и, независимо от нее, И. Г. Дубова, [77], изучалась мера идеальной представленности (персонализации) творческих учителей в учениках: в исследовании ученики включаются в словесный ассоциативный эксперимент, затем по частотному словарю выявляется уровень оригинальности ассоциаций. Показано, что в присутствии учителей, которые по экспертным оценкам описываются как творческие личности, оригинальность ассоциаций учеников возрастает.

В исследовании А. В. Воробьева [77] школьникам предъявлялась игровая задача, которую требовалось решить самостоятельно, не отступая от правил. В одной из экспериментальных серий перед испытуемыми-шестиклассниками находился портрет их учителя. Выяснилось, что предъявление портретов некоторых учителей не вызывало изменений в добросовестности учащихся, предъявление портретов других учителей стимулировало более добросовестную работу. Примечательно, что портреты не-

которых учителей оказывали неблагоприятное воздействие, вызывая падение правдивости учащихся, нарушение правил «исподтишка». В работах того же исследователя выяснено, что предъявление одного только голоса учителя (при полной стертости, невнятности содержания речи) вызвало изменение в интерпретации учениками сюжетных ситуаций проблемного типа; одни учителя повышали «доброжелательность» интерпретаций во взаимоотношениях между героями специально отснятого фильма, другие способствовали негативным интерпретациям взаимоотношений между героями. Та же техника репрезентации позволила выявить факты стимуляции познавательной активности учащихся при решении ими интеллектуальных задач учебного типа. (Было бы интересно выявить возможную динамику «зоны ближайшего развития» детей – расширение или сужение ее границ в условиях контакта ребенка с разными взрослыми).

С использованием предложенной А. Л. Крупениным техники «псевдовоздействий» значимых других удастся выявить факт изменения уровня «непрагматического риска» при условии подобного мнимого «воздействия» на субъекта-перципиента. Участникам эксперимента сообщали, что будет проверяться гипотеза о существовании «биополей». «Субъектом-индуктором» становился *исследуемый*, «субъектом-перципиентом» – испытуемый. *Исследуемый* должен был «воздействовать» на испытуемого, сидящего за прибором – «рискометром», [77]¹⁵, находясь рядом (за спиной испытуемого) или издалека (из другой комнаты). Обоим было известно, что вследствие «воздействия» должна быть «повышена точность» работы испытуемого, состоящая в экстраполяции движения сигнала-объекта в «тоннеле». Как первый, так и второй участники опыта не знали, что в эксперименте выявляется уровень стремления человека к риску, а также зависимость именно этой тенденции (а не самой по себе точности остановки сигнала-объекта в тоннеле) от факта идеального взаимодействия между испытуемым и «ассистентом» (т. е. в данном случае *исследуемым*).

В специальной экспериментальной серии было показано, что одного только внушающего влияния экспериментатора, повышающего уверенность испытуемого в точности его собственных действий, оказывается недостаточно для стимуляции тенденции к риску. В этой серии испытуемому вручали металлический стержень, соединенный проводом с корпусом прибора, на котором проводилось исследование, и сообщали, что по этому проводу будет «передаваться» определенное воздействие от особого устройства – «суггестометра», якобы повышающего точность выполнения задачи. Большинство испытуемых при этом оценивали свою работу как более точную, чем в предыдущих сериях (без суггестирующего воздействия), однако уровень стремления к риску оставался прежним. Кроме того, на значительной экспериментальной выборке (более 900 испытуемых) А. Л. Крупениным было показано, что колебания уровня стремления к

¹⁵ Название прибора – «Рискометр» – разумеется, не фигурировало в общении с испытуемыми.

рisku у испытуемых нельзя объяснить естественными флуктуациями активности в экспериментальной ситуации, располагающей к риску (коэффициент корреляции между повторными сериями с интервалами: 2 недели, 3 месяца, полгода – не менее 0,82). В случаях, если эксперимент проводился с незнакомыми прежде участниками, наблюдалось приблизительно равное отклонение в сторону повышения или понижения уровня стремления к риску. Причем у трети испытуемых риск сохранял свое исходное значение. Однако в тех случаях, когда участники эксперимента были знакомы между собой, в условиях «воздействия» выявлялась значимая тенденция к повышению показателей прагматически немотивированного риска по сравнению с данными индивидуальной серии.

Соответствующие сдвиги независимы от социометрического и референтометрического статуса *исследуемых* и испытуемых в группах, из которых формировались экспериментальные диады. Таким образом, основным фактором сдвига к риску является наличие ранее сложившегося межиндивидуального контакта между испытуемыми и *исследуемыми* которых, по-видимому, можно интерпретировать как достигнутую опытом общения запечатленность исследуемого в системе «смысловых установок» испытуемого.

Для описания следующей группы фактов, полученных в том же исследовании, не имеющих пока вполне убедительного истолкования, мы используем заимствованный из математической логики термин – «отношение эквивалентности». Последнее, как известно, удовлетворяет трем формальным условиям: «симметричности» ($ARB=BRA$), «транзитивности» ($ARB \& BRC = ARC$) и «рефлексивности» (ARA). В нашем случае это означает, что если индивид А в определенном направлении изменяет стремление к риску у индивида В, то последний (В) вызывает аналогичное изменение у первого (А) (условие «симметричности»); если индивид А индуцирует повышение или снижение уровня стремления к риску у индивида С, а В – соответственно у С, то с высокой вероятностью обнаруживается соответствующее влияние А на С (условие «транзитивности»).

Именно эти факты наблюдались в исследовании. Для проверки условия «рефлексивности» мы провели дополнительную серию, которая, возможно, могла бы вызвать возмущение у тех, кто верит в «силу биополей». Экспериментатор делал вид, что он «записывает» собственные «биополя» испытуемого (в действительности, конечно, никакой записи чего-либо и обратного предъявления не было)¹⁶. В результате оказалось, что участники исследования, не вызывающие изменения уровня стремления к риску у других лиц, в серии «самовоздействия» не изменяли собственного уровня

¹⁶ После окончания эксперимента с испытуемыми проводилась беседа, из которой они узнавали о задачах исследования, и в частности, о том, что гипотеза об экстрасенсорных воздействиях в эксперименте не проверялась и тем более не подтверждалась.

риска; вместе с тем участники эксперимента, варьирующие уровень риска у других, вызывали аналогичные изменения у самих себя.

Следовательно, подтверждалось и свойство «рефлексивности» производимых влияний, и в целом перед нами открывалось отношение эквивалентности, разбивающее множество испытуемых на два противостоящих друг другу подмножества: подверженных и вместе с тем подвергающих влиянию и – «независимых», находящихся вне отношения влияния. Приведенные данные нуждаются, конечно, в дополнительном исследовании и объяснении.

Трудно интерпретируемые факты получены нами также при исследовании динамики ряда феноменов восприятия, обусловленных идеальным присутствием значимого другого. Б. М. Величковский (в личной беседе) обратил наше внимание на возможную взаимосвязь персонализации и перцепции. Одна из таких иллюзий – вариант фигуры Г. Каниззы [20], с иллюзорным контуром, несколько модифицированной нами, – послужила предметом анализа.

В поле зрения испытуемого – четыре фигуры черного цвета, представляющие собой круги с вырезанными в них секторами. Иллюзия состоит в том, что условный квадрат, «наведенный» этими секторами, в глазах наблюдателя превращается в реальный белый квадрат, то есть становится «видимым» (см. рис. 9, а).

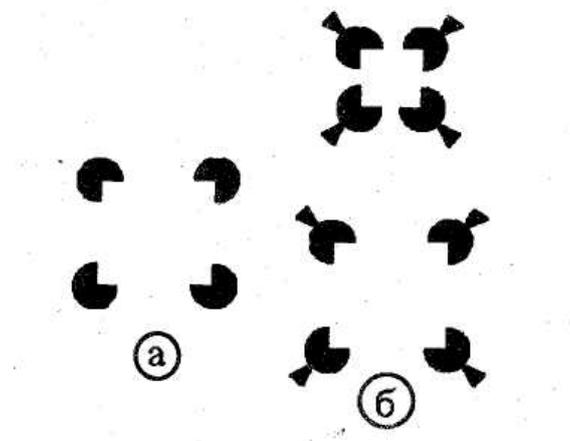

Рис. 9. *Фигуры Каниззы:*

а – исходная фигура; б – модифицированный вариант для детей

Действительно ли "присутствие" значимого другого лица может отразиться на характере переживания этой иллюзии? Приведем некоторые данные, полученные в дипломной работе, выполненной под нашим руководством Е. И. Кузьминой [78].

Прежде всего, необходимо было измерить силу иллюзии. Для этой цели мы предъявляли испытуемым слайды, где расстояние между черными кружками менялось от меньшего к большему; в некоторый момент иллюзия белого контура, весьма ощутимая при небольшом расстоянии между кружками, пропадала, тем самым мы устанавливали порог исчезновения иллюзии.

Далее, поскольку эксперимент проводился с детьми дошкольного возраста, необходимо было адаптировать для детей инструкцию и несколько модифицировать предъявляемый тест. Остроумное решение этой задачи предложила Е. И. Кузьмина. Кружки с вырезанными секторами были "превращены" в головы рыб с пририсованными "хвостиками" (см. рис. 9, б).

Четыре рыбки "держат платочек", который в определенный момент они выпускают изо рта. Требуется сказать, когда "платочек" "выскользнет". В первой серии дети многократно решают эту задачу в присутствии только экспериментатора. Во второй серии им предлагают представить, что рядом с ними находится их воспитательница. Сравнивается порог исчезновения иллюзии в первой и во второй сериях. Эксперимент, проведенный на 52 детях, показал существование весьма заметных отличий между сериями – воображаемое присутствие воспитателя сочеталось более поздним исчезновением иллюзии; выраженность иллюзии, таким образом, была значительно выше во втором случае когда "рядом" оказывался значимый другой человек.

Для объяснения этого факта потребуется специальная экспериментальная работа, направленная на проверку ряда гипотез, в различной мере специфицирующих собственно интерперсональный аспект интересующего нас влияния. Например, динамика перцептивной продукции может быть объяснима факторами, лежащими в стороне от процессов межличностного общения и не имеющими какого-либо прямого отношения к проблеме персонализации (распределение внимания между внешним стимулирующим материалом и внутренним, представленным в сознании субъекта значимым объектом вообще). Или – в большей мере "субъективно-центрическим" образом: как эффект снижения дифференцированности восприятия, обусловленный снижением критичности испытуемого под влиянием значимого другого (гипотезы "доверия", "распределения ответственности" и т. п.). Или, наконец, как проявление специфической интересубъектной детерминации перцептивной деятельности (гипотеза "проигрывания" конструктивной активности другого, высказанная Б.М. Величковским).

Рис 10. Образец бланка, заполнявшегося испытуемыми на второй стадии исследования

В совместных исследованиях с Е. Ю. Увариной [71] мы прослеживали обусловленную другим человеком динамику образа Я индивидуума. Испытуемым предлагается оценить себя по некоторому набору (типа "звездочки" А. Ф. Лазурского) неградуированных шкал, расположенных перед ним и образованных веерообразно расходящимися из центра лучами (подобное расположение оправдано необходимостью проведения последующих серий). Предложенный набор качеств отражает весьма значимые для человека аспекты его бытия: "ум", "сила воли", "знание себя", "оригинальность мышления", "ощущение себя личностью" и т. п. (см. рис. 2).

Далее, во второй серии, испытуемым под видом самооценок другого человека предъявляли их же собственные самооценки (круговое расположение лучей "сбивало" испытуемых, не позволяя идентифицировать предшествующие ответы; кроме того, было изменено взаимное расположение шкал, что дополнительно затрудняло узнавание) и предлагали вновь себя оценить. Нас интересовало, не проявится ли у испытуемых тенденции к изменению самоописания, когда им предъявляют их первоначальные оценки как оценки, данные другими людьми самим себе. Подобное изменение, действительно, наблюдалось. Учащиеся при предъявлении им "самооценок" равных по рангу успеваемости одноклассников воспроизводили свои предшествующие оценки; но в гетерогенных парах (условно "двоечники" – "отличники", "отличники" – "двоечники") наблюдалась существенная перестройка ответов. Испытуемые, стремясь как бы "отмежеваться" от образа другого человека, чем-то существенно отличного от себя, фактически отказывались от своего первоначального "видения" себя, причем эта динамика прежде всего затрагивала качества, значимые для успеха в учебной деятельности ("ум", "неординарность мышления" и т. д.); в целом сдвиг наблюдался по 10 из 16 параметров самоописания.

Один из путей фиксации влияний, оказываемых *исследуемым* на *испытуемых*, – использование модифицированных проективных тестов. Единицей анализа личности исследуемого здесь выступают изменения проективной продукции испытуемого, производимые исследуемым. Изменения, о которых идет речь, показательны для оценки личности исследуемого в случае выхода за рамки ситуативных индивидуальных вариаций проективной продукции испытуемого.

Так, в совместном исследовании с И. П. Гуренковой (1985, [75]) динамика проективной продукции под влиянием другого лица нами прослеживалась на материале модификации фрустрационного теста Розенцвейга (см. рис. 11). В частности, удалось выявить изменение направленности агрессии в ситуации фрустрации по характеру доминирования вплоть до смены на противоположный тип доминирования (экстрапунитивное доминирование замещается интрапунитивным и т. п.).

Рис. 11. Пример проективного текста: а – в обычном варианте; б – в модифицированном (В. А. Петровский, 1985)

При построении конкретных экспериментальных методик, реализующих принцип отраженной субъективности, необходимо было учитывать два обстоятельства, которые мы проанализируем особо.

Первое из них – назовем его правилом "индивидуальной специфичности" – состоит в том, что *исследуемый* должен выступить в проявлениях активности *испытуемого* именно своими субъектными чертами. Иначе говоря, его действие на испытуемого должно нести на себе печать индивидуального своеобразия, авторствования, свободно от каких-либо эффектов внеиндивидуального безличного влияния, которое один человек в ситуации социального взаимодействия мог бы оказать на другого. Один из случаев подобного безличного влияния может быть обозначен как эффект присутствия "человека вообще", или, как еще можно о нем сказать, "эффект свидетеля". Примером экспериментального разведения "эффекта сви-

детеля" и эффектов собственно отраженной субъектности может послужить исследование динамики фрустрационных реакций в присутствии другого. В работе И. П. Гуренковой была предпринята попытка "перенормировки" сырых тестовых данных, характеризующих тип и направленность протекания фрустрационных реакций в связи с введением материалы теста третьего лица как наблюдателя "вообще*" (изображенного на каждой из 24 картинок теста Розенцвейга пунктиром). Первоначально испытуемым сообщалось, что это просто человек, находящийся в данной ситуации, который видит все происходящее, но сам в разговор между действующими лицами не вступает. Далее безличная фигура "третьего" индивидуализировалась: испытуемым сообщалось, "кто" этот третий. Оценка изменений проективной продукции строилась на основе сравнения серии с персонифицированным другим и серии с "другим вообще" (групповые нормы реагирования в которой оказываются иными, чем в ситуациях без свидетеля – "эффект свидетеля").

Другой случай индивидуального влияния, который также должен быть по возможности учтен и изолирован в исследовании, мы обозначим как "статусно-ролевой эффект". Здесь перед нами такой тип межличностного влияния, когда оно, например, детерминировано профессиональной принадлежностью исследуемого, его положением в социальной организации ("авторитет власти") или мнением, которое сложилось о нем (феномен Хлестакова), социальными стереотипами реагирования, связанными с его половой или возрастной ролью, национальностью и т. д.

В дипломном исследовании А. Н. Смирновой (1986) была предпринята попытка специально проследить роль индивидуальной и статусно-ролевой обусловленности проявлений самовосприятия студентов в присутствии преподавателя. Метод отраженной субъектности был реализован здесь с применением методики "Личностный дифференциал" (в разработке А. Эткинды). Испытуемые несколько раз подряд оценивали себя по шкалам соответствующего опросника (включавшего названия 21 личностного качества, которые объединены в три категории – "Сила", "Активность" и "Оценка"). В первом случае они должны были ответить, каковы они в своем представлении ("Я в своем представлении"); во втором – каковы они в момент подготовки к экзамену; в третьем – описать себя на вечеринке при встрече с приятелем. Кроме того, по тем же шкалам испытуемые должны были оценить двух преподавателей, указанных экспериментатором. Эти преподаватели поочередно вели семинарские занятия с обследуемыми студентами по одному и тому же учебному курсу. Наконец, испытуемые должны были вновь себя оценить, представив, что они готовятся к сдаче экзамена каждому из двух преподавателей, а также еще раз оценить себя в маловероятной, но все же возможной ситуации: преподаватель – в их приятельском кругу. В эксперименте выявились существенные отличия в самовосприятии студентов в тех случаях, когда они мысленно "проигрывали" ситуацию подготовки к экзамену вообще (перед абстрактным экза-

менатором) и к сдаче экзамена конкретному лицу. Этот результат можно было бы объяснить актуализацией представлений, связанных со специфической учебной материальной (который может предъявлять различные требования к способностям учащихся, быть по-разному интересным и т. д.), и подобное влияние, безусловно, имело место. Однако нас здесь интересовал не эффект "абсолютного" влияния конкретного лица в той или иной роли в отличие от эффекта влияния роли самой по себе, а сравнительный "вклад" разных людей, реализующих одну и ту же роль, в самовосприятие других. И действительно, наблюдались обусловленные каждым из двух преподавателей достоверные различия в самоописании студентов как по отдельным шкалам, так и по категориям шкал.

Картина индивидуально-специфического влияния открывается и в сериях воображаемого общения студентов с преподавателями во внеучебной ситуации. Однако, направленность сдвигов в проявлениях самовосприятия у студентов в ряде случаев здесь иная, чем в ситуации представляемого учебного взаимодействия. Поэтому можно утверждать, что в эксперименте мы фиксируем эффект взаимодействия индивидуально-специфического влияния и влияния со стороны содержательной специфичности ситуации (ситуативный фактор). Проведенные и планируемые исследования должны раскрыть достаточно полную картину детерминации наблюдаемых сдвигов, в рамках которой только и может быть "локализован" собственно индивидуальный аспект влияния.

Рельефную картину отличий индивидуально специфического влияния людей и эффектов фасилитации, обусловленных присутствием другого "вообще", открывают исследования И. Г. Дубова. Им был избран классический вопрос, разрабатывавшийся еще в ранних работах Г. Оллпорта, — о возможной динамике ригидности человека в присутствии другого лица. Однако в данном случае в цели исследователя входила оценка прежде всего характера персонализации одного человека в другом, где мог бы выступить не абстрактно-социальный момент влияния, а влияние индивидуальности первого на проявление ригидности (флексibility) второго. В качестве *исследуемых* были отобраны выпускники педагогических институтов, которые по совокупности известных и дополнительно разработанных автором исследования тестов оценивались как "гибкие" ("флексibilityные"). Далее по группе исследовательских методик и тестов оценивалась гибкость — ригидность учеников тех классов, в которые были распределены отобранные для исследования учителя (замеры со школьниками VIII и IX классов проводились в первых числах сентября). В конце учебного года в условиях непосредственного и воображаемого присутствия учителей и в независимой серии ученики вновь подвергались исследованию.

В итоге была подтверждена гипотеза, согласно которой "гибкие" учителя продуцируют сдвиг в сторону большей гибкости у учеников по сравнению с учителями, не акцентированными по этому качеству. Этот результат опровергает уже начинающую становиться традиционной (в ре-

зультате исследования фасилитации) точку зрения, согласно которой присутствие другого лица повышает ригидность того, кто непосредственно действует. Эта точка зрения, вполне оправданная в рамках изучения фасилитации как влияния "человека вообще", оказывается ограниченной при интерпретации индивидуально-специфического влияния, реализующего процессы межсубъектного отражения.

Второе обстоятельство, учет которого обязателен при построении интересующего нас класса методик, назовём правилом «идеальной включенности». Суть этого условия состоит в том, что исследуемый внутренним образом включен в ситуацию деятельности испытуемого, вступает с ним в идеальное взаимодействие; источником интересующих экспериментатора влияний его на испытуемого является именно интрапсихическая запечатленность и действенность его в испытуемом. В экспериментальной ситуации "работает" не сам по себе исследуемый – "работает" его образ в голове испытуемого, интроецированные содержания, субъективации, актуализированные его реальным или воображаемым участием в экспериментальной ситуации.

Реализация указанного методологического условия может быть осуществлена двояким образом. В первом случае исследуемый реально присутствует в ситуации выполнения экспериментального задания испытуемым, однако лишен возможности прямо оказать какое-либо содействие испытуемому. Влияние *исследуемого* идет как бы в обход ситуативно-необходимому характеру его активности. Так, в одном из экспериментов, ранее уже описанном нами, испытуемые "отличники" своими ошибочными действиями (при решении задач "четыре точки"), отнюдь не стремясь оказать помощь слабоуспевающим, тем не менее, повышали уровень креативности последних.

Отмеченное методологическое требование, таким образом, реализовывало технику "иррелевантных" воздействий. Во втором случае исследуемый физически отсутствует в экспериментальной ситуации, однако как бы вводится в круг переживаний испытуемого (предъявляются его фотография, голос, его символические замещения вводятся в материалы проективного теста и т. п.). Этот вариант создания эффекта присутствия может быть назван техникой символической репрезентации исследуемого испытуемому (например, исследование А. В. Воробьева).

Только что сформулированные правила построения экспериментальной ситуации, воплощающей принцип отраженной субъектности, а именно правила «индивидуальной специфичности» и «идеальной включенности», совместно расслаивают ситуацию исследования на два «яруса».

Первый из них – это «ярус» заданной испытуемому деятельности. Испытуемый выполняет деятельность, степень осуществимости которой объективно не зависит от индивидуального своеобразия исследуемого; это задачи, которые могут быть выполнены самим испытуемым либо совершенно самостоятельно, без какой-либо ориентировки («оглядки») на ис-

следуемого, либо – на основе сотрудничества с последним, однако в тех пределах, в которых необязательны какие-либо проявления индивидуального своеобразия исследуемого, а достаточно лишь его способности справиться с требованиями чисто делового общения в пределах, отведенных ему ролью.

Второй «ярус» активности – это собственно «личностное» идеальное взаимодействие испытуемого с исследуемым. Переход испытуемого на этот второй «ярус», выход его в слой идеального взаимодействия с другим субъектом как носителем индивидуально своеобразных черт, является в определенном смысле «надситуативным», т. е. осуществляется над порогом требований ситуации, предъявляемой испытуемому непосредственно. Существенно важной чертой экспериментальной ситуации является также и тот факт, что «надситуативно» здесь не только идеальное движение испытуемого к *исследуемому*, но и «исходящее» от исследуемого воздействие на испытуемого, так как оно (что уже отмечено нами) выходит за пределы социально предписанных или стереотипных форм взаимодействия между ними.

Надситуативный характер идеального взаимодействия между исследуемым и испытуемым открывает нам особую феноменологию активности личности, характеризующую уровень его отраженной субъектности в жизни других людей, о которой и шла речь в последней главе этой книги.

Отражаясь в разных людях, разными гранями себя, индивидуум, будучи субъектом активности, генерирует многообразие своих собственных «я», представленных в нем самом и в других людях, а также «я» других индивидуумов, запечатленных и длящих себя в нем.

Личность, таким образом, есть мультисубъектное образование, *единомножие Я* (см. рис. 12).

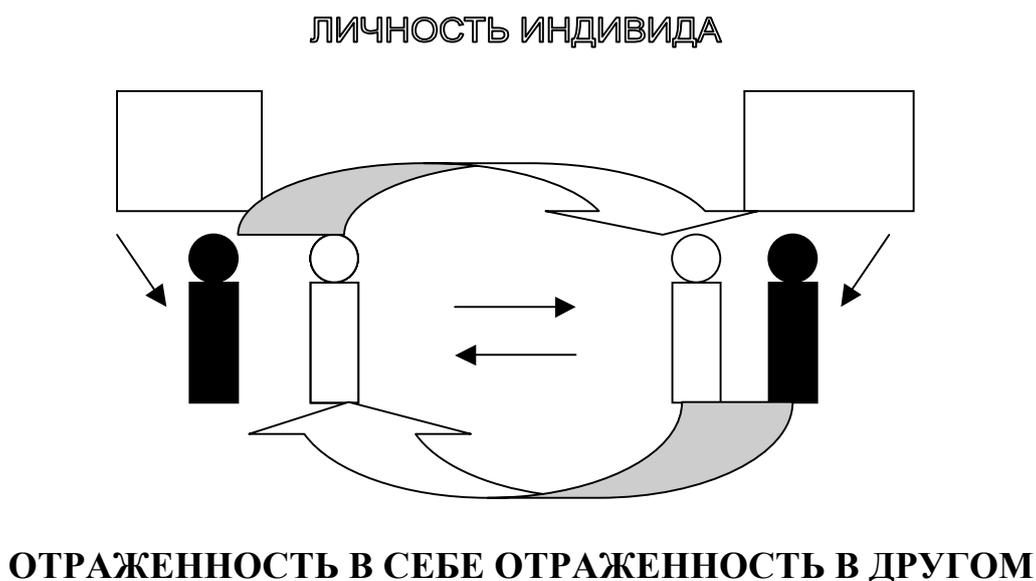

Рис. 12

ГЛАВА 5

«Индивидуальность» (неотразимость личности)

«Индивидуальность» «индивидуальности» – *рознь*. Похоже, число мыслимых психологических определений термина «индивидуальность» когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделаться! Каждый – по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает...¹⁷

Интуитивные концепции индивидуальности – формализуются, латентные – легализуются, личные превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Категория «личности» (и внутри неё понятие «индивидуальности») относится к числу категорий-позиций. Достаточно кому-нибудь одному из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-нибудь другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит ровным счетом наоборот. Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое пятно Роршаха, вот вам и рецепт построения искомого концепта!

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (см. рисунок 13):

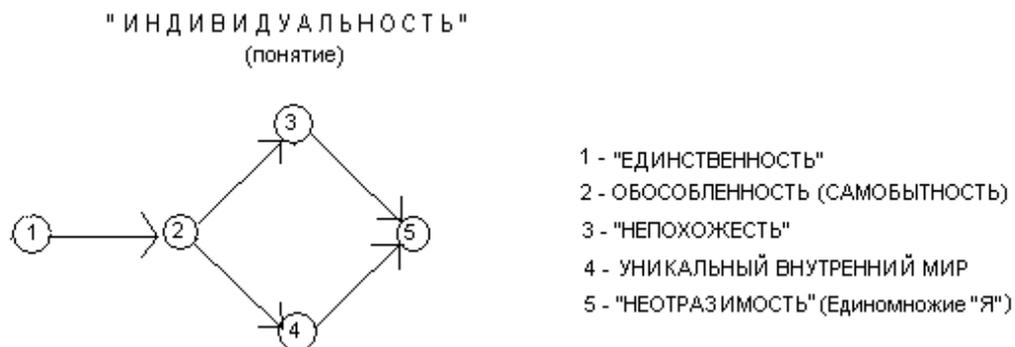

Рис. 13

Первая точка – это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в языке повседневной речи.

Четыре других точки указывает на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета, «1».

«1». У Александра Блока, в дневнике, есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус. Всего три слова:

¹⁷ Концептуально, мне близка ставшая уже крылатой фраза А. Г. Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» [2].

«Единственность Зинаиды Гиппиус»

«1» *«Единственность»*. Быть чем-то единственным, как говорят, «единственным в своем роде» – тут, на мой взгляд, самая суть «индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинации слов, оттеняющими разные грани термина «индивидуальность» (символизируются точками «2», «3», «4», «5»)

«2» *Обособленность (Самобытность)* – социо-природно-культурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных образующих индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много-многозначные» связи);

«3» *«Непохожесть»* – несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!...» Пафос поэта, разумеется, не распространяется на «акцентуации характера» (в этой связи, еще один пример «непохожести»: для «тихого невротика» проблема заключается в нем самом, психопат – это проблема для окружающих);

«4» *Уникальный внутренний мир*. В этой трактовке индивидуальности автор солидарен с В. Д. Шадриковым [132]. Я подчеркиваю при этом три момента:

- *Самоценность*: привилегированное положение «внутреннего» по сравнению с «внешним». «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» (А. Г. Асмолов, [2].)

- *Надситуативность*: индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта; в этой связи мы говорим не только о «надситуативности», но и об «активной неадаптивности» индивида, – о постановке целей, мотивированных непредрежденностью результата их достижения¹⁸.

¹⁸ В разные годы экспериментально автором и под его руководством были исследованы такие формы «надситуативности» как «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», превращение нетворческой деятельности в творческую, прагматический отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и пр., а также сценарные решения, ограничивающие возможности «надситуативного» поведения [68]. Осуществляя ситуативно-избыточное преодоление внешних и внутренних ограничений, личность раскрывает себя как субъект, бросающий вызов ситуации, оспаривающий непредрежденность ее исходов (принцип «активной неадаптивности» Я) [80], [82]. Получены экспериментальные подтверждения того, что надситуативная активность образует ядро одаренности личности, независимо от сферы проявления одаренности (в совместных исследованиях с В. Г. Грязевой и Н. М. Маркиной [87]).

Исследования показывают, что основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу») (В. А. Петровский [80], [81], [82]). Личность избыточна в своих проявлениях, – действует над порогом ситуативной необходимости, неадаптивна; активность личности не выводима из социального и несводима к нему (В. А. Петровский [81]).

• *Потаённость*. Индивидуальность *всегда* остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являет собой признак «для себя бытия» его единственности. Мне близка в этой связи точка зрения А. Г. Асмолова и В. Н. Дружинина, согласно которой психика человека обладает самодвижением, одно из проявлений которого – творчество – порождает в ходе жизни множество «субъективных миров»; лишь некоторые из них будут реализованы. Я бы хотел особо подчеркнуть эту мысль: «внутренний мир человека», именно внутренний, не обнаруживаемый никогда до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему, и вместе с тем интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, есть характеристика индивидуальности, я бы сказал, *по определению*, – как что-то своеобразное, данное только этому человеку и для него значимое, бытие в качестве «самости», – предела «индивидуации» (К. Юнг, [130]).

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!..» А сзади на футболке – «Никто и не узнает!» [9]. Вдобавок (не всегда, конечно!), это своеобразие есть основание для игр и интриг не только с другими, но и с собой, «единственным и неповторимым»...

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой, – противоречием, которое можно считать базовым в психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность, если в ней всё дело, если я без нее не единица, а ноль¹⁹, то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать – значит: воспроизводится, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе, – это удар по ценности неповторимости. А сознание – будь то чужое сознание или мое самосознание – удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

«5» «*Неотразимость*». Истина индивидуальности – в невозможности получить сколько-нибудь заверченный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько яиц можно съесть натощак?» Хорошо известно, что только одно. Ведь второе – это уже не натощак. Так и с индивидуальностью как единственностью. Удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо, – в чужом сознании или самосознании – неважно. Ибо ценность этого своеобразия именно в том, что оно непередаваемо, невозпроизводимо, дорефлексивно, исключает повтор.

Я бы сказал так: если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как сущностную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет формы чего-то ставшего, наличного, обретенного, а все-

¹⁹ ((Два мальчика. Взрослые говорят о них. «Вот идет число 10. Слева 1, справа 0». Найти это место в Климе Самгине)).

гда пребывает в состоянии становления. Индивидуальность человека это его неотразимость.

Индивидуальность = неотразимость. Индивидуальность пребывает по ту сторону полного знания и понимания со стороны других людей и самого индивида, об индивидуальности которого мы говорим.

Для себя так: я могу знать что-то, и при этом не знать, что знаю. В этом, как известно, отличие «проблемного» («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

ЗНАЕТ ЛИ ГАМЛЕТ ЛАЭРТА?

«О з р и к . Вам небезызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт.

Г а м л е т. Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать совершенно другого – значит знать самого себя.

Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед? Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное через другое, но дело это абсолютно бессмысленное...

«ТАКИМ ПУТЕМ!» – ПУТИ НЕ БУДЕТ

Отношения супружества. Известен такой факт: «Я знаю его», «Я знаю ее» – равносильно распаду, в лучшем случае стагнации отношений. А поэзия отношений – подобно тому, как поэзия «вся» у Маяковского, – это «езда в незнаемое», или, как я предпочитаю говорить, «в непредрешенное...».

ПАРАДОКС ЭДИПА

Еще факт, полученный экспериментально – я называю его «парадоксом Эдипа» (В.А. Петровский, Т.А. Тунгусова, [82]), по аналогии с описанным в философии и интересующем социологов парадоксом, он состоит в том, прогноз, будучи известен, оказывает влияние на прогнозируемые события, и поэтому всегда «промахивается»

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог; он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма того же опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их возможных оценок компетентный психолог.

Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежеваться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интроверсии (словом, «счастье – когда тебя понимают», но «несчастье – когда тебя раскусили...»). Человек сам себе мера, и он никому не позволит думать иначе...

Я – НЕ РОВНЯ ЕМУ (ИЛИ ЕЙ), ДАЖЕ ЕСЛИ ОН (ОНА) – ЭТО Я

С использованием авторской методики «Я-конфронтаций» и «Я-заимствований», было показано: когда человеку под видом самооценок другого человека предъявляют его собственные самооценки, он отказывается их принимать, оценивает себя заново, – иначе, чем прежде. Более того, если испытуемый видит, что другой человек,

решая задачу, точно также как и он сам, не может с ней справиться, то тенденция «быть другим» способна подтолкнуть его к правильному решению – даже когда речь идет о «задачах на сообразительность». Выяснилось: чем больше я отвергаю свое сходство с другим, отклоняя свою самооценку, если считаю, что так себя оценивает этот другой человек, тем сильнее эффект креативизации, выход за рамки шаблона в решении задачи [82]. Это ли не демонстрация силы действия того, что Карл Юнг называет тенденцией к индивидуации?

Итак, подобное понимание индивидуальности – удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, «индивидуальность» с «субъектностью». В действительности же,

Индивидуальность ≠ Субъект

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» является *рефлексивность* или – по Сартру – «интеллигибельность» (самопрозрачность, самоданность). «Субъект» – целеполагающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает [82]. Картезианское «Я мыслю» – это всегда «я мыслю, что я мыслю» (М. Мамардашвили). Но ведь помыслить себя – это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима, она всегда «первой свежести».

В этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как мультисубъектное образование. В то время как «единственность» – *лингвистическая* точка опоры в развертке интересующего нас понятия, «единомножие «Я» – это вторая искомая точка, острие *психологической* трактовки этого термина. Итак:

Индивидуальность = единомножие «Я». Не одно «я», а множество отраженных друг в друге «я», или, как говорили старые русские философы, «единомножие» «я» – вот это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих «я» уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность – это субъект деятельности, как бы широко не понимать деятельность.

Я думаю, А. Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности [38], забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивидуума» – идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом – в работах Л. С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений.

С. Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое «я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть «республика субъектов» [112].

Личность как объемлющая система представлена множеством субъектов (множеством «я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид.

И они, эти субъекты, *вряд ли* могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему будет сделать это непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и через них, через их констелляции, понимаемая. «Множественная личность» У. Джеймса, фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна Минделла, различные «я» Ассаджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации-«идентичности».

Продуктивное различение субъектов «реактивной и рефлексивной доминант» предложено В. Е. Лепским [44]; оно, очевидно, выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их несводимость друг другу, и в то же время невыводимость из какого бы то ни было «центрального» «я», лежащего в основании.

Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я» (Розенберг, Каплан, а также Маркус, Нуриус и др. авторы – см. [8]). Этот список различимых «я» может быть расширен, если принять во внимание работы Дж. Брэдшоу, Г. и С. Стоун и др. авторов (широкий, но неполный спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е. П. Белянской [8]).

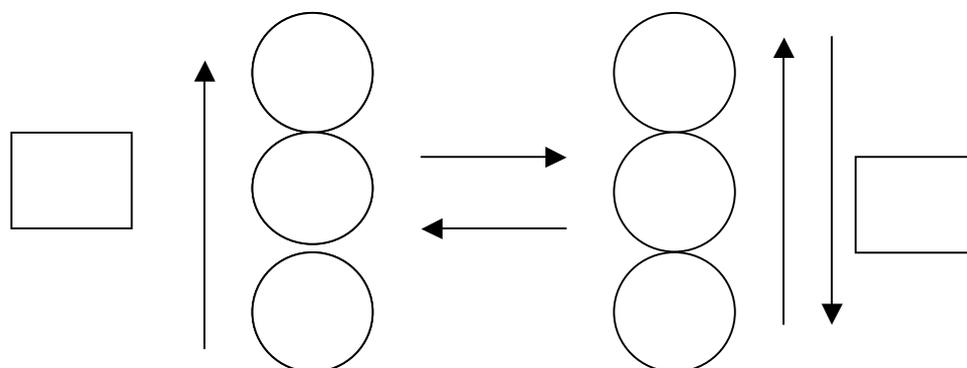
Четверть века назад автор этих строк провел свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и продолженности индивида в других людей, их «отраженной субъектности», их «личности» [73], [82]. Они также могли бы быть приобщены к этому списку.

Индивидуальность: триумвират субъектов (транзактная модель.) Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного «я»», ближе всего мне Эрик Берн. Я уже писал о том, что Берн – это Выготский современной психотерапии [10], создатель – как он сам ее называл, *социальной психиатрии*, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов...).

Берновская модель позволяет по-новому взглянуть на классические сюжеты диалогичности сознания, оставленные нам в наследство М. М. Бахтиным, раскрыть психологическое своеобразие взаимоотношений между такими полюсами сознания, которые я называю «Мое Я» и «Мое Ты» (у Ф. Д. Горбова, Я – ВТОРОЕ Я, [25]). Фактически, мы можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя, успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки» – сказали ему; и он взял себя в руки, прижал

к груди и отнес в тихое место: нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Каждое «Мое Я» и «Мое Ты» могут быть представлены в виде трехчастной структуры Родитель, Взрослый, Дитя [9]:

**Транзакции в пространстве индивидуальности
(стрелочками обозначены потоки катексиса)**

Различение и соотнесение конструкторов «Мое Я» – «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов.

Один из примеров: в дипломном исследовании М.В.Анисимовой фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интеллектуальных задач – диалоги «Мое Я» – «Мое Ты». При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах самому себе, определении эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительски-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно он, лежит в основе большего числа исследований, в которых мы застаем человека перед лицом выбора (я имею в виду как психологические, так и социологические исследования).

Выбор, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно если речь идет о выборах важных, судьбоносных, я называю их экзистенциальными выборами.

Экзистенциальные выборы – мультисубъектны.. Отталкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (Ж. В. Пыжиковой и М. К. Худышевой) предлагали испытуемым проранжировать 16 жизненных ценностей – с позиций в одном случае Дитяти (мечты, сокровенные желания), во втором – Родителя (голос долга), в третьем – Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать).

Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций – эго-состояний Дитя, Родитель, Взрослый, – минимален. Чаще встречаются значимые корреляции между двумя инстанциями (Родитель – Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), но еще чаще отсутствие корреляций между инстанциями: ортогональность предпочтений! Подобная ситуация напоминает хрестоматийный триумвират таких «субъектов», как Лебедь, Рак да Щука? Следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

В недавних исследованиях (дипломная работа студентки МГППУ О. Паниной) удалось показать, что понятие самооценки личности расщепляется минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитя», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга.

Всё сказанное отнюдь не означает, что индивидуальность, отличаясь от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целедостигающего существа, лишена возможности обнаруживать вовне субъектность составляющих ее «частей».

В случае если Взрослый берет на себя эту роль, выстраивая свои отношения с другими внутренними субъектами и подчиняя их своей воли, мы говорим о том, что индивидуум *состоялся* как личность, а процессы, порождающие *состоятельность*, описываем в терминах *саморегуляции*. Об этом пойдет речь в книге дальше, при обсуждении формальных моделей «я».

Часть вторая

ПСИХОЛОГИЯ "Я": ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Все разделы этой части построены так, чтобы можно было читать каждый в отдельности поэтому мы предусмотрели избыточность примеров и пояснений в разных разделах.

Далее в книге мы говорим о моделировании, создании и апробации моделей в сфере «психологии «я»». Скажем сразу, в каком плане используется этот термин – «модель».

Я вижу четыре значения термина «модель», применительно к задачам психологического познания (иллюстрирую, в основном, работами отечественных авторов):

1. *Описательные (дескриптивные) модели.* Они представляют собой схемы, маршруты, «ориентировочную основу действия» исследователя, погружающегося в свой предмет. Я мог бы назвать выдающиеся работы моих коллег, российских психологов, создающих такие модели, что имеет не только инструментальный, но и самоценный характер, если иметь в виду становление психологической теории и практики. Существенную роль в разработке таких моделей играют ценности исследователей, аксиологические аспекты продвижения вглубь изучаемой реальности. «Я»-центрированные модели такого рода (выступающие под разными именами) представлены в работах С. Л. Рубинштейна [112], К. С. Абульхановой-Славской [4], А. Г. Асмолова [2], Б. С. Братуся [13], А. В. Брушлинского [15], Ф. Д. Горбова [25], В. П. Зинченко [29], В. Ф. Петренко [63], В. В. Столина [116] и ряда других мастеров психологии.

2. *Прогностические модели.* Важное различие касается «аристотелевского» (индуктивного) и «галилеевского» (дедуктивного) подходов в построении подобных моделей. Это различия прекрасно проанализировано в диссертационной работе В. В. Архангельской («Проблема понимания в современной индирективной психотерапии», М., 2005). Так, в частности, в рамках галилеевского подхода, мыслить – это моделировать, с тем чтобы, сверяясь с данными наблюдения, вновь моделировать. Знания не извлекаются из опыта, а на опыте только проверяются, причем в обстоятельствах, далеких от условий реальной жизни (как-то свободное падение тел в пустоте).

В самом деле, ошеломляет, но факт: пушинка и металлический шарик падают с одинаковой скоростью в вакууме, что абсолютно противоречит обыденному опыту, однако вытекает из соотношений, «живущих» в теоретической плоскости. Общеизвестно, что физиков данное положение

дел не смущает несколько. Более того, им порой не хватает «сумасшедших идей». Однако, мне не приходилось слышать, чтобы психологи выказывали интерес к подобного рода идеям. Исключение, пожалуй, составляет памятное мне высказывание А. В. Петровского: «Нам нужны сумасшедшие идеи!..» – далее следовал комментарий: «...Но еще никто не доказал, что нам нужны идеи сумасшедших».

По-видимому, в психологии, между сумасшедшими идеями и идеями сумасшедших, перегородка тоньше, чем в физике... Точных прогнозов, применительно к сложным формам человеческого поведения, мало; каждый прогноз грозит превратиться в повод к опровержению; но если допустить, что психологи когда-нибудь научатся «попадать в реальность» своими прогнозами, им все равно придется «укоренять» свои выкладки в переживаниях людей, чье поведение они прогнозируют. Есть, впрочем, работы снайперской меткости и глубины проникновения в свой предмет (например, модели, предлагаемые В. М. Аллахвердовым [1]). Абрис теории личности с акцентом на построение прогностических моделей содержится в трудах А. В. Петровского, предложившего В редких случаях мы имеем дело с пересечением «прогностических» и интерпретативных» моделей» (например, концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина), «онтологическая модель личности» А. В. Петровского (см. [65]), структуры «личностных факторов» принятия решений (Т. В. Корниловой [32]), модели, представленные в работах В. Ю. Крылова [33] и некоторые другие.

3. *Объяснительные (интерпретативные) модели.* Примером таких моделей в психологии личности являются многообразные психоаналитические построения, идеи общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [38], теория установки Д.Н.Узнадзе [125], некоторые модели психики, сознания, самосознания и развития личности, разрабатываемые в русле классической (=неспекулятивной²⁰) психологии. Таковы модели, представленные работами Т. Ф. Базылевич [5], В. Г. Грязевой-Добшинской [26], Л. А. Дорфмана [28], О. А. Конопкина [30], Н. И. Непомнящей [58], А. К. Осницкого [61], О. С. Никольской [59], В. Т. Кудрявцева [34], К. С. Ли-сецкого [46], Мерлина В. С. [43], В. И. Моросановой [55], В. С. Мухиной [56], И. В. Равич-Щербо [110], Э. В. Сайко [113], Е. И. Улыбиной [124], В. Д. Шадрикова [132] и др. Интерпретативные модели, сохраняя «дистанцию свою» по отношению к данным непосредственного опыта, тем не менее, ориентированы на него, и, кроме того, по ряду параметров сближаются с прогностическими моделями.

4. *Трансформационные модели.* Мы назовем их так, потому что они преобразуют то, что описывают. Именно эти модели могут быть названы «неклассическими» психологическими моделями. Ряд психотерапевтиче-

²⁰ Автору этих строк довелось дважды выступать с докладами - на Эльконинский чтениях и семинаре, посвященном памяти А. А. Леонтьева – с докладом «Классическая психология как неклассическая наука».

ских систем и подходов (например, трансактный анализ [10], личностно-центрированная терапия [111], понимающая психотерапия [18], процессуальная психотерапия [51], глубинная топологическая психотерапия [35], «триолог» [60], терапия инициального опыта [109], мультисубъектная персонология [101] и др.), задают такие способы описания и объяснения, что в результате «предмет» понимания трансформируется:

«В результате рефлексии ее объект – система знаний – не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, то есть становится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя» (Лекторский В.А. [36]).

Очевидно, что модели, обозначенные как «трансформационные», лишь в том случае могут оправдать свое имя, если позволят в большем объеме и с большей отчетливостью рефлексировать изучаемую реальность, а также предсказывать и объяснять ее проявления.

Данной цели служат модели, освещаемые нами во второй части книги.

ГЛАВА 6

Импликация. Опыт психологического портрета

Логический оператор «материальной импликации» – не частый гость на страницах психологических разработок. Одно из немногих исключений – работы В. А. Лефевра и его последователей. Исторически первые формальные подходы к построению рефлексивной модели субъекта основывались на булевых соотношениях, включающих в себя материальную импликацию. Использование данного оператора позволило автору рефлексивной теории получить ряд неожиданных результатов, подтвержденных экспериментально.

Но почему именно – импликация? Какие еще перспективы она открывает исследователю?

«Материальная импликация» *неформально* определяется как «приблизительный логический эквивалент оборота “если..., то...”»; операция, формализующая логические свойства этого оборота» (Энциклопедия, толковый словарь, глоссарий. Microsoft Internet Exp). Приводимая ниже таблица истинности импликации, представляет собой, по сути, *формальную* дефиницию материальной импликации. На множестве $\{0,1\}$, символизирующих слова «ложно» и «истинно», операция « \rightarrow » (материальная импликация) определяется так:

X	Y	$X \rightarrow Y$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Поясняя смысл этой таблицы, процитируем далее авторов «Энциклопедического словаря», напоминающих читателю о вещах, возможно, ему хорошо знакомых:

«Для установления истинности материальной импликации, «Если А, то В» (в наших терминах, «если X, то Y» – В.П.) достаточно выяснить истинностные значения высказываний А и В». И. м. истинна в трех случаях: 1) ее основание и ее следствие истинны; 2) основание ложно, а следствие истинно; 3) и основание и следствие ложны. Только в одном случае, когда основание истинно, а следствие ложно, вся импликация ложна. При установлении истинности материальной импликации не предполагается, что высказывания А и В связаны между собой по содержанию. В случае истинности В высказывание «Если А, то В» истинно, независимо от того, является А истинным или ложным и связано оно по смыслу с В или нет. Истинными считаются, напр., высказывания: «Если на Солнце есть жизнь, то дважды два равно четыре», «Если Волга – озеро, то Токио – большой город» и т. п. Условное высказывание истинно также тогда, когда А ложно. При этом опять-таки безразлично, истинно В или нет и связано оно по содержанию с А или нет. К истинным относятся, напр., высказывания: «Если Солнце – куб, то Земля – треугольник», «Если дважды два равно пять, то Токио – маленький город»

и т. п. В обычном рассуждении все эти высказывания вряд ли будут рассматриваться как имеющие смысл и еще в меньшей степени как истинные. Очевидно, что материальная импликация плохо согласуется с обычным пониманием условной связи. В классической логике материальная импликация является формальным аналогом условного высказывания. Но, схватывая многие важные черты «логического поведения» условного высказывания, материальная импликация не является достаточно адекватным его описанием. Ряд законов классической логики, содержащих И. м. и не согласующихся с обычными, или интуитивными, представлениями о логических связях, получил название парадоксов материальной импликации».

Как видим, для специалистов в области формальной и математической логики уже давно стало трюизмом, что материальная импликация, символизируемая записью « $X \rightarrow Y$ », лишь «приблизительно соответствует» выражению «Если X , то Y ». «Слишком приблизительно», добавим мы, чтобы в глазах «неискушенных пользователей» всё ещё поддерживать школьную иллюзию какого-то логического следования, как если бы «В вытекало из A » (или « X порождало Y »). Тем не менее, в формальных теориях, «материальная импликация» играла выдающуюся роль, позволяя продвигаться от истинных высказываний к истинным, а также сохранять бдительность всегда, когда на горизонте, подобно плавучей мине, появляется ложь – ведь известно, что, в силу формальных свойств материальной импликации, любое ошибочное высказывание способно подорвать доверие к любым другим высказываниям теории. В остроумной книжке выдающегося английского математика Джона Литлвуда, «Математическая смесь» ([45], с 46):

« X нашел, что в этих условиях возникают гравитационные волны; однако есть предположение, что в работе содержится ошибка».

Ясно, что *всякая* ошибка порождает гравитационные волны»

Закономерен вопрос: если материальная импликация, $X \rightarrow Y$ не является логическим эквивалентом причинно-следственных отношений между A и B , и в тоже время является логическим «механизмом» развертки формальных теорий, то чем является материальная импликация на самом деле? Что образует ее суть как особого *действия*, связывающего X и Y ? Можно спросить и так: «Каков подлинный онтологический смысл материальной импликации, коль скоро это *не есть* отношение следования?» Этот вопрос имеет отношение не только к логическим основаниям математики, но и к другим теоретическим системам, опирающимся на формальные методы (правила вывода и т. п.). Яркий пример такой теории (нематематической по своему объекту и, вместе с тем, формальной по своему строению) – рефлексивная теория В. А. Лефевра. Предмет этой теории – этические системы, а базовый механизм развертки – материальная импликация.

Чем же является, по сути, эта загадочная операция, если она играет такую роль в построении формальных систем? Обратимся вначале к логике – альма-матер этой логической связки.

Обратим внимание на то, что значение истинности Y , в случае истинности импликации $X \rightarrow Y$, больше или равно значению истинности X :

$$f(X) \leq f(Y).$$

Интуитивно мы чувствуем, что речь здесь идет о сохранении или повышении *некоего* значения истинности при переходе от X к Y . Правда, тут же возникает вопрос, об изменении истинности *чего* идет речь. Здесь явно не хватает представления о «субстрате», значение истинности которого прослеживалось бы в динамике. Если бы, положим, мы имели дело с идеей «переходящего значения истинности» некоторой переменной, проблема была решена. Но в математической логике и математике нет ничего подобного «переходящему знамени» или «эстафетной палочки» истинности. Идея «изменения истинности», таким образом, повисает в воздухе. Чтобы дать ей опору, мы вводим представление о *субъекте высказывания*.

Заметим, в этой связи, что тексты формальных теорий скрыто монологичны. Они «пишутся» от лица безымянного субъекта, прячущегося за «буквами» и «словами». Создается иллюзия, будто вначале, действительно, «было слово». Но не было *говорящего*. Субъект, живущий в метаязыке теории, не рефлектируется в качестве ее собственного термина. Этот факт принимают как должное, но все-таки это поразительно, что в «исчислении высказываний» отсутствуют сами *высказывающиеся*. Иллюзорная «бес-субъектность» порождает трудность в осмыслении феномена импликации (сам ее графический символ – «стрелочка» – включает в себе идею интенциональности, а, следовательно, и субъектности). Однако стоит только ввести представление о субъекте высказываний (не путать с логическим субъектом в суждении «S есть P»!), как эти трудности интерпретации упрощаются.

Примем, что *любое высказывание исчисления высказываний осуществляется кем-то, принадлежит кому-то, оценивается с позиции кого-то, то есть имеет под собой субъект высказывания*. В выражениях $(X)_A, (Y)_B, (Z)_C, (X \vee Y)_A, (\neg X)_D$ и т. д. и т. п. верхний ряд символов будет указывать на формулы исчисления высказываний, в то время как нижние индексы – это субъекты, которые порождают (производят, оценивают, включают в себя) данные формулы. Например, $(X)_A$ означает: «формула (X) высказывается субъектом A (она принадлежит этому субъекту, производится им, оценивается, реализуется, принимается и пр.). Введем представление о *логическом статусе субъекта высказывания (X) , отождествив его численное значение с значениями истинности некоего высказывания X ; логический статус такого высказывания обозначим: $f(X)_A$; $f(X)_A = f(X)$* . Логический статус субъекта высказывания можно трактовать по аналогии с «социальным статусом», «экономическим статусом», «этическим статусом» (термин В. А. Лефевра). Отталкиваясь от сказанного, мы предлагаем следующий вариант осмысления материальной импликации.

Материальная импликация есть оператор самотрансценденции субъекта высказывания, ведущей к воспроизводству или повышению логического статуса данного субъекта при взаимодействии с субъектом другого высказывания.

Положим, что X высказывается субъектом A , а Y – субъектом B (будем говорить о субъекте B – «контрагент»). В таком случае, материальная импликация $X \rightarrow Y$ или, в принятых нами обозначениях, $X_A \rightarrow Y_B$, характеризует правомерность **обмена** X на Y (замещения посылки X посылкой Y), что оценивается с позиции субъекта высказывания A , вступающего в отношение обмена с субъектом высказывания B .

Обмен посылки X на посылку Y , производимый и оцениваемый с позиции субъекта A , будем записывать: $((X)_A \Rightarrow (Y)_B)_A$. Акт и непосредственный результат такого обмена записываем: $((Y)_B \rightarrow (X))(X)_A = (Y_B)_A$: «Посылка (Y) , высказываемая B , замещает (здесь используется знак “ \rightarrow ”) посылку X , высказываемую A ». Итак, при импликации $X_A \rightarrow Y_B$ субъект A высказывает положение $(f(X)_A \leq f(Y_B)_A)$, содержащее в себе сравнение своего собственного логического статуса *до* обмена и *после*. О субъекте A , который обменивает X на Y , сравнивая свой статус *до* и *после* обмена, $f(X)_A$ и $f(Y_B)_A$, мы говорим – «субъект произведенного обмена A » (или просто «субъект обмена»). Импликации $X \rightarrow Y$ соответствуют значения логического статуса A как субъекта обмена:

$$X \rightarrow Y \sim (X_A \Rightarrow Y_B)_A \sim f(f(X)_A \leq f(Y_B)_A)_A$$

В случае истинности высказывания $f(X)_A \leq f(Y_B)_A$, что соответствует единичному логическому статусу субъекта обмена A , мы говорим – «обмен без потерь», соответственно, «подтверждении или повышении логического статуса субъекта обмена A », «беспроеигрышность для A » и т. п.; в противном случае, говорим – «обмен с потерями» и – «падение логического статуса субъекта обмена A », «субъект A в проигрыше» и т. п.

Если бы субъект A мог говорить от первого лица (а почему бы и нет?), он сказал бы нам следующее: «Истина – в том, что, отказываясь от X в пользу Y ; я ничего не теряю, а возможно даже повышаю свой статус как носитель истины». В этом и состоит *смысл* материальной импликации как изменения логического статуса субъекта A за счет обмена посылками с субъектом B . Можно сказать и иначе: то, что в данный момент высказывает A превращается в средство обмена на ответное послание со стороны B ; при этом субъект A , как минимум, ничего не проигрывает в результате обмена. Область существования субъекта высказывания расширяется за счет «примеривания» им на себя других посылок: достаточно ли они хороши, по сравнению с исходной посылкой, чтобы приобщить их к себе? Вместе с тем, A подтверждает прочность своих позиций во взаимодействии с субъектом B : переходя на сторону B (замещая посылку X посылкой Y) и как бы «играя» на стороне B , – ничего не проигрывает. Посредством импликации, таким образом, продуцируется отношение «не менее предпочтительно,

чем...»: субъект A высказывания X , идентифицируясь с субъектом B высказывания Y , перенимает X , которое для него, как ожидается, не менее предпочтительно, чем Y . На психологическом языке, который де-факто мы только что использовали, «территория “я”» субъекта высказывания расширяется за счет опробования посылок, высказываемых кем-то другим. Субъект высказывания «выходит за границы себя», *трансцендирует*, обмениваясь посланиями с другим субъектом. Перед нами – то, что может быть названо «самотрансценденцией».

Самотрансценденция – это высказывание субъекта о своем собственном логическом статусе как субъекте обмена, в ходе которого логический статус субъекта либо подтверждается, либо возрастает.

Легко убедиться в том, что трактовка импликации как самотрансценденции соответствует «табличному» ее определению:

Если $f(X) = 0$ и $f(Y) = 0$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A)_A = f(0 \leq 0)_A = 1$ (обмен без потерь)

Если $f(X) = 0$ и $f(Y) = 1$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A)_A = f(0 \leq 1)_A = 1$ (обмен без потерь)

Если $f(X) = 1$ и $f(Y) = 0$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A)_A = f(1 \leq 0)_A = 0$ (обмен с потерями)

Если $f(X) = 1$ и $f(Y) = 1$, то $f(f(X)_A \leq f(Y)_A)_A = f(1 \leq 1)_A = 1$ (обмен без потерь)

Итак, перед нами, интерпретация материальной импликации как оператора самотрансценденции субъекта высказывания, вступающего в отношение обмена с другим субъектом. Заметим теперь, что результат такого обмена (на стороне субъекта A) соответствует значениям формулы $\neg X \vee Y$ («не- X или Y »), а это, в свою очередь, есть общеизвестное формальное определение материальной импликации:

$$X \rightarrow Y \sim \neg X \vee Y$$

Исходя из трактовки импликации как самотрансценденции субъекта высказывания, подразумевающей обмен посылки X на посылку Y , мы можем теперь попытаться восстановить совокупность процессов, порождающих только что приведенное выражение.

Перед субъектом A и его логическим партнером B в ситуации обмена раскрывается веер возможностей. При самотрансценденции, логический статус A превращается в комбинацию возможностей, приобретаемых и предоставляемых им во взаимодействии с B .

Символически, эти процессы выглядят так (опускаем в конъюнкциях нижние индексы):

$$\begin{aligned} & ((\neg X \& Y \vee \neg X \& \neg Y)_A \vee (Y \& X \vee Y \& \neg X)_B)_A = \\ & = (\neg X_A \vee Y_B)_A \end{aligned}$$

Рассмотрим *первую строчку* данного равенства.

Внутренние скобки *слева* символизируют следующее положение дел (взгляд со стороны *A*): «Мысленно уже отдал X , но неизвестно, приобрету ли взамен Y или «разминусь» с ним»:

$$(\neg X \& \neg Y \vee \neg X \& Y)_A = \neg X(\neg Y \vee Y)_A = \neg X_A$$

Внутренние скобки *справа* (взгляд со стороны *B*): «Возможно, удастся присоединить X к Y , но возможно этого не произойдет»:

$$(Y \& X \vee Y \& \neg X)_B = Y(X \vee \neg X)_B = Y_B$$

Во второй строчке снизу приводится результат суммирования значений истинности рассмотренных комбинаций; «мягкий выбор» между этими возможностями (внешние скобки) осуществляется с «двух точек зрения», как это представляется субъекту высказывания *A*:

$$(\neg X_A \vee Y_B)_A$$

Итак, в наших терминах, $X_A \rightarrow Y_B \sim (\neg X_A \vee Y_B)_A$. Другими словами, импликация есть переход от X к Y , заключающий в себе выбор из двух возможностей – отвергнутой посылки X (выбор посылки *не- X*) и – приобретенной посылки Y ²¹.

Следуя нашей задаче, поставим теперь вопрос об экзистенциальном смысле данного соответствия. Если « $X_A \rightarrow Y_B$ » это « $(\neg X_A \vee Y_B)_A$ », то о чем это могло бы говорить с точки зрения субъекта *A*?

Ответ состоит в том, чтобы трактовать $(\neg X_A \vee Y_B)$ как *возможность выбора между внутренней ($\neg X_A$) и внешней (Y_B) альтернативами исходной посылки X_A* . Речь, по сути, идет о том, что предпочтительнее для *A*: посылка X или сумма имеющихся у него альтернатив (держаться ли исходной посылки или опробовать иные возможности, открывающиеся в ситуации обмена?). В этом смысле, импликация сродни самотестированию: переходя от посылки X к комбинации внутренних и внешних альтернатив этой посылки, субъект оценивает свою способность принять «вызов» ситуации, переступая черту освоенного: отказ от X в пользу возможности выбора из двух возможностей: $\neg X$ (внутренняя альтернатива) и Y (внешняя альтернатива).

Рассмотрим еще одну интерпретацию «психологически» исследуемой логической операции.

Введем представление о *позиции выбора* и *свободе выбора*, с тем, чтобы осмыслить акт самотрансценденции субъекта высказывания как реакции на этот «вызов».

Позиция выбора некоторого субъекта *A*, это ситуация $\langle X, X' \rangle$, где X – *высказываемая* посылка, а X' – *умалчиваемая* посылка. *Свобода выбора* описывает позицию выбора, подчиненную условию:

²¹ Этот выбор можно представить в мягком (не-дихотомическом) варианте, как «или (*и*)»: $X \rightarrow Y \sim \neg X \vee Y \sim \neg X \vee Y \vee \neg X \& Y$, так как, согласно правилу «поглощения» (Биркгофф), для произвольных булевых переменных a и b справедливо: $a \vee a \& b = a$.

$$f(X) + f(X') = 1$$

Подобное положение вещей, очевидно, возможно в двух случаях:

- $X=X'=1$ (обе посылки истины)
- $X' = \neg X$ (одна из посылок составляет отрицание другой)

«Свобода выбора» может быть осмыслена как ситуация, в которой у субъекта всегда есть шанс высказать истинную посылку. Второй из двух случаев напоминает нам известную шутку. На вопрос: «Что вы можете?» – ответ: «Могу копать». «А что еще?» – «Могу не копать». Субъект высказывания – это именно *субъект*: он всегда может высказать истину, но иногда может и отказаться от этого.

Теперь можно принять, что $X_A \rightarrow Y_B$ – это оператор обмена субъектом A исходной посылки X в позиции свободного выбора $\langle X, \neg X \rangle_A$ на опорную посылку Y субъекта B в позиции свободного выбора $\langle Y, \neg Y \rangle_B$, в результате чего возникает позиция *свободного* выбора $\langle Y \rightarrow X, \neg X \rangle_A$, заключающая в себе выбор между посылками (Y) и ($\neg X$). Это – выбор, как мы уж говорили, между внешней альтернативой посылки X , то есть Y , и ее собственной внутренней альтернативой, то есть $\neg X$. Таким образом, свобода выбора, всегда присущая исходной позиции субъекта A , воспроизводится им в процессе обмена посылками с субъектом B (который также всегда пребывает в ситуации свободного выбора):

$$\langle X, \neg X \rangle_A \rightarrow \langle Y, \neg Y \rangle_B = \langle Y \rightarrow X, \neg X \rangle_A = \langle Y, \neg X \rangle, f(Y) + f(\neg X) = 1$$

Легко убедиться в том, что свобода выбора субъекта A в результате обмена его собственной посылки X на приводящую посылку Y , высказываемую субъектом B , нарушается в единственном случае: когда $X=1$, а $Y=0$:

$$\langle 1, 0 \rangle_A \rightarrow \langle 0, 1 \rangle_B = \langle 0 \rightarrow 1, 0 \rangle_A = \langle 0, 0 \rangle, \\ f(0) + f(0) = 0 + 0 = 0$$

Во всех остальных случаях обмен X на Y воспроизводит условие свободного выбора для субъекта A во взаимодействии с субъектом B . *Отталкиваясь от X и имплицитно Y* , субъект высказывания воспроизводит присущую ему свободу выбора. Самотрансценденция во всех этих случаях есть подтверждение свободы выбора, которой он обладал изначально, до акта обмена. Если быть кратким, искомый *смысл* импликации: трансцендируя, оставаться свободным, – *свобода отказа от X при наличии Y* .

Вернемся теперь к исходному вопросу этого экскурса в несуществующую еще «экзистенциальную математику», призванную открывать смыслы математических объектов и операций. Разумеется, любые попытки «поймать смысл» чего-либо заранее обречены на провал, если отбрасывать представление о *субъекте* – носителе смысла. Применительно к математике – речь идет о субъекте высказываний. Мы находим бесперспективным поиск уточнений смысла материальной импликации на пути идеи логического следования «Если..., то...». Его «приблизительность» никогда не будет преодолена, так как решение проблемы, по-видимому, лежит в другой плоскости; речь идет об отношениях обмена, в который вступают субъекты высказываний. Каждый такой обмен есть акт самотрансценденции субъекта высказывания, в процессе которого исходное значение истинности высказывания (X) уступают место возможности выбора из имеющейся у субъекта внутренней ($\neg X$) или (и) внешней (Y) альтернативы. Таким образом, определяется не столько истинность *нового* высказывания Y , сколько возможность подтверждения (или повышения) логического ста-

туса субъекта *исходного* высказывания при обмене его значений истинности на значения истинности субъекта другого высказывания. Мало кого заботит судьба мины, на которой может подорваться корабль; волнует, прежде всего, судьба корабля.

Допустим теперь, что субъекты высказываний способны вступать в отношения *свободного обмена* значениями истинности своих высказываний. Это значит, что *каждый* способен решить, считает ли он возможным перейти на сторону другого субъекта, обменивая значения истинности *своего* высказывания на значения истинности *чужого* высказывания. Критерием оправданности подобного перехода будет служить, разумеется, беспротирывность *взаимного* обмена (логический статус *обоих* субъектов, как минимум, подтверждается). В этом случае, картина возможных обменов, вполне ясна. Истинное высказывание будет обмениваться только на истинное: $1 \rightarrow 1 = 1$ – *взаимообмен* возможен. Если же одно (и только одно) из этих высказываний заключает в себе ложь, имеем $1 \rightarrow 0 = 0$ – *взаимообмен* невозможен. Вместе с тем, ложное высказывание будет обмениваться только на ложное: $0 \rightarrow 0 = 1$ – *взаимообмен* возможен. Если же одно (и только одно) из двух высказываний заключает в себе истину, то оно никогда не будет взаимовыгодным (то есть свободным) образом обменено на другое высказывание, так как, в одном из случаев, $1 \rightarrow 0 = 0$. Постулирование идеи свободы обмена, таким образом, равносильно идее *строгой* импликации (\leftrightarrow), в таблице истинности которой имеют место следующие равенства: $0 \leftrightarrow 0 = 1$, $1 \leftrightarrow 1 = 1$, но $0 \leftrightarrow 1 = 0$ и $1 \leftrightarrow 0 = 0$.

В подобной ситуации (свобода обмена) математические тексты – это диалог между многочисленными субъектами высказываний. Действует правило: подобное объединяется с подобным; чужеродное отторгается. Иными словами, $X \rightarrow Y$, представляет собой сокращенную запись того, что субъект *A* высказывания *X*, превращаясь в субъект *B* высказывания *Y*, не понижает свой логический статус. Тестирование субъектом *A* субъекта *B* либо сохраняет, либо повышает логический статус тестирующего. «Формальная теория» есть совокупность имплицитующих друг друга субъектов высказываний. Здесь есть «основные» высказывания ($1 \rightarrow 1$) и «теневые» высказывания ($0 \rightarrow 0$). Могут быть отмечены также «неопределенные» (непроверенные или недоказуемые) высказывания ($1 \rightarrow ?$).

Любой из субъектов истинного высказывания, трансцендируя, тестирует права каждого другого субъекта высказывания быть носителем истины. В конечном счете, он претендует на статус субъекта всех высказываний этой теории – статус *теоретика*.

В какие взаимоотношения *теоретик*, «живущий» на страницах математических текстов, вступает со своим *создателем* в лице математика. Этот вопрос мы оставляем фантастам²². ...Ничуть не упраздняя при этом,

²² «... и психиатрам», – добавляют, возможно, злые языки; оставим данное высказывание на совести высказывающихся.

постановку вопроса о том, как «чувствует» себя субъект высказываний в контакте с другими субъектами математической теории – что происходит с его логическим статусом, когда импликация подсказывает ему путь трансценденции.

Рассматривая импликацию « $X \rightarrow Y$ » как логически допустимый переход от посылки X к посылке Y , правомерно подчеркнуть, что само существование X может быть осмыслено как обусловленное со стороны Y : X осуществляется посредством Y . Ведь «осуществляться» – значит: находить в чем-то условие собственного существования, сущность, необходимую предпосылку, нечто предсуществующее. Таким образом, говоря: « X “переходит”...», мы делаем акцент на том, что это не механический переход от одного отдельного нечто (X) к другому нечто (Y). Это переход-углубление X в Y , переход-вбирание (Y в X). Тем самым в мысли воспроизводится то, что имело место в истории: переход от посылки Y к посылке X .

Но если X указывает на Y как на необходимую предпосылку своего существования, то Y – может быть назван *ресурсом*, в то время как X по отношению к Y логично считать *запросом* на этот ресурс. Глаголу «имплицировать» здесь соответствует «относиться к чему-либо как своей скрытой предпосылке», «указывать на что-то, от чего зависишь». Эта потаенная «часть» первоначально имеет свое независимое бытие, представляя собой, таким образом, *внешний* ресурс существования X . Необходимо *воссоединиться* с Y , чтобы вполне состояться. А результат материальной импликации свидетельствует о *мере осуществимости (реализуемости)* запроса X посредством ресурса Y .

По сути, речь идет о генетической преемственности X по отношению Y . На философском языке – об *опосредствовании* X со стороны Y (X – то, что существует, Y – то, что опосредствует его существование). Здесь возможны такие соотношения: X – нет, Y – нет (либо еще ничего не возникло, либо всё уже закончилось $\{0 \rightarrow 0 = 1\}$); X – нет, Y – есть $\{0 \rightarrow 1 = 1\}$; X – есть, Y – есть $\{1 \rightarrow 1 = 1\}$. И только один случай исключен, когда X – есть, а Y – отсутствует $\{1 \rightarrow 0 = 0\}$. Эти соотношения, как видим, полностью соответствуют условиям формального определения материальной импликации. «Стрелочка импликации», идущая от X к Y , прямо указывает на вторую посылку как условие возникновения и гарант существования (истинности) первой посылки²³. «Нет дыма без огня» хорошо иллюстрирует сказанное: «дым имплицировует огонь» (а не «огонь \rightarrow дым»).

²³ А как же с привычным порядком «следования» в импликации: из « X следует Y »? Оно, говорим мы, сохраняет свою силу лишь постольку, поскольку истинны *все* высказывания теории, к которым можно мысленно «перейти», отталкиваясь от истинного X . В частности, наивно думать, что постулаты, из которых, как принято говорить, мы «исходим», продвигаясь к частным положениям теории, «болтаются в воздухе» беспредпосылочности; в действительности, они все обусловлены истинностью положений, к которым можно «прийти», отталкиваясь от постулатов. С этой точки зрения, оператор строгой импликации $\{A \leftrightarrow B\}$, вводимый для преодоления «парадоксов материальной импликации», совершенно избыточен.

Проясняя смысл импликации в мире математических и логических утверждений, мы были с самого начала нацелены на обсуждение вопроса о том, как «работает» импликация за пределами формальных теорий. Иными словами, нас интересовал вопрос, где еще импликация, трактуемая как трансценденция, оказывается полезным принципом описания и понимания происходящего? Что представляет она собой, так сказать, «в миру»?

Или, иными словами, что означает «логически допустим переход»? Пусть речь идет о запросах и ресурсах. В этом случае «допустимость перехода от X к Y » означает, что мы можем обратиться к ресурсу Y , располагая запросом X (= «От запроса X логично перейти к условиям его удовлетворения Y »).

В поисках «смысла» импликации, как уже было сказано, мы неизбежно приходим к идее существования тех, кто «осмысливает». В жизни это – не условные персонажи. Это реальные *субъекты* – носители *запросов* и *ресурсов*. Они осуществляют себя, *реализуя* запросы посредством ресурсов. Импликация указывает на меру осуществимости (возможность осуществления) запросов X субъекта A посредством ресурсов Y субъекта B (не исключено, что это один и тот же субъект). Меру осуществимости запросов через ресурсы мы описываем как *состоятельность* субъекта.

Рассмотрим некоторые примеры.

Поддержание гомеостаза. На первый взгляд, может показаться удивительным, почему материальная импликация до сих пор не рассматривалась при описании феномена гомеостаза. Возможно, это так, потому, что данный математический оператор всё ещё прочно ассоциируется с идеей «если..., то...» (сколь бы решительно в математической логике не оспаривалась такая версия). Вероятно, здесь также играет свою роль дискретность состояний X , Y , $Z = X \rightarrow Y$ – «четкость» значений переменных $(0; 1)$. Дальше мы увидим, что вводимое нами представление о метаимпликации, имеющее дело с рациональными значениями переменных на отрезке $[0, 1]$, снимает это ограничение.

Итак, будем считать, что состоянию равновесия, в которой пребывает система, соответствует число $Z_+ = 1$; состоянию неравновесия – число $Z_- = 0$. Пусть X – символизирует наличие (отсутствие) запроса на приток необходимых для существования системы внешних ресурсов (энергия, информация), принимая два значения $X = \{0, 1\}$. Если $X = 1$, то это значит, что система продуцирует запрос во вне («есть запрос»), если $X = 0$, то это означает отсутствие запроса («нет запроса»). Материальная импликация символизирует приемлемый для системы переход от запроса к ресурсу, то есть условие поддержания гомеостаза системы, в зависимости от наличия/отсутствия внутренних запросов и внешних ресурсов существования системы.

1. $X=0, Y=0, Z=1$ (нет запроса, нет ресурса – системе безразлично отсутствие внешнего ресурса, она ни в чем не нуждается и, таким образом, пребывает в равновесном состоянии)

2. $X = 0, Y = 1, Z = 1$ (нет запроса, есть ресурс – система, также как и в первом случае, пребывает в равновесном состоянии)

3. $X = 1, Y = 0, Z = 0$ (есть запрос, нет ресурса – система пребывает в неравновесном состоянии)

4. $X = 1, Y = 0, Z = 1$ (есть запрос, есть ресурс – система приходит в состояние равновесия)

Как видим, только в одном случае: когда запрос существует, а внешний ресурс отсутствует – гомеостазис системы нарушен. Четыре рассмотренных случая соответствуют четырем исходам материальной импликации, трактуемой в данном случае, как реализуемость запросов посредством ресурсов. Импликация, таким образом, описывает здесь состоятельность системы как «запас прочности» при данном сочетании запросов и ресурсов: приемлемый для системы переход от актуального запроса к актуальному ресурсу. Переход от дискретных «четких» к рациональным непрерывным значениям переменных дает дополнительные возможности для использования и интерпретации материальной импликации в контексте процессов гомеостазиса. Шире – мотивационных процессов.

Отношение «Говорящий – Слушающий». Рассмотрим двух потенциальных собеседников, A и B . Будем считать, что A может пребывать в двух состояниях: «Хочу, чтобы B меня услышал» (+1) и – «Безразлично, будет меня слышать B или нет» (0). Партнер B может также пребывать в двух состояниях: «Хочу слышать, что говорит мне A » (+1), и – «Не хочу слушать A ». Материальная импликация описывает состоятельность партнера A как его удовлетворенность взаимоотношениями с B :

1) $0_A \rightarrow 0_B = 1_A$ (A безразличен к вниманию со стороны B ; отсутствие «слушателя» в лице B его отнюдь не смущает: «Нет проблем!»);

2) $0_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Ну и пусть слушает, раз ему так хочется»);

3) $1_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Меня игнорируют!»);

4) $1_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Я говорю – Меня слушают, всё ОК»)

Отношение «Попросил – Получил». Насколько состоятельны (беспротирывны) для потенциального просителя A взаимоотношения с потенциальным дарителем B ? Будем считать, что просьбе A о чем-либо соответствует число 1, отсутствию просьбы – число 0; получению потенциально запрашиваемого объекта от B – число 1, неполучению – число 0. «Беспротирывность» во взаимоотношениях между партнерами (с позиции потенциального просителя) соответствуют следующие исходы материальной импликации:

1) $0_A \rightarrow 0_B = 1_A$ («Ничего не прошу – Обойдусь без подарков»);

2) $0_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Ничего не прошу, но если уж Вы настаиваете...»);

3) $1_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Вам что, для меня жалко?!»);

4) $1_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Спасибо, что Вы пошли мне навстречу!»)

В терминах материальной импликации могут быть описаны и многие другие феномены, например, такие как «децентрация» в развитии мышления ребенка, «эмпатия и конгруэнтность» в интенсивной психотерапии, «трансфер и контр-трансфер» в психоанализе, «экзистенциальные выборы» (о таких выборах мы будем говорить далее в книге) и др. Если подняться выше, к феноменам духовной жизни, то в этих терминах можно описывать философские искания, категории и принципы («свободная причина» Спинозы, «условия возможного опыта» Канта, «свое другое» Гегеля, «высвоение» Хайдеггера и др.).

На первый взгляд, сфера применимости оператора импликации ограничена «четкими» значениями переменных $\{0; 1\}$. Но возможен также и переход к непрерывной модели, с сохранением смысла «материальной импликации» как опоры.

Позволю себе тут небольшое отступление биографического характера. Под впечатлением булевой модели Лефевра [40], [42], я был одержим идеей перенести импликативную **форму** за пределы работы с «четкими» значениями, – «вобрать» в нее и «промежуточные» переменные. На фоне этих исканий состоялась событийная для меня встреча с блистательной Татьяной Архиповной Таран. А также – встреча с ее работами, посвященными булевой решетке «нормированного поведения» [117], [118] [119]. Если бы не эти работы, вряд ли мои помыслы осуществились. Я рассуждал так: пусть $x = p_1 / q$, $y = p_2 / q$; представим, что p_1 единиц числителя первой дроби распределены в «ячейках» q -разрядного вектора булевой решетки, остальные компоненты вектора – нули); также поступаем и с числителем второй дроби; поразрядная импликация, связывающая первый и второй элемент булевой решетки дает нам некоторый третий элемент; очевидно, может быть несколько вариантов исхода импликации; положим, что «вероятное» число единиц в этом элементе – p^* . И тогда число p^*/q может рассматриваться как средний ожидаемый результат **метаимпликации**: $z^* = x \rightarrow^* y = p_1 / q \rightarrow^* p_2 / q = p^* / q$. Вычисленное p^* / q соответствует «числу Лефевра» (название – «число Лефевра» – предложено О.В. Митиной [55]): $z^* = p^*/q = 1 - x + x \times y$ (я надеюсь, читатель поймет, что в моих собственных и совместных с Т.А. Таран публикациях [97],[98] идея метаимпликации охарактеризована строже – см. также главу этой книги).

Среди процессов, описание которых предполагает использование оператора метаимпликации, трактуемой в парадигме «запрос, ресурс, состоятельность», совершенно особое место занимают рефлексивные процессы, описанные В. А. Лефевром в терминах «интенции», «представления о давлении среды», «давление среды», «готовность».

Действительно, если исходить из описанного здесь понимания импликации, соотнося их с понятиями рефлексивной теории, субъект обладает «запросами» (они выступают как *интенции* к осуществлению), обращается к «ресурсам» (это его *представления* о давлении среды, а также – побуждающее или тормозящее *давление среды*) и, наконец, достигает

определенной степени «состоятельности». Запросы, ресурсы, состоятельность – могут принимать любые промежуточные рациональные значения на отрезке $[0,1]$, и таким образом, импликация (с приставкой «мета») позволяет в полной мере описывать функционирование целеустремленных систем, сопрягая *цели* (запрос), *средства* (ресурс) и *результаты* активности (состоятельность). Я бы назвал (мета)импликацию *центральным* механизмом целеустремленности (*субъектности*) как таковой, – «логическим механизмом» развертки активности человека вообще.

ГЛАВА 7

Триумвират субъектов: транзактная модель выбора

Базовая модель рефлексивного выбора и транзактная модель личности

А) В настоящей работе содержится опыт психологической интерпретации рефлексивной модели нормированного поведения (Таран Т. А., [117]), [118]), [119]), представляющей собой, в свою очередь, булеву версию «функции готовности субъекта к биполярному выбору» (Лефевр, [40]). Воспроизведем, следуя автору рефлексивной модели нормированного поведения, основные понятия, описывающие многозначные булевы системы норм:

«Система норм строится следующим образом... Рассматривается множество альтернативных действий, между которыми происходит выбор. Каждая альтернатива оценивается на множестве биполярных шкал с позитивным и негативным полюсами. Полагаем, что позитивный полюс (1) соответствует некоторой *норме*, а негативный полюс (0) соответствует ее противоположности, которую называем *антинормой*. Например, на шкале *выгодно – невыгодно* позитивным полюсом может быть *выгодно*, негативным – *невыгодно*, на шкале *честно – нечестно* позитивный полюс – *честно*, негативный – *нечестно*. Тогда двоичный выбор между позитивным и негативным полюсами (т. е. между 1 и 0) может интерпретироваться как выбор между *нормой* и *антинормой*.

Декартово произведение таких шкал образует частично упорядоченное множество различных комбинаций *норм* и *антинорм*. Эти комбинации мы назовем *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Если обозначить каждую *норму* 1, а *антинорму* – 0, то каждой *слабой норме* и *слабой антинорме* соответствуют два дополнительных друг к другу булевых вектора.

Декартово произведение n бинарных шкал образует частично упорядоченное множество норм $D = \langle L, \leq \rangle$, где $L = 2^n$ – булева решетка. Единицу решетки ($\sup L = \mathbf{I}$) будем называть общей *Нормой*, а нуль ($\inf L = \mathbf{0}$) – общей *Антинормой*. Промежуточные значения $x \in L$, такие, что $\mathbf{0} < x < \mathbf{I}$, т. е. лежащие между *Нормой* и *Антинормой*, являются *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Каждая *слабая антинорма* – это значение, противоположное *слабой норме*. Если некоторое значение $x \in L$ – *слабая норма*, то значение $x' \in L$, которое является дополнением x в булевой решетке L , – *слабая антинорма*, и наоборот. Отношение порядка \leq на множестве *слабых норм* и *слабых антинорм* будем интерпретировать так: *норма* x – **более слабая норма (антинорма)**, чем y , если $x \leq y$. Соответственно, в этом случае y – **менее слабая**, т. е. **более сильная норма (антинорма)**. Тогда общая *Норма* – наиболее сильная из всех *норм* и *антинорм*.

Любая булева решетка образует многозначную булеву алгебру [Биркгоф, 1984], которая изоморфна булевой логике на множестве норм $B_n = \langle L, \vee, \&, \neg \rangle$ с операциями дизъюнкции $x \vee y \equiv \sup\{x, y\}$ и конъюнкции $x \& y \equiv \inf\{x, y\}$, где $x, y \in L$. Операция отрицания $\neg x$ соответствует дополнению x в решетке L .

Многозначную булеву логику B_n , построенную таким образом, назовем *логикой норм*. Будем полагать, что выделенным истинностным значением логики норм является *Норма*: \mathbf{I} . Значения x и y могут оказаться несравнимыми на шкале норм. Значение импликации $x \rightarrow y$ определяется как точная верхняя грань значений $\neg x, y$: $x \rightarrow y = \neg x \vee y = \sup\{\neg x, y\}$. Импликация будет принимать значение, равное \mathbf{I} , во всех случаях, когда $x \leq y$, т. е.:

$|x \rightarrow y| = I$, если и только если $x \leq y$.

Из свойств импликации следует, что в логике норм, во-первых, выполняется принцип тождества: $|x \rightarrow x| \equiv I$, а во-вторых, если $x < y$, то $|x \rightarrow y| = I$, т. е. из более слабой нормы (*антинормы*) x всегда следует менее слабая y (иными словами, более сильная).

Каждое действие, которое субъект может выбрать в некоторой ситуации, получает оценку на шкале норм. Модель рефлексивного поведения отражает готовность субъекта к выбору действия, удовлетворяющего определенному подмножеству норм. Поэтому в дальнейшем под *альтернативой* мы будем понимать ту или иную (*слабую*) норму или *антинорму* на булевой шкале норм» (Таран [15]).

Булеву версию функции готовности субъекта к выбору, $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, мы будем именовать далее *базовой моделью рефлексивного выбора* (или, более кратко, – «базовой моделью»).

Базовая модель представляет собой оригинальную версию капитальной идеи В. Лефевра, описывающей готовность субъекта к выбору, и, таким образом, воспроизводит в себе принцип осмысления переменных, фигурирующих в формуле $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ (мы будем далее называть эти переменные *основными* переменными базовой модели, а переменные, получаемые в результате логических операций, производимых над основными переменными, соответственно, *порожденными* переменными). В базовой модели выбора переменная $a1$ интерпретируется как «давление среды к выбору одной из альтернатив: *Нормы, Антинормы, слабой нормы* или *слабой антинормы*. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной $a2$. Это его психологическая установка, проявляющаяся в том, чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Психологическая установка складывается на основании предыдущего опыта субъекта. Переменная $a3$ описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т. е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. $A1$ – это та альтернатива (оценка действия на шкале норм), которую субъект готов выбрать» (Таран Т. А., [117]). Предполагается, что переменные формулы готовности субъекта могут принимать любые значения на булевой решетке норм $< L, \leq >$ независимо друг от друга.

Отметим, что следствия, выводимые формально из базовой модели выбора, доказали свою значимость для разработки проблем рефлексивного управления, позволили автору модели ввести новые теоретические конструкты, а также уточнить ранее описанные («реалистический выбор», «рефлексивное программирование», «реактивный способ существования», «нормативное поведение», «самооценка» и др.).

Б) Думается, что всем этим не ограничивается сфера возможного использования базовой модели рефлексивного выбора Т. А. Таран. Вопрос состоит в том, насколько приемлемы и действенны те же формальные посылки и следствия в области практической психологии личности – прежде всего в тех областях, где главенствует принцип несовпадения рефлексив-

ных и до-рефлексивных уровней построения поведения и сознания субъекта (с проблемами такого рода постоянно сталкиваются педагоги, психологи-консультанты, психотерапевты).

Существует, как минимум, два возможных пути дальнейшей работы с моделью. Первый из них – это поиск фактов (не столь уж важно, из каких областей психологической теории и практики они почерпнуты), которые бы иллюстрировали оправданность выводов, полученных формальным путём. Этот путь – вполне достоин того, что бы отнести к нему с должной серьезностью. Если подобное удастся, то это означает, что формальная модель «работает на самое себя», обогащаясь всё большим числом подтверждений и превращаясь тем самым в ядро новой теории.

Но есть и другой путь – пожалуй, именно в нем непосредственно заинтересованы психологи, консультанты и психотерапевты. Это – взаимодействие базовой модели рефлексивного выбора, с одной стороны, и некоторой иной, уже существующей в науке, но также нуждающейся в своём развитии, модели интерпретации поведения человека в условиях выбора – с другой стороны. Мы избираем для себя второй путь. На этом пути нам надлежит выяснить, какие психологические реалии, фигурирующие в составе некоторой психологической теории, а не «вообще в психологии», вырисовываются за терминами рефлексивной теории В. Лефевра и булевой версии функции готовности субъекта к выбору Т. Таран [117].

Итак, разрабатывая психологическую интерпретацию базовой модели, мы исходим из двух посылок. Первая состоит в том, что такая интерпретация должна быть не «какой-нибудь» психологической версией формальной теории, а «семантизацией» формальных отношений в составе некоторой, находящейся в развитии, *психологической теории*. Вторая посылка – это условие семантической совместимости искомой психологической версии базовой модели и исходной интерпретации основных ее терминов в теории В. Лефевра и модели Т. Таран.

Иными словами, принимаемая здесь задача заключается отнюдь не в том, чтобы дать психологическую интерпретацию формуле « $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ » как таковой, вместе с образующими её «какими-нибудь» элементами ($a3$, $a2$ и $a3$), удовлетворяющим аксиомам «решетки». Задача состоит в том, чтобы сохранить смысл этой формулы, в оригинальном варианте описывающей выбор субъекта, обладающего интенциями, ожиданиями и испытывающего на себе воздействие среды. В частности, необходимо ответить на такие вопросы: чем – психологически – могли бы являться основные конструкты базовой модели выбора, такие как «давление среды» (« $a1$ »), «представление о давлении среды» (« $a2$ »), «интенции или желания, которые (субъект) хотел бы осуществить в будущем» (« $a3$ ») и, наконец, сама «функция готовности субъекта к выбору» (« $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ »). Должны быть осмыслены также производные конструкты, символизируемые выражениями: « $a2 \rightarrow a1$ » и « $a3 \rightarrow a2$ », и – пока еще «безымянные» – знакосочетания « $\neg a2$ », « $\neg a3$ », « $a1 \& \neg a2$ » и др.

При этом мы будем считать вполне допустимым, что некоторые элементы, производные от основных элементов базовой модели, приобретут иное прочтение. Таким образом, будущая интерпретация должна предоставить основным и производным элементам как бы дополнительное место-жительство – на территории уже существующей психологической теории. Разумеется, при этом будет уточняться понятия и самой психологической теории, предоставляющей свои ресурсы в пользование математической модели (иначе – «состыковка» моделей – праздная трата времени). Иными словами, «приглашающая сторона» – психологическая теория, позволяющая использовать свои понятия, – не остается безучастной к тем, кто пользуется её гостеприимством. Она проявляет подлинный интерес, рассчитывая получить что-то в ответ. Например – критерии для оценки имеющихся ресурсов, возможностей расширения своих владений и т. д. и т. п. Вполне естественно, что «гостям», при обустройстве их жилья, разрешены определенные перестановки, отделка, новое функциональное использование предметов, а также по собственному вкусу дизайн.

Попробуем теперь ответить на центральный вопрос: с какой из психологических моделей описания личности (теорий личности) могла бы вступить в продуктивный «диалог» базовая модель рефлексивного выбора?

В) Наша общее предположение состоит в том, что в психологии *есть такая модель* и что этой психологической моделью понимания личности является эго-структура личности в транзактном анализе Эрика Берна.

Кратко, напомним читателю²⁴, каковы структурно-функциональные блоки интерпретации личности в теории Э. Берна. При ее разработке Э. Берн исходит из трех постулатов (положений, «которым до сих пор не найдено исключений»); воспроизведем эти «прагматические постулаты» из книги, в которой ее автор предлагает наиболее строгое изложение основ своей теории [10]:

1. Каждый взрослый человек был когда-то ребенком.
2. Любой человек, чей мозг в достаточной степени функционально развит, потенциально способен проверять реальность.
3. Каждый человек, достигший взрослого возраста, имел родителей или лиц, замещающих родителей.

Соответствующие гипотезы автора транзактного анализа таковы:

²⁴ Говоря «напомним», мы предполагаем, что читатель имеет хотя бы начальные представления о транзактном анализе Эрика Берна. Дефицит в этой области может быть устранен, если читатель обратится к таким книгам Эрика Берна «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры», Лениздат, 1992, «Транзактный анализ в психотерапии» [10], «Групповая психотерапия» [9], «Секс в человеческой любви», М., 1997, а также книгам последователей Э. Берна – Роберта и Марии Гулдинг «Психотерапия нового решения», Яна Стюарта и Вэнна Джойнса «Современный транзактный анализ» [27]. См. также Послесловие В. А. Петровского книге [9] и Вступительную статью В. А. Петровского к книге [10]. Приводя этот список книг, выскажем убеждение, что читателям-математикам будет ничуть не труднее достать и прочитать эти книги, чем читателям-психологам – достать и прочитать книги, посвященные, например, теории решеток и многозначным булевым алгебрам.

1. Пережитки детства сохраняются в последующей жизни в виде целостных эго-состояний. (Археопсихические пережитки).

2. Проверка реальности является функцией отдельных эго-состояний, а не изолированной «способностью». (Неопсихическое функционирование).

3. Исполнительную власть может брать на себя целостное эго-состояние, взятое у другого человека в том виде, в котором он был воспринят. (Экстеропсихическое функционирование).

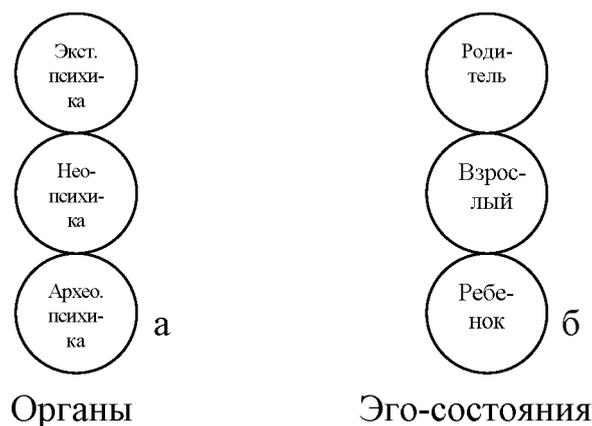

Рис. 14

Структура личности рассматривается как состоящая из трёх органов: экстеропсихики, неопсихики и археопсихики (см. рис. 14, а). «Феноменологически и операционально» эти органы личности «проявляются как три типа эго-состояний, которые, соответственно, называются Родитель, Взрослый, Ребенок (рис. 14, б.).

Каждое из эго-состояний обладает тем качеством, которое может быть обозначено как «субъектность» (В. А. Петровский, [9], [10]); эго-состояния – нечто большее, чем просто специфические паттерны мыслей, представлений, чувств, действий. «Деление на три элемента, – пишет Берн, – следует понимать вполне буквально. Это как если бы в каждом пациенте присутствовали три разных человека» ([10], стр. 272)²⁵. Мы делаем акцент

²⁵ Приведем еще два высказывания Берна, чтобы подчеркнуть субъектность эго-состояний, тот факт, что они для создателя трансактного анализа – не просто некие «состояния», свойственные индивиду, но каждое есть его особое «я», пребывающее в тех или иных состояниях: «Вмешательство терапевта будет идеальным тогда, когда оно попадет точно в цель, то есть существенно и приемлемо для всех трёх аспектов личности пациента, поскольку все три услышали, что он сказал» ([10], с. 273); «Терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель предаёт Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка рассекретиться? Или это Ребенок продолжает свою игру с целью «спасти лицо», хотя и упрощает ее для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?» ([10], стр. 257). Мы подчеркиваем субъектность эго-состояний, чтобы сказать: личность есть «единомножие субъектов»; каждый из этих субъектов может обладать особыми запросами, и именно это задает, в силу возможных здесь противоречий, ситуацию выбора.

на субъектности эго-состояний, чтобы подчеркнуть: личность есть единичное множество субъектов, полисубъектное образование; каждый из образующих личность субъектов может обладать особыми запросами, что и задает, в силу возможных здесь противоречий, ситуацию выбора.

Трансактная интерпретация элементов базовой модели рефлексивного выбора. Прежде чем сделать следующий шаг в построении трансактной версии базовой модели рефлексивного выбора, определим некоторые новые способы осмысления символов, фигурирующих в базовой модели. Заметим, что при этом логическая форма модели, механизм выведения следствий, общий смысл построений остаются неизменными.

Мы будем говорить о «ценностях», «интересах», «притязаниях», «валентностях», «значимостях» и т. п., реализуя в них фундаментальную идею «нормы» базовой модели; мы будем использовать здесь обобщающий термин «запрос», имея в виду многомерный вектор активности эго-состояний субъекта и говоря, соответственно, о булевой решетке запросов (в конечном счёте мы сможем вернуть к решетке собственно *норм*, определяя в дальнейшем меру *нормативности* субъекта). По аналогии с «более сильными» и «более слабыми нормами», мы будем говорить также о *более развитых* и *менее развитых* запросах (в качестве синонимов могут использоваться такие слова, как «более активные» («более выраженные», «более интенсивные» и т. п.) – «менее активные» («более пассивные», «более скромные» и т. п.) запросы²⁶. В соответствии с этим, о самом субъекте запроса мы говорим как «более активном (притязательном, амбициозном, пристрастном, вовлеченном и т. п.)» и – «менее активном» (такой субъект описывается как более «непритязательный», «менее амбициозный», он – «пассивнее», «беспристрастнее», «безучастнее» и т. п.). Сравнивая запросы субъектов, мы говорим также, что один запрос *превосходит* другой или *уступает* ему. О запросах субъектов, соответствующих «несравнимым» элементам на булевой решетке норм говорить, что запросы этих субъектов *расходятся* (о самих субъектах – что они *расходятся в своих запросах*). Ситуацию «несравнимости» элементов, в соответствии с традицией, мы будем обозначать символом « \parallel »).

Рассмотрим теперь подробнее и подвергнем взаимной интерпретации основные элементы базовой модели выбора, и то, что выше было обозначено как запросы Ребёнка, Родителя и Взрослого.

Наиболее общая идея настоящей работы заключается в том, что «запросы» Ребенка сопоставимы с «реальным давлением среды» (*a1*), запросы Родителя – с «представлениями о давлении среды» (*a2*), а запросы Взрослого – с «интенциями субъекта» (*a3*).

В настоящей работе мы только наметим теоретико-психологического и формально-логического обоснование данного положения.

²⁶ По сути, само сравнение запросов («более развитый» – «менее развитый»), если только оно осмысливается аксиологически, в терминах «лучше – хуже», возможно при условии того, что эти запросы «проецируются» на булеву решетку норм.

«Давление среды» – «Запросы Ребенка». Эго-состояние Ребенок у Берна полнится импульсами, влечениями, ему свойственно то, что Курт Левин, основатель «топологической психологии», называл «полевым поведением». Бёрновский Ребенок не задумывается о последствиях своих реакций, – он не рефлексивен, а рефлекторен.

Вот почему, в частности, запросам Ребенка (в дальнейшем – Д²⁷) мы ставим в соответствие символ «a1» базовой модели Т. Таран.

Раскроем эту версию подробнее. Прежде всего, заметим, что «давление среды» феноменологически есть то, что *переживается* субъектом как исходящее из среды, как нечто, действующее на субъекта *извне* (здесь подходят такие термины как «требование среды», а также левиновский термин «валентность» – то есть непосредственная привлекательность стимула), но при этом – как нечто, воплощающееся в ответное действие индивида *на* среду. Переживается *тенденция* к такому действию, сама установка действовать подобным образом (что может быть зарисовано как вектор, направленный *от* субъекта *к* среде). Интерпретируя a1, как то, что обнаруживается Ребенком, мы, таким образом, логически включаем в «давление» среды свойства того, кому адресованы «воздействия среды» (через кого эти воздействия проявляются) – подобно тому, как, при описании физических и химических свойств вещей, мы привлекаем к рассмотрению другие вещи, например, при описании костра – искры, летящие вверх, жар на лице и т. п.; словом, мы различаем между «воздействием среды» (безличный абстракт) и «давлением среды» (эффект влияния, оказываемого средой на субъекта). «Воздействие среды» – *диспозиционный предикат*, присущий *окружению* субъекта (подобно любому другому диспозиционному предикату, ему логически предписано проявлять себя «через иное»²⁸, то есть, в данном случае, через субъекта), а «давление среды» есть сам *феномен* ответственности среды на субъекта – эффект влияния, которое она на него оказывает (переживания и тенденции самого субъекта, той его «части», которая может быть описана в терминах «эго-состояние» Ребенок). По своей природе, «a1», таким образом, есть результат взаимодействия двух невидимых величин: a'1 и a''1. Первое описывает «среду как таковую», второе – «субъекта как такового». Эти абстрактные сущности («теоретические конструкты») суть, конечно, мнимости нашего разума. «Мнимость» здесь выступает не в математическом, а в изначальном языковом смысле – от слова «мнить», «мыслить» (хотя, если позволить себе математические аналогии, трудно не соблазниться идеей *произведения* двух про-

²⁷ В трансактном анализе принято использовать аббревиатуру Д («Дитя») вместо Р («Ребенок»), чтобы в записи не возникало смешения с Р («Родителем»). Иногда, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о Естественном Ребенке, мы будем использовать запись «ЕД».

²⁸ Изящную логическую теорию «диспозиционных предикатов» мы встречаем у логика Л.Рвачева в книге «Математика и семиотика». (Киев, 1967). своих работах он, в частности, вводит понятие «прибора» (как средства «проявления» свойств вещей) и, между прочим, формально показывает, что «быть вещью» не есть свойство вещи.

тивостоящих друг другу мнимостей, в простейшем случае, «i» и «-i», что дало бы нам единицу (+1) *действительного* «давления среды»). Итак, если признать, что «давление среды» есть не что иное как «валентность» элементов «поля» (а как не признать это?), а валентность этих элементов рассматривать как источник «полевого поведения» (всё это термины К. Левина), то родственность понятий «давление среды» и «запросы Ребёнка» превращается в нечто само собой разумеющееся. Добавим также, что «импульсивное» («полевое») поведение субъекта, если следовать психологической классике, соотносимо с поведением ребенка и только ребенка (оно может наблюдаться у взрослых при регрессии возраста). Если принять сказанное, то формально, «запросы Ребенка», в качестве трансактного эквивалента «давления среды», «a1», мы могли бы определить далее как «пересечение» двух элементов: $a1 = (a1)' \& (a1)''$, где $(a1)'$ – *потенциальный запрос («провокативность») среды по отношению к Ребенку* и $(a1)''$ – *потенциальный запрос Ребёнка (говоря – «потенциальный» – мы подчеркиваем, что это «диспозиционный предикат», или, если воспользоваться термином А.С. Прангишвили²⁹ – «предиспозиция» реагирования) по отношению к среде*. Например, элемент $a1 = (0,1,0)$ может рассматриваться как результат пересечения элементов $(a1)' = (1,1,0)$ и $(a1)'' = (0,1,1)$ и т. п. Остаётся добавить, что параметры среды при этом могут варьировать в пределах: $(a1)'_{max} = (1,1,1)$ – «поддерживающая» («стимулирующая», «принимающая») среда и $(a1)'_{min} = (0,0,0)$ – «отвергающая» («противодействующая») среда; точно также предиспозиции Ребёнка варьируют между полюсами: $(a1)''_{max} = (1,1,1)$ – «активный» («открытый», «инициативный») Ребёнок и $(a1)''_{min} = (0,0,0)$ – «пассивный» («защищающийся», «апатичный») Ребёнок. «Отвергающая» среда режет под корень все потенциальные запросы Ребенка (они так и остаются не актуализированными), а пассивный Ребенок загодя упраздняет всё, что предлагает ему среда.

«Представление о давлении среды» – «Запросы Родителя». Берновский Родитель – носитель «совершенного» знания («совершенство» этого знания большей частью сомнительно). Первые *представления* ребенка о себе производны от того, что говорят о нём и как видят его родители. Но потом этот взгляд может существенно.

Вдумаемся в слово «представить». Оно означает, что нечто, о чем идет речь, существует (или «поставлено») «перед», «пред». Представление о давлении среды на субъекта охватывает два противостоящих друг другу момента: «образ среды» и – «образ себя (в качестве объекта воздействия или в качестве субъекта, противостоящего этому воздействию)». Но «образ себя» всегда предполагает взгляд на себя «со стороны», с позиции кого-то другого. Онтогенетически (в аспекте развития ребенка) другой человек, с позиции которого реализуется «сторонний взгляд», – это тот, кто воспи-

²⁹ А. С. Прангишвили – теоретик, представитель «психологии установки» Д.Н. Узнадзе. См. [108].

тывает ребёнка: родители. Родителям свойственна еще одна роль: предвидение будущего (или так, по крайней мере, кажется самому ребёнку). Речь идет о том, что в некоторой области проявлений субъекта, последствия его действий предсказуемы (родители почти наверняка знают, что произойдет, если ребёнок оступиться, поднимаясь по лестнице и т. п.)³⁰. Инерция того, что «кто-то знает» сохраняется на протяжении всей человеческой жизни, хотя интеллектуально (с позиции Взрослого, «умом») некоторые люди способны преодолеть такую иллюзию. Вот почему, если предположить, что представление о том, чего требует среда (образ должного), «ожидание» (то, «чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации» – Т. Таран), имеет своего субъекта, того, «кто знает», логично соотносить с – родительской фигурой, запечатленной в психике субъекта (заимствованный опыт того, кто воспитывал).

Итак, запросам Родителя (в дальнейшем – Р) мы можем поставить в соответствие символ *a2* базовой модели выбора.

«Интенции» – «Запросы Взрослого». Бёрновский Взрослый исповедует принцип реальности. Взрослому свойственна объективность, автономия, бытие «здесь и теперь». Способность Взрослого быть «здесь и теперь», конечно, не означает, что кругозор Взрослого ограничен сиюминутным. Наоборот, Взрослый – целеполагающее существо. Он помышляет о том, что будет «там и тогда», и, тестируя реальность, прогнозирует и проектирует будущее. Эго-состояние Взрослый характеризует центр самосознания личности, источник разумной воли.

Всё сказанное о Взрослом и позволяет нам утверждать, что запросам Взрослого (в дальнейшем – В) в базовой модели выбора соответствует переменная *a3*, которая «описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т. е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем».

Остаётся дать также транзактную интерпретацию булевой версии функция готовности субъекта к выбору («оценку действия на шкале

³⁰ «Проявления Родителя – это, своего рода, воспоминания о Будущем. Действительно, воспитывающий взрослый в глазах интроецирующего его ребенка неотвратимым образом детерминирует его поведение, точно зная, что произойдет дальше. И то правда, - что в детстве воспитывающие взрослые часто дальновиднее детей и вполне в силах заставить их действовать в соответствии со своими личными представлениями о желаемом и должном (образами «потребного будущего»). Когда взрослые хотят заставить детей сделать что-то, они высказываются в прошедшем времени, как бы взирая из будущего. Они говорят, например: «Так! (только Родитель знает «как»)... Все встали... Сели... Раскрыли портфели... Взяли ручки...» (будто бы всё это уже было когда-то). Педагог Михаил Щетинин напомнил мне фразу, которую, как он сказал, понимают все школьники, хотя она, конечно, совершенно абсурдна. Тыча в ребенка пальцем, учитель – грозно: «Ты – почему?!» (и дети начинают лихорадочно оправдываться). Сама эта фраза подчеркивает чисто Родительскую логику мировосприятия: «Всё имеет свой смысл», ребенок обязан заранее знать его и с ним считаться. Родитель олицетворяет аристотелевскую энтелехию, вживленную в психику ребенка и «продвигающую» его к заранее предопределённому и известному результату» (В. А. Петровский. Метасловарь транзактного анализа (предисловие) [10]).

норм»), $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, и предложить психологическую трактовку «производных» элементов базовой модели выбора, таких как $a2$, $a3$, придавая им особый статус в построении поведения личности. Особое значение будет приписано знакосочетаниям $a3 \rightarrow a2$ и $a2 \rightarrow a1$ (обо всём этом – далее).

Идея сопоставления элементов $a3$, $a2$, $a1$ – с одной стороны, и Р, В, Д, – с другой, мы не можем обойти молчанием еще один важный аспект соотношения базовой модели выбора и транзактной ее интерпретации. В предлагаемой транзактной версии запросы субъекта (запросы его Взрослого, Родителя, Ребенка), логическим прототипом которых выступают для нас символы $a3$, $a2$, $a1$ базовой модели выбора, суть явления *одного и того же порядка* (в отличие от «интенций», «ожиданий» и «давления среды» исходной модели). Почему мы ставим ударение на этом? Если предположить, что явления, скрывающиеся за символами $a3$, $a2$, $a1$ были бы разноплановы (гетерогенны, разноосновны), то как, спрашивается, они могли бы вступать в конкурентные или коалиционные отношения друг с другом? Но именно эти отношения образуют смысл построения транзактной версии базовой модели выбора, ибо нас интересуют «выборы» человека в условиях столкновения интересов, присущих тем или иным «частям» его личности, – «субъектам», из которых она «состоит». Тот факт, что эти запросы, как мы выясним далее, качественно своеобразны, что их роль в регуляции поведения неодинакова и что они принадлежат разным стратам сознания субъекта, вполне совместим с утверждением, что они идентичны в главном: быть вектором активности, исходящей из эго-состояний личности (от субъекта – во вне).

Остановимся теперь на характеристике рассмотренных эго-состояний, делая акцент на запросах, им свойственных; раскроем также возможное соответствие между всем комплексом элементов, фигурирующих в базовой модели выбора, и многообразием элементов транзактной модели описания личности.

Будем теперь продвигаться в нашем дальнейшем исследовании, на этот раз, в обратном порядке: запросы Взрослого ($a3$), запросы Родителя ($a2$), запросы Ребенка ($a1$). В чём специфика этих запросов? К чему стремится каждая из указанных «подсистем» субъекта активности?

Взрослый нацелен на эффективность; он развивает новые способности, преодолевает препятствия, выдвигает новые задачи, обогащающие его жизнь (ведущая мотивация Взрослого – «могу», «способен», «достигну», «научусь», «знаю», «сделаю», а также – «это эффективно», «полезно», «целесообразно» и т. п.). Определяющий признак всех ценностей Взрослого – расширение возможностей жить, действовать, постигать, творить. Всё это служит цели саморазвития и развития другого, других, в том числе и тех, кто «живет» внутри, – обогащения сферы «могу», «можешь». Каждая ценность, которую осваивает Взрослый, – это ещё один инструмент его бытия и бытия другого, новый источник опыта. В терминах, которые были

использованы прежде (работах В. А. Петровского, посвященных проблеме активности субъекта [80] и др.), сказанное можно было бы выразить так: определяющим признаком всех ценностей Взрослого является обретение субъектом новых возможностей *движения деятельности и общения*, выхода за пределы освоенного. Одна из задач Взрослого – гармонизация взаимоотношений между собой (эго-состояние Взрослый) и другими инстанциями личности (эго-состояния Родителя и Ребенка). Выдающуюся роль в этих процессах играет саморефлексия³¹.

Итак, запросы Взрослого, вместе с негативными полюсами шкалы, можно обозначить в таких словах, как: «есть нужда в этом – нет нужды», «приемлемо – сомнительно», «возможно – проблематично», «необходимо – необязательно», «было бы разумно так сделать – можно обойтись без этого», «Игра стоит свеч!» – «Стоит ли браться?», «Лучше так, чем иначе» – «Не будем спешить с выводами» и т. д. и т. п. Когда мы спрашиваем: «Да надо ли Вам это?», мы обращаемся к запросам Взрослого. Точно также, когда транзактный аналитик говорит клиенту: «Вы действительно этого хотите?»³², он обращается к Взрослой части его личности. Иногда апелляция к Взрослому имеет характер вразумляющего напоминания: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным...»

Родитель отслеживает притязания Ребенка, осуществляет контроль над его нуждами, а также содействует их осуществлению. Выделяются две разновидности Родителя: Контролирующий Родитель и Опекающий Родитель (см. рис. 15).

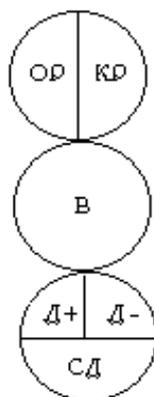

Рис. 15

Контролирующий Родитель стремится властвовать над другими. Определяющий признак всех его ценностей – *долженствование*, требование, чтобы кто-то *обладал* чем-то, *исполнял* что-то (наставления). Он требует, чтобы окружающие соответствовали его представлениям о должном;

³¹ «...Всякий раз, когда отодвигаются рамки неявного, неререфлексируемого знания за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки» (Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов [31]).

³² Излюбленный вопрос Бёрна.

мотив – «долг», «требование: ты обязан быть таким, каким я хочу тебя видеть», «я заставлю тебя соответствовать этому!» (запрещено что-то иное)³³. Таков позитивный полюс шкалы. Негативный полюс – это *разрешения* («позволено», «можешь» не делать этого, не иметь этого и т. п.).

Запросам Контролирующего Родителя (в дальнейшем – КР) поставим в соответствие символ a_2 базовой модели выбора, помня о том, что a_2 в этом случае превосходит a_1 ($a_2 > a_1$) или a_2 несравнимо с a_1 ($a_2 \parallel a_1$).

Опекающий Родитель стремится поддерживать других, он потворствует окружающим в осуществлении их нужд, исходит не столько из объективного интереса, сколько из субъективных потребностей тех, о ком заботится (мотив – «помогу», «научу», «сделаю для тебя», «поделюсь с тобой» и т. д. и т. п.). Определяющий признак всех ценностей Опекающего Родителя – обеспечение свобод и интересов других людей, *действие «во имя»* кого-либо. При этом Опекающему Родителю, если иметь в виду позитивный полюс его запросов, свойственна та же требовательность и настойчивость, что и Контролирующему Родителю: – «ты *должен* делать то, что ты хочешь», «тебе *нужно* воспользоваться тем, что тебе поможет»; негативный полюс – те же *разрешения* («позволено», «можешь»), что и в случае Контролирующего Родителя.

Запросам Опекающего Родителя (сокращенно – ОР) поставим в соответствие элемент a_2 базовой модели при условии, что a_2 *меньше или равно* a_1 ($a_2 \leq a_1$). (Для простоты мы не вводим специальных символов, противопоставляющих Контролирующего и Опекающего Родителя).

Авторитарный Родитель. Рассмотрим импликацию $B \rightarrow P$ (за ней, как мы помним, вырисовывается элемент базовой модели $a_3 \rightarrow a_2$). То, что мы получаем в результате расшифровки выводов из данного соотношения при варьировании запросов B и P , может быть описано в терминах *подтверждения или возгонки амбиций Родителя* (под влиянием Взрослого). Мы рассмотрим три возможных здесь случая, чтобы решить, какие предложения должен предъявлять Взрослый для того, чтобы сдерживать амбиции Контролирующего Родителя:

1. $B \leq P$. Если запросы Взрослого соответствуют запросам Родителя, не превосходя их и не расходясь с ними, то Родитель, заручившись даже минимальной поддержкой Взрослого, чувствует неограниченный рост своей власти и проявляет предельную требовательность в отношении Естественного Ребенка ($P = 1$). То же самое можно выразить и иначе: Взрослый, ни в чем не оспаривая права Родителя, дает тому, по сути, разрешение «быть строгим», то есть требовать с Ребенка, как говорят, «по полной программе» (вот почему – если говорить о социальных параллелях – в обществе всегда должны быть силы, оппонирующие властям).

³³ Иногда это принимает завуалированные формы: бабушка – внучке: «Кушай курочку!...» (а кормит рыбой). Вы спросите: почему именно «курочку»?! Потому что ребенок не любит рыбку, зато любит курочку.

2. $V > P$. Если предложения Взрослого превышают запросы Родителя, то последний, как правило, также повышает свои притязания. Выделяются два случая: а) $V \neq 1$: перед нами – случай, когда запросы Взрослого умерены. Что происходит при этом? Из $V > P$ следует $V \rightarrow P > P$, то есть амбиции Родителя, при введении дополнительных стимулов со стороны Взрослого, растут; б) $V=1$: это – случай, когда запросы Взрослого максимальны. Последствия здесь выявляются незамедлительно: поскольку Взрослый пытается занять здесь позицию абсолютного доминирования над Родителем, тому не остается ничего лучшего, как просто подтвердить свои притязания (то есть, если $V = 1$ и $V > P$, то $V \rightarrow P = P$).

3. $V \parallel P$. Запросы Взрослого не превосходят и не уступают запросам Родителя, или, как мы предпочитаем говорить, *расходятся* с запросами Родителя. В этом случае импликация $V \rightarrow P$ приводит к двум вариантам исходов: $\sup \{ \neg V, P \} = P$; $\sup \{ \neg V \vee P \} > P$. В первом случае амбиции Родителя сохраняются, во втором случае растут.

Теперь, если попытаться осмыслить динамику Родителя под влиянием Взрослого, то результат таких воздействий может быть обобщён в понятии *Авторитарный Родитель*. Он возникает как результат *выбора* между исходным уровнем родительских амбиций и «иррациональными» силами ($\neg V$), образующими альтернативу Взрослому, причем этот выбор никогда не снижает амбиций Родителя.

Ребенок (иное обозначение – «Дитя») – ранее сложившийся у индивида опыт переживания и поведения. Выделяется несколько разновидностей Ребенка. Говоря о «Ребенке» («просто» Ребенке) до сих пор мы имели в виду то, что в транзактном анализе обозначается как Естественный Ребенок. Именно с Естественным Ребенком (Д)³⁴ выше мы соотнесли элемент *aI* базовой модели выбора. Охарактеризуем данное эго-состояние подробнее.

Естественный Ребенок действует не вопреки и не в соответствии, а поверх (помимо) требований Родителя. Естественный Ребенок, также как и Взрослый, стремится к расширению своих владений, для него самое важное – обладание чем-то (мотив – «хочу, чтобы это у меня было», «я буду делать это, потому что меня притягивает сама возможность делать это»). Парадоксально, но «обладать» для Естественного Ребенка – не значит «практически использовать». И в этом – резкое отличие от Взрослого. Для Естественного Ребенка «ценностно» само наличие соответствующей ценности; Естественный Ребенок – скорее игрок, чем прагматик, и когда он обладает чем-то, то это обладание «не зачем»... Мир притягивает или отталкивает ребенка, пробуждает влечение или отторжение независимо от того, будет ли соответствующий объект использован или нет – Ребенок не задумывается – не успевает задуматься – над этим.

³⁴ В транзактном анализе принято использовать аббревиатуру Д («Дитя») вместо Р («Ребенок»), чтобы в записи не возникало смешения с Р («Родителем»). Иногда, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о Естественном Ребенке, мы будем использовать запись «ЕД».

Запросы Ребенка – это просто: «хочу – не хочу».

Наряду с Естественным Ребенком, мы определяем особый конструкт, имя которого присутствует в транзактном анализе, а содержание требует дополнительного уточнения. Мы говорим о «Свободном Ребенке». Соотношение Свободного Ребенка и Естественного Ребенка – если отталкиваться от анализа текстов Эрика Берна и его последователей – может рассматриваться как повод для дискуссий. Э. БERN относит к обнаружениям Естественного Ребенка, наряду с «проявлениями творческого порыва», такие реакции как «непослушание» и «бунт». Современные транзактные аналитики [27] в отдельных фрагментах своих текстов характеризуют «Свободного Ребенка» в точности так же, как БERN описывал своего «естественного Ребенка»; но у тех же авторов, в других фрагментах текстов, протестующие реакции индивида рассматриваются как проявления Адаптированного Ребенка («негативный адаптированный Ребенок», «Бунтующий Ребенок»). Мы предлагаем следующее понимание, проясняющее соотношение между Естественным, Свободным Ребенком (а в дальнейшем и Адаптированным Ребенком):

Свободный Ребенок (СД) – оборотная сторона Родительских влияний, представленная *силами сопротивления* (в ответ на запросы Контролирующего Родителя) и *силами роста* (в ответ на запросы Опекающего Родителя). Брем (1956) вводит понятие *реактивного сопротивления* для того, чтобы объяснить такие феномены как привлекательность «запретного плода» и непривлекательность навязываемой альтернативы. В ряде экспериментов, посвященных феномену риска (В.А. Петровский, 1971 и др. работах этого автора [80]), показано, что «сладок», метафорически говоря, даже булыжник, если его запретить. Словом, ограничения, накладываемые кем-либо извне на активность индивидуума, пробуждают силы, противодействующие ограничениям – «эффект бумеранга». С другой стороны, из клинической и воспитательской практики известно, что недирективные формы общения с другим человеком, эмоциональная его поддержка («понимание и приятие» в терминах Карла Роджерса), обеспечивают поразительный рост его возможностей и притязаний, – эффекты самораскрытия индивидуальности. Сказанное позволяет соотносить конструкт «Свободный Ребенок» с выражением $\neg P (= \neg a^2)$, различая силы «реактивного сопротивления» (если Родитель квалифицируется как Контролирующий, $K > D$ или $K \parallel D$) и – «силы роста» (в случае Опекающего Родителя, $P \leq D$). При описании Свободного Ребенка будем использовать обозначение «СД». Теперь можно приступить к определению Адаптированного Ребенка.

Адаптированный Ребенок (АД). Характеризуя приспособившегося (адаптированного) Ребенка, Э. БERN пишет, что «влияние Родителя выступает как причина, а приспособившийся Ребенок – как следствие». Ситуацию «Родительского влияния на Ребенка» и ее результат в виде устремлений «Адаптированного Ребенка» логично отождествить с равенством

$$P \rightarrow ED = \sup\{\neg P, ED\} = \sup\{СД, ED\} \sim АД$$

(левая часть этого равенства – «посылка», «причина» – символизирует ситуацию Родительского влияния, а правая часть – «результат», «следствие» – то, чем, в конечном счете, является «Адаптированный Ребенок»).

Далее могут быть выделены следующие разновидности Адаптированного Ребенка: Негативный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Контролирующего Родителя, и Позитивный Адаптированный Ребенок – как результат влияния Опекающего Родителя (см. рис. 2)

Позитивный Адаптированный Ребенок (АД +) – это результат того, что Родитель *культивирует* Естественного Ребенка (Родитель исходит из интересов Ребенка) и, таким образом, получается, что Позитивный Адаптированный Ребенок есть существо «идеальное», $P \rightarrow ED = I$. Нам кажется необходимым прокомментировать это психологически неочевидное следствие из принятой формальной модели. Когда родители говорят о своем чаде: «Он (она) *идеально* слушается, ну просто «подарочный» ребенок и т. п., это означает только одно: не ребенок подлаживает свои запросы под родителей, а родители «пристраиваются» к интересам ребенка: « $P \leq D$ » означает, что взрослые, когда они воспитывают ребенка, предлагают лишь то, чего, по сути, хочет ребенок, и не требуют того, чего он не хочет сам; в этих условиях раскрываются «силы роста» личности.

Негативный Адаптированный Ребенок (АД –) может заявлять о себе *пассивным* и *активным сопротивлением* Контролирующему Родителю. Мы называем «пассивным сопротивлением» такую реакцию Естественного Ребенка на Контролирующего Родителя, при которой первый сохраняет свои запросы неизменными, $D - = ED$; отличительная черта «активного сопротивления» – это расширение интересов Естественного Ребенка в ответ на регламентирующие воздействия Контролирующего Родителя, $AD - > ED$.

Существуют две ситуации, в которых обнаруживается пассивное сопротивление Естественного Ребенка: когда Контролирующий Родитель предъявляет «совершенные требования», $KP = I$; в этом случае Естественный Ребенок лишь подтверждает свои прежние устремления, сопротивляясь давлению: $SD \vee ED = \neg KP \vee ED = 0 \vee ED = ED$. Другой случай – полярная противоположность запросов Родителя и Естественного Ребенка, $KP = \neg ED$. Эти ситуации – источник многих берновских «игр» (например, «Я всего только пытался Вам помочь» и «ответных» «игр», таких как «Да, но...», «Неимуший», «Калека», «Дурачок»). Последний из рассмотренных случаев (поляризация запросов Родителя и Дитя) поясняет феномен удивительного упрямства, свойственного мужьям, которых «перевоспитывают» их жены, и специфической логики, проявляемой женами, когда их пытаются «переделать» мужа...

Во всех других ситуациях Естественный Ребенок активно сопротивляется распоряжениям Контролирующего Родителя. Вот почему есть смысл принимать во внимание следующее предостережение: если, общаясь с кем-либо, мы не хотим спровоцировать бунт, не стоит усиливать давление на собеседника (усиливая Родителя, мы лишь раззадориваем Дитя).

Наконец, заметим, что в нашей модели Естественный Ребенок никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя, «адаптация» не означает механического копирования интересов последнего. Иначе говоря, Адаптированный Ребенок представляет собой особую инстанцию личности, в которой синтезированы интересы Естественного и Свободного Ребенка (своего рода, альтернативы «высочайшим распоряжениям» Родителя).

Следующий конструкт, на который наталкивает нас работа с базовой моделью выбора, описывает Взрослого и позволяет нам охарактеризовать интегральный запрос субъекта как результат композиции запросов Взрослого, Родителя и Ребенка.

Раскрепощенный Взрослый (РВ). Возможность и желательность введения этого нового (для транзактного анализа) конструкта обусловлена формальными возможностями базовой модели выбора. Когда автор булевой версии выбора, Т. Таран, в ходе своей формальной работы использует выражение « $a3 \& \neg a2$ », она, по сути, подсказывает психологу необходимость содержательно осмыслить это знакосочетание. У «Раскрепощенного Взрослого» развязаны руки. Вспомогательное выражение « $a1 \& \neg a2$ ». Перед нами то, что может быть названо союзом *Взрослого и Свободного Ребенка* (когда $a2 > a1$ или $a2 \parallel a1$ – имеется в виду согласование запросов Взрослого и сил сопротивления Ребенка; при $a2 \leq a1$ – согласовываются запросы Взрослого и силы роста Ребенка). Речь, по сути, идет о субъекте «надситуативной активности» (В.А. Петровский [80]).

Понятие «Раскрепощенный Взрослый» (рожденное в ходе, казалось бы, чисто технической работы по выведению значимых следствий из формальной модели), приобретает совершенно особый статус в рамках транзактной версии. Оно позволяет, в конечном счете, ответить на фундаментальный вопрос: что психологически представляет собой «функция готовности субъекта к выбору», символизируемая выражением « $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ »?

Тождественно преобразуя $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$ в $(a3 \& \neg a2) \vee a1$, мы можем интерпретировать $A1$ как *совместный запрос Раскрепощенного Взрослого и Естественного Ребенка*.

Содержательное осмысление символа $A1$ приводит нас таким образом к идее целостного запроса личности, что может быть выражено формулой:

$$Л = (В \rightarrow Р) \rightarrow Д = РВ \vee ЕД \text{ (где Л символизирует «личность»)}$$

Проблема действенности запросов субъекта. Всё ранее сказанное представляло собой первую попытку перевести символы базисной модели выбора Т. Таран ($a1, a2, a3, \neg a2, \neg a3, a3 \rightarrow a2, a2 \rightarrow a3$) на транзактный язык и осветить непосредственные результаты подобной интерпретации.

Теперь, опираясь на опыт предпринятого Т. Таран исследования базисной модели выбора, выявим значимые последствия ее транзактного осмысления для понимания личности и содействия ее росту.

Приведем некий пример-метафору, иллюстрирующий способ возможного использования транзактной версии базовой модели выбора.

Обед из трех блюд. Что предпочтет чадо? Представим обычную ситуацию: обеденный стол, маму, бабушку и ребенка. «Меню» включает в себя три блюда. Выбор блюд из имеющихся символизируем вектором (x, y, z). Если первое блюдо выбрано, будем считать, что x = 1, а если отвергнуто, x = 0; так же описывается выбор или отказ, касающийся второго (y) и третьего (z) блюда.

Положим, что мама (разумное начало в семье) собирается накормить ребенка первым и вторым блюдом; бабушка догматически полагает, что ребенок должен съесть всё, что имеется на столе; ребенок предпочитает всему только сладкое. К чему приведет общесемейная «дискуссия»?

Будем считать, что позиции мамы соответствует символ В транзактной версии базовой модели выбора, позиции бабушки – символ Р, позиции ребенка – символ Д. Перейдем к оценке исхода взаимодействиями между героями семейной сцены:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (1, 1, 1)) \rightarrow (0, 0, 1) = (0, 0, 0) \vee (0, 0, 1) = (0, 0, 1)$$

Это значит, что ребенок сможет настоять на своем (откажется от первого и второго и съест третье).

Однако если бабушка отступит, мама *сможет* справиться с ситуацией:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (0, 0, 0)) \rightarrow (0, 0, 1) = (1, 1, 0) \vee (1, 1, 1) = (1, 1, 1).$$

Нечто подобное «разыгрывается» в душе взрослого человека, когда он принимает решение. Взрослый – убеждает, Родитель – требует, Ребенок – сопротивляется и настаивает на своём. Взрослому и Родителю лишь в том случае удастся «переломить» ситуацию, если они займут разумную позицию по отношению к Ребенку: положим, Взрослый выступит с инициативами, доминирующими над распоряжениями Родителя, а Родитель либо поддержит интересы Ребенка, либо – «стушется», подобно бабушке в приведенном примере³⁵... Ведь только в этом случае, как явствует из модели, некто съест три блюда из трех, хотя Ребёнок его помышлял только о сладком.

Все такие конфликты первоначально разыгрываются «во вне» – между ребенком и окружающими его людьми, но потом они погружаются во внутреннее пространство его личности, превращаются в конфликт между «субъектными» ипостасями его «Я», – в конфликт между эго-состояниями Взрослый, Родитель, Ребенок. Положим, человек влюблен... – проявлять или сдерживать свои чувства? Или – молодой человек выбирает профессию: следовать совету старших, или идти за детской мечтой? Или, наконец, как совместить две, казалось бы, несовместимые потребности: «быть лучше всех», и чтобы при этом «тебя любили» (Карен Хорни)? На каждый

³⁵ По аналогии с не рассмотренным здесь случаем выбора бабушкой (= «Опекающий Родитель») в точности *того же*, что выбирает ребенок, а именно (0, 0, 1).

такой вопрос Взрослая «часть» личности может ответить совершенно иначе, чем Детская и Родительская её «части». Архаичные, заимствованные и обусловленные текущим опытом реакции, сталкиваясь, формируют поле «конфликтных смыслов» (В. В. Столин [116]). и др.), побуждают личность находить интегральный ответ на парциальные запросы субъектов, «существующих» в ней. О том же – поговорка, возникшая в советские времена: «Если нельзя (голос Родителя), но очень хочется (голос Ребенка), то немножко можно (голос Взрослого, который, в конечном счете, добивается своего).

Предлагаемая транзактная версия базовой модели Т. Таран позволит, на наш взгляд, предвосхитить ответ на ряд вопросов, которые мы рассмотрим подробнее.

При каком условии Взрослый «добивается своего»? Или – если формулировать этот вопрос в классических терминах – в каком случае выборы Взрослого оказываются реалистическими?

Фундаментальное положение, вытекающее из базовой модели рефлексивного выбора, заключается в том, что «субъект имеет возможности сделать реалистический выбор, если его интенции лежат между реальным давлением мира и выбором примитивного субъекта: $a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1$ » (Таран Т. А. [117]).

В транзактной версии базовой модели выбора это положение может быть «расшифровано» так: Взрослый тогда реализует свои собственные запросы, когда они не превышают запросы Адаптированного Ребенка и не уступают запросам Естественного Ребенка: $ED \leq B \leq AD$.

Для транзактного аналитика этот результат задаёт важный ориентир в работе с консультируемыми. Императив, вытекающий из этого положения, мог бы прозвучать для консультируемого так: «Никогда не вступайте в борьбу со своими естественными склонностями, но не притязайте на то, что превосходит ваши представления о допустимом, – и тогда вы обязательно добьетесь своего».

Проблема реалистичности интенций приобретает более широкий смысл, когда мы вводим понятие *действенности запросов*. Речь идет о реализуемости (реалистичности) запросов каждого из эго-состояний личности. Все последующие вопросы, которые мы обсуждаем в данном разделе, посвящены именно этой проблеме – действенности устремлений каждой из интересующих нас частей личности человека (Взрослого, Родителя, Ребенка).

Способен ли Родитель противостоять Взрослому и Ребенку, если они имеют одинаковые запросы («сговорились»)?

Другая формулировка того же вопроса: если запросы Взрослого и Ребенка совпадают, что можно сказать тогда о реалистичности устремлений Взрослого и, соответственно, действенности чаяний Ребенка?

Имеем: $(D \rightarrow P) \rightarrow D = (D \& \neg P) \vee D = D$ (согласно правилу поглощения (Биркгоф)). Итак, в случае совпадения запросов Взрослого и Ребенка

ка, они оба добиваются своего, совершенно независимо от запросов Родителя. По сути, союз Взрослого и Ребенка лишает Родителя права голоса. (Чисто психологически, впечатление того, что Родитель «исключен» из игры, усиливается, если вспомнить, что $\neg P$ (Родитель-«наоборот») – это Свободный Ребенок, и что, следовательно, выражение $D \& \neg P$ означает то же, что и выражение $ED \& CD$: пересечение запросов «Естественного Ребенка» и «Свободного Ребенка»). Итак, достаточно захотеть того, чего хочет ваш внутренний Ребенок, и вы всегда своего добьетесь своего, что бы ни думал по этому поводу и как бы ни критиковал вас при этом внутренний Родитель! Любопытно, что Родителю может мниться при этом, что он действительно противостоит Ребенку ($P \parallel D$) или преодолевает Ребенка ($P > D$), но Ребенок, объединившийся со Взрослым, всё равно «берёт своё». Принцип самоактуализации Абрахама Маслоу – о том же: прислушивайтесь к себе! И «осознание» Фредерика Перлса – о том же. И «понимание-приятие» Карла Роджерса свидетельствуют о том же самом. Но, несмотря на все эти суждения и факты, идея достаточности сепаратного договора между внутренним Взрослым и внутренним Ребенком для реализации их общего интереса всё же не очевидна: Взрослый, вместо того, чтобы прислушиваться к Ребенку, зачастую «залаживается» с Родителем против Ребенка, – проигрывает при этом сам и подводит Ребенка.

Вывод: не надо «ломиться в открытую дверь»; достаточно просто войти.

Каковы запросы Родителя в случае, если Взрослый и Ребенок добиваются одного и того же?

Ответ: «это – любые запросы!»

Действительно: если известно, что Взрослый и Ребенок «добиваются» своего ($A1 = B = D$), то из формальных соображений следует, что Родитель может быть «каким угодно»: если $(B \rightarrow P) \rightarrow D = B = D$, то левая часть равенства замещается выражением $(D \rightarrow P) \rightarrow D$, а оно, в свою очередь, есть $(D \& \neg P) \vee D = D$ при любом P .

Увы, Родителю не остается здесь ничего лучшего, чем говорить «Да уж!..» и раздувать щеки...

При каких условиях выбор субъекта совпадает с запросами его Родителя?

Речь идёт о выполнимости условия:

$$(B \rightarrow P) \rightarrow D = P$$

Из результатов формального анализа, проведенного Т. Таран на базовой модели выбора, следует, что это возможно, когда $B \leq D$, и $D = P$. Словом, если субъект делает то, чего хочет его Родительская часть, то это значит, что его Взрослые запросы не превышают Родительские, а Родительские – совпадают с запросами Ребенка. Кратко это можно выразить и так: Взрослый здесь скромнее Родителя, а тот, к тому же, «договорился» с Ребенком (только в этом случае Родитель оказывается действенным).

Из этого, в частности, вытекает практическая рекомендация для психотерапевта: если необходимо дезавуировать решения Родителя пациента, нужно: или усилить его Взрослого (пусть он превзойдет Родителя или разоидется с ним в своих притязаниях), или – «разбить» союз Родитель-Ребенок, или, наконец, – сделать как то, так и другое одновременно.

Если Взрослый и Родитель «заодно», то каким должен быть Ребенок, чтобы как первый, так и второй (а, может быть, три «части» личности одновременно) добились желаемого?

Ответ напрашивается самой собой: если $V = P$, то $(V \rightarrow P) \rightarrow D = (V \rightarrow V) \rightarrow D = I \rightarrow D = D$ и из сделанного допущения: $A1 = V = P$, следует, что $D = V = P$.

Итак, во-первых, – это мы отметим попутно, – равенство запросов Взрослого и Ребенка порождает готовность субъекта обнаруживать интересы Ребенка («Родители и Взрослые! Объединяйтесь! Если, конечно, хотите, чтобы Ребенок добился своих собственных целей...»). И – во-вторых: если при равенстве запросов Взрослого и Родителя они претендуют на то, чтобы в итоге добиться желаемого, то это будет возможно лишь в случае совпадения их запросов с тем, к чему стремится Ребенок («Хотите добиться желаемого? Узнайте, к чему стремится Ребенок, и следуйте за ним!»).

Условия наилучшего и наихудшего из выборов. Будем называть *наилучшим* («совершенным») такой выбор, которому соответствует наиболее развитый запрос на булевой решетке запросов – Единица ($A1 = I$), и соответственно *наихудшим* («пустым») – наименее развитый запрос, которому соответствует Ноль решетки ($A1 = 0$).

А) *Если Ребенок субъекта осуществляет наилучший выбор, то можно ли рассчитывать, что такова будет воля субъекта в целом?*

Ответ: не только «можно рассчитывать», но иного и быть не может:

$(V \rightarrow P) \rightarrow I = I$ (так как любое значение $V \rightarrow P \leq I$).

Этот вывод обыденному сознанию может показаться натяжкой или, в лучшем случае, вызвать снисходительно-скептическую улыбку. Но в практике психологического консультирования данное утверждение получает существенную поддержку³⁶.

При анализе базовой модели, Т. Таран отмечает то обстоятельство, что « $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = I$ тогда и только тогда, когда $a3 \rightarrow a2 \leq a1$ ». При трансактном осмыслении этого неравенства, мы должны сделать вывод о том, что субъект осуществляет наилучший выбор тогда и только тогда, ко-

³⁶ В трансактном анализе, при заключении «контракта на изменение клиента» терапевт принимает для себя следующие правила: «Цель контракта должна исходить из Взрослого при сотрудничестве Свободного Ребенка. Другими словами, она должна соответствовать нашему пониманию ситуации и способности взрослого человека и помогать удовлетворять потребности ... Ребенка (клиента), а не отрицать их. Контракт, заключенный из Адаптивного Ребенка, будет почти во всех случаях способствовать усилению ... сценария. Поэтому контрактов из Адаптивного Ребенка следует избегать» ([10], стр. 281). Кроме того, необходимо задаться вопросом: «Понятна ли сформулированная вами цель восьмилетнему ребенку?» (Там же).

гда Авторитарный Родитель (« $V \rightarrow P$ ») не «превосходит» Ребенка, то есть когда иррациональные силы судьбы ($\neg V$) при объединении с запросами Родителя не перевешивают запросы Ребенка, $V \rightarrow P = \neg V \vee P \leq D$.

Важные следствия:

Если Авторитарный Родитель превосходит («подавляет») Дитя, то есть если $V \rightarrow P > D$, то ничем не оправданы ожидания, будто субъект сможет «стать идеальным» (в этих условиях $A1 \neq 1$); более того, в этом случае Авторитарный Родитель провоцирует субъекта вести себя совершенно «по-Детски» (хотя и пытается навязать Ребенку нечто более респектабельное).

Б) *При каких условиях субъект способен выбрать наилучшую альтернативу?*

1) Если Естественный Ребенок склоняется к наихудшему выбору, $D = 0$, а Родитель навязывает ему наилучший выбор, $P = I$, то субъект всегда ведет себя «как Ребенок», то есть делает наихудший выбор. Следовательно, для того, чтобы спровоцировать человека, которому «ничего не охота» (пассивный Ребенок), так таки ничего хорошего для себя и не сделал, нужно, чтобы Родитель его «был безупречен». Таков, надо думать, исток знаменитой игры «Почему бы вам не?...» – «Да, но...», описанной Эриком Берном (но только проигрываемой с индивидом с самим собой), а также – неизбежно негативного исхода в борьбе «собаки сверху» и «собаки снизу», на что обратил внимание Фредерик Перлз (активная «собака сверху», живущая в человеке, не может победить пассивная «собака снизу») ³⁷.

2) Только что рассмотренный результат является частным проявлением более общего случая, а именно, когда Авторитарный Родитель принимает свои запросы за наилучшие, то есть когда $V \rightarrow P = I$, а ребенок исходит из наихудших запросов, $D = 0$. Действительно, в такой ситуации «иррациональное» ($\neg V$) объединяется с «заимствованным» (P) и всё это предъявляется Ребенку как некий идеал; а поскольку Ребенка абсолютно пассивен, то это приводит лишь к «ничего неделанию», дезадаптации, игнорированию возможностей нового опыта (само собой разумеется, такое случается, когда $V < P$).

Вывод из этого: субъект будет предпочитать наилучшую альтернативу (будет действовать дезадаптивно, пассивно и т. п.), в полном соответствии с запросами его неприятельного Ребенка ($A1 = D = 0$), если запро-

³⁷ «Собака сверху обычно правильная и авторитарная; она знает, что для неё лучше. Она не всегда права, но она всегда правильная. Собака сверху говорит: «Ты должен» и «Ты не должен»... Собака снизу использует защитное поведение, извинения, играет в плаксу и тому подобное. У собаки снизу нет власти. Собака снизу – Микки Маус. Собака сверху – Супер Маус. ... Этот внутренний конфликт, борьба между собакой сверху и собакой снизу никогда не прекращается...» ([107], с.20 – 21). Трансактный анализ предлагает список директив, приводящих к «тирании долженствования»: «будь лучшим», «будь сильным», «радуй других», «старайся», «торопись» и т. п.

сы его Взрослого скромнее запросов его Родителя ($V < P$). Словом, нужно «развивать своего Взрослого», если хочешь вырваться из болота апатии³⁸.

Перспективы разработки транзактной модели рефлексивного выбора. Можно предположить, что Взрослый, Родитель и Дитя способны враждовать, сотрудничать, и даже подражать каждый каждому. В этом случае – перед нами противники или партнеры, вступающие в отношения взаиморефлексии и, соответственно, управления друг другом. Соответственно, выделяются до-рефлексивное (исходное) и пост-рефлексивное состояние субъекта. Имитации, конфронтации, компромиссы и обострения во взаимоотношениях между эго-состояниями личности составляют существо перехода из до-рефлексивного в пост-рефлексивное состояние.

Приведём лишь одну иллюстрацию. Мы уже отмечали выше, что Естественный Ребенок никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя. Однако, есть совершенно особый случай, когда Контролирующий Родитель, как показывают наши расчеты, исподволь всё же способен «добиться своего» от Естественного Ребенка. Это зависит от того, готов ли Взрослый действовать в интересах Контролирующего Родителя (как бы беря их на себя), а также от характера и соотношения запросов Опекающего Родителя и Естественного Ребенка. Рассмотрим как раз такую ситуацию.

Пусть $P = (0, 0, 0, 0)$; $ED = (0, 0, 0, 0)$. Исходя из принятых ранее определений, перед нами «Опекающий Родитель», так как в данном случае $P \leq ED$. Поскольку Контролирующий Родитель всегда связан с Опекающим Родителем соотношением $KP = \neg OP$ (это легко проверить), запросы KP могут быть описаны как вектор $(1, 1, 1, 1)$.

Положим, Взрослый, *осуществляя рефлексию эго-состояний Родителя и Ребенка*, принимает на себя функцию Контролирующего Родителя (отметим, что применение оператора « \neg » к OP могло бы означать, что осуществляется переход от актуализированных эго-состояний к латентным; в данном случае речь идет о переходе к латентному эго-состоянию «Контролирующий Родитель»). Итак, речь сейчас идет о том, что

$$V = KP = \neg OP$$

И, таким образом, базовую формулу $(V \rightarrow P) \rightarrow D$ мы можем переписать как $(\neg OP \rightarrow OP) \rightarrow ED$. Переходя к числовым значениям, имеем:

$$((1,1,1,1) \rightarrow (0,0,0,0)) \rightarrow (0,0,0,0) = (0,0,0,0) \rightarrow (0,0,0,0) = (1,1,1,1).$$

Словом, когда Естественный Ребенок и Опекающий Родитель одинаково пассивны, то Контролирующий Родитель может достичь своих целей, если он – безупречен³⁹, $P = (1,1,1,1, \dots)$, и вносит свои предложения от имени Взрослого (то же можно выразить и иначе, говоря, что Взрослый здесь берется контролировать ситуацию, замещая собой Контролирующего Родителя).

³⁸ Один психотерапевт высказался замечательно: «Не надо силой клиента тащить из болота. А вдруг там его дом?!»

³⁹ Школьные учителя и юристы по шкале искренности (L) ММРІ демонстрируют низкий уровень лжи и при этом не лгут.

Точно также можно рассмотреть ситуации, в которых:

- Ребенок копирует запросы Взрослого ($D = B$)⁴⁰ или Родителя ($D = P$), либо конфронтирует с Взрослым ($D = \neg B$) или Родителем ($D = \neg P$)
- Родитель копирует запросы Взрослого ($P = B$) или Ребенком ($P = D$), либо конфронтирует со Взрослым ($P = \neg B$) или Ребенком ($P = \neg D$)
- (Аналогичные превращения осуществляет Взрослый, либо действуя интересами Родителя или Ребенка, либо – действуя «от противного»)
- Каждое из эго-состояний может исходить из объединенных запросов собственного и других эго-состояний, подтверждая наличные запросы, им свойственные (процедура приравнивания « = ») или – «переворачивая» (процедура инверсии « \neg »). Формально, объединение осуществляется на основе установления точной верхней грани для сочетания элементов $B, P, D, \neg B, \neg P, \neg D$.
- Представляет интерес также исследование условий рефлексивного обострения внутриличностных конфликтов, – когда каждое или некоторые из эго-состояний стремятся к минимизации общности запросов, свойственных эго-состояниям (вычисление точной нижней грани для сочетания элементов B, P и D).

В заключении введем некоторые меры, описывающие нормативность эго-состояний Взрослый, Родитель, Дитя. Для этого вводится символ K (культурная норма) и образуются следующие импликации:

Адекватность Взрослого: $K \rightarrow B$

Авторитарность Родителя: $K \rightarrow (B \rightarrow P)$

Адаптированность Ребёнка: $K \rightarrow (P \rightarrow D)$

Общая Нормативность Субъекта: $K \rightarrow ((B \rightarrow P) \rightarrow D)$.

Если $K = I$, то первые три значения совпадают с запросами, соответственно, Взрослого, Авторитарного Родителя и Адаптированного Ребенка, а четвертое – общая нормативность субъекта – соответствует «функции готовности субъекта к выбору» на булевой решётке норм.

Но если культурные нормы изменяются, то есть K трансформируется в некое K^* , то характеристики адекватности, авторитарности, адаптированности и общей нормативности могут принимать другие значения при неизменности исходных запросов субъекта. В частности, все эти характеристики, принимают значение I (превращаются в абсолют) при *инверсии* культурной нормы – при «общем падении нравов» (то есть, когда $K^* = \neg I = 0$). Прослеживая последовательность рефлексивных подстановок, «перевёртышей», коалиций и конфронтаций во взаимоотношениях между элементами B, P и D , мы проясняем *логику* построения и функционирования «Интегрированного Взрослого» [4], – центрального образования человеческой личности, понятие о котором, в силу, казалось бы, его непобедимой неопределенности и расплывчатости, образует особую проблему психологической теории.

⁴⁰ Что в этом случае будет представлять собой готовность выбора, $A1$, мы уже знаем: она будет совпадать с запросами Взрослого и Ребенка, независимо от того, каковы притязания Родителя.

ГЛАВА 8

Импульсная модель экзистенциального выбора

Проблема выбора, являющаяся ключевой в человеческой деятельности, есть также одна из главных задач в системах поддержки принятия решений. Существует много формальных методов, решающих проблему выбора между несколькими альтернативами (это методы теории оптимальных решений, теории игр, исследования операций и пр.). В системах поддержки принятия решений, однако, важен субъективный фактор, учет психологических особенностей человека, его опыта, интуиции, ожиданий, мотивации. Строгие методы не учитывают этих особенностей. Попытки учитывать субъективные знания и предпочтения, а также психологические особенности личности, предпринимаются в рамках искусственного интеллекта.

При исследовании рефлексивных процессов, вводятся математические модели, описывающие выбор между двумя (В. А. Лефевр, [40]) и несколькими альтернативами (Т. А. Таран, [117]), учитывающие личностные характеристики субъекта. В данной работе рассматривается проблема экзистенциального выбора – выбора в условиях неопределенности. Экзистенциальные выборы, совершаемые человеком, в отличие от «бытовых», «обыденных», характеризуются свободой, ответственностью, непредрешимостью своих исходов. В работе предлагается математическая модель экзистенциального выбора, которая представляет собой развитие предложенной ранее трансактной модели рефлексивного выбора (В. А. Петровский [94], [95], В. А. Петровский, Т. А. Таран [96], О. В. Митина, В. А. Петровский [55]), основанной на математической модели в условиях биполярного выбора В. Лефевра [40] и ее многозначной булевой версии, разработанной Т. Таран [117]. Моделируя экзистенциальные выборы, мы стремимся описать, объяснить и предсказать поведение человека в ситуации жизненной неопределенности.

Структурно-функциональная модель личности. Введем символ A , обозначающий «личность». Будем исходить из того, что личность – это субъект деятельности в окружающем его мире: $A = A_0 \Rightarrow A'_0$, где A_0 – «субъект деятельности», A'_0 – «окружающий мир», а стрелка « \Rightarrow » символизирует направленность интересов субъекта. При описании внутреннего строения личности, мы вводим более общую схему: $A_i \Rightarrow A'_i$, где A_i («агент») – символ активного существа, наделенного запросами и ресурсами, A'_i («контрагент») – источник ресурсов, в которых заинтересован агент, а стрелка « \Rightarrow » указывает, что агент A_i заинтересован в получении некоторого ресурса N от своего контрагента A'_i . Будем говорить также, что A_i здесь выступает в союзе (или сочетании) с A'_i . Предполагается также, что A'_i , в свою очередь, есть некоторый агент A_{i+1} в союзе с контрагентом A'_{i+1} : $A_i = A_{i+1} \Rightarrow A'_{i+1}$, и т. д. и т. п. A_{i+1} и A'_{i+1} будем называть подсистема-

ми, ^{A₂} образующими систему ^{A₁} A₁. В итоге появляется ряд всё более детализированных описаний личности, характеризующих её *структуру* (см. рис.):

ЛИЧНОСТЬ

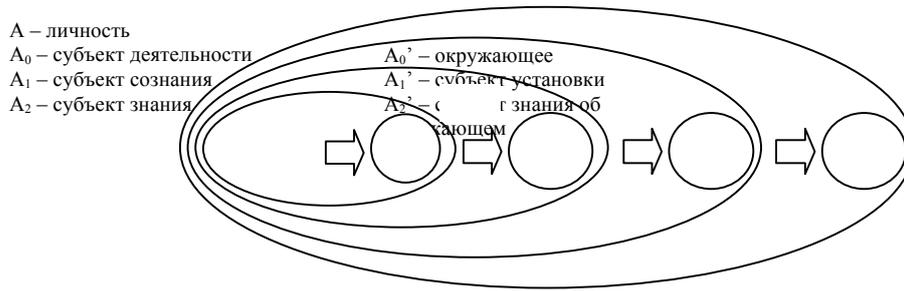

Рис.16

1) $A = A_0 \Rightarrow A'_0$. A – личность; A₀ – субъект деятельности; A'₀ – окружающий мир («условия деятельности», «воздействие среды», «стимулы среды», «средства к существованию», «блага», «предметы потребностей» и т. д. и т. п.).

2) $A_0 = A_1 \Rightarrow A'_1$. A₀ – субъект деятельности; примем, что A₁ – это «субъект сознания»; A'₁ – «субъект интуиции». Субъект деятельности, таким образом, объединяет в себе рациональное и интуитивное начала, причем первое здесь как бы опирается на второе (нуждается во втором). A₀ может быть понято также как «субъект установки» – неосознаваемой готовности определенным образом воспринимать окружающую среду и действовать в ней.

3) $A_1 = A_2 \Rightarrow A'_2$. A₁ – субъект сознания; будем считать, что A₂ – это «субъект самосознания» (субъект знания о себе, о своих подлинных потребностях и возможностях), в то время как A'₂ – «субъект представлений об окружающем мире». Субъект сознания, таким образом, есть единство того, что знает личность о себе самой, и того, что знает она о своем окружения. Иначе говоря, субъект сознания заключает в себе «со-знание» (оно может быть как адекватно, так и неадекватно реальности).

Итак, мы приходим к общему выражению, описывающую личность:

$$A = ((A_2 \Rightarrow A'_2) \Rightarrow A'_1) \Rightarrow A'_0.$$

Перед нами структурная модель личности. В функциональном плане, как видим, есть различие между некоторыми «частями» личности: элементы A₂, A₂ ⇒ A'₂, ((A₂ ⇒ A'₂) ⇒ A'₁) формируют запросы (являются «заказчиками»), а элементы A₀; A₁; A₂ обеспечивают поступления ресурса («поставщики»).

Будем считать, что n_i – это запрос, который агент A_i предъявляет контрагенту A'_i; r_i – ресурс, предъявляемый контрагентом A'_i агенту A_i ($0 \leq$

$i \leq 2$). Мы предполагаем также, что помимо ресурсов, которые могут быть предоставлены контрагентом A_i , в его распоряжении находятся внутренние ресурсы $\uparrow r_i$. Неявно, речь идет при этом о запросах агента к себе самому, которые удовлетворяются на основе имеющихся ресурсов.

Необходимо отметить также, что каждый запрос n_i и каждый ресурс r_i в «импульсной модели» представлены множеством (мы бы сказали, «верером») конкретных численных значений – о них мы говорим: *уровень* запроса и *уровень* ресурса. Среди всех этих значений-уровней в данной ситуации j актуализированы (воплощены) какие-то конкретные, выражаемые числом, значения – мы называем их «наличными» значениями, в отличие от «возможных» значений запросов и ресурсов, и обозначаем их n_i^j и r_i^j – такие значения-уровни мы называем также *сопутствующими друг другу*. Имея в виду сопутствующие друг другу уровни проявления запросов и ресурсов, мы будем опускать верхние индекс t , записывая просто n_i и r_i . Принимается, что эти наличные численные значения-уровни варьируют в диапазоне $[0, 1]$.

Вводится также важное понятие «состоятельности» (w_i). Интуитивно, чья-либо состоятельность – это успешность в продвижении к цели, общий объём того, что актуально доступно. Состоятельность – двойственна: она объединяет в себе достигнутое и достигаемое, реальное и идеальное, наличное и возможное, актив и активность. Это – не просто возможности (они могут быть «скрытыми», «потенциальными»), это *актуализированные* возможности достижения цели (они включают в себя и то, что есть, и то, что в данной ситуации открывается как возможность, *превращающаяся* в действительность). Речь при этом может идти о состоятельности заказчика во взаимоотношениях с посредником, о состоятельности заказчика *и* посредника (как единого целого) во взаимоотношениях с поставщиком, о состоятельности их всех, вместе взятых, во взаимоотношениях с источником ресурса. Строго говоря, состоятельность (w_i) агента A_i есть *реализуемость* всех его запросов посредством ресурсов, которыми он располагает сам и получает от контрагента A_i . Представляется разумным принять за 1 совокупный ресурс, на использование которого рассчитывает агент. Формулируется следующий постулат:

Постулат 1 (взаимодополнительности имеющихся ресурсов и предъявляемых запросов):

$$n_i + \uparrow r_i = 1$$

Подразумевается, что агент в данный момент предъявляет запрос контрагенту, для того чтобы пополнить свои собственные ресурсы.

Постулат 2 (соответствия амбиций и достижений):

$$n_i = w_{i+1} \quad (i = 0, 1).$$

Таким образом, принимается, что уровень внешнего запроса системы в данный момент равен уровню состоятельности образующих ее подсистем: запрос n_0 , предъявляемый агентом A_0 ($=A_1 \Rightarrow A_1$) к контрагенту A_0 , равен состоятельности w_1 агента A_1 в союзе с контрагентом A_1 , а запрос n_1

агента A_1 ($(=A_2 \Rightarrow A'_2)$) к A'_1 равен ресурсу w_2 . Постулат адекватности амбиций описывает взаимоотношения между тем, насколько продвинулась система $A_{i+1} \Rightarrow A'_{i+1}$ в направлении желаемого (уровнем её внутренней состоятельности) и запросами, которые она, стремясь к своей цели, предъявляет теперь своему окружению. Смысл постулата заключается в том, что новые запросы, предъявляемые системой своему окружению, соответствуют уровню её предшествующих достижений («каковы достижения, таковы и амбиции»).

Всё сказанное позволяет нам предложить способ оценки состоятельности $w_i (A_i \Rightarrow A'_i)$ при известных n_i и r_i .

А) Положим, что во всех случаях мы имеем дело всего с двумя вариантами значений переменных n_i и r_i – 0 или 1.

Легко убедиться в том, что в этом случае *состоятельность* $w_i (A_i \Rightarrow A'_i)$ может интерпретироваться как результат применения оператора *материальной импликации* « \rightarrow » к антецеденту n (запрос потребителя к контрагенту) и консеквенту r (ресурс, предоставляемый контрагентом):

$$w_i = n_i \rightarrow r_i$$

Матрица исходов, описывающих состоятельность системы $w_i (A_i \Rightarrow A'_i)$ при различных значениях базовых переменных приводится в таблице ниже.

СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (w_i)		
	ресурс $r_i = 1$	Ресурс $r_i = 0$
Запрос $n_i = 1$	1	0
Запрос $n_i = 0$	1	1

Представляется важным заметить, что приведенное формальное определение соответствует нашим интуитивным представлениям о состоятельности. Пояснения требует только один случай: $0 \rightarrow 0 = 1$. Но эта ситуация вполне объяснима, если принять во внимание соотношения $s + s_1 = 1$ и $s_1 = \neg s$ (запрос, предъявляемый системой вовне ($s = 0$), восполняется здесь запросом, который система сама предъявляет себе ($s_1 = 1$), а тот в свою очередь равен скрытому ресурсу $\neg s$ и таким образом потребитель Σ во взаимоотношениях с контрагентом Σ' оказывается абсолютно состоятельным, несмотря на отсутствие внешней поддержки извне: $w = \neg s = 1$). Впрочем, интуитивно ясно и так, что если некто ни в ком не нуждается для достижения своих целей, то он сам располагает соответствующим ресурсом, и следовательно вполне состоятелен.

Б) Пусть базовые переменные n_i и r_i суть дискретные величины, принимающие рациональные значения на отрезке $[0, 1]$; нам необходимо определить состоятельности $w_i (N \Rightarrow K)$.

Для этого вводится оператор *метаимпликации* « \rightarrow^* ». Следующий простой пример может служить иллюстрацией идеи метаимпликации. Положим, перед нами два рациональных числа $3/10$ и $1/2$. Нам необходимо определить $3/10 \rightarrow^* 1/2$. Приведем эти дроби к общему знаменателю. Теперь перед нами -десятичные дроби $0,3$ и $0,5$. Поставим в соответствие числу $0,3$ множество десятиразрядных векторов-элементов булевой решетки 2^{10} высоты 3 , а числу $0,5$ – множество элементов той же решетки высоты 5 (в булевых решетках с элементами-булевыми векторами, как известно, высота элемента соответствует количеству единиц в нем – это длина пути от нуля решетки до данного элемента). Мы как бы рассредоточили числители дробей $3/10$ и $5/10$ по 10 разрядам векторов. Возьмем теперь наугад какой-нибудь вектор из первого множества и, также наугад, – из второго. Будем считать, что первый из них – антецедент импликации, второй – консеквент. Далее вычисляется вектор, являющийся результатом импликации.

Примеры:

$$1. (0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) \rightarrow (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1) = (1,1,1,1,1,1,1,0,1,1)$$

$$2. (1,0,1,0,0,0,0,0,0,1) \rightarrow (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) = (0,1,0,0,1,1,1,1,1,1)$$

Свободно варьируя выбор элементов первого и второго множеств, мы вычисляем все соответствующие им результаты импликаций. Определим теперь уровень построенных нами векторов, элементов решетки: это высота вектора, деленная на длину – относительное количество единиц в соответствующем векторе. В первом примере элемента – 9 , соответственно, уровень – $9/10$; во втором примере высота – 7 , уровень – $7/10$. Множество всех уровней элементов, полученных таким образом, представляет собой определяемое нами значение метаимпликации (уровни элементов, как легко показать, варьируют в пределах $7/10 \div 10/10$):

$$0,3 \rightarrow^* 0,5 = \{0,7; 0,8; 0,9; 1\}$$

Числа, заключенные в фигурные скобки, мы называем уровнями значения метаимпликации. Заметим, что высота элементов булевой решетки, являющихся результатом импликации векторов, соответствующих числам $0,3$ и $0,5$, зависит от способа их «рассредоточения»: в первом случае – высота 9 , во втором – 7 . Соответственно, различаются и уровни значения метаимпликации.

Определим теперь состоятельность ($A_i \Rightarrow A'_i$):

$$w_i (A_i \Rightarrow A'_i) = n_i \rightarrow^* r_i$$

Так как при «четких» значениях s_1/q , s_2/q (0 или 1), $s_1/q \rightarrow^* s_2/q = s_1/q \rightarrow s_2/q$ (материальная импликация), данное определение состоятельности распространяется не только на рациональные значения переменных в интервале $(0, 1)$ (случай «Б»), но на случай «А» – «чёткие значения». Перед нами *общее* определение состоятельности. Условимся об уровнях значения метаимпликации говорить как об уровнях состоятельности w_i .

В общем случае – диапазон изменения уровней состоятельности при свободном варьировании k и j определяется соотношением:

$$w_{i \min} = r_i / q + \sup \{0, q - n_i - r_i\} / q = r_i + \sup \{0, 1 - n_i - r_i\}$$

$$w_{i \max} = \inf \{q, q - n_i + r_i\} / q = \inf \{1, 1 - n_i + r_i\}$$

Заметим, что в любой момент времени t конкретным значениям n_i и r_i соответствует априори непредсказуемый уровень состоятельности – «облако возможных значений» (какое из них будет актуализировано в данный момент времени – заранее неизвестно).

Может быть определена также *ожидаемая* состоятельность:

$$\hat{w}_i = r_i / q + (1 - r_i / q)(1 - n_i / q) = r_i + (1 - r_i)(1 - n_i) (*)$$

В приведенном примере $\hat{w} = 0,5 + (1 - 0,5)(1 - 0,3) = 0,85$.

Возвращаясь от случая **Б)** к рассмотренному выше случаю **А)**, то есть к «четким» значениям переменных 1 или 0, мы можем сказать, что оператор метаимпликации, будучи реализован по отношению к ним, дает те же результаты, что и «материальная импликация»: $n \rightarrow^* r$ здесь совпадает с $n \rightarrow r$. Поэтому в общем случае, состоятельность системы $N \Rightarrow R$ может быть определена на основе «метаимпликации» $n \rightarrow^* r$.

Итак, мы располагаем всем необходимым, чтобы охарактеризовать специфику запросов, ресурсов и состоятельности различных «подсистем» личности. Поскольку в дальнейшем мы будем иметь дело с небольшим числом символов, удобнее перейти от ранее определенных символов n_2, r_2, r_1, r_0 , соответственно, к символам x, y, z, f , означающим:

(x) – запрос субъекта самосознания (A_2), **y** – ресурс, предоставляемый субъектом знания (A_2) – «представления об окружающем»; **z** – установки субъекта (A_1), имеющие неосознаваемый характер; **f** – «воздействия окружающей среды» (A_0). Рассмотрим детальнее эти переменные и их сочетания.

Запросы («устремления субъекта»): $J = \{j \mid j = (x), ((x) \rightarrow^* y), (((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z)\}$ – интенции, установки и ожидания:

- **Интенции** (всё, что слева от одинарной черты): $(x) / \rightarrow^* y$. Иначе говоря, под притязаниями подразумевается antecedent импликации $(x) \rightarrow^* y$, то есть (x) .

- **Установки** (всё, что слева от двойной черты): $((x) / \rightarrow^* y) // \rightarrow^* z$; сокращенно: $((x) \rightarrow y)$

- **Ожидания** (всё, что слева от тройной черты): $((x) / \rightarrow^* y) // \rightarrow^* z) /// \rightarrow^* f$, то есть $((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z$

Ресурсы: $U = \{y, z, f\}$ – «представления», «установки», «воздействия среды»

Состоятельность: $W = \{((x) \rightarrow^* y), (((x) \rightarrow y) \rightarrow^* z), (((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z) \rightarrow^* f\}$. Особый интерес для нас представляет возможная *психологическая* интерпретация элементов множества W . Предлагается следующая интерпретация:

$w_{sub} = (x) \rightarrow^* y \sim$ состоятельность *интенций* (=субъективная состоятельность, в наших терминах, = «самооценка», в терминах В. А. Лефевра)

$w_{virt} = ((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z \sim$ состоятельность *позиции* (=виртуальная состоятельность, стойкость, готовность к действию, «активность сознания»)

$w_{ob} = (((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z) \rightarrow^* f \sim$ состоятельность *ожиданий* (=объективная состоятельность, успешность, «самоэффективность»)

Далее мы анализируем прежде всего виртуальную состоятельность личности – состоятельность *субъекта сознания* в союзе с *субъектом установки* (данную форму можно назвать «внутренней состоятельностью» субъекта деятельности), $w_{virt} = ((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z$. Именно в ней сконцентрированы осознанные и бессознательные детерминанты человеческих устремлений и склонностей – «силы души». На этой ступени активности личности субъект еще не реализует себя в прямом взаимодействии с миром – но это произойдет «вот-вот». Сложится ли его взаимодействие с окружающей средой успешно, или она отвергнет его притязания – всё это выявится позже, но действие здесь уже неостановимо (*виртуальное*, в отличие от *потенциального*, это «возможность, превращающаяся в действительность»). Виртуальная состоятельность занимает, таким образом, промежуточное положение между «субъективной» и «объективной» состоятельностью личности.

На основе формулы (*) может быть определена *ожидаемая* виртуальная состоятельность личности:

$$\hat{w}_{virt} = r_1 + (1 - r_1)(1 - (r_2 + (1 - r_2)(1 - n_2))) = r_1 + (1 - r_1)(1 - r_2)n_2$$

Вглядимся в итоговое выражение. Перед нами – формула готовности субъекта к выбору, полученная Лефевром [42]. Назовем численное значение, соответствующее выражению $w_0 = r_1 + (1 - r_1)(1 - r_2)n_2$, *числом Лефевра*. Оно дает нам возможность прогнозировать итог взаимодействия между различными «частями»-подсистемами субъекта жизнедеятельности, зная, каковы интересы заказчика (субъект самосознания), ресурсы посредника (субъект знания об окружающем) и ресурсы поставщика (субъект неосознаваемых установок). Мы пришли к «числу Лефевра» иным путем, чем Лефевр. Мы основывались при этом на интуитивно очевидных посылах, среди которых – постулат взаимодополнительности имеющихся ресурсов и предъявляемых запросов, а также – постулат соответствия притязаний достижениям. Вслед за В. А. Лефевром и Т. А. Таран, мы обратились к идее импликации и предложили интерпретировать ее как «реализуемость» [94], что, на наш взгляд, позволяет объяснить действенность ее применения в моделях рефлексивного выбора. «Число Лефевра» в нашей интерпретации есть результат применения более общей, чем импликация, логической операции – «метаимпликации». Идея «метаимпли-

кации», в свою очередь, основывается на возможностях, предоставляемых «решеткой». Тем самым, приоткрываются дополнительные возможности соотнесения модели Лефевра и модели Таран. На основе модели Таран может быть дана «многомерная» интерпретация одномерных величин, фигурирующих в модели Лефевра.

Модель решетки, кроме того, предоставляет исключительную возможность определять пределы, в которых варьирует уровень состоятельности агента во взаимодействии с контрагентом: применительно к виртуальной состоятельности (внутренней готовности субъекта к выбору) – это:

$$w_{\text{MIN}} = \inf\{1; \sup\{0; n_2 - r_2\} + r_1\};$$

$$w_{\text{MAX}} = \inf\{1; \inf\{1; n_2 + r_2\} - r_2 + r_1\}.$$

Экзистенциальный выбор. Возможность психологической интерпретации «подсистем» личности A_3 (субъект самосознания, глубинный источник «запросов»-интенций, «заказчик»), A_2 (субъект знания об окружающем, «посредник» во взаимоотношениях с ним) и A_1 (субъект интуиции, первичный «поставщик» опыта), мы усматриваем в работах Э. Берна [1]. Согласно Э. Берну, человеку присущи три «психических органа»: Неопсихика – источник эго-состояний «Взрослый», Экстеропсихика – источник эго-состояний «Родитель» и Археопсихика – источника эго-состояний «Ребенок» («Дитя»). Обозначим эти функциональные органы, соответственно, символами В, Р и Д. Естественно предположить, что «триединство психики» и «триумвират личности» могут быть соотнесены друг с другом, и притом – многообразно.

Характеризуя *экзистенциальный* выбор, мы останавливаемся на следующей схеме: $(В \Rightarrow Р) \Rightarrow Д$. Иными словами, экзистенциальные выборы – эффект синергии Взрослый, Родитель, Ребенок при данном способе их сочетания (см. также [97], [98]).

«Импульсы» экзистенциального выбора. Положим, что x , y и z принимают рациональные значения на отрезке $[0, 1]$ (для простоты – как и в прежних примерах – значения $0/10$; $1/10$; $2/10$; ...; $9/10$; $10/10$). «Распределенным» известным нам образом каждое из этих значений в векторах решетки 2^{10} . Будем считать, что каждый «элемент» дроби (единица в десятиразрядном векторе) представляет собой некий «импульс» – минимальный запрос или ресурс (= элементарный посыл), исходящий, соответственно, из инстанций Взрослый, Родитель, Ребенок за период времени T . Можно, для простоты принять, принять, что T – это отрезок времени в 10 единиц (секунд, минут и т. п.); время – дискретно, поступление импульсов приурочено к целому числу единиц времени. Поступление импульсов за период времени T из разных инстанций в общем случае асинхронно Импульсы, поступающие со стороны Взрослого, будем называть *разумными*; импульсы со стороны Родителя – *наставительными*, импульсы со стороны Ребенка – *фантазийными*. Возможные сочетания импульсов, порожденных В, Р

и Д в период Т, имитируют векторы решетки, высота которых, соответственно, x, y, z .

Теперь можно определить виртуальную состоятельность личности, осуществляющей экзистенциальный выбор. При определенном способе распределения импульсов во времени (конкретном рассредоточении значений) x, y, z , искомое значение:

$$w_{virt} = (x \rightarrow^* y) \rightarrow^* z$$

При случайном распределении импульсов во времени,

$$\hat{w}_{virt} = z + (1-z)(1-y)x$$

Вводя представление об операторах рассредоточения–сосредоточения и, таким образом, реализуя идею «решётки» применительно к одномерной величине, мы получаем исключительную возможность установить пределы, в которых варьирует величина внутренней состоятельности $w_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle$ при произвольном распределении во времени импульсов, поступающих из инстанции В, Р, Д. Это:

$$w_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle_{MIN} = \inf\{1; \sup\{0; x - y\} + z\};$$

$$w_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle_{MAX} = \inf\{1; \inf\{1; x + y\} - y + z\}$$

Нижний предел – это то, на что по *меньшей мере* может претендовать личность, осуществляющая экзистенциальный выбор. Верхний предел – то, на что она могла бы рассчитывать *по большей мере*, то есть при наиболее «благоприятном стечении» импульсов, продуцируемых инстанциями Взрослый, Родитель, Ребенок. Этот верхний предел мы называем *перспективной экзистенциального выбора*.

В приведенном выше примере, $w_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle_{MIN} = 3/10 = 0,3$; $w_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle_{MAX} = 7/10 = 0,7$ (как видим, «перспектива» экзистенциального существенно превосходит ожидаемый показатель состоятельности $\hat{w}_{set} \langle \langle B, P \rangle, D \rangle = 0,44$).

(11) Предлагаемая формальная модель достаточно точно воспроизводит в себе основные черты поведения человека, совершающего экзистенциальный выбор:

1. Экзистенциальный выбор возникает в ситуации полной неопределенности, непредрешенности исхода предстоящего действия. О таких ситуациях говорят: «человек стоит на пороге важных решений», «человек сейчас выбирает свою судьбу». Бессознательный образ среды («влияние») несет на себе отпечаток детских мечтаний. Желаемое здесь выдается за действительное. Благополучный или неблагоприятный опыт прошлого, запечатленный в Ребенке, задает оптимистический или пессимистический ракурс бессознательной интерпретации окружающего. Модель это учитывает: виртуальная состоятельность не может быть ниже ресурсов, предоставляемых его Ребенком: $w_{set} \geq z$. Например, $w_{set} (3/10 \rightarrow^* 4/10) \rightarrow^* 5/10 \in [5/10, 8/10]$

2. Всё то, что может в этой ситуации требовать от человека его Родитель, совпадает с его (Родителя) «знанием» того, что произойдет дальше. «Ты должен» здесь тождественно «Ты можешь». Чем менее Родитель уве-

рен в точности своего прогноза, тем в меньшей мере он требователен. Согласно модели, отсутствие или прекращение поддержки со стороны Родителя способно привести к повышению виртуальной состоятельности субъекта при осуществлении экзистенциального выбора (сравним два крайних варианта: $(1 \rightarrow^* 0) \rightarrow^* 0 = 1$ – поддержка отсутствует, виртуальная состоятельность абсолютна; $(1 \rightarrow^* 1) \rightarrow^* 0 = 0$ – чрезмерная опека порождает обратный эффект: субъект не готов к выбору, виртуальная состоятельность нулевая).

3. И, наконец, запросу Взрослого (разумной части личности) в условиях экзистенциального выбора отдается приоритет; дефицит ресурса со стороны Ребенка может компенсироваться заинтересованностью Взрослого: $w_{set}(6/10 \rightarrow^* 3/10) \rightarrow^* 2/10 \in [5/10, 8/10]$: активный запрос Взрослого, при пассивности детской части личности, оказывается весьма действенным, если только Родитель «не слишком» старается ему помочь.

Итак, мы видим, что импульсная модель экзистенциального выбора описывает ситуацию, в которой личность, осуществляющая выбор, полагается на свою интуицию и веру в себя, действует вопреки сложившимся стандартам и убеждениям, исходит из интенций собственного разумного «Я» (интересов его «модели себя», «прислушивается к голосу собственного разума»).

Это выбор, осуществляемый «всем существом» – его, как правило, нельзя свести к проявлениям активности какой-то одной части личности; перед нами эффект *сводного* выбора личности как «единомножия субъектов» [97], [98].

Отметим также, что внутренняя состоятельность личности, осуществляющей экзистенциальный выбор, должна еще быть испытана миром. На уровне формальной модели речь должна идти о системе «Личность в Среде», $((S_3 \Rightarrow S_2) \Rightarrow S_1) \Rightarrow S_0$, рассматриваемой в целом.

В рамках психотерапии и системного консультирования (мы говорим о *системном* консультировании, подчеркивая тем самым, что реорганизации подвергается также среда) решается задача перераспределения (= иного способа «рассредоточения») импульсов, предопределяющих выбор, совершаемый личностью.

В плане математического моделирования, особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование не только *наличной состоятельности*, но и перспектив, как мы бы сказали, «расширения перспектив».

ГЛАВА 9

Опыт эмпирического обоснования мультисубъектной модели выбора

Проблема, обсуждаемая в данной работе, исходит из предложенной автором нетрадиционной трактовки личности как целокупности («единомножия») субъектов (В. А. Петровский [101]). Подразумевается, что каждый субъект в составе личности, в момент совершения выбора, может придерживаться своих собственных предпочтений, уникальной шкалы ценностей. Центральный вопрос исследования – это: «Каким будет итоговый выбор личности, если образующие её «внутренние субъекты», взаимодействуя друг с другом, исходят из своей особенной системы ценностей? К чему, при этом, в конечном счете, придет личность?» Итак, мы рассматриваем личный выбор как функцию активности многих субъектов, представленных в личности. Под этим углом зрения и рассматривается описанная в книге транзактная модель рефлексивного выбора.

Истоки данной модели – транзактная теория Эрика Берна и рефлексивная теория Владимира Лефевра. Транзактная теория представлена идеей существования трех эго-состояний личности – «Родитель», «Взрослый», «Дитя», выступающих в специфических конфигурациях мыслей, чувств и действий индивида (Э. Берна [4,5]). Рефлексивная теория – формулой «готовности субъекта к выбору», описывающей поведение человека в условиях биполярного выбора (В. Лефевр [40]), а также – многозначной булевой версией рефлексивного выбора, описывающей логику предпочтений личности, реализуемых на «булевой решетке норм» (Т. Таран [117], [118]).

Положения, высказываемые в первых публикациях, посвященных транзактной модели рефлексивного выбора (В. А. Петровский [94], [95], В. Петровский, Т. Таран [96]), основывались, прежде всего, на теоретических аргументах и клиническом опыте автора этих строк, – вне всяких сомнений, положения эти имели гипотетико-дедуктивный характер. Возможность экспериментального изучения личностных характеристик с использованием модели В. Лефевра была особо подчеркнута нами в совместной статье с Митиной О. В. [99].

В данном разделе книги мы воспроизводим текст этой статьи.

Настоящая работа представляет собой первую попытку в эмпирическом плане дать ответ на центральный вопрос – об адекватности транзактной модели рефлексивного выбора той реальности, которую она призвана описать.

Предметом эмпирического исследования здесь выступила взаимосвязь между личностными характеристиками, которые оцениваются посредством традиционных психологических опросников, и – системой ценностных предпочтений личности, в соответствии с «переменными», входящими в формулу транзактной модели рефлексивного выбора.

В пределах этой статьи мы не останавливаемся на хорошо известной читателям-психологам модели личности, разработанной Э. Берном (некоторые необходимые пояснения и уточнения категорий, используемых в современном транзактном анализе, содержатся в работах В. А. Петровского [90], [92]). Рассмотрим подробнее формулу «готовности субъекта к выбору» В. Лефевра, подтвердившую свою правомерность в целом ряде психологических и не-психологических разработок (в том числе – разработок в области астрономии [40]).

Функция готовности субъекта к биполярному выбору определяется с помощью логической формулы $A=(a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$, где a_i – соответствуют различным состояниям и ощущениям субъекта, выраженным с помощью одномерной логической переменной (0 или 1). Значение выражения $a_i \rightarrow a_j$ вычисляется по правилам математической логики для операции импликации:

a_i	a_j	$a_i \rightarrow a_j$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

В своей формуле, В. А. Лефевр предлагает интерпретировать a_1 как давление среды к выбору одной из альтернатив. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной a_2 . Это его психологическая установка, проявляющаяся в том, что ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Психологическая установка складывается на основании предыдущего опыта субъекта. Чем больше a_2 , тем сильнее, с точки зрения субъекта, мир давит на него, предлагая выбрать позитивный полюс. Переменная a_3 описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т. е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. Само же значение формулы A – это та альтернатива, которую субъект готов выбрать. Таким образом, в рамках модели различаются объективная готовность субъекта произвести выбор и его “субъективное” намерение сделать это.

Кроме этого, В. А. Лефевр расширяет область определения переменных до целого интервала значений от нуля до единицы, т. е. предполагает возможность непрерывного, а не дискретного выбора какой-либо альтернативы. В результате такого расширения значение «функции готовности субъекта к выбору» может быть вычислено по алгебраической формуле

$$A=a_1+(1-a_1)(1-a_2)a_3$$

Легко проверить, что если все a_i – принимают значения 0 или 1, то значения A , вычисленные по алгебраической формуле и по логической таблице совпадают.

В настоящем исследовании изучаются значения функции готовности субъекта к выбору различных ценностей, вычисляемые в соответствии с транзактной моделью рефлексивного выбора, и их взаимосвязь с личностными характеристиками и ценностными предпочтениями.

Планируя экспериментальное исследование, мы выдвинули следующие гипотезы:

- функция готовности субъекта к выбору является глубинным качеством, детерминирующим личностные характеристики;
- функция готовности субъекта к выбору какой-либо ценности должно коррелировать с личностными характеристиками, значимыми для достижения этой ценности.

В транзактной модели рефлексивного выбора «переменные» функции готовности к выбору В. Лефевра (и соответствующие «переменные» в многозначной булевой версии Т. Таран) трактуются следующим образом: подсознательно ощущаемому «давлению среды» (a_1) соответствуют «запросы» Ребенка (Дитя), «представлениям о давлении среды» (a_2) – «запросы» Родителя, «интенциям» субъекта – «запросы» Взрослого. В итоге формула готовности приобретает вид $L=(B \rightarrow P) \rightarrow D$, где D – запросы Ребенка, P – запросы Родителя, B – интенции Взрослого, L – фактическая готовность личности осуществить позитивный выбор. Импликация интерпретируется как отношение «приемлемости» (или «реализуемости»): $A \rightarrow B$, это значит, что запрос, продуцируемый B , приемлем с позиции A (или, что A реализует себя посредством B) (В. Петровский [94]). Антецедент, то есть первый член импликации, A , может рассматриваться также как *устремление* некоторой эго-системы, а консеквент, второй член импликации, B , как *ресурс*, посредством которого реализует себя (или не может реализовать) устремление.

Процедура эксперимента. Испытуемыми были 51 человек - студенты в возрасте от 19 до 29 лет. Чтобы актуализировать у испытуемого при заполнении им опросника различные эго-состояния: Родителя, Взрослого, Ребенка, исходя из описаний Э. Берна [4, 5] были составлены специальные инструкции.

Взрослый как источник запросов. Запросы Взрослого это «рекомендации». Позитивный запрос: «предложения» («полезные советы»), негативный запрос: «предостережения». Между «предложениями» и «предостережениями» существует нейтральный запрос: «отсутствие предложений (и предостережений)»; нейтральный запрос – это случай, когда решение предлагают кому-либо принять «по собственному усмотрению», «на свой страх и риск» и т. п.

Инструкция для актуализации Взрослых запросов: «Оцените эти ценности с точки зрения их практической оправданности: насколько полезно в практическом отношении придерживаться, ориентироваться на них в жизни».

Итак,

1. Очень бесполезно (вредно, опасно, нецелесообразно)
2. Бесплезно, вредно, опасно, нецелесообразно
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации
4. Полезно, невредно, неопасно, целесообразно
5. Очень полезно, невредно, неопасно, целесообразно

Родитель как источник запросов. Запросы Родителя – это указания (распоряжения). Позитивный запрос: «настояния», «требования». Негативный запрос: «запреты». Нейтральный запрос: «невмешательство», «разрешения». В случае нейтрального запроса говорят: «Я умываю руки», «тебе жить, тебе и решать» и т. п.

Инструкция для актуализации Родительских запросов. «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными требованиями, которым необходимо подчиняться в жизни. Оцените эти требования с точки зрения их обязательности выполнения для себя».

Итак

1. Ни в каком случае не следователъ этим требованиям
2. Не следователъ этим требованиям
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации
4. Следователъ этим требованиям
5. Обязательно, во что бы то ни стало следователъ этим требованиям

Ребенок как источник запросов. Запросы Ребѣнка – это сокровенные побуждения к действию (хотения, желания, мечты). Позитивный запрос: «есть желание (хочу)», негативный запрос: «есть нежелание (не хочу)». Позитивному и негативному запросам в равной мере противостоит нейтральный запрос – «нет желания (и нет нежелания)», чему соответствует «ни жарко, ни холодно» и т. п.

Инструкция для актуализации запросов Ребенка: «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными желаниями, иногда несбыточными, которые свойственны многим людям. Оцените эти желания с точки зрения их значимости для Вас».

Итак:

1. Есть очень большое нежелание, очень не хочу
2. Есть нежелание, не хочу
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации
4. Есть желание, хочу
5. Есть очень большое желание, очень хочу

Ниже приводится список, предлагаемых для шкалирования ценностей: 1. Деньги; 2. Музыка; 3. Образование; 4. Хорошая еда и питье; 5. Демократия; 6. Приятное времяпрепровождение; 7. Религия; 8. Политика; 9. Любовь; 10. Чистая окружающая среда; 11. Здоровье; 12. Родина; 13. Спорт; 14. Честность; 15. Мир; 16. Церковь; 17. Свобода; 18. Надежда; 19. Равенство; 20. Работа; 21. Дружеские отношения; 22. Активная деятельная жизнь; 23. Бессмертие (продолжение себя в своих делах, в детях,

в сердцах людей); 24. Общественное признание, уважение коллег; 25. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития); 26. Счастливая семейная жизнь; 27. Творчество; 28. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий); 29. Саморазвитие (работа над собой, физическое и психическое совершенствование); 30. Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей и человечества в целом).

Кроме того, каждый испытуемый ответил на вопросы ряда личностных методик: 16 факторного опросника Кетелла, опросник Айзенка (шкалы экстраверсии, психотизма, нейротизма), опросник локуса контроля (шкалы Общей интернальности, Интернальности в области достижений, Интернальности в области неудач), Опросник Тревожности Спилберга (шкалы Реактивной и Личностной Тревожности).

Так как входящие в формулу Лефевра переменные должны изменяться в диапазоне от нуля до единицы, а бальные оценки, выставяемые респондентами, находились в диапазоне от 1 до 5, то для всех оценок ценностей в разных эго-состояниях было использовано нормирующее линейное преобразование $x = X/4 - 1/4$, где X – это бальная оценка выставленная респондентом (от 1 до 5), а x – нормированная оценка ценности для вычисления значения функции готовности субъекта к выбору (от 0 до 1).

Далее для всех ценностей для каждого респондента было вычислено значение “готовности субъекта к выбору” по формуле

$$L = D + (1 - D)(1 - P)V$$

D, P, V – это уже нормированные значения.

Далее мы вычисляли коэффициенты корреляции между значениями функции готовности субъекта к выбору той или иной ценности L и личностных качеств. Значимые коэффициенты корреляции мы интерпретировали как тот факт, что данное личностное качество влияет на осознанность и значимость сделанного выбора. В таблице 1 содержатся результаты корреляционного анализа. В левом столбце приводятся личностные характеристики, выявляемые с помощью опросников, в правом – коррелирующие с ними ценности. Рядом с каждой ценностью указывается коэффициент корреляции, а в скобках его значимость. В качестве порога значимости, указывающего на наличие взаимосвязи личностных характеристик респондентов и выбираемых ими ценностей, мы взяли 0.01.

Таблица 1. Взаимосвязь личностных характеристик и ценностей

Личностные характеристики	Значимые корреляции личностных характеристик с ценностями
С---сила "Я" – слабость "Я" (эмоциональная устойчивость – неустойчивость);	Творчество 0.36 (0.009)
Е---доминантность – конформность (настойчивость, напористость – покорность, зависимость);	Творчество 0.407 (0.003) Церковь -0.46 (0.001)
Ф---сургенсия – десургенсия (беспечность – озабоченность);	Активная деятельная жизнь 0.398 (0.004) Творчество 0.38 (0.006) Церковь -0.38 (0.006)
Г---сила Сверх-Я – слабость Сверх-Я (высокая совестьливость – недобросовестность);	Творчество -0.415 (0.002)
Н---пармия – тректия (смелость – робость);	Образование 0.443 (0.001) Политика 0.465 (0.001) Работа 0.396 (0.004) Творчество 0.397 (0.004)
І---премсия – харрия (мягкосердечность, нежность – суровость, жестокость);	Надежда 0.37 (0.007)
М---аутия – праксерния (мечтательность – практичность);	Работа 0.356 (0.01) Активная деятельная жизнь 0.417 (0.003)
Q4---фрустрированность – нефрустрированность (напряженность – расслабленность).	Работа -0.429 (0.002) Творчество -0.355 (0.01)
Экстраверсия	Демократия 0.381 (0.006) Работа 0.391 (0.005) Активная деятельная жизнь 0.388 (0.005) Общественное признание, уважение коллег 0.429 (0.002) Творчество 0.47 (0.000)
Психотизм	Свобода 0.382 (0.006) Честность -0.403 (0.003)

Следует отметить, что из 24 личностных качеств, определяемых по опросникам, значимые корреляции дали только 10, а ценностей было выделено 11 из общего списка 30. Такое ограничение вполне можно рассматривать как подтверждение гипотезы о неслучайности установленных корреляций.

Для людей, обладающих высокими показателями по фактору С опросника Кетелла (эмоционально устойчивых, со зрелыми взглядами на жизнь, постоянными в своих планах и привязанностях, ориентированных на требования действительности, не страшущихся перемен), значимой оказалась ценность Творчества. Эта же ценность оказалась значимой для людей с высокими показателями по фактору Е (уверенных в себе, независимых, склонных скорее выступать в роли лидера, чем выполнять функции подчинённого или исполнителя, иногда производящих впечатление человека, не считающегося с авторитетами и сложившимися нормами).

Люди, обладающие низкими показателями по шкале Е (не проявляющие независимости, готовые к подчинению и исполнительским функциям) в качестве значимой ценности выбирают Церковь.

Церковь как важную ценность выбирают также люди с низкими показателями по фактору F (в значительной степени озабоченные последствиями своих поступков и, прежде всего тем, как они отражаются на их будущем, склонными к переоценке вероятности неудач).

В противоположность таким людям, респонденты с высокими показателями по фактору F (общительные, жизнерадостный, демонстрирующие свой оптимизм, с лёгкостью совершающие поступки) в первую очередь выбирают ценности Активной деятельной жизни и Творчества.

Ценность Творчества выбирают также люди с низкими показателями по фактору G (морально независимые, свободно трактующие существующие правила).

Люди с высокими показателями по фактору H (смелые, решительные, имеющие тягу к риску и острым ощущениям, не теряющие при столкновении с неожиданными обстоятельствами, невосприимчивых к угрозе, свободно вступающих в контакты, не испытывающих трудности в общении, способных выдержать большие эмоциональные нагрузки) в качестве своих ценностных приоритетов указывают на Политику, Работу, Образование (по всей видимости, как средство достижения первых двух) и Творчество (возможно его социальный аспект).

Обладание высокими баллами по шкале I (что является показателем мягкости, утонченности, негативного отношения к "грубым" людям и "грубой" работе) по результатам нашего исследования коррелирует с Надеждой.

Интересно отметить, что ценности Активной деятельной жизни и Работы коррелируют с высокими показателями по фактору M. Ведь такие люди характеризуются как мечтательные, немного рассеянные, с развитым воображением (в противоположность тем, кто имеет низкие баллы по этому фактору, что свидетельствует о большей практичности последних). Однако, вполне возможно, что наши респонденты – студенты еще только мечтают об активной деятельной жизни и работе, и это в наибольшей степени удастся людям мечтательным. "Прагматики" же откладывают выбор таких ценностей на будущее – до тех времен, когда им придется фактически действовать в контексте данного круга ценностей.

Ценности Работы и Творчества выбирают люди с низкими показателями по фактору Q4 (ненапряженные, спокойные).

Как и следовало ожидать, экстраверты (по опроснику Айзенка), то есть люди, характеризующиеся общительностью, широким кругом знакомств, импульсивностью, оптимистичностью, слабым контролем над эмоциями и чувствами, выбирают ценности Общественного признания, уважения коллег, Работы, Творчества, Активной деятельной жизни и Демократии.

Люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают Свободу, а с низким (характеризующимися сильным суперэго) – Честность.

На следующем этапе мы вычислили значения коэффициентов корреляции L с каждым из эго-состояний D , P , B для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность субъекта к выбору L , как функция от эго-состояний, являются глубинными личностными характеристиками и потому должны детерминировать определенные личностные качества, выявляемые с помощью стандартных опросников. Для проверки нашей гипотезы был использован метод детерминационного анализа (Чесноков, [128], [129], Петренко, Митина [63]).

В нашем экспериментальном исследовании каждый респондент характеризовался значениями переменных по показателям ряда личностных методик и коэффициентом корреляции вектора значений выборов ценностей L с векторами значений выбора ценностей B , P , D . По каждой из переменных респонденту присваивалось значение «низкий», если полученная им балльная оценка или коэффициент корреляции попадал в нижний квартиль, значение «высокий», если полученная им балльная оценка или коэффициент корреляции попадал в верхний квартиль, и значение средний в остальных случаях. Мерой для определения степени детерминации одной переменной со стороны другой мы избрали *существенность*. Порог существенности, который мы считали значимым для того, был выбран 0.15. Путем вычисления существенности, мы могли количественно определить степень детерминированности личности со стороны эго-состояний Взрослый, Родитель, Ребенок: высокая существенность детерминации L со стороны эго-состояния B , P или D свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок».

Каждый столбец этой таблицы соответствует определенному эго-состоянию, каждые три столбца объединены в две подгруппы: высокие и низкие показатели личностных характеристик. Каждая строка соответствует личностной характеристике. В следующих за названием строки клетках указаны показатели существенности. Так первый за столбцом названий идет столбец, соответствующий состоянию *Родителя* в подгруппе *высоких* показателей личностных характеристик. В клетках этого столбца указаны показатели существенности детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Родителя*. Далее идет столбец существенностей детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Взрослого*, и последний столбец этой подгруппы содержит существенности детерминаций *высоких* показателей личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Ребенка*.

Таблица 2

	Родитель	Взрослый	Ребенок	Родитель	Взрослый	Ребенок
	высокие показатели личностной характе- ристики			низкие показатели личностной характе- ристики		
Общая интернальность	0,28	0,21	-0,02	-	-	-
Интернальность в области достижений	0,19	0,19	0,03	-	-	-
Интернальность в области неудач	0,21	0,05	-0,18	0,01	-0,06	0,17
А---аффектотимия - сизотимия (доброта, сердечность - обособленность, отчужденность);	0,11	0,19	0,19	-	-	-
С---сила "Я" - слабость "Я" (эмоциональная устойчивость - неустойчивость);	0,21	0,29	0,13	-	-	-
Е---доминантность - конформность (настойчивость, напористость - покорность, зависимость);	0,21	0,21	0,13	-	-	-
Ф---сургенсия - десургенсия (беспечность - озабоченность);	0	0	0,15	-	-	-
Г---сила Сверх-Я - слабость Сверх-Я (высокая совестьливость - недобросовестность);	0,15	0,07	-0,08	0,05	0,05	0,21
Л---протенсия - алаксия (подозрительность - доверчивость);	-0,1	0,21	0,13	-	-	-
М---аутия - праксерния (мечтательность - практичность);	0,07	0,15	0,15	-	-	-
О---гипотимия - гипертимия (склонность к чувству вины - самоуверенность, уверенная адекватность);	-	-	-	0,21	0,21	0,05
Q2---самодостаточность - социабельность (самостоятельность - зависимость от группы);	0,03	0,03	0,17	-	-	-
Q3---контроль желаний - импульсивность (высокий - низкий самоконтроль поведения);	0,15	0,07	-0,08	-0,18	-0,1	0,21
Q4---фрустрированность - нефрустрированность (напряженность - расслабленность).	-	-	-	0,15	0,15	-0,01
Экстраверсия	0,17	0,09	0,09	0,07	0,22	0,07
Нейротизм	-	-	-	0,13	0,21	0,05
Реактивная Тревожность	-	-	-	0,11	0,19	0,03

Аналогично, столбцы подгруппы, озаглавленной “*низкие показатели личностных характеристик*” содержат существенности детерминаций *низких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Родителя, Взрослого и Ребенка*, соответственно.

В табл.2 приведены следующие показатели: это полустроки (клетки строки, принадлежащие одной подгруппе), если одна из существенностей в ней является значимой (большей 0,15), а остальные клетки в этой полустроке заполнены для сравнения, наглядно демонстрируют значимость одной детерминации и не-значимость другой.

Рассмотрим наиболее важные результаты.

Высокие корреляции *Л* и *Р*, соответствующие нормативной ориентации испытуемых (на то, что *требуется*), а также высокие корреляции между *Л* и *В*, соответствующие ориентации на *целесообразность*, детерминируют высокую общую интернальность (существенность здесь 0.28 и

0.21, соответственно). В плане сравнения, представляет интерес существенность детерминации общей интернальности высокой корреляцией L и D (то есть ориентацией испытуемых на свои *желания*): существенность здесь равна -0.02 . Иначе говоря, человеку, руководствующемуся интенциями долженствования или целесообразности свойственно приписывать себе ответственность за происходящее (это человек внутреннего локуса контроля), в отличие от человека, руководствующегося желаниями. Рассмотрим теперь интернальность в области неудач (см. соответствующую строку таблицы): “Человек-Родитель” характеризуется внутренним локусом контроля (так же, как и в ситуациях, связанных с достижением успеха); но о “Человеке-Взрослом” подобного сказать нельзя. Последний, руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным *во всех* неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины. Что же касается “Человека-Ребенка”, то он полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи: существенность детерминации равна 0.17 . (Для сравнения – в столбцах Родителя и Взрослого в соответствующих клетках стоят показатели 0.01 и -0.1).

По первому фактору теста Кетелла А (доброта, сердечность – обособленность, отчужденность) результаты детерминационного анализа указывают, что позиции Взрослого и Ребенка детерминирует высокие показатели, т. е. теплоту и открытость в общении, богатство и яркость эмоций, готовность к сотрудничеству. “Человек-Ребенок” испытывает трудности, когда необходимо длительное сосредоточение на какой-либо работе в одиночестве. Если при этом ему свойственны перепады настроения, то некоторые люди могут воспринимать его как человека беспечного, ненадёжного или непредсказуемого.

По фактору С (сила – слабость “Я”) высокие показатели детерминированы позициям Взрослого и Родителя. Такие люди имеют зрелые взгляды на жизнь, постоянны в своих планах и привязанностях, ориентированы на требования действительности, не страшатся перемен (заметим при этом, что у Человека-Взрослого эти качества выражены в большей степени, чем у Человека-Родителя).

Те же эго-состояния Родителя и Взрослого детерминируют высокие баллы по фактору Е (доминантность – конформность). Акцентуированные Родители и Взрослые обладают высокими баллами по этому фактору, уверены в себе, независимы, склонны, скорее, выступать в роли лидера, чем подчинённого или исполнителя; иногда они производят впечатление людей неуступчивых, не считающихся с авторитетами и сложившимися нормами.

Преобладание эго-состояния Ребенка детерминирует высокие показатели по фактору F (беспечность – озабоченность). Акцентуированный Ребенок общителен и жизнерадостен, окружающие склонны считать его оптимистом, ему приходится сталкиваться с недоверием или несерьёзным отношением к себе из-за той лёгкости, с которой он совершает поступки.

Высокие показатели по фактору G (сила – слабость Сверх-Я) детерминируются эго-состоянием Родителя, а низкие – Ребенка. Человеку-Родителю легче выдержать серьёзные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождаются частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

Человек-Ребенок часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, даёт окружающим повод сомневаться в своей надёжности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живёт акцентуированный Ребенок, далеко не всегда понятны людям.

Эго-состояние Взрослого детерминирует наличие высоких показателей по фактору L (протензия – алаксия). Высокие баллы по этому фактору говорят о склонности человека к поиску истинных мотивов поведения других людей. Человека-Взрослого трудно ввести в заблуждение, у него высокая самооценка, он долго помнит о пережитых трудностях и неудачных контактах, скорее всего, переоценивая их вероятность в будущем.

Анализ показывает, что Взрослые и Детские акцентуации в значительной степени детерминируют высокие показатели по фактору M (мечтательность – практичность): это люди с развитым воображением, мечтательные, немного рассеянные.

Эго-состояния Родитель и Взрослый детерминируют наличие низких баллов по фактору O (гипотимия – гипертимия). Такие оценки свидетельствуют об уверенности человека в себе, спокойствии и невозмутимости, нечувствительности к замечаниям и упрёкам окружающих, энергичности и активности, умении справляться с трудностями и уверенности в своих возможностях.

Эго-состояние Ребенок детерминирует высокие показатели по фактору Q2 (самодостаточность – зависимость от группы). Для Человека-Ребенка общественное мнение не является определяющим. Стремление к независимости настолько высоко, что, дорожа им, он готов со всеми трудностями справляться самостоятельно.

Эго-состояние Родителя детерминирует высокие показатели по фактору Q3 (высокий – низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. Человек-Родитель хорошо знает социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации. В противоположность этой детерминации эго-состояние Ребенок детерминирует низкие показатели по фактору Q3, свидетельствующие

о пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Ребенку трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Эго-состояния Родителя и Взрослого детерминируют низкие показатели по фактору Q4 (фрустрированность – нефрустрированность). Можно сказать, что акцентуированные Родитель и Взрослый спокойны и невозмутимы.

Эго-состояние Родитель детерминирует высокие показатели по шкале Экстраверсия, что предполагает общительность, социабельность, широкий круг знакомств. В противоположность этому, эго-состояние Взрослого детерминирует низкие показатели по шкале Экстраверсии – перед нами интравертированные личности (спокойные, застенчивые, склонные к интроспекции), а также низкие показатели по шкале Нейротизма (повышенную эмоциональную устойчивость) и низкую реактивную тревожность.

Обобщение анализа табл. 2 позволяет сделать следующие выводы:

В ряде случаев одни и те же эго-состояния могут детерминировать одни и те же личностные качества:

Родителя и Взрослого – высокую общую интернальность и интернальность в области достижений, эмоциональную устойчивость и настойчивость, самоуверенность и уверенную адекватность, отсутствие фрустрированности;

Взрослого и Ребенка – аффектотимию, аутию.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы Интернальность – Экстернальность в области неудач, Сила Сверх-Я – Слабость Сверх-Я, Контроль желаний – Импульсивность задают оппозицию Родитель – Ребенок. Эти данные, как нам представляется, хорошо согласуются с феноменологией эго-состояний, представленной в транзактном анализе, подтверждая правомерность транзактной модели.

Некоторое удивление, пожалуй, может вызвать следующий факт: шкала Экстраверсия – Интраверсия задает оппозицию Родитель – Взрослый. На первый взгляд, кажется странным, что проявления Родителя сочетается с экстравертированностью человека. Но если мы всмотримся в черты Родителя внимательнее, мы придем именно к этому результату. Здесь правомерна аналогия с компьютером. Нет «существа» более «экстравертного», чем компьютер: его программируют извне и после того, как программа «вложена», то, что получается «на выходе» полностью детерминируется тем, что «на входе». Так и Родитель: участвуя в «семейном параде» (Э. Берн [4]), он приобретает свое содержание извне (от Родительских эго-состояний других родителей) и транслирует их во вне; он вынужден реагировать на сигналы, поступающие из среды, иначе он не сможет реализовать свою репродуктивную функцию; Родитель, погруженный в свой внут-

ренный мир, преобразующий себя, рефлектирующий и т. п. – нонсенс! Такова прерогатива Взрослого⁴¹.

Существуют личностные характеристики, свойственные только одному эго-состоянию, что также, в большей или меньшей степени, ожидаемо. Так, Взрослому (а он, напомним, живет в стохастической среде и «вычисляет вероятности») соответствуют протенсия, нейротизм, реактивная тревожность, в то время как состоянию Ребенок – контрастные проявления беспечности, самодостаточности.

Итак, в контексте многофакторного исследования личности, при использовании трансактной модели рефлексивного выбора, $L=(B \rightarrow P) \rightarrow D$, мы получаем вполне согласующиеся с трансактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам, **соответствуют** тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния Взрослый, Родитель, Ребёнок⁴². И таким образом, предложенная ранее трансактная модель рефлексивного выбора получает свое первое эмпирическое подтверждение.

⁴¹ На заре трансактных исследований эго-состояние Взрослый сравнивали с компьютером. Но эти времена ушли в прошлое...

⁴² Существуют примеры опытной оценки *меры* соответствия данных эмпирического исследования интуиции экспертов (В. Петровский, [89], О. Митина, В. Петровский [54]). Но обсуждение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

ГЛАВА 10

Модель четырех ресурсов

В этой главе представлена структурно-динамическая модель субъекта – «модель четырех ресурсов», которая создана в результате осмысления идей рефлексивной теории В. А. Лефевра в контексте психологии личности.

Рефлексивная теория В. А. Лефевра и работы, развивающие эту теорию (Таран, [117], 2000), базируются на простых с виду посылах и не изобилуют отпугивающими непрофессионала сложными математическими построениями. Теория Лефевра удивительно эвристична, способна структурировать опыт, который, казалось бы, логическому упорядочиванию и формализации совершенно не подлежит и, в частности (хотя какие уж тут «частности?»), способна числом поверять гармонию самых различных сфер, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) (см.[22]) или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) (см. [20]).

Однако, чтобы использовать рефлексивную теорию как действенный инструмент анализа личности, необходима особая трактовка содержащихся в ней формальных моделей и фигурирующих в них математических символов. Ибо не только «физический смысл», но и «психологический смысл» математических символов может быть предметом особой работы.

С другой стороны, готовность психологии личности включить в свой концептуальный строй идеи рефлексивной теории зависит от эвристических возможностей самой психологической теории личности, от того, насколько ее собственные онтологические модели восприимчивы к новому языку описания.

Исходное «видение» автора рефлексивной теории – это субъект в среде вместе с образом себя в ней. Подразумевается, что среда способна склонять его к выбору между двумя полюсами: позитивным («добро») и негативным («зло»). Определяется функция готовности субъекта к выбору между полюсами, имеющая вид:

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 \text{ (булева модель)}$$

(для переменных x_1, x_2, x_3, X , принимающих «четкие» значения 0 и 1) и

$$X = x_1 + (1 - x_1) \cdot (1 - x_2) \cdot x_3 \text{ (непрерывная модель)}$$

(для тех же переменных на отрезке $[0, 1]$).

Здесь x_1 интерпретируется как «давление среды (к выбору позитивного полюса)»; x_2 – как *представление* субъекта о давлении среды; x_3 – как *интенция* субъекта (выбирать позитивный полюс); « \rightarrow » – логический оператор материальной импликации; X – как *готовность* субъекта выбрать позитивный полюс. В общем случае (объективная) готовность X и (субъективная) интенция x_3 не совпадают. В случае, если они равны друг другу, выборы субъекта обозначаются как интенциональные, а субъекта выбора В. А. Лефевр называет *реалистом*.

Отметим, что, вводя этот конструкт – «реалист», «реализм», В. А. Лефевр осуществляет то, что абсолютно выпало из поля зрения психологов разных теоретических и практических ориентаций. Перебрасывается мост между субъективными и объективными аспектами активности человека. Идея фундаментальна. По своему содержанию она сопоставима с контрастной идеей *иллюзии*, которая так же, как и реализм, характеризует соотношение субъективного и объективного, но только в форме несоответствия. «Реализм» – пожалуй, единственная в своем роде идея, описывающая адекватность внутреннего и внешнего, субъективного и объективного и, стало быть, позволяющая соотносить, связывать, «сшивать» конструкты интроспективной и поведенческой психологии. С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев в своих проектах «теории деятельности» искали форму объединения двух психологий. Создатель рефлексивной теории В. А. Лефевр предъявляет нам нечто большее. Он предлагает не только «форму», но и *формулу* соотношения субъективного и объективного⁴³.

Рассматривая перспективы использования идей Лефевра в контексте психологии личности, мы исходим из определенной модели субъекта, образующей ядро развиваемой нами *мультисубъектной теории личности* (Петровский, 1996 – [85], 2004 – [100], 2007 – [101]).

«Модель четырех ресурсов». Имея в виду агента активности в среде, мы будем пользоваться термином «субъект». «Активность», в свою очередь, трактуется как самовоспроизводство агента; имеется в виду, что посредством активности он сам воспроизводит себя, ресурсы своего существования в мире. Такая трактовка имеет глубокие философские корни. В философском плане *субъект* есть «*causa sui*» (причина себя), *активность* же – «причинность причины» (И. Кант). Различаем резервные (r^*), рабочие (r') и внешние (r) ресурсы самовоспроизводства (самопричинности). Принимаем, что запросы агента (n) соответствуют его рабочим ресурсам: $n = r'$. Определяем «затраты» и соответствующие им «приобретения» как произведение запросов агента на внешний ресурс ($n \cdot r$). Вводится понятие «состоятельности» (*wellness*), w . Это итоговый ресурс агента, достигаемый за счет актуализации резервных ресурсов ($r^* \cdot l$) и присвоения внешних ресурсов ($n \cdot r'$):

$$w = r^* \cdot l + n \cdot r' (*)$$

⁴³ *Формула Лефевра:*

$$X = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0. \end{cases}$$

Идея интенциональных, реалистических выборов оказалась удивительно продуктивной. Я убежден, что со временем во многих учебниках психологии появится, например, такая глава: «Перцепция и рефлексия»; и в ней раздел, посвященный «функции готовности к выбору», «реализму», а также еще — «золотому сечению», открытию В.А. Лефевра в области психологии восприятия. Наряду с феноменами Пиаже, Зейгарник, эффектом Узнадзе, будет сказано о феноменах и эффектах Лефевра.

Данному описанию субъекта соответствует рис. 16.

АГЕНТ АКТИВНОСТИ В СРЕДЕ

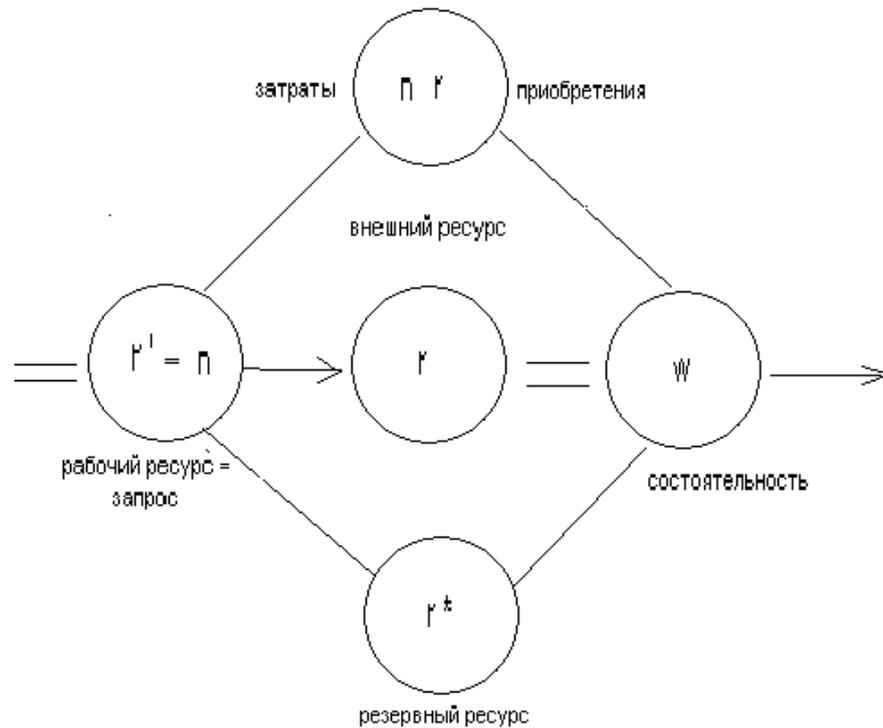

Рис. 17

В психологических терминах резервный ресурс r^* – это то, что у агента есть («имею»), рабочий ресурс r' – то, на что он способен («могу»), запрос n – то, чего он желает («хочу»), внешний ресурс r – ситуативные возможности (условия, подкрепление, шансы), полезные затраты $n \cdot r$ – продуктивные усилия («достижения», «успех»). Наконец, состоятельность w есть переживаемое благополучие (удовлетворенность, благоденствие, состояние «ОК»).

В данной модели, как видим, подразумевается, что резервные ресурсы *актуализируются*: появляется то, что можно назвать «сбереженным ресурсом» ($r^* \cdot I$), а внешние ресурсы *осваиваются* в соответствии с текущими запросами агента ($r \cdot n$). Символ I в произведении $r^* \cdot I$ означает силу тенденции к актуализации резервных ресурсов агента. Предполагается, что эта тенденция не зависит от величины резервного ресурса и всегда максимальна. Интуитивно это означает, что агент, как говорят, «полностью выкладывается» («отдает всего себя делу»). Произведение внешнего ресурса r на запрос n агента, в свою очередь, означает, что внешний ресурс осваивается *в меру* предъявляемого запроса; в этой связи мы вводим термин «присвоенный внешний ресурс» («приобретение»), которому соответствует результат произведения $r \cdot n$. Как видим, «присвоенный внешний ресурс» количественно равен издержкам («затратам»). Состоятельность есть сумма актуализированных резервных ресурсов («сбережения») и присвоенных внешних ресурсов («приобретения»).

Обратим особое внимание на равенство рабочих ресурсов и запросов: $r' = n$. В субъективном плане мы имеем дело с переживанием *желаемого как возможного*, а также *возможного как желаемого*. На наш взгляд, первой из двух названных форм единства («хочу, что могу») соответствует понятие *мобилизации усилий*, а второй («могу, что хочу») – *притязания*.

Отметим в этой связи два обстоятельства.

Первое. Как это вполне очевидно из сказанного (но отнюдь не очевидно по сути), постулируем, что новоприобретенные возможности субъекта (его рабочий ресурс) побуждают активность, причем сила «хочу» соответствует величине «могу». К этому пункту мы еще вернемся.

Второе. Говоря о том, что агент воспроизводит присущие ему ресурсы, мы имеем в виду, прежде всего, что он воспроизводит имеющуюся у него сумму резервных и рабочих ресурсов (полный ресурс l). В более узком смысле речь идет о том, что агент достигает соответствия между приобретаемой им состоятельностью и собственными притязаниями: $w = n(=r')$, что и является показателем его совершенства как субъекта. Но, разумеется, эмпирический агент активности не всегда соответствует понятию «субъект». В случае, если это происходит, мы говорим о *совершенном агенте активности*, т. е. о субъекте «в собственном смысле этого слова». Условия искомого совершенства обсудим позже.

Рассматривая агента активности **в динамике**, принимаем, что текущий рабочий ресурс и, соответственно, запрос в каждый последующий момент времени равен состоятельности агента в предшествующий момент времени:

$$r'_i = n_i = w_{i-1}$$

Вводим также понятие «остаточного (сохраненного) ресурса», представляющего собой разность рабочего ресурса и издержек: $r' - n \cdot r$. Логично считать, что резервные ресурсы в следующий момент времени $i+1$ равны остаточным ресурсам в предыдущий момент i : $r^*_{i+1} = r'_i - n_i r_i$.

Поясним сказанное. Рабочий ресурс представить как пучок импульсов, исходящих от агента в сторону рабочего ресурса. И здесь, в принципе, возможны два варианта: «импульс-стрела» и «импульс-бумеранг». В обоих случаях, попадая, как в мишень, в некоторый элемент внешнего ресурса, импульс превращает его в элемент присвоенного ресурса (состоятельность растет). Однако, в случае, если «стрела» не поражает мишень, агент «промахивается», импульс утрачивается безвозвратно. При этом, заметим, рано или поздно внутренние ресурсы агента истощаются, подобно запасу стрел в колчане (если только не допустить, что «кто-то» постоянно подкладывает их в колчан)⁴⁴. Другое дело – импульсы-маленькие бумеранги. Они, в случае промаха, всегда возвращаются. И, таким образом, хотя внешний ресурс и не был присвоен, остаются ресурсы для будущего использования. Неиз-

⁴⁴ Более прозаический пример: убывание числа оплачиваемых поездок в метро по мере использования многоразового талона.

расходавная энергия действия переходит на следующий виток активности. Подчеркнем, что именно этот образ – круговых траекторий возврата неотработанных пока импульсов-бумерангов – является для нас опорным⁴⁵.

Все сказанное представлено на рис. 18.

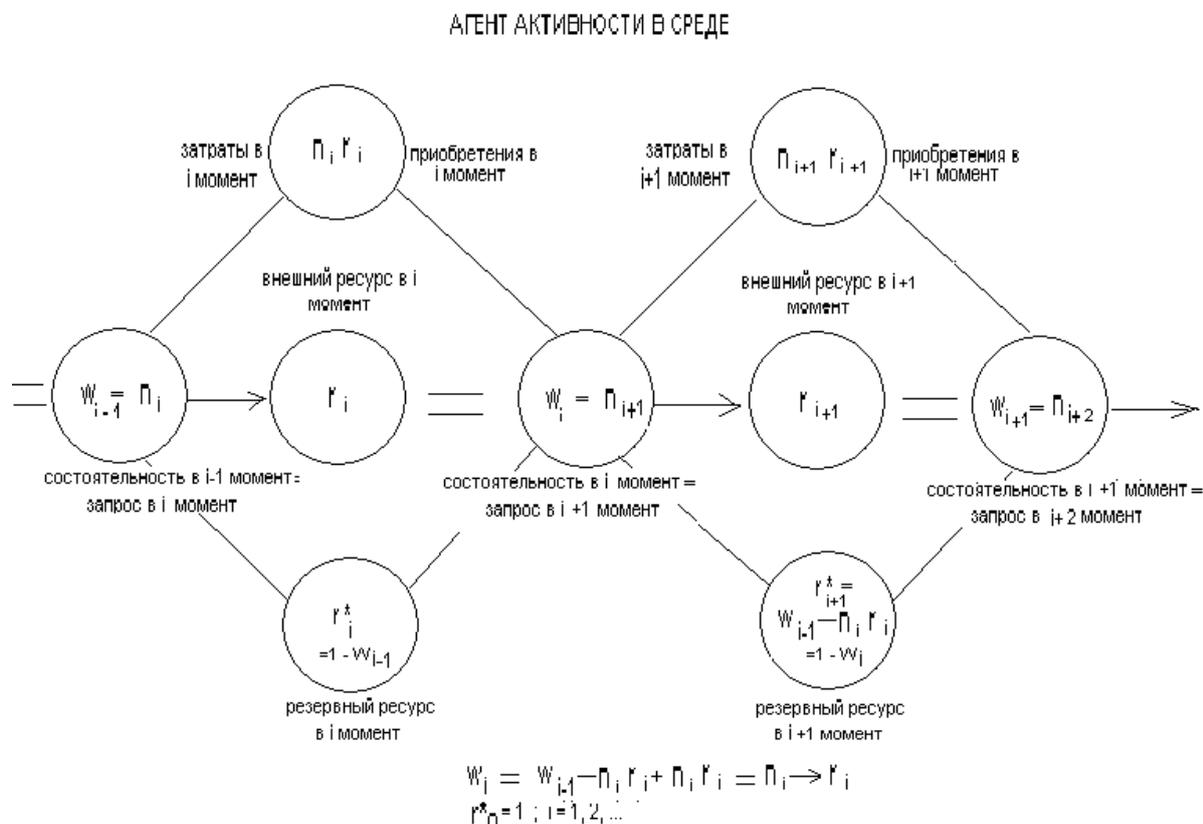

Рис. 18

Рассмотрим один из простых примеров динамики агента активности, начиная с нулевого момента времени, в моменты $i = 1, 2, 3$.

Примем, что внешний ресурс в каждый из моментов времен постоянен и равен 0,5. Результаты представлены в таблице:

	Резервный ресурс, r^*	Рабочий ресурс, r , = запрос, n	Внешний ресурс, r'	Состоятельность, W
0-й момент	1,000	0,000	0,500	1,000
1-й момент	0,000	1,000	0,500	0,500
2-й момент	0,500	0,500	0,500	0,750
3-й момент	0,250	0,750	0,500	0,625
4-й момент	0,375	0,625	0,5	0,688

⁴⁵ Тем самым, по сути, формулируется **закон сохранения ресурсов активности агента в среде** (другие предлагаемые формулировки – «закон сохранения активности», «закон сохранения психической энергии» и т. п.). Этот закон состоит в том, что резервные ресурсы прошлого, присвоенные ресурсы настоящего и сохраненные ресурсы на будущее в сумме образуют единый и неизменный ресурс (принимаемый за единицу):

$$r^*_i + r'_i \cdot r_i + r^*_{i+1} = 1$$

В данном случае, состоятельность колеблется – то возрастает, то падает. Если бы внешний ресурс исчерпывался, согласно правилу, $r'_{i+1} = r'_i - n_i \cdot r'_i$ (неизрасходованный внешний ресурс возвращается «в мир»), то можно показать, что по мере увеличения i усредненное значение состоятельности стремится к 0,5. Любопытно, что если внешние поступления равны 0, то резервный ресурс и рабочий ресурс, чередуясь, принимают значения друг друга. Несколько позже мы рассмотрим две ситуации, значимые для разработки проблем психологии личности: случаи, когда внешний ресурс равен запросам агента («модель сдвоенной рефлексии»), и условия воспроизводимости, поддержания уровня состоятельности на некотором фиксированном уровне.

Теперь перейдем к более сложной модели, в которой описывается **индивидуальность** как целокупность сопряженных форм субъектности индивида⁴⁶ (единице его «я») (Петровский, [101], 2004).

В данной статье мы опишем пять преемственных форм субъектности: «трансцендентальный субъект», «нуклеарный субъект», «целеполагающий субъект», «субъект установки», «субъект поведения». Каждый из пяти характеризуется своими «наборами», включающими «рабочий ресурс» (=«запрос»), «резервный ресурс», «состоятельность» (= «рабочий ресурс»). Преемственность, как видим, обеспечивается равенством: ранее достигнутый уровень состоятельности = уровень нового рабочего ресурса (см. рис. 19):

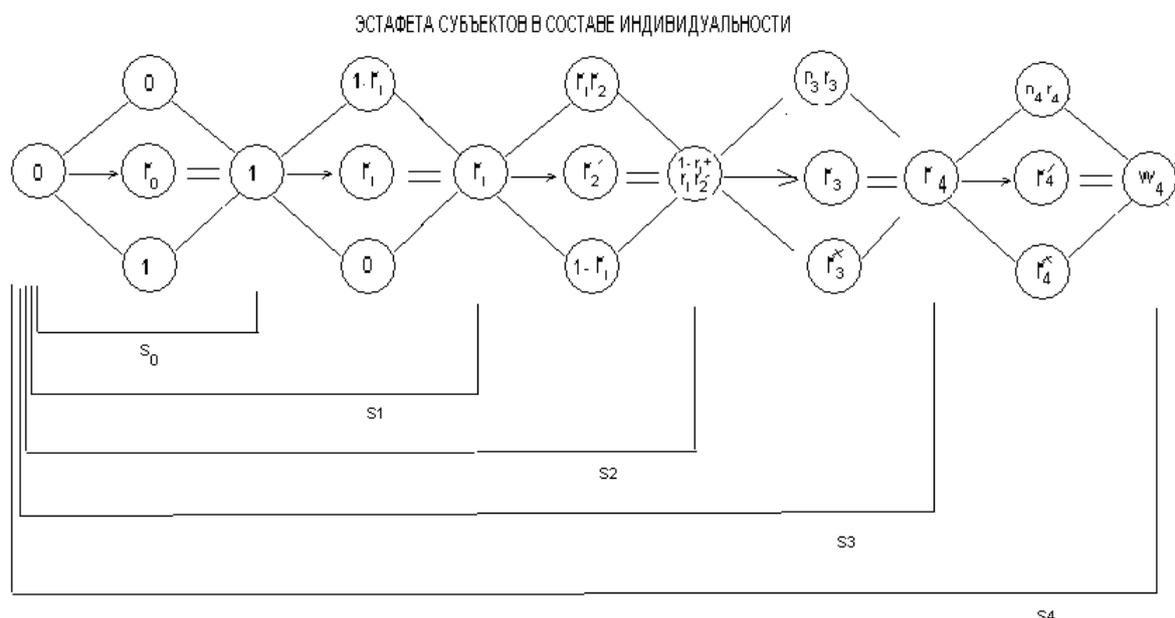

Рис. 19

В этом построении S_0 – «чистый» («трансцендентальный») субъект; по сути, это источник активности, не имеющей определенной направ-

⁴⁶ Индивидуальность есть особая «часть» личности индивида, если считать, что «личность» объединяет в себе наряду с полюсом индивидуальности полюс «личности»: субъектной отраженности индивида в других индивидах (Петровский, 2004, [100]).

ленности, «запас сил» ($=I$), представленный во всех последующих актах агента. Величина внешнего ресурса r_0 тут не имеет значения. Состоятельность S_0 равна I .

Следующий в ряду субъект S_1 обладает рабочим ресурсом I . Проявляясь в виде запроса вовне, этот ресурс в сочетании с другими ресурсами агента порождает уровень состоятельности r_1 , не отличающийся от внешнего ресурса, с которым вступил в контакт. Поэтому S_1 – это *субъект текущего опыта* (возможные синонимы: *субъект ситуативного реагирования, субъект уподобительной активности, субъект-имитатор среды* и т. п.). Состоятельность S_1 – это его ситуативно-детерминированные способности. Мы будем называть этот субъект также «*нуклеарный субъект*», так как его запросы задают генеральный вектор движения, устремленность к внешнему источнику благополучия.

S_2 может рассматриваться как субъект *целеполагания* (в леонтьевской традиции – «целеобразования»): «Я ставлю перед собой цель, которую надеюсь достичь, субъективно *достижимую* цель»). Исток активности S_2 – это, как мы помним, состоятельность субъекта S_1 – это переживание «могу / не могу». Оно проявляется на ступени S_2 в форме запросов-интенций: «хочу, что могу» (мобилизационная готовность) и равной по уровню возможности «могу, что хочу» (притязания). Внешний ресурс r_2 в данном случае есть «искомое» – то, что должно быть установлено (выбрано), чтобы состоятельность S_2 была равна его притязаниям. Состоятельность S_2 – это его амбиции на пороге действия, чувство уверенности/неуверенности в будущем благополучия.

Субъект S_3 – это *субъект установок*, в которых его амбиции опосредованы влиянием окружения. Речь идет именно о *влиянии*, которое мы отличаем от *воздействий* извне. Здесь, заметим, «живет» левеевское *давление* среды, здесь обитают «детерминирующие тенденции», «первичные и фиксированные установки», «гештальттенденции», следы ранее испытанных аффектов, «барьеры», «ранние решения» и т. д.). Обобщенно мы говорим о «валентности» ситуативных воздействий, используя в наших целях термин психологии поля К. Левина. «Валентности» – это ресурс r'_3 . Состоятельность S_3 – это «могу», непосредственно переходящее в действие, готовность, неотвратно реализуемая вовне.

S_4 есть *субъект поведения* – целеустремленной активности «по ту сторону» субъективности. Реализуя свою готовность к действию, агент активности опирается на ресурсы, предоставляемые обстоятельствами. Итоговая состоятельность субъекта – это чувство благополучия в результате фактической реализации своих устремлений.

Обращаясь к схеме «Индивидуальность в динамике», сконцентрируемся на цепочке субъектов S_1, S_2, S_3 , занимающей центральное положение на рисунке.

Перед нами модель Лефевра в новом дизайне и новом прочтении. Напомним булеву форму рефлексивной модели (все последующие рассуждения, разумеется, применимы и к непрерывной модели):

$$(x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 = X$$

Запишем данное соотношение иначе:

$$((I \rightarrow x_3) \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 = X$$

В нашей модели лефевровской переменной x_3 , «интенция», соответствуют запросы n_3 (они, как мы помним, адекватны способностям агента (= r_1) «могу, как источник хочу»). Далее, переменной x_2 , «представление о давлении среды», в нашей интерпретации соответствует r_2 , «образ возможностей, предоставляемых ситуацией». И, наконец, x_1 , «давлению среды», соответствует r_3 , «валентность».

Рассмотрим также импликацию $I \rightarrow x_3$. Ее значение равно x_3 . И, таким образом, мы узнаем в данной импликации состоятельность субъекта S_1 :

$$I \rightarrow r_1 = r_1$$

Итак, булевой форме Лефевра соответствует трехступенчатая импликация:

$$(((I \rightarrow r_1) \rightarrow r_2) \rightarrow r_3)$$

Здесь $(I \rightarrow r_1)$ есть состоятельность нуклеарного субъекта, S_1 , задающего главный ориентир и энергию «эстафеты субъектов». Далее, $((I \rightarrow r_1) \rightarrow r_2)$ есть состоятельность субъекта целеобразования, S_2 , ставящего перед собой субъективно-достижимую цель. И, наконец, $((((I \rightarrow r_1) \rightarrow r_2) \rightarrow r_3)$ есть состоятельность субъекта установок S_3 , принимающего вызовы ситуации и барьеры на пути к благополучию.

Не составляет труда убедиться в том, что «ресурсная» интерпретация лефевровской функции готовности субъекта к выбору может быть распространена на первое и последнее звенья в эстафете субъектов, образующих индивидуальность.

В заключение этого раздела статьи рассмотрим вопрос о том, почему именно импликация рассматривается как механизм перехода от одной степени субъектности к другой. Косвенно это вопрос о том, почему в предлагаемой модели «четырех ресурсов» мы использовали знак импликации « \rightarrow », связывая запросы субъекта, отвечающие его рабочим ресурсам, и поступающие к нему внешние ресурсы.

Ответ очевиден⁴⁷. Отталкиваясь от соотношения (*), описывающего состоятельность w как сумму актуализированных резервных ($r^* \cdot I$), и благоприобретенных ($n \cdot r'$) возможностей агента, имеем:

$$w = r^* \cdot I + n \cdot r' = I - r + n \cdot r = I - n + n \cdot r' = \langle n \rightarrow r' \rangle$$

Напомним, что здесь w – состоятельность, $r^* \cdot I$ – актуализированный резервный ресурс, $n \cdot r'$ – приобретения, $I - r$ – дефицит рабочих ресурсов, $I - n$ – запрос, компенсирующий дефицит рабочих ресурсов, $\langle n \rightarrow r' \rangle$ – опера-

⁴⁷ Очевиден только сейчас. В поисках отчетливого ответа на этот вопрос автор предпринял исследование, завершившееся построением модели «четырех ресурсов субъекта», впервые представленной в этой статье.

тор метаимпликации (Петровский, [94], 2001; Петровский, Таран, [96], 2002; Петровский, [103], 2006), связывающий запросы субъекта и поступающие извне ресурсы (читается: «запрос n реализуется посредством ресурса r' », или «запрос n опирается на ресурс r' ») (см. примечания).

ГЛАВА 11

Модель гедониста: рефлексивная «возгонка» влечения

Мир человека пронизан незнанием. Фатальность незнания, неопределенности бытия, разделяется надвое и как бы удваивается, присутствуя «по ту сторону» и «по сю сторону» человеческой субъективности. Неопределенность неизбежно присутствует *там*, снаружи, вовне меня, и столь же – *тут*, внутри, во мне самом. Познание лишь отчасти способно противостоят этому. Опыт не только поглощает, но и расширяет незнание, неопределенность, непредрешенность, что было известно еще античным философам.

Ученику: «Твои знания – это маленький круг, а мои – большой. Но всё, что осталось вне этих кругов, – неизвестность. Маленький круг мало соприкасается с неизвестностью. Чем шире круг твоих знаний, тем больше его граница с неизвестностью. И впредь, чем больше ты станешь узнавать нового, тем больше будет возникать у тебя неясных вопросов» (*Анаксимен из Милета, древнегреческий философ, VI век до н. э.*).

Познавание, однако, ощутимо меняет то, что, казалось бы, к познанию прямого отношения не имеет – силу человеческих побуждений, страстей. В этой статье речь пойдет о соблазне. О том, как осознание своих устремлений может влиять на их силу. Но также – о том, как соблазн, будучи сознаваем, усиливает свою действенность. И, наконец, о том, почему искушения, к счастью, не всегда воплощаются наяву.

Прослеживая динамику побуждений по мере их осознания, мы приходим к выводу, что прояснение побуждений, начиная с самого первого, исходного, запускающего процесс самоисследования, способен вызывать эффекты, противостоят задаче осознания. А именно – сделать невозможным осознанный выбор: стоит ли потворствовать данному побуждению или же нет.

Мы предлагаем гипотетическую модель самодетерминации субъекта, стремящегося к наслаждению («гедонистического субъект», «гедониста», или – «аскета», если такой субъект побеждает соблазны).

Исходим при этом из модели готовности субъекта к биполярному выбору, представленной в рефлексивной теории В. А. Лефевра [40], [42], – внося в эту модель необходимые для нас смысловые акценты.

Воспроизведем вначале модель В. А. Лефевра.

Одна из предложенных В. А. Лефевром формул, описывающая готовность субъекта выбирать позитивный полюс в условиях биполярного выбора, может быть представлена так:

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1,$$

где (x_1) – это «давление среды», (x_2) – «знание о давлении среды», (x_3) – «интенция», и (X) – само значение функции готовности субъекта к выбору;

стрелочка « \rightarrow » здесь символизирует операцию импликации. Переменные x_1, x_2, x_3 рассматриваются как независимые и принимающие значения 1 или 0; X , соответственно, принимает также значения 1 или 0 в согласии с таблицей значений истинности импликации $A \rightarrow B = X$:

ЗНАЧЕНИЯ ИСТИННОСТИ ИМПЛИКАЦИИ

$A \rightarrow B = X$
$1 \rightarrow 1 = 1$
$0 \rightarrow 1 = 1$
$0 \rightarrow 0 = 1$
$1 \rightarrow 0 = 0$

Приведем только один пример того, как «работает» эта формула: если интенции субъекта позитивны ($x_3 = 1$), среда воспринимается субъектом как побуждающая к выбору позитивного полюса ($x_2 = 1$), а реально мир оказывает давление в противоположную сторону ($x_1 = 0$), то субъект, находящийся во власти иллюзий, хотя и стремится осуществить позитивный выбор (например, выбор «добра»), оказывается к нему не готов (фактически выбирает «зло»):

$$(1 \rightarrow 1) \rightarrow 0 = 1 \rightarrow 0 = 0$$

Предполагается, что переменные x_1, x_2 и x_3 , под влиянием внешних и внутренних «толчков» (импульсов), принимают значение 1, соответствующее позитивному полюсу, с вероятностями, соответственно, p_1, p_2, p_3 . Для простоты можно принять, что $x_1 = p_1, x_2 = p_2$ и $x_3 = p_3$. Доказывается, что символу X в этом случае будет соответствовать выражение

$$X = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2) x_3$$

Заметим, что мы не можем здесь просто переписать ранее приведенное выражение $X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1$, справедливое только для «четких» значений 1 и 0, так как x_1, x_2, x_3 в общем случае принимают и *промежуточные* значения на отрезке $[0, 1]$. Для преодоления этой трудности, мы вводим далее понятие «метаимпликации», позволяющее иметь дело с любыми рациональными значениями антецедента и консеквента данной операции на этом отрезке.

Только что приведенное равенство позволяет предсказать вероятность выбора субъектом позитивного полюса в ситуации биполярного выбора. Лефевр, таким образом, согласовывает собственную импlicative модель описания выборов с формулой «готовности субъекта к биполярному выбору», которая дедуцируется им из ранее принятых формальных допущений теории (см. подробнее [40], [42]).

Краеугольный камень теории Лефевра – идея «интенционального выбора». Речь идет о том, что некоторые *интенциям* субъекта суждено

превращаться в равную им *готовность* к выбору (субъективные намерения здесь тождественны истинной – объективной – устремленности субъекта к действию):

$$X = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)x_3 = x_3$$

Это соотношение позволяет найти значение x_3 (интенция), отталкиваясь от известных значений x_1 (давление среды) и x_2 (представление субъекта о давлении среды)⁴⁸. Важность идеи «интенционального выбора» трудно переоценить. На базе этой идеи, В. А. Лефевру удалось в значительной мере продвинуться в осмыслении вечных проблем, с которыми сталкивается человек, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) (см. «Космический субъект» [40] и «Алгебра совести» [42]).

Рефлексивная теория В. А. Лефевра, один из шедевров теоретической мысли XX века, открыта для поиска продолжений и содержательных интерпретаций. Есть некоторые особенности формулы Лефевра, которые обычно остаются вне поля внимания исследователей. Например, формула заключает в себе скрытые переменные, некоторые из которых описаны создателем рефлексивной теории, а некоторые нуждаются в описании. Речь идет о «переходных» и «производных» элементах модели, таких, например, как $\neg x_3$; $x_3 \rightarrow x_2$ («самооценка» – Лефевр); $\neg(x_3 \rightarrow x_2)$ и др. Кроме того – и это представляется важным для разработки проблем психологии активности – остается вне специального рассмотрения обладающий загадочной силой оператор материальной импликации « \rightarrow ». Понятно, что он не имеет ничего общего с отношением каузальности «если..., то...». Но если это так, **что же он собой представляет?** Этот вопрос мы рассмотрим особо.

В предлагаемой нами версии «материальная импликация» $A \rightarrow B$ интерпретируется как оператор, позволяющий описывать соотношение устремлений A и ресурсов B субъекта в терминах *реализуемости* первых посредством вторых. Импликация здесь играет роль механизма перехода от запросов, воплощающих в себе устремления личности, к ресурсам – внешним и внутренним – на основе чего субъект обретает необходимый ему уровень адаптации к обстоятельствам и готовность действовать в них.

Иначе говоря, оператор импликации – это механизм сопряжения побуждений и ресурсов субъекта. В работах Лефевра «материальная импликация» используется как условие математического моделирования активности субъекта. В настоящей работе, как и в предшествующих, мы решаем, смежную задачу: *психологической* интерпретации оператора материаль-

⁴⁸ Формула Лефевра:

$$X = \begin{cases} \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, & \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0, 1], & \text{если } x_1 + x_2 = 0. \end{cases}$$

ной импликации (и метаимпликации). Для нас – это часть более общего проекта: психологического моделирования математических объектов (первая наша попытка такого рода была предпринята в [88]).

В предлагаемой нами метаимпликативной модели представлена также идея перехода от «четких» значений переменных, включенных в импликативную конструкцию Лефевра, к любым рациональным значениям этих переменных на отрезке между 0 и 1; при этом, что особенно важно, сохраняется сама *форма* лефевровской импликативной конструкции (см. *Комментарии* в конце статьи).

Соответствующая операция была названа автором «*метаимпликацией*» [96]. Я изображаю ее в виде стрелки со звездочкой справа сверху: « \rightarrow^* »

Таким образом, можно импликативно связывать между собой дробные числа (например, $0,3 \rightarrow^* 0,5$ или $2/3 \rightarrow^* 1/4$ и т. п.) и вычислять соответствующие значения метаимпликации (в дальнейшем мы не будем изображать звездочку рядом со стрелкой)⁴⁹.

Символически, мы описываем здесь ситуацию, когда некто (субъект) способен продуцировать импульсы-запросы *a*, воплощающие в себе его устремления, и располагает при этом импульсами-ресурсами *b* (внешний ресурс) и *b'* (внутренний ресурс), посредством которых могут быть реализованы его устремления. Обращаясь к метаимпликации, мы говорим также о том, что субъект *обращает* (или *направляет*) свои запросы во вне, а также, – что он при этом *актуализирует* свои внутренние ресурсы. Ресурсы, привлекаемые субъектом для реализации своих устремлений, мы называем также внешними и внутренними *опорами*.

Кроме того, мы вводим представление о **состоятельности** *w*, подразумевая под этим термином уровень **удовлетворенности** субъекта при реализации его исходных запросов с опорой на имеющиеся ресурсы; достигнутый уровень состоятельности рассматривается как источник новых запросов – **готовности** действовать в принятом направлении. Постулируется равенство: уровень удовлетворенности «на финише» = уровень готовности «на старте» (при переходе от одного витка активности к другому).

Вводя представление о *среднем ожидаемом значении метаимпликации*⁵⁰, мы можем перейти к конкретным численным значениям средней ожидаемой состоятельности субъекта:

$$w_{ож.} = a \rightarrow b = 1 - a + ab$$

(обо всем этом подробнее см. *Комментарии*).

⁴⁹ Впрочем, последние представляли собой не числа, а наборы чисел. В приведенных примерах: $0,3 \rightarrow 0,5 = [0,5; 0,6; 0,7]$; $2/3 \rightarrow 1/4 = 8/12 \rightarrow 3/12 = [4/12; 5/12; 6/12; 7/12]$

⁵⁰ Предлагаемая нами формула определения среднего ожидаемого уровня метаимпликации, полученная при использовании идеи булевых решеток, соответствует (и не может не соответствовать) функции готовности субъекта к биполярному выбору, определенной В.А. Лефевром и вытекающей из постулатов его рефлексивной теории. В первом примере, $0,3 \rightarrow 0,5$, среднее ожидаемое значение метаимпликации равно $0,85$ (мы рассмотрели этот случай в *Комментариях*); во втором случае, $2/3 \rightarrow 1/4$, искомое значение равно $1 - 2/3 + 2/3 \cdot 1/4 = 1/2$.

Результат метаимпликации $w_{ож.} = a \rightarrow b = (1 - a) + a \cdot b$, получает, таким образом, следующее истолкование:

- $(1 - a) = a'$ – это *актуализированный внутренний (скрытый) ресурс* (постулируется, что субъект запрашивает то, и только то, чего ему не хватает; с этой точки зрения, $1 - a$ есть то, что у субъекта уже *есть*, то, чем он располагает фактически).

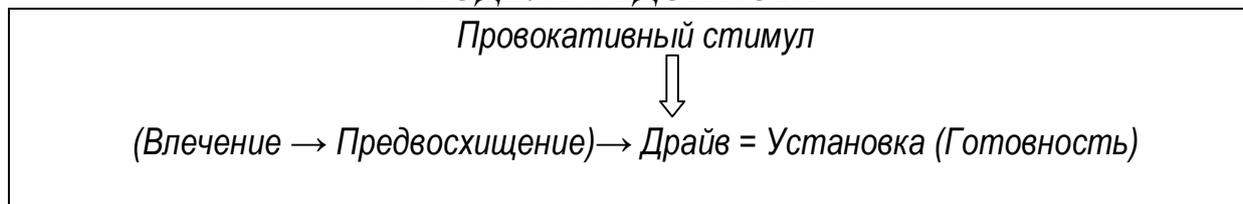
- $a \cdot b$ – это *присвоенный внешний ресурс*.

С данной точки зрения, результат метаимпликации (состоятельность субъекта) есть сочетание актуализированного внутреннего и присвоенного внешнего ресурса.

В предлагаемой нами модели гедонистического субъекта (аскета) символ x_1 левеевской модели интерпретируется как «драйв», символ x_2 – как «влечение», символ x_3 – как «предвосхищение», символ X – как «установка» («готовность»). Будем говорить, что это основные элементы модели.

Базовая схема гедонистического субъекта имеет вид:

МОДЕЛЬ ГЕДОНИСТА

Предлагаемая формальная модель самодетерминации гедониста (аскета) включает в себя основные элементы, а также – производные от основных и некоторые другие: *Самоконтроль; Предвкушение; Эмоциональное благополучие* и пр. Модель содержит в себе указание на *Провокативный стимул*, который явным образом в формуле не представлен, но, оставаясь как бы за кадром, постоянно подразумевается (как источник того, что мы далее будем наблюдать «в кадре»).

«Провокативный стимул» – это всё то (вещь, человек, текст, какое-либо событие и т. п.), что способно воздействовать на субъект извне и обладать для него потенциальной значимостью. Почему мы говорим о *провокативном* стимуле, выделяя его из множества стимулов вообще, в чем специфика этого стимула по сравнению со всеми другими? Ответ заключается в том, что провокативный стимул со стопроцентной вероятностью детерминирует реакцию субъекта, в случае его (субъекта) неподверженности каким-либо силам, сдерживающим реакцию (нравственные, религиозные, правовые ограничения, соображения, связанные со здоровьем и пр.). Известна полуправдивая шутка: «Всё, что по настоящему хочешь, либо аморально, либо противозаконно, либо вредит здоровью». Классики психологии по-разному называли эти силы сдерживания. Зигмунд Фрейд говорил о «подавлении», Курт Левин – о «барьерах», Генри Мюррей – о «прессах». Обобщенно, в рассматриваемом случае, мы будем говорить о «силах противодействия провокации». Если бы не эти силы, наличие провокативного

стимула в ситуации сделало бы неизбежной «ненормативную» реакцию субъекта.

Поскольку нас интересует не только количественная, но и качественная сторона всех элементов предлагаемой модели, рассмотрим логико-психологический статус того, что мы называем «провокативным стимулом». Строго говоря, провокативный стимул нельзя отнести к сфере психологических категорий. Он представляет собой *внепсихическое* – «внеположное», «объективное», «протопсихическое» (в терминах А. В. Петровского и В. А. Петровского) образование, – фрагмент окружающей среды.

«Драйв» – телесное возбуждение как специфический ответ на действие провокативного стимула; побуждение-вызов со стороны этого стимула; внутренняя стимуляция как непосредственный физиологический отклик на воздействие внешнего стимула. Драйв и провокативный стимул – явления одного порядка, они «общаются» друг с другом на одном языке – физико-химических взаимодействий – и оба являются протопсихическими образованиями.

«Установка» («готовность») – *бессознательная психическая сила* («сила соблазна»). Поясняя это, мы опираемся на взгляды Д. Н. Узнадзе [125]. Для него «установка» – это не просто «неосознаваемое», а принципиально *бессознательное* образование (более того – «нечто третье» по отношению к субъективному и объективному). Вслед за Узнадзе, мы используем здесь термин «бессознательное психическое», развивая свою мысль о том, что психическое вообще есть медиация (опосредствование) взаимных переходов субъективного и объективного [100]. Этот взгляд адекватен также представлениям З.Фрейда о взаимосвязи телесного возбуждения и желания в определении инстинкта: психическая энергия обеспечивает переход объективного в субъективное (желание как врожденная психологическая репрезентация возбуждения телесного источника) и обратный переход (желание как мотив, направляющий поведение к объекту). Установка или, в данном случае, бессознательная психическая сила соблазна – посредник между физиологическим возбуждением и субъективным переживанием в системе *взаимопереходов* «объективное – субъективное». Термины «установка» и «сила соблазна», используемые в данном контексте, могут рассматриваться как синоним «готовности» в рефлексивной модели В. А. Лефевра: *объективная вероятность* (p) того, что субъект поддастся соблазну. Если $p < 0,5$ субъект, скорее всего, не будет спровоцирован (воздержится от соблазна). Если $p_+ > 0,5$, субъект, по-видимому, не устоит перед соблазном. А если $p = 0,5$, субъект будет пребывать в состоянии замешательства, колебаний перед выбором, как поступать дальше, или, иначе говоря, окажется в ситуации **неопределенности предпочтений**.

«Влечение» – *неосознанная* устремленность в направлении провокативного стимула («искушение»); *переживаемая* субъектом готовность поддаться на провокацию (или, напротив, – игнорировать её). Термин «неосознанная», применительно к «устремленности», используется здесь

в общеизвестном, со времен Фрейда, значении *предсознательного психического* (в момент возникновения данного влечения, оно вне поля сознания, но в следующий момент может быть осознано).

«Предвосхищение». Имеется в виду проигрывание в воображении будущей ситуации реализации влечения. Предвосхищение, воображаемая реализация влечения, в отличие от самого влечения, есть *сознаваемая* субъектом устремленность в направлении провокативного стимула, переживаемый субъектом *образ* своего влечения. Дж. Мид говорил о «репетиции в воображении» – и это, может быть, один из удачных терминов для этого случая. «Воображаемое удовлетворение», «репетиции в воображении» есть единство статических и динамических моментов субъективного продвижения к стимулу, или, иначе говоря, *образ-переживание* собственного влечения. Кратко, мы будем говорить – «предвосхищение», имея в виду копию влечения в зеркале рефлексии⁵¹.

Итак, мы вводим в контекст нашего рассмотрения не совсем обычный конструкт. При всём различии обозначений («копия влечения», «образ-переживание», «репетиция в воображении» и т. п.), дело, конечно, не в терминах. Автор уверен в том, что, минуя этот конструкт, невозможно прийти к пониманию самодерминации. В этой связи, кажется странным, что рефлексивные механизмы самодетерминации каким-то загадочным образом обходят стороной авторы обширных психологических исследований самодерминации, а также аналитических обзоров, посвященных этим исследованиям.

Чтобы пояснить сказанное, прибегнем к весьма бытовой аналогии. Не каждому человеку известны работы Спинозы, Канта, Гегеля и Лефевра, посвященные явлению самодерминации. Но зато каждый человек, хорошо знает по личному опыту, что значит «быть *causa sui*» (причиной себя), завязывая галстук или поправляя прическу перед зеркалом. Зеркальное отражение для человека – это «он сам», подсказывающий себе будущее

⁵¹ Могут быть рассмотрены также некоторые промежуточные и производные элементы модели. *Самоконтроль (самообладание)*. В тот момент, когда субъект репетирует в воображении ситуацию реализации влечения, актуализируется чувство контроля над собой – тем большее, чем меньше сила влечения. В математической модели самодерминации гедониста мы определяем самообладание как величину, противоположную силе искушения: *Самоконтроль = 1 - Влечение*. *Предвкушение*. Речь идет о субъективном ожидаемом удовлетворении имеющегося влечения. В математической модели, *Предвкушение = Влечение x Воображение*. *Субъективное благополучие*. Это – итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и – предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели – таков результат импликации: *Субъективное благополучие = Влечение → Предвосхищение = (1 - Влечение) + Влечение x Предвосхищение = Самоконтроль + Предвкушение*. Тенденция к воспроизводству достигнутого уровня благополучия, как мы уже отмечали, стимулирует субъекту к воспроизводству этого состояния: стремление к данному уровню благополучия выражается в предъявлении запросов к своим собственным телесным ресурсам, позволяющим овладеть провокативным стимулом. Рождаются новый ряд переменных (*Самопотворствование, Страховка, Порыв*), порождающие состояние *Внутренней удовлетворенности* субъекта. Последнее получает новое воплощение в новых установках-готовностях.

надлежащее действие. Следующие затем изменения во внешнем облике вновь отражаются в зеркале и вновь детерминируют последующие действия человека. Итак, с одной стороны, перед нами проявление «естественной причинности»: Прообраз \rightarrow Образ \rightarrow Прообраз' \rightarrow ... С другой стороны, – это феномен самопричинности: «Я как причина себя», понимаемое и переживаемое бытие Я в качестве «свободной причины». Ведь именно «с меня» (моего отражения в зеркале) начинается причинно-следственный ряд, и это «я сам» («Я в зеркале») управляю своим «физическим Я».

Будем считать, что субъект, находящийся в поле действия провокативного стимула, шаг за шагом, виток за витком рефлектирует свою готовность поддаться соблазну. Это значит, что в последовательные моменты времени $i = 0, 1, 2, \dots$, начиная с появления драйва в момент времени ($i=1$), субъект продуцирует установку, которая будет осознана им в следующий момент времени. Появляется влечение, которое порождает антиципацию (предвосхищение) будущего удовлетворения; опираясь на образ-переживание собственного влечения, субъект испытывает ту или иную степень душевного благополучия; оно, в свою очередь, побуждает субъекта продолжить попытки (а в случае фрустрации – проявлять сдержанность). Таким образом, рождается тенденция потворствовать себе или ограничивать себя в новых попытках. Эта тенденция преломляется сквозь исходный драйв, формируя новое влечение (готовность). Возникшее влечение рефлектируется субъектом на следующем витке рефлексии (готовность здесь превращается в новое влечение и т. п.).

Как видим, здесь действуют два механизма саморефлексии. Один мы назовем *диахроническим*, другой – *синхроническим*:

- диахронический механизм рефлексии реализует переход субъекта с одного витка рефлексии на другой, превращая *установку (готовность)* на i -ом витке во *влечение* на $i+1$ -ом витке;
- синхронический механизм рефлексии реализует «зеркальное отражение» *влечения*, которое, таким образом, обнаруживает себя как *предвосхищение*.

Совместное действие двух механизмов саморефлексии обеспечивает самодетерминацию субъекта активности.

Вводится представление о нулевом витке рефлексии ($i = 0$), при котором, в структуре субъекта, драйв отсутствует (уровень драйва равен нулю), отсутствуют также, влечение, предвосхищение и, соответственно, установка (их «сила» равна нулю); но провокативный стимул уже появился «на горизонте».

Принимаются следующие обозначения и договоренности:

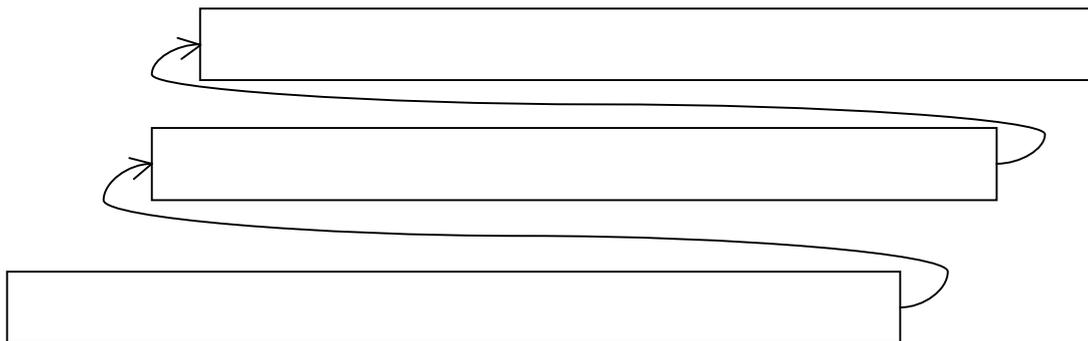
Драйв = {*драйв_i*} – проявления драйва в различные моменты (i) саморефлексии. Говоря о драйве, мы будем подразумевать каждый раз, как и в случае с нулевым витком рефлексии, некую силу (уровень) драйва: $0 \leq f(\text{драйв}_i) \leq 1$. Договоримся, что в данном случае, и во всех аналогичных, бу-

Вместо «*f* (драйв_{*i*})» полужирным шрифтом «**драйв_{*i*}**». Аналогично, Установка = {установка_{*i*}}, Влечение = {влечение_{*i*}}, Предвосхищение = {предвосхищение_{*i*}}. «Силовые» характеристики, соответствующие этим элементам, изображаются, как **установка_{*i*}**, **влечение_{*i*}**, **предвосхищение_{*i*}**, и пр.

Принимаем следующие допущения:

1. Сила **драйва одинакова** на протяжении всего процесса саморефлексии: **драйв_{*i*} = драйв_{*j*}** (для всех *i* и *j*), кроме случая (*i*=0), при котором **драйв₀ = 0**.
2. Сила **влечения и сила предвосхищения одинаковы** на каждом витке рефлексии: **влечение_{*i*} = предвосхищение_{*i*}** (для всех *i*); на нулевом витке рефлексии **влечение₀ = предвосхищение₀ = 0**
3. Сила **влечения на каждом последующем витке рефлексии равна силе установке на предшествующем витке рефлексии: влечение_{*i*} = установка_{*i-1*}** (для всех *i* > 0)

Модель самодетерминации гедониста при переходе с одного витка рефлексии (*i-1*) на другой виток (*i*) выглядит следующим образом:

Теперь рассмотрим, что происходит с побуждениями субъекта на первом и втором витках саморефлексии (*i* = 1, 2).

На первом витке рефлексии есть лишь драйв, но нет ни влечения, ни предвосхищения. По этой причине, уровень установки-готовности действовать в направлении провокативного стимула равен уровню соблазна (примем его за *x*):

$$\begin{aligned} \text{Установка}_1 &= (0 \rightarrow 0) \rightarrow x = 1 \rightarrow x = x \\ \text{Установка}_1 &= \text{Драйв}_1 \end{aligned}$$

На втором витке рефлексии происходит включение (возвышение) появившейся установки *x* в ранг реальных искушений (влечений) субъекта; соответственно в зеркале рефлексии субъекту рисуется более привлекательная картина реализации его побуждения в направлении провокативного стимула:

$$\text{Установка}_2 = (x \rightarrow x) \rightarrow x = x + (1-x)(1-x)x,$$

Установка₂ > Установка₁ = Драйв (если $0 < x < 1$)

Как видим, мы можем убедиться также и в том, что уровень установки-готовности *вырос*, по сравнению с исходным уровнем драйва, то есть провокативный стимул стал притягательнее.

Что происходит на последующих этапах саморефлексии? Мы рассмотрим этот вопрос, варьируя стартовый уровень драйва, начиная со значений, близких к нулю («субъекту почти не откликается на провокативный стимул»), постепенно поднимаясь к средним значениям («то ли есть реакция, то ли нет») и, наконец, – высоким значениям («сильный отклик»).

Отправляясь от нескольких стартовых значений драйва x на интервале $[0, 1]$, мы вычислили уровни установок субъекта действовать в направлении провокативного стимула (готовности поддаться соблазну) на нескольких витках рефлексии, следуя процедуре многократного отражения субъектом своей готовности к выбору, предложенной В. А. Лефевром [40].

Общий итог (непосредственно вытекающий из положений рефлексивной теории): саморефлексия субъекта *повышает* привлекательность провокативного стимула, поддерживая соблазн.

Итак, перед нами *феномен рефлексивной возгонки влечения*.

Но это не значит, что люди во всех случаях поддаются соблазну.

Выясняется, что существуют такие уровни драйва, при которых субъект, рефлектирующий свои побуждения:

1) *отвергает* провокативный стимул, не поддаваясь соблазну: уровни готовности не достигают 0,5 (стартовые уровни драйва находятся при этом в интервале между 0 и 0,333). Мы говорим, в данном случае, – «всё под контролем».

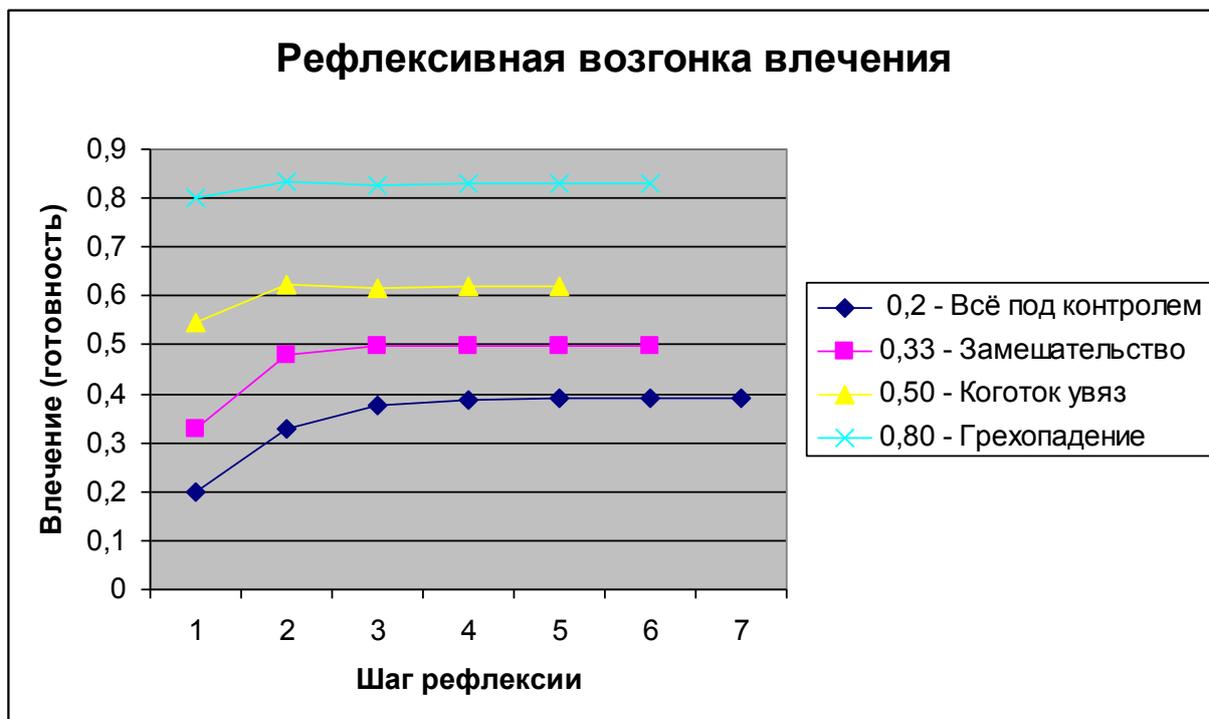
2) в той или иной степени *поддается* соблазну (стартовые значения драйва находятся в интервале от 0, 333... до 1) – «коготок увяз» и «грехопадение» (эти термины предложены С. Диковым).

3) *впадает* в состояние *неопределенности предпочтений*, взамен исходному состоянию готовности отвергнуть соблазн – «замешательство» (см. диаграмму).

Особый случай – стартовый уровень соблазна 0,5 («неопределенный уровень» притягательности провокативного стимула, «замешательство на старте саморефлексии»). В этом случае исходная (полная) неопределенность реакции на провокативный стимул *преодолевается* в ходе саморефлексии. Наиболее интересным здесь является то, что с каждым новым витком саморефлексии готовность поддаться соблазну стремится к «золотому сечению», 0,618...⁵² Мы приходим к этому числу, не вводя предварительных допущений об «интенциональности» выборов (выборы Реалиста),

⁵² Число это овеяно исторической славой и известно под именем «золотое сечение» (в математическом смысле, оно представляет собой действительный корень решения уравнения $\alpha + \alpha^2 = 1$; $\alpha \approx 0,62$; значительную роль данное число сыграло в архитектуре, музыке и пр.

как это делает Лефевр, рассматривая «выбор без объективных критериев» [40, стр. 60–61]. Мы также прослеживаем «порождение» Реалиста, не связывая себя при этом некоторыми дополнительными условиями, указанными автором рефлексивной теории [40, стр. 75-76]. Реализм субъекта и «золотое сечение», в нашем случае, есть следствие совместной работы двух механизмов саморефлексии – диахронического и синхронического – в ситуации полной неопределенности.

Предлагаемая гипотетическая модель самодетерминации гедониста (стойка) есть гипотетическая модель. Мы не располагаем сегодня какими-либо прямыми эмпирическим подтверждением ее справедливости. Однако, некоторые косвенные подтверждения (в области психологии мотивации) – имеются.

Прежде всего, это феномен «смещенного выбора», характеризующий предпочтения испытуемых в ситуации свободного выбора задач различного уровня трудности (о нем идет речь в последующих главах). Предложенная Дж. Аткинсоном «модель принятия риска» предсказывала, что испытуемые, стремящиеся к успеху (мотив достижения доминирует над страхом неудачи) должны выбирать для себя задачи среднего уровня трудности. Однако эмпирические данные говорят о другом: такие испытуемые выбирают задачи *повышенного уровня трудности* (вероятность решения между 0,3 и 0,4) [102]. Мы показали, что, выбирая задачи такого уровня трудности, они должны проявлять интенцию, сила которой равна «золотому сечению», что позволяет им быть *реалистами*, согласно критерию В. А. Лефевра (субъективная интенция = объективной готовности). Можно предположить, что в *ситуации неопределенности* относительно исхода будущей деятельности (решение некоторого круга задач), уровень притяга-

тельности этих задач для *реалиста* (исходный драйв) определяется средним значением 0,5. Многократная рефлексия своих побуждений, включающая в себя работу механизмов диахронической и синхронической саморефлексии, «выводит» субъекта на уровень интенции 0,618....

Отмечу также *первый закон Йеркса – Додсона*. При среднем уровне мотивации (драйв?) выполняемой деятельности испытуемые проявляют наибольшую эффективность. Не свидетельствует ли это о том, что они проявляют себя в этих условиях как *реалисты*, то есть затрачивают не больше и не меньше усилий, чем это требуется для получения результата? Если это так, то здесь мы вновь сталкиваемся с «золотым сечением» на уровне интенции действовать.

В этой статье мы рассмотрели вопрос о том, как субъект сам, в ходе рефлексии, порождает определенность и неопределенность своих предпочтений, а также, отчасти, вопрос о том, как распоряжается неопределенностью, когда сталкивается с нею лицом к лицу.

Подчеркнем, что наш ответ на эти вопросы имеет пока гипотетический характер и требует дополнительного эмпирического обоснования.

Комментарии

Вводя представление об операторе метаимпликации, рассмотрим вначале то, что обозначается в алгебре как «булева решетка». Перед читателем отнюдь не определение, но одна из возможных иллюстраций этого понятия. Вообразим некоторое множество точек, каждая из которых представлена тройкой чисел: $\{(0,0,0), (0,0,1), (0,1,0), (1,0,0), (0,1,1), (1,0,1), (1,1,0), (1,1,1)\}$. Из них можно выстроить упорядоченные цепочки различной длины, например: $(0,0,0) \leq (0,0,1) \leq (0,1,1) \leq (1,1,1)$, или $(0,0,0) \leq (0,1,0) \leq (1,1,0) \leq (1,1,1)$, или $(0,0,0) \leq (1,0,0)$, или $(0,0,0) \leq (0,0,0)$ и т. п. Не каждую пару чисел можно сравнить, используя отношение « \leq », например, это невозможно для пары $(0,1,0)$ и $(1,0,1)$, а также $(0,0,1)$ и $(1,0,0)$ и т. п. Поэтому говорят, что это множество – *частично упорядоченное*. Вводятся операции объединения (суммы, \vee) и пересечения (произведения, \wedge) элементов.

Некоторые примеры объединения:

$$(0,0,0) \vee (0,0,1) = (0,0,1); (0,1,1) \vee (1,0,0) = (1,1,1); (0,0,1) \vee (1,0,1) = (1,0,1)$$

Примеры пересечения:

$$(0,0,0) \wedge (1,1,1) = (0,0,0); (1,0,0) \wedge (1,1,0) = (1,0,0); (1,0,1) \wedge (0,1,0) = (0,0,0)$$

Каждому элементу может быть поставлен в соответствие обратный элемент: например,

$$\text{элементу } (0,0,0) \text{ соответствует элемент } \neg(0,0,0) = (1,1,1),$$

$$\text{элементу } (0,0,1) \text{ – элемент } \neg(0,0,1) = (1,1,0),$$

$$\text{элементу } (0,1,0) \text{ – элемент } \neg(0,1,0) = (1,0,1) .$$

Могут быть определена также операция импликации, скажем,

$$(0,0,0) \rightarrow (0,1,1) = \neg(0,0,0) \vee (0,1,1) = (1,1,1) \vee (0,1,1) = (1,1,1);$$

$$(0,1,1) \rightarrow (0,1,0) = \neg(0,1,1) \vee (0,1,0) = (1,0,0) \vee (0,1,0) = (1,1,0) \text{ и т. п.}$$

Перед нами – булева решетка « 2^3 ». Каждый из этих элементов этой решетки можно представить себе в виде вектора, координатами которого являются рассмотренные тройки чисел (они указывают нам также восемь вершин трехмерного куба). В общем случае речь идет о L -мерном векторе (в булевых решетках 2^L). Определяются *длина* и *высота* вектора-элемента решетки. «Длина» – это число измерений (разрядов) вектора; в нашем случае – длина элемента решетки равна 3. «Высота» – это число единиц,

образующих координаты вектора. Например, высота $(1,0,1)$ – это 2, высота $(0,0,0)$ – это 0, высота $(1,1,1)$ – это 3 и т. п. ; высота элемента может быть осмыслена как число шагов, которые необходимо сделать, чтобы пройти путь от точки $(0,0,0,\dots)$ до соответствующей вершины многомерного куба.

Рассмотрим теперь то, что мы называем *метаимпликацией*. Наша идея состоит в том, чтобы «превратить» дроби в элементы-векторы булевой решетки, реализовать импликацию на соответствующих элементах решетки, и, получив результат, вновь вернуться к дробям, рассматривая их в качестве прототипов antecedента и консеквента полученного результата импликации. Это возможно, если каждой дроби вида p/q ставить в соответствие элемент-вектор высоты p и длины q . Положим, перед нами два рациональных числа $3/10$ и $1/2$. Нам необходимо определить $3/10 \rightarrow^* 1/2$. Приведем эти дроби к общему знаменателю. Теперь перед нами – десятичные дроби 0,3 и 0,5 и речь идет о метаимпликации $0,3 \rightarrow^* 0,5$.

Поставим в соответствие числу 0,3 множество десятиразрядных векторов-элементов булевой решетки 2^{10} высоты 3, а числу 0,5 – множество элементов той же решетки высоты 5. Это можно сделать многообразными способами. Например, дроби 0,3 может соответствовать $(0,0,1,0,1,0,0,1,0,0)$ или $(1,0,1,0,0,0,0,0,0,1)$ и т. д. и т. п., а дроби 0,5 – такие элементы, как $(1,0,1,0,1,0,0,0,1,1)$, а также – $(0,0,0,0,0,1,1,1,1,1)$ и пр. (напомним, что *высота* элемента-булевого вектора определяется количеством единиц в нем). Мы как бы *рассредоточили* сейчас числители дробей $3/10$ и $5/10$ по 10 разрядам векторов («дробинки» числителя разбросали по десяти ящичкам знаменателя). Возьмем теперь наугад какой-нибудь вектор из первого множества и, также наугад, – из второго. Далее вычислим вектор, являющийся результатом импликации, примененной к векторам (ограничимся двумя приведенными выше примерами «рассредоточенных» дробей 0,3 и 0,5):

$$1. (0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) \rightarrow (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1) = (1,1,1,1,1,1,1,0,1,1)$$

$$2. (1,0,1,0,0,0,0,0,0,1) \rightarrow (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) = (0,1,0,0,1,1,1,1,1,1)$$

Определим теперь понятие *уровня* вектора-элемента решетки; будем считать, что это *высота вектора, деленная на его длину* (число разрядов). В первом примере высота построенного нами элемента – 9, соответственно, уровень – $9/10$; во втором примере высота – 8, уровень – $8/10$. Свободно варьируя выбор элементов первого и второго множеств, мы вычислим все соответствующие им результаты импликаций. Множество всех уровней элементов, полученных таким образом, представляет собой определяемое нами значение метаимпликации (в нашем примере уровни элементов, как легко показать, варьируют в пределах $8/10 \div 10/10$); таким образом, результат метаимпликации $0,3 \rightarrow^* 0,5 = \{0,8; 0,9; 1\}$, т. е. множеству уровней результатов поразрядной импликации для всех возможных способов распределения заданного числа единиц в булевых векторах-операндах. В случае «четких» значений (1 или 0), метаимпликация вырождается в обычную импликацию.

Будем говорить об уровне **запроса** $a = p/q$, полагая, что этот запрос представляет собой булев вектор высоты p и длины q . Соответственно, определяется уровень **ресурса** $b = r/q$ (заметим, что дроби, описывающие запрос и ресурс, приведены здесь к общему знаменателю q). Например, уровень запроса $3/10$ будет означать для нас, что это запрос, символизируемый булевым вектором высоты 3 и длины 10, а уровень ресурса $5/10$ – что это ресурс, символизируемый булевым вектором высоты 5 и длины 10. Ноль в том или ином разряде булева вектора **запроса** интерпретируется как *отсутствие импульса самораспространения* (то есть отсутствие импульса самоиспытания, импульса к риску и т. п.); по отношению к внешнему ресурсу, ноль – это импульс отталкивания (= импульс отказа, «спасибо, нет!»). Единица в том или ином разряде вектора запроса будет интерпретироваться как наличие *импульса самораспространения*; по отношению к внешнему ресурсу – это импульс присоединения (= импульс вызова, активного « да!»). Ноль в том или ином разряде булева вектора **ресурса** означает *от-*

*существование импульса поддержки (содействия), а единица – наличие такого импульса. Применительно к булеву вектору **состоятельности** w , ноль интерпретируется как *потеря*, а единица – как *воспроизводство* импульса-ресурса.*

Состоятельность субъекта (удовлетворенность достигнутым и готовность воспроизводства активности в выбранном направлении) численно определяется как результат вычисления метаимпликации $w = n/q \rightarrow r/q$ и представляет собой диапазон возможных уровней состоятельности (какое из них будет актуализировано в данный момент времени – заранее неизвестно). Этот диапазон можно определить по известным значениям уровней запроса и ресурса [96], [98].

Может быть определен также *ожидаемый* уровень состоятельности. В только что приведенном примере это *число*: $w_{ож.} = 0,3 \rightarrow * 0,5 = 1 - 0,3 + 0,3 \cdot 0,5 = 0,85$.

Представляет теоретический интерес переменная $1 - n/q$ (здесь она представлена величиной $1 - 0,3 = 0,7$). Мы определяем данную переменную как уровень *реактивации скрытых ресурсов* субъекта.

ГЛАВА 12

Обретение состоятельности: «золотое правило гармонии»

Состоятельность: «благо» + «блажь». Термин «состоятельность» пока отсутствует в психологических словарях, энциклопедиях и словниках. Но, я думаю, со временем, «состоятельность» раскроет себя как полезный конструкт, способный обобщить существующие сегодня представления, такие как «личностный потенциал», «удовлетворенность», «готовность к действию», состояние О'К и др. Однако «состоятельность» не совпадает с этими представлениями и существующее различие между ними способно стимулировать новые исследования в психологии личности.

Слово «состоятельность» может быть прочитано по-разному, но при этом оно всегда включает в себя идею существования кого-то, *кто* состоятелен (будем говорить «агент»), *запросов*, ему свойственных (мотивы, ценности, устремления), внутренних и внешних *ресурсов*, которые им осваиваются и *благ*, которые приобретаются.

Интуитивно, «состоятельность» – это обретаемое кем-либо благополучие, единство того, что есть у агента, и того, к чему он устремлен. Метафорически, это кентавр. Это понятие-«кентавр»⁵³. Оно объединяет в себе идеальные и реальные блага, обладателем которых ощущает себя индивид («то, что я хочу получить» и «то, что я фактически достигаю» здесь выступают в единстве).

Мы видим два способа формального определения «состоятельности». При одном из них «состоятельность» есть сумма реальных и идеальных благ, приобретаемых агентом. При другом способе определения – реализуемость притязаний агента. Оба определения, как мы увидим дальше, логически эквивалентны друг другу.

Поясним некоторые термины.

Говоря об «агенте», мы подчеркиваем, что это понятие шире таких, как «субъект», «индивидуальность» и «личность». Это могут быть простейшие организмы или социальные организации, социум в целом, а то и «космический субъект» – любая система, являющаяся носителем запросов и ресурсов, используемых во взаимодействии с окружением, и удовлетворяющая определенным формальным условиям (о них ниже).

Подразумевается так же существование *реагентов* – источников внешних ресурсов, без которых агент существовать не может; мы говорим, что эти ресурсы осваиваются агентом. В том случае, если реагент это субъект или совокупность субъектов будем говорить о нем *контрагент*. Однако к числу реагентов могут относиться и внесубъектные образования, будь то «четыре стихии» древних философов (огонь, воздух, вода, земля и их

⁵³ Однажды мы уже обращались к этой метафоре при описании деятельности.

сочетания), или такие фетиши современности, как информация, деньги, карьера. Во всех таких случаях мы будем говорить о *реагентах среды*. Реагенты среды лишены запросов, но они заключают в себе ресурс, который присваивается агентом. Нелишне подчеркнуть, что реагенты – часть окружения агента.

В дальнейшем, мы будем использовать для обозначения агентов и реагентов прописные латинские буквы, набираемые курсивом: *A, B, C* и т. п.

Договоримся также обозначать внутренние и внешние ресурсы агента строчными латинскими буквами *r* и *r'*. Здесь *r* – это внутренний ресурс агента, а *r'* – внешний ресурс, предоставляемый реагентом.

Различаем два рода запросов, присущих агентам:

1) запрос на использование имеющегося внутреннего ресурса (кратко, – «запросы на использование»); при их обозначении будем использовать символ *n* (need) и говорить о них: «запрос-могу», «могу и хочу», «желание достичь».

2) запросы на получение отсутствующего ресурса; обозначаем их *n'* и говорим о них: «запрос на дефицит», «запрос-мечта», «могу что хочу», «желание получить»

Тот факт, что некоторый ресурс принадлежит тому или иному агенту или предоставляется каким-нибудь реагентом, изображаем так: $r_A, r'_B, r_C \dots$ (применительно к запросам: n_A, n'_A, n_B, n'_B и т. п.). Иногда мы будем опускать нижние индексы.

Предполагается, что v, n, n', r, r' могут принимать любые рациональные значения на отрезке $[0, 1]$. Значения 0 и 1 описываются как «четкие» значения (в соответствии с [40]), другие же рациональные значения на данном отрезке, – как «промежуточные». Единичный ресурс ($r=1$), относящийся к агенту или реагенту, мы называем *абсолютным* ресурсом, и обозначаем *1*. Так как этот ресурс может принадлежать как агенту, так и реагенту, мы, за исключением некоторых случаев, не помечаем его нижним индексом. Ресурс *1* может существовать наяву, но он же может быть недостижимым идеалом, фантомом, плодом фантазии субъекта.

Далее мы определяем *реальные* и *идеальные* блага, приобретаемые агентом. В качественном отношении, *благо* вообще определяется нами как результат сочетания (взаимодействия, взаимопроникновения) имеющихся у агента *запросов* и необходимых ему *ресурсов*. В количественном плане, при определении уровня благ (общее обозначение v), мы вычисляем произведение уровня запроса агента на уровень запрашиваемого ресурса.

Применительно к *идеальным* и *реальным* благам имеем:

- $v_u = n'_A \times 1$ Это значит, что идеальное благо есть результат произведения «запроса-мечты» («желания получить») на абсолютный ресурс. Старые авторы сказали бы: «гипостаза мечты».

- $v_p = n_A \times r'_B$. Это значит, что реальное благо есть результат произведения «запроса-могу» («желания достичь») на внешний ресурс, предоставляемый реагентом.

Прежде чем дать формальное определение состоятельности, рассмотрим подробнее, в каких отношениях состоят между собой ресурсы и запросы агента.

Постулат 1.

$$n = r / I_A$$

Это значит, что запрос на использование ресурса равен доли этого ресурса по отношению к абсолютному ресурсу агента; чем больше имеющийся ресурс, тем сильнее потребность агента использовать или подтвердить этот ресурс; количественно, сила запроса равна величине имеющегося ресурса. Я формулирую этот постулат, развивая мысль о том, что возможности, как таковые (переживание «я могу»), представляет собой независимый источник активности (В.А. Петровский, [68])⁵⁴. Неверно считать, что «не могу» живет на улице «не хочу». Наоборот!

По-сути, перед нами то, что может быть названо *уровнем притязаний*, если понимать под ними запросы агента, соответствующие и побуждаемые его возможностям («могу» как источник «хочу» той же силы).

Постулат 2.

$$n' = 1 - n = 1 - r$$

Это значит, что запрос на дефицит есть величина, дополнительная к запросу на использование ресурса, что количественно равно разнице между абсолютным ресурсом и имеющимся у агента ресурсом: агент нуждается в том, чего ему не хватает, и сила этой нужды соответствует нехватке ресурса.

Теперь может быть предложено два определения «состоятельности», w , которые, в итоге, оказываются эквивалентными.

Первое определение. Состоятельность есть сумма реальных и идеальных благ, приобретаемых агентом:

$$w = v_p + v_u = n' \times I + n \times r' = (1-n) \times I + n \times r' = 1 - r + r \times r'$$

Второе определение. Состоятельность есть результат реализации агентом собственных притязаний с опорой на внешние ресурсы, поставляемых реагентом:

$$w = n \rightarrow^* r' = r \rightarrow^* r = 1 - r + r \times r',$$

где « \rightarrow^* » есть знак метаимпликации, позволяющий математически выразить идею реализуемости притязаний агента с опорой на внешний ресурс (см. В.А. Петровский [94]). Сказанное нуждается в пояснении.

Рассмотрим вначале результаты материальной импликации, соотносящей запросы n и ресурсы r' , принимающие «четкие» значения:

- $0 \rightarrow 1 = 1$ (если нет запроса, а есть только ресурс, то состоятельность равна 1)⁵⁵

- $0 \rightarrow 0 = 1$ (если нет запроса и нет ресурса, то состоятельность равна 1)⁵⁶.

⁵⁴ Неверно считать, что «не могу» живет на улице «не хочу». Наоборот!

⁵⁵ просто, исходя из логики здравого смысла, – грубовато это звучит так: «А зачем козе баян?»

⁵⁶ то же, что и в первом случае, но уже «без баяна».

- $1 \rightarrow 1 = 1$ (если есть запрос и есть ресурс, то состоятельность равна 1)
- $1 \rightarrow 0 = 0$ (если есть запрос и нет ресурса, то состоятельность равна 0; к счастью, это единственный такой случай).

Как видим, факт состоит в том, что результаты импликации, связывающей уровень притязаний агента с уровнем возможностей, предоставляемых извне, $n \rightarrow r' = r \rightarrow r'$, соответствуют интуитивному смыслу термина «состоятельность».

Переходя к оператору материальной метаимпликации (В. А. Петровский [94], В. А. Петровский, Т. А. Таран [96]), имеющей дело не только с «четкими», но и с любыми другими рациональными значениями переменных на отрезке $[0, 1]$, мы получаем формулу⁵⁷:

$$n \rightarrow * r' = r \rightarrow * r' = 1 - r + r \times r'$$

(далее символ * справа от стрелки, подчеркивающий, что речь идет о метаимпликации, мы будем опускать).

В отличие от оператора материальной импликации, результатом метаимпликации является некоторый разброс значений и их средние ожидаемые значения (31), (33).

Рассматривая средние ожидаемые значения оператора метаимпликации, <заключенные в угловые скобки>, мы можем записать:

$$\begin{aligned} \langle x \rightarrow * y \rangle &= 1 - x + x \cdot y \\ & \quad (**) \\ \langle \langle x \rightarrow * y \rangle \rightarrow * z \rangle &= z + (1-z) \cdot (1-y) \cdot x. \end{aligned}$$

Приведем несколько примеров вычисления средних ожидаемых значений метаимпликации:

- $\langle 1 \rightarrow * 0 \rangle = 1 - 1 + 1 \cdot 0 = 0;$
- $\langle 0 \rightarrow * 0 \rangle = 1 - 0 + 0 \cdot 0 = 1;$
- $\langle \langle 1 \rightarrow * 0 \rangle \rightarrow * 0 \rangle = 1 - 1 + 1 \cdot 1 \cdot 1 = 1;$
- $\langle 0.5 \rightarrow * 0.5 \rangle = 1 - 0.5 + 0.5 \cdot 0.5 = 0.75;$
- $\langle \langle 0.666 \rightarrow * 0.5 \rangle \rightarrow * 0.5 \rangle = 0.5 + 0.5 \cdot 0.5 \cdot 0.666 \approx 0.666.$

Случаи а) и (b) соответствуют исходам «обычной» материальной импликации, оперирующей «четкими» значениями 0 и 1: $\langle 1 \rightarrow * 0 \rangle = 1 \rightarrow 0 = 0;$ $\langle 0 \rightarrow * 0 \rangle = 0 \rightarrow 0 = 1.$

Случаям (c) и (e) соответствует введенное В. А. Лефевром понятие «интенционального выбора»; автор рефлексивной теории называет субъекта интенционального выбора «реалистом». Нам представляется, что интенциональные выборы свидетельствуют о реализме индивида в двух смыслах. Первый из них указан самим В. А. Лефевром (субъективные интенции x воплощаются в равную им объективную готовность субъекта действовать в направлении позитивного полюса). Второй смысл мы усматриваем

⁵⁷ См. Примечание 2.

в том, что притязания индивида воплощаются в равную им состоятельность (уровень притязаний = уровень реализации уровня притязаний).

В реальной жизни «первый» и «второй» смыслы меняются местами: *сначала* индивид переживает определенный уровень состоятельности, а *потом* оказывается, что последний превращается в ресурс, требующий своего воплощения, и таким образом обозначается готовность индивида действовать в направлении «позитивного полюса».

«Объективная готовность» есть обращенная во вне сторона состоятельности.

Сравнивая значения состоятельности в первой и второй трактовке этого термина, можно убедиться в их эквивалентности:

$w = v_p$ (реальные блага) + v_u (виртуальные блага) = n (запросы) \rightarrow * r' (внешний ресурс) = $I - r + r \times r'$

Попробуем теперь дать психологическую интерпретацию переменным и их соотношению, фигурирующим в правой части формулы.

« $I - r$ » может быть осмыслено двояким образом:

1) как *резервные* возможности, привлекаемые агентом на старте своей активности в направлении внешнего ресурса (эта трактовка была представлена нами в предшествующих работах [94], [95], [96], [97]). Мы можем видеть в « $I - r$ » своего рода «фору», «допинг», «подъемные», извлекаемые агентом A из своих собственных внутренних запасов (хранилища потенциальных возможностей) во взаимоотношениях с реагентом B)

2) как *виртуальные* (фантазийные) возможности, используемые агентом при взаимодействии с реагентом. Именно этой точки зрения мы предпочитаем здесь придерживаться⁵⁸.

Итак, «состоятельность» – это: «реальные достижения + гипостаза мечты», или, что то же самое, «состоятельность» – это: «уровень реализации уровня притязаний»

Отталкиваясь от этих формальных и психологических определений, мы можем охарактеризовать критерии гармонии во взаимоотношениях агента и реагента.

⁵⁸ Отметим один из возможных нюансов подобной трактовки: « $I - n$ » может трактоваться как своего рода **нежелание** деятельности, как потребность в пассивности; при этом «абсолютный ресурс» « I » – как **запас пассивности** (он и вправду может интерпретироваться как нечто абсолютно безграничное). В этом случае произведение $(I - n) \times I = (I - r) \times I = I - r$ может быть психологически осмыслено как состояние блаженной пассивности, покоя, безмятежности, лени, сладостного «ничегонеделания» (термин Шифф). Перлз говорит о «собаке сверху» (она деятельна) и «собаке снизу» (она саботирует). М. В. Бороденко вводит конструкт «субъект бездействия», что очень точно подходит для характеристики индивида, предпочитающего уход от активности какой-либо работе. Для некоторых античных мыслителей, как отмечают современные исследователи (Я. Н. Киселева), подобная «лень» есть коррелят, как мы бы сказали сегодня, мудрости и выдержки. Возьмем пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»; психологическая состоятельность личности (= личное благополучие) есть комбинация того и другого. Реализм индивидуума и, своего рода, принцип субъектности его бытия состоят в том, что он (индивидуум) стремится воспроизводить наличный уровень своего благополучия за счет освоения внешних ресурсов действия и извлечения внутренних ресурсов покоя.

Первый критерий – реализм притязаний: это значит, что уровень состоятельности агента соответствует уровню его притязаний ($w = n$):

$$w = n \rightarrow r' = r \rightarrow r' = 1 - r + r \times r' = r$$

Пусть A – агент, вступающий во всевозможные отношения с реагентами B, C, D и т. д. Если в результате этого, состоятельность A равна его притязаниям, мы также говорим о реализме его притязаний. Это обобщение понадобится нам, когда мы будем рассматривать личность как генерацию агентов *Взрослый, Родитель, Дитя*.

Говоря о реализме притязаний, мы подчеркиваем преемственность развиваемой точки зрения по отношению к идее реализма в рефлексивной теории В. А. Лефевра. К «реалистам» автор этой теории относит тех субъектов, чьи интенции к выбору альтернативы соответствуют объективной готовности к ее выбору. Формулируя критерий реализма притязаний, мы переносим акцент на идею соответствия между целью достижения и его результатом. Таким образом, критерий реализма притязаний в нашей трактовке соответствует триаде, описывающей целеустремленную активность: «цель – средство – результат» (цель здесь соответствует результату). Фундаментальное лефевровское понятие готовности трактуется нами как обращенная «во вне» сторона состоятельности, как новый импульс к активности, обусловленный ранее достигнутым уровнем состоятельности.

Второй критерий: комплиментарность внешних и внутренних ресурсов ($r + r' = 1$), или, в другой формулировке, внешний ресурс адекватен запросу на дефицит ($r' = n'$). Эти формулировки логически эквивалентны. Действительно, если $r + r' = 1$, то $r' = 1 - r$, что, в свою очередь, равно n' (исходя из постулата 2), и, таким образом, $r' = n'$. С другой стороны, если $r' = n'$, то мы с очевидностью приходим к $r + r' = 1$.

Психологический смысл данного правила заключается в том, что агент желает получить внешний ресурс, компенсирующий дефицит внутреннего ресурса.

Совмещая первый и второй критерии, мы можем определить, конкретные значения уровня притязаний и уровня внешних ресурсов, обеспечивающих искомую гармонию во взаимоотношениях между агентом и реагентом. Имеем:

$$1 - r + r \times r' = r \text{ (критерий 1)}$$

$$r + r' = 1 \text{ (критерий 2)}$$

из чего следует:

$$1 - r + r \times (1 - r) = 1 - r + r - r^2 = 1 - r^2 = r,$$

соответственно,

$$r + r^2 = 1,$$

и мы приходим к определению внутреннего ресурса $r = 0,618...$ («золотое сечение»); запрашиваемый внешний ресурс, $r' = 0,382...$

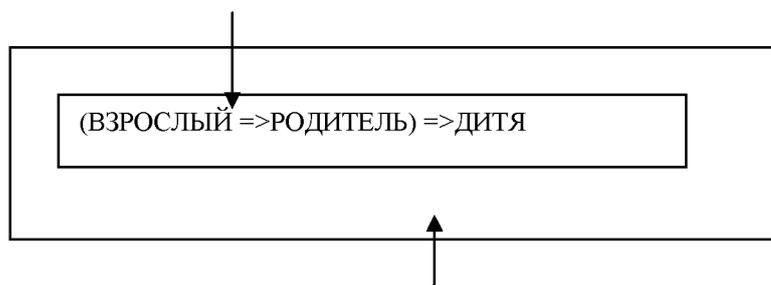
В эмпирическом плане, нас будет интересовать вопрос о том, действительно ли притязания людей, в процессах саморегуляции личности,

соответствуют «золотому сечению», и насколько реалистичными являются их притязания. К обсуждению данного вопроса мы вернемся в двух разделах этой главы, посвященных «задаче по вкусу» и «формуле гармонии».

Транзактный контур саморегуляции. Переходя к описанию саморегуляции в структуре индивидуальности, мы рассматриваем координацию таких агентов активности как эго-состояния Взрослый, Родитель и Дитя, а также – эго-систем (Взрослый => Родитель) и ((Взрослый => Родитель) => Дитя).

В процессе саморегуляции, индивидуальность, как поле взаимодействий эго-состояний, может быть схематически изображена следующим образом:

СУБЪЕКТ САМОРЕГУЛЯЦИИ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

В этом описании фигурируют инстанции Взрослый, Родитель, Дитя. Они рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взросло-Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитя. Стрелочка «=>» характеризует механизм реализации запросов через ресурс. Здесь Взрослый выступает как субъект регуляции, Родитель – как посредник, а Дитя – как объект регуляции.

Будем называть эту схему – или, если воспользоваться изящным словом О. А. Конопкина, используемых представителями его школы [30], [55], [61] – «контур» саморегуляции, *эго-построением Взрослый-Родитель-Дитя (или, кратко, ВРД-построением)*. Вслед за этими авторами будем говорить о *транзактном контуре саморегуляции*.

В нашей модели он объединяет в себе следующие переменные, принимающие рациональные значения на отрезке [0, 1]:

- w (состоятельность индивидуальности)
- x (интенции к действию со стороны Взрослого – «намерен», «считаю»)
- y (директивы Родителя – «следует делать», «вот что требуется», «ты должен»)
- z (чаянья Дитя – «хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо»)
- \rightarrow оператор метаимпликации («запрос опирается на ресурс»).

Всё сказанное нами ранее о внутренних и внешних возможностях каждого из агентов, образующих индивидуальность, о соотношении запросов и ресурсов, уровне притязаний и уровне состоятельности, – всё это сохраняет свое значение применительно к перечисленным эго-состояниям и эго-системам. И, таким образом, мы переходим от мультисубъектной к метаимплицативной модели саморегуляции:

ТРАНЗАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

(метаимплицативная модель):

$$W \text{ Индивидуальность} = \langle \langle X_{\text{Взрослый}} \rightarrow^* Y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow^* Z_{\text{Дитя}} \rangle$$

В первой редакции, предложенная мною модель, была названа «транзактной моделью рефлексивного выбора» (В. А. Петровский [99]). Она представляла собой транзактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения» Т. А.Таран [117], Транзактная модель рефлексивного выбора была для автора не только поводом формализации некоторых положений транзактного анализа и своих собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования, как дополнительный стимул продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной модели, чисто формально, следовало, что нереализованные мечты Дитя поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам Зигмунда Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого с точки зрения других частей индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта) – это Взрослый. Только Взрослый, и никто другой, может «уговорить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе транзактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Вместе с О. В. Митиной [55], мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также – с интегральной, или, иными словами, мультисубъектной, оценкой ценностей из списка терминальных ценностей (среди них такие, как «Творчество», «Активная деятельная жизнь», «Свобода», «Честность» и др.).

Нас интересовало, насколько работает предложенная модель «сстыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов. Главным был вопрос о том, будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор. Эмпирические данные подтвердили это общее предположение. Кроме того, полученные данные позволили установить взаимосвязь между ценностями, которые исповедует личность, и гранями ее индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выяснилось, что ценность Творчества выбирают люди с низкими показателями по фактору «G», то есть морально независимые, свободно трактующие существующие правила; люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают Свободу, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) – Честность.

Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимплицативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, то есть семантически им адекватны.

Понятие «саморегуляции» вообще вырисовывается с большей отчетливостью, когда мы противопоставляем ее другим эго-построениям: например, $(D \Rightarrow V) \Rightarrow P$, $(P \Rightarrow V) \Rightarrow D$, $(D \Rightarrow D) \Rightarrow V$, $(V \Rightarrow V) \Rightarrow V$ ⁵⁹ и т. п. Могут ли они быть названы «саморегуляцией»? Или, скорее, они противоположны ей по сути? Они лишены ее специфической функции – настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь». Ведь, вместо того, чтобы опосредствовать отношения между опытом, заимствованным у других (Родитель) и собственным архаичным опытом жизни (Дитя), они устанавливают господство одного из указанных эго-состояний над другим!

В этом плане представляет интерес исследование того, я называю «действительностью» эго-состояний [97], то есть меры соответствия готовности индивидуальности к действию от: 1) Интенций Взрослого («интенциональные выборы»), 2) Указаний Родителя и 3) Чаяний Ребенка. [102].

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

«Совершенная» и «несовершенная» саморегуляция. При разграничении «совершенной» и «несовершенной» саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма» (уровень притязаний = уровень состоятельности). Различаем при этом две формы состоятельности:

- субъективную состоятельность, как результат импликации $x \rightarrow y$ (Взрослое «считаю необходимым» с опорой на Родительское «ты должен»)
- внутреннюю состоятельность, как результат импликации $(x \rightarrow y) \rightarrow z$ (Взросло-Родительские амбиции, опирающиеся на чаяния Дитя).

(Ограничиваясь анализом процессов саморегуляции во внутреннем пространстве бытия индивидуальности, мы лишь отчасти затронем далее объективную состоятельность, как результат импликации $((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f$, где f – внешний ресурс, с которым фактически имеет дело индивид, и о свойствах которого он может узнать лишь постфактум [104]).

Совершенная саморегуляция. Мы называем саморегуляцию совершенной в том и только в том случае, когда притязания Взрослого совпада-

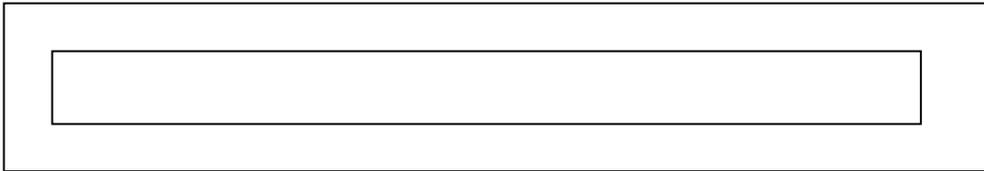
⁵⁹ Первый опыт обсуждения этих отношений содержался в [94].

(ВЗРОСЛЫЙ=>РОДИТЕЛЬ)=>ДИТЯ ≠ ВЗРОСЛЫЙ

(ВЗРОСЛЫЙ=>РОДИТЕЛЬ)=>ДИТЯ = ВЗРОСЛЫЙ

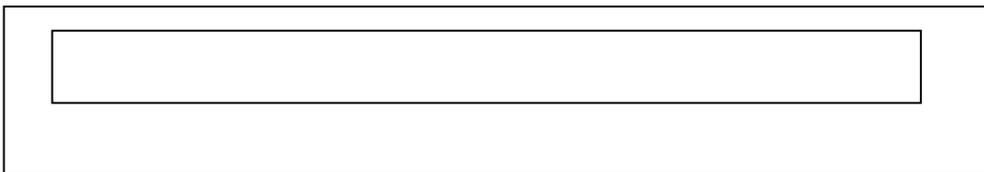
ют с внутренней состоятельностью. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого (то есть ее внутреннее благополучие и готовность действовать в соответствии с принятым намерением) (см. рис. ниже).

СОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ

Несовершенная саморегуляция, как ни прискорбно, богаче исходами. Во всех мыслимых случаях мы могли бы записать:

НЕСОВЕРШЕННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ:

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

А) $(V \Rightarrow P) \Rightarrow D = P (P \neq V)$

Б) $(V \Rightarrow P) \Rightarrow D = D (D \neq V)$

Случай А) – пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как драйверное поведение⁶⁰. Следуя указаниям: «Будь Сильным!», «Будь лучшим!», «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б) – пример несовершенной саморегуляции, которая, в терминах транзактного анализа, может быть адекватно описана как сход с драйвера [27]. Перед нами «прорывы сценария», выражающиеся в том, что взрослый человек следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т. п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность, легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А) и Б) и могут быть рассмотрены другие формы несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъек-

⁶⁰ Термин «драйвер» был введен транзактным аналитиком Тайби Калером (см. [27]).

тивной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена так: «Взрослый не в состоянии действовать так, как считает нужным».

Саморегуляция и разрегуляция. Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли транзактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого? Думается, лишь частично.

Со временем, в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения вслед за достижением состояния «отрегулированности» – «странные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому эго интересы как Дитя, так и Родителя. В их числе:

- франкловские невроты людей, «умеющих жить правильно»;
- берновские проделки «демона»;
- лермонтовские мотивы «паруса»;
- перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и т. д.

короче всё то, что автор именуется общим термином: «неадаптивность» (грибоедовское «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая, вслед за В. Вундтом, а стало быть, опосредствованно, за Г.Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов.

Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интенции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w = x$. Кроме того, указания Родителя y столь же *действительны*, то есть они воплощаются в готовность $w = y$. Наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Дитя также находят действительное, то есть равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w = z$. Итак, имеем:

$$\langle\langle x \rightarrow *y \rangle \rightarrow *z \rangle = w = x = y = z$$

Из этого равенства, в частности, следует:

$$\langle\langle x \rightarrow *x \rangle \rightarrow *x \rangle = x,$$

Из чего вытекает $\langle\langle x \rightarrow *x \rangle \rightarrow *x \rangle = x + (1-x) \cdot (1-x) \cdot x = x + (1-x)^2 \cdot x = x$ (см. соотношение (*)).

Таким образом, получаем: $(1-x)^2 \cdot x = 0$, $x = 0$, либо $x = 1$.

В итоге есть два возможных варианта эго-построений:

$$1) \langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$$

$$2) \langle\langle 1 \rightarrow *1 \rangle \rightarrow *1 \rangle = 1$$

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции – назовем их «сюррегуляцией».

Первый ее вариант: $\langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$: все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует – в ней

никто не нуждается. Второй вариант: $\langle\langle I \rightarrow * I \rangle \rightarrow * I \rangle = I$: все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке все, что необходимо друг другу, тем самым, необходимость в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Подведем итоги этой части исследования.

Индивидуальность, далее, есть совокупный потенциал эго-состояний.

Транзактный контур саморегуляции в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции есть эго-состояние Взрослый; объект саморегуляции – эго-состояние Дитя; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние Родитель

Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$$\langle\langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow * y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow * z_{\text{Дитя}} \rangle$$

а) Ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, говоря другими словами, – внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$$\langle\langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow * y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow * z_{\text{Дитя}} \rangle = x$$

б) Несовершенная саморегуляция – это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$$\langle\langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow * y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow * z_{\text{Дитя}} \rangle = y,$$

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$$\langle\langle x_{\text{Взрослый}} \rightarrow * y_{\text{Родитель}} \rangle \rightarrow * z_{\text{Дитя}} \rangle = z$$

Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивид обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

«Золотое правило гармонии» во взаимоотношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = W \rightarrow (I - W) = I - W^2$, символизируя тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и, достигая то, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W , соответствующий «золотому сечению».

Модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, составляя альтернативу к модели принятия риска Дж. Аткинсона.

Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией», в силу того, что эго-состояние Взрослый не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом Родителя и Дитя.

Гипотетический результат саморегуляции – полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность – недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Дитя. Существуют всего два варианта подобной гипотетической суррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей»

посредством «эффективной саморегуляции»); в каждом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $\langle\langle I \rightarrow *I \rangle \rightarrow *I \rangle = I$, ее осуществлять незачем, во втором случае, $\langle\langle \theta \rightarrow * \theta \rangle \rightarrow * \theta \rangle = \theta$, – некому.

Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности, и, соответственно, места саморегуляции в её структуре: три лица одного субъекта versus три субъекта одного лица.

Индивидуальность – потенциал субъектности, но сама она не есть субъект, а скорее – «республика субъектов», единичное Я.

Итак, мы возвращаемся к тому, что служит базой субъектности, в свою очередь, субъектностью не являясь. Что же это? Наш ответ – *самость*. Постепенно высваиваемая (мне близок этот термин Хайдеггера!), но не менее и зарождающаяся, создаваемая. Самость – как движущий и движущийся невидимый мир психики, будто пытается разглядеть себя в зеркале, во множестве разных зеркал. Но, увы, самость не может преуспеть в этом. Она не наглядна, и, строго говоря, не мыслима.

Но самость как цель, самость как целостность, всё-таки переживается нами, и в такие мгновения мы ощущаем себя – собой, в своей общности с миром, другими людьми, вечностью.

Такова самость.

Ненаглядная наша!..

ГЛАВА 13

Семь пространств существования личности: состоятельность самополагания

Дифференциация всевозможных «пространств» человеческой жизни («субъективное» и «объективное», «психосемантическое», «жизненный мир», «психологическое пространство», «поле» etc) представляет интерес для психолога, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, – они представляют собой полигон для решения важной задачи упорядочивания знаний. Здесь – не только теоретический интерес, но и решение дидактических задач. Раскладывание материала по «полочкам»-пространствам – чем не достойный почин на пути формирования, как говорили в прежние годы, глубоких и прочных знаний учащихся? И, кроме того, – бесспорная возможность структурировать собственные выступления, компоновать тексты, а нашим студентам – «тачать» рефераты на разные темы. У психологов, начинающих свою научную карьеру, и психологов, по-видимому, завершающих ее, классификация, типологизация, систематизация феноменов, словом, та или иная форма их «раскладывания», иногда превращаются в бескорыстную имитацию деятельности, вполне замещающую собой деятельность реальную, созидательную. Хотя, согласимся, что удачная форма упорядочивания материала того или иного рода способна доставить читателю (и уж точно автору) эстетическое наслаждение, оправдывающее языковые игры с неподатливым материалом.

Во-вторых, это реальная работа с пространствами, труд соотнесения их друг с другом, поиск механизмов сцепления, совместного функционирования их контентов. В этом случае «машина» психологического знания трогается с места, сходя с чертежей и оправдывая сложность своего внутреннего устройства. Иллюстрацией мог бы служить рисунок, сделанный рукой З. Фрейда, где совмещены его топологическая и структурная модели психики, структурные модели первого, второго, третьего и т. д. порядков, предложенные Э. Берном в описании личности и другие⁶¹,

Есть еще один возможный резон пространственных расслоений психосферы. Это – искушение возможностью «игры в бисер», объединяющей разные языки для разделения пространств и преумножения форм их сопряжений. Я надеюсь, что этот, эстетический, акцент работы «с пространствами» читатели разглядят в данной статье, где речь идет о мегапространстве семи пространств, образующих три области существования личности: «во мне», «вне меня», «между нами». Внутри первой области, «мо мне», выделяются пространства: «со мной», «при мне», «у меня». Внутри второй – пространства «у меня», «от меня», «из-за меня». Третья

⁶¹ Например, удачная типология «жизненных миров» и, особенно, «работающие» смежные модели психического мироустройства, изящная «нотная запись» переживаемого, представленные в разработках Ф. Е. Василюка [17], [18].

область – это пространство «мне» и «мною». Ассоциация с «Игрой в бисер» Г. Гессе обусловлена, в частности, тем, что пространства, образующие в некотором роде континент личности, состоящий из материков и связующего их архипелага, озвучиваются переключкой личных местоимений⁶², а соотнесение контентов базируется на логических связках, известных из курсов математической логики.

В понимании «личности» будем следовать У. Джеймсу: *личность* – целокупность всего, что является **личным** (моим). Это определение не является точной цитатой из Джеймса. Но оно отвечает духу его теории и является объемлющим для всех «ипостасей» личности, рассмотренных Джеймсом. Из этого понимания следует: описать и понять личность – значит «исчислить» то, что относится к *личному*, существуя во мне, вне меня, а также – между мной и моим окружением.

Рассмотрим мегапространство личности детальнее (см. рис. 19).

МЕГАПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

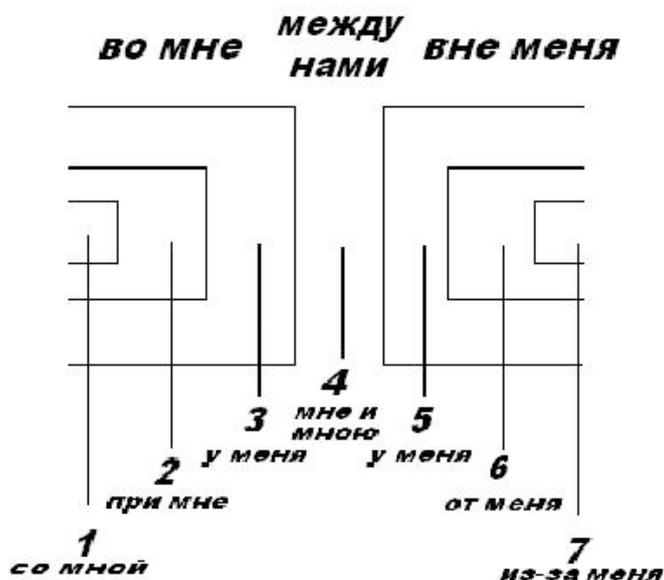

Рис. 20

1. Во мне – со мной. Это – область существования «бессознательного» в топологической модели З. Фрейда⁶³, «коллективного бессознательного» К. Юнга, «демонов» Э. Берна и др.; «либидо» и «танатос» структурной модели З.Фрейда присутствуют там, «вторичные процессы» А. Минделла,

⁶² Возможная тут ассоциация с поэтической строкой Б.Окуджавы, «судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе», могла бы выглядеть чисто случайной, когда бы не «Игра в бисер»... Впрочем, значительнее менее случайная связь прослеживается с опытом реализации идеи пространств применительно к смысловым моделям мира, булева типология которых развивается автором в работе [106].

⁶³ Примеры имеют иллюстративный характер, поэтому я ограничиваюсь общеизвестными именами и ни в коей мере не претендую на освещение всех релевантных понятий и достойных упоминания имен.

«духовное бессознательное Я» В. Франкла – там же. Именно в этом пространстве таятся энергия жизни и силы роста личности, а также, возможно, базовые ориентиры, барьеры и опоры развития. Пространство «во мне и со мной», по-видимому, не может быть полностью субъективировано человеком (хотя бы уже потому, что «субъективация», как таковая, не может быть субъективирована человеком в самый момент ее совершения).

2. Во мне – при мне. Это – область существования «темных чувствований» М. Сеченова, «предсознательного» в топологической модели З. Фрейда, «краевых фигур (монстров)» А. Минделла, «до-рефлексивного» Ж.-П. Сартра, «подсознательного организмического функционирования К. Роджерса» (опыт, потенциально доступный для сознательного понимания⁶⁴) и др.

3. Во мне – у меня. Это – область существования «сogito» («мыслю») Р. Декарта, «сознательного» З. Фрейда, «объективации» Д. Н. Узнадзе, «сознательного внимания» К. Роджерса, «зоны осознания» Ф. Перлза, «переживающего Я» Берна, «осознания своего духовного Я» В. Франкла и др.

4. Мною и мне: это – область контактов и взаимопревращений двух сфер бытия: *во мне* и *вне меня*. Там содержатся: накапливаемый подсознательный опыт (не достигающий статуса переживаемого), «давление среды» В. А. Лефевра, рефлекторные импульсы в ответ на телесные и средовые воздействия, «инстинктивные влечения» З. Фрейда, «идеомоторные акты» П. Жане, «возбуждение» Ф. Перлза, «первичные» и «фиксированные установки» Д. Н. Узнадзе, «детерминирующие тенденции» Н. Аха, «динамическая сила» и «направленная энергия» Р. Ассаджиоли» и др. Обратим внимание на то, что содержания, представленные в пространстве *мне* и *мною*, не являются переживаниями человека, они лишь обращают к нему и исполняют его импульсы, исходящие извне (континент *вне меня*) и, соответственно, изнутри (континент *во мне*). Скажем, воля – «это непосредственная функция «я», но функция во многом скрытая» (Ассаджиоли [3] стр. 157).

5. Вне меня – у меня. Так можно описать всё то, что, не будучи мною, я отношу к себе, защищая от посягательств. То *внешнее*, которым обладает *внутреннее*. К категории *вне меня – у меня* относятся «физическое Я» У. Джеймса, «переходные объекты» Д. Винникотта, “сэлф-объекты”, введенные Я-психологами «для обозначения тех людей, которые подпитывают наше чувство идентичности и самоуважения своим подтверждением, восхищением и одобрением» (Н. Мак-Вильямс [47], стр. 109).

6. Вне меня – от меня. Такова область существования результатов и последствий моей активности, мое бытие в другом человеке, ощущаемое им как несомненная реальность⁶⁵. В субъективном пространстве другого я существую как *интроект* (интернализированный другой).

7. Вне меня – из-за меня. В этом пространстве сосредоточены значимые проявления моего присутствия в жизни других людей. Мы исполь-

⁶⁴ Привожу формулировку Р.Нельсон-Джоунс ([57] стр. 37).

⁶⁵ Памятные общеизвестные строки Л.Мартынова могут служить примером сказанного: «А ты, какой ты след оставишь...»

зуем в данном случае термин «персонализация»: во мне видят личность, если я способен быть источником значимых изменений в жизни других людей. Результаты экспериментальных исследований эффектов отраженной субъектности отражены в книгах [80], [82] и др. Очевидно, что опосредствованные и отсроченные феномены персонализации могут быть совершенно неизвестны субъекту⁶⁶.

Как видим, мега-пространство сосуществования двух сфер бытия – *во мне и вне меня* – включает в себе семь пространств. Первое, из перечисленных, есть область *трансцендентального* (условия опыта, не являющиеся его результатом), второе – область *трансцендентного* (того, что выходит за границы возможного опыта). Между трансцендентальным и трансцендентным – область наблюдаемого и постижимого в рамках индивидуального опыта.

Разрабатываемые представления о «семи пространствах личности» – не столько способ систематизации существующих представлений, сколько рабочий инструмент синтеза новых моделей описания и прогнозирования процессов активности. Далее, в поле нашего зрения, окажутся развивающиеся в семи пространствах личности процессы самополагания человека: самоактуализация, самореализация, самопрезентация, самотрансляция и самотрансценденция.

Модели состоятельности субъекта самополагания. Метафорически, *Я* – это сгусток возможностей, воплощаемых во вне, а главная потребность человеческого бытия – *освоение этих возможностей* («высвоевание», если использовать термин М.Хайдеггера). В настоящей статье мы исследуем гипотетические формы и механизмы *самополагания* субъекта, как процесса всё более распространяющегося во вне испытания и использования своих возможностей человеком. В этой связи мы говорим об **эффектах** воплощения своих возможностей, и, в первую очередь, о том, насколько производимое субъектом соответствует силе его устремлений. Мы строим *формальные модели* самополагания, исследуем условия *состоятельности* его разных форм, сопоставляем прогнозы, вытекающие из модели, с эмпирическими фактами, которые были получены нами, а также – другими авторами.

Тезаурус. Исходим из того, что *субъект активности* – носитель возможностей, воплощаемых вовне.

⁶⁶ Когда автором этих строк была предложена концепция персонализации, и, частности, соображения по поводу «земного бессмертия», проф. Г. М. Андреева улыбнулся: «Интересно, кто у будет испытуемым, кто – экспериментатором?» Грустно в ответ улыбаются Толстой, Шредингер, Пастернак, Бехтерев и многие другие мыслители, обращавшиеся к этой проблемой... В статье «Индивид: его потребность и способность «быть личностью», написанной в соавторстве с А. В. Петровским, мы цитировали А. С. Пушкина «Нет, весь я не умру...» [70], размышляя над тем, что остается.

Самополагание есть не только актуализация, но и воплощение человеком собственных потенциальных возможностей. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать свои возможности.

«*Быть (находиться) на уровне своих устремлений (ожиданий, требований и т. п.)*» – это значит: добиваться чего-то в соответствии с тем, что побуждает или обеспечивает активность, так что приобретаемое по своему уровню адекватно тому, что запрашивалось или предлагалось. Человек может обрести то, чего реально желал (и в этом случае его *состоятельность* – на уровне его устремлений); но он также может также получить неожиданно больше того, к чему стремился (*сверхсостоятельность*) или – меньше этого (*несостоятельность*). В данной статье мы исследуем, при каких условиях *состоятельность соответствует устремлениям*.

Базовый тезис состоит в том, что процессы самополагания развиваются в семи пространствах, описанных нами ранее. Метафорически, перед нами эстафета процессов на семи участках пути. Рассмотрим маршруты следования.

Пространство «1» («Сфера внечувственного потенциального опыта»). На старте самополагания имеем дело с трансцендентальным Я. Устрашающую фрейдовскую метафору «котла», в котором кипят бессознательные импульсы либидо и танатоса, мы замещаем светлым словом «родник» – применительно к трансцендентальному Я самополагания. Словно бы «некто» внутри меня, кого я не знаю в лицо, но о ком догадываюсь, обладает полным потенциалом возможностей, побуждающих к активности. Эти возможности *во мне и со мной*, но я не волен распоряжаться ими.

Пространство «2» («Сфера дорефлексивной чувственности»). Эстафета процессов захватывает далее дорефлексивное «Я». Это – та часть внутреннего мира, о которой можно сказать словами В.П.Зинченко, что она не «*ре-презентирована*», а «*презентирована*» человеку [29]. Дорефлексивное «Я» инициирует самоактуализацию, – самоиспытание возможностей. Испытываемые возможности – неотчуждаемы, они изначально и вечно *при мне*. Но, пробуждая себя к действию, я стремлюсь испытать их. Говоря об этих возможностях, я подчеркиваю (и это важное допущение для всего дальнейшего обсуждения!), что некоторые из них могут рассматриваться как *еще не освоенные* (подлежащие испытанию), а остальные – как *имеющиеся (испытываемые + имеющиеся = 1)*.

Испытываемые возможности – это такие возможности, в объективности которых хочет убедиться субъект. Будем говорить о них – «возможности-запросы». Они переживаются как *запросы к себе*: «Могу ли я совершить (произвести, обнаружить) то, что переживаю как возможное?»⁶⁷. Совокупность попыток убедить себя в том, что я на это способен, образу-

⁶⁷ Попытки проверить это могут описываться как *проба себя*. Этот термин предложил мне А.Н.Леонтьев в период моей работы над идеей «надситуативной активности» [66, 67].

ют процесс *самополагания* субъекта (что соответствует данному выше определению)⁶⁸. Имея в виду *долю* запросов по отношению к личному потенциалу активности, будем говорить в дальнейшем о *силе (уровне) стремления* к самополаганию.

Используемые возможности – это возможности, позволяющие субъекту (во всяком случае, так он считает) осуществить испытываемые возможности. Иначе говоря, это возможности-ресурсы – всё то, что содействует удовлетворению запросов, а также провоцирует необходимую для этого активность⁶⁹. Рассматривая *долю* возможностей-ресурсов по отношению к личностному потенциалу активности, будем говорить об *уровне опор*.

Пространство «3» («Сфера самосознания»). В эстафету активности, далее, вовлекается рефлексивное Я; оно как бы перехватывает то, что ранее *переживалось*, но не было *осознано* личностью. И теперь, в качестве участника эстафеты, я мог бы сказать о себе: «У меня это есть – возможность добиться желаемого». Рефлексивное Я дает опору для оценки испытываемых возможностей, что проявляется в моих *предчувствиях*.

Пространство «4» («Сфера действия»). Далее в эстафету вступает действующее Я. О процессах и переживаемых результатах его активности, действующее Я могло бы сказать о себе: «Производится мною». В случае, если выбранная задача имеет решение, а субъект прилагает столько сил, сколько требуется для ее решения, то, в конечном счете, ему дано пережить *предрешенность* успеха (восклицательный знак эмоции «я нашел!» опережает, как известно, интеллектуальную точку в этом процессе). Переживаемая предрешенность успеха в «координатах объекта» есть решенная задача, а в «координатах субъекта» есть то же самое, что и *удовлетворенность собой*.

Пространство «5» («Событийная сфера»⁷⁰). И, вот, наконец, эстафета закончена, финишная ленточка порвана, дальше вступают в действия судьбы, подытоживающего результаты, зрители, приветствующие победителя (или освистывающих побежденного). То, что я, как субъект происходящего, имею теперь, отчуждено от меня, не является мною, существует *вне меня*, однако, по-прежнему, у меня – как часть моего недавнего про-

⁶⁸ Возможности-запросы – это «могу», переживаемое как «хочу». В более ранних работах, мы постулировали соответствие между еще не проверенным «могу» (неосвоенные возможности) и – «хочу» (высоте амбиций соответствует сила желания самопроверки). Здесь мы придерживаемся той же идеи.

⁶⁹ Мы особо выделяем провокативный аспект субъективных возможностей. Иногда, если субъективная невозможность действия или запрет на его выполнение, стимулируют активность. На этом основаны техники провокативной терапии Ф.Фарелли, а также исследованный Бремом феномен привлекательности «запретного плода». В наших экспериментах [66] было показано, что нейтральный объект, если его запретить, становится притягательным (условно говоря, булыжник приобретает вкус).

⁷⁰ «Событийность» здесь фигурирует сразу в двух смыслах: «событие» и «со-бытие» (в Российской психологии категория *со-бытия* всесторонне охарактеризованы В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым).

шлого (похвального или достойного забвения). Здесь я смотрю на достигнутое не только «своими глазами», но и «глазами другого», вижу содеянное изнутри и извне, совмещаю в себе две позиции – субъекта-автора и субъекта-эксперта (последний играет здесь определяющую роль). Для другого человека – это часть воспринимаемого им мира, пространство *вне него и перед ним*.

Теперь можно проложить маршрут за пределы личной активности участника эстафеты, имея дело с последствиями его активности для вовлеченных лиц, и через них – для него самого. Договоримся впредь обозначать субъекта самополагания символом S , а контрагента (партнера) – S^* .

Пространство «б» («Сфера интроектов»). Здесь раскрываются последствия активности S в субъективном мире S^* . Для самого S это пространство контентов, существующих *вне меня и из-за меня* (там отражается то, что исходит *от* субъекта самополагания, S , проникая в партнера, S^*). В то же время *для партнера* S^* – это пространство контентов, существующих *в нем самом и при нем*.

Пространство «7» («Персоносфера»). Присутствуя в других людях, субъект самополагания S может быть источником значимых влияний на них (полезных или разрушительных, развивающих или застопоривающих, содействующих или противодействующих им в их собственных начинаниях). Нельзя исключить и того, что представления, сложившиеся о субъекте S оставляет S^* вполне равнодушным. Имея в виду возможные эффекты идеальной представленности и продолженности человека в человеке, автор, наряду с термином В.Франкла *самотрансценденция*, использует термин *персонализация* (становление «личности»). Поясним, почему. В поисках критерия различения конструктов «личности» и «индивид», было введено представление об отраженной субъектности одного человека в другом, что проявляется в значимых для другого преобразованиях (или подтверждениях) его жизнедеятельности. Невозможно «быть личностью», не соучаствуя в жизненных процессах других людей (В. А. Петровский [67], [70], [72] и др.). Отсюда и название этой сферы – *персоносфера*⁷¹. Эффекты влияния, «личностные вклады» в жизнь других людей, вносимый субъектом самополагания, для него самого существуют в пространстве *вне меня и из-за меня* («нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»), но, ощущая свою ответственность, человек мысленно может «проигрывать» последствия своих воздействий, предугадывая результат (отсюда и иллюзий контроля над последствиями). С позиции же другого лица, S^* , происходящее развивается в его собственном пространстве жизни, существует *внутри него и для него*.

Как уже было сказано только что, правда иными словами, «выходя за пределы себя, то есть, оказываясь в пространствах «5» (*«событийная сфера»*), «б» (*«сфера интроектов»*) и «7» (*«персоносфера»*), человек не может

⁷¹ Первым в психологический лексикон ввел термин «персоносфера» А. В. Петровский [64].

знать достоверно, *как* его оценят другие, *кем* он является для других, *что* он привносит в их жизнь. Всё это предмет моделирования – мысленного предвосхищения, интуитивных прогнозов, предчувствий.

И в этом (нередко, «роковым» для субъекта самополагания) пункте мы оказываемся перед выбором. Первая возможная позиция состоит в том, чтобы проследить эффекты самополагания, развивающиеся в пространствах «5», «6» и «7», полагая при этом, что нам известно *всё необходимое* о том, как S^* он относится к S . Иначе говоря, – что нам известно о степени его заинтересованности в S , о высоте его ожиданий, касающихся S , об уровне контроля над S (мы обозначим перечисленные параметры техническим термином – «настройки»). Знает ли обо всём этом субъект S , нас в данном случае не интересует – мы исследуем лишь то, как в действительности он существует в пространстве жизни другого и за пределами себя самого.

Другая позиция – это взгляд со стороны субъекта S , который *моделирует* в своем воображении «настройки» контрагента и, соответственно, эффекты своего присутствия в мире другого. Драматизм ситуации усиливается, если он никогда не видел и не увидит того, в ком ему, возможно, предстоит «отразиться». Если добавить к этому, что люди представлены в других *опосредовано* – в ком-то «дальнем» через «ближнего» (хотя и «ближние», порою, сродни «дальним»), то можно представить себе, насколько непредсказуемы при таком взгляде бывают последствия собственных действий:

«И может быть в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И в самое сердце проник...»⁷²

Осин Мандельштам, «моделируя» в своих стихах труды переводчика-японца, очевидно, презрел надобность в перекрестной рифме, подчеркивая, тем самым, непереваемость своей поэзии и абсурдность ожиданий, что его стихи, с подачи японца, отзовутся в сердце турка.

Таким образом, принимая вторую возможность, мы, также как и в первом рассмотренном случае, должны абстрагироваться от важных аспектов проблемы, то есть от того, что происходит на самом деле.

Какую позицию предпочесть? С учетом того, что каждая из них, представляя существенный интерес, заключает в себе очевидные ограничения, мы принимаем позицию компромисса. А именно – рассуждаем с позиции субъекта S , *как если бы* он заранее знал обо всех «настройках», присущих контрагенту S^* .

⁷² Я впервые услышал эти стихи еще в школе, их читал и комментировал А.А.Якобсон, наш учитель (я еще вернусь к этому имени). Необычность, по-моему, здесь состоит в том, что *форма* стиха ведет себя «не по правилам» (то есть не совсем по Выготскому): она не «преодолевает», как водится, а как раз, наоборот, напрямую высказывает *содержание*.

«Пространственная» трактовка самополагания субъекта и его взаимоотношений с социальным окружением предоставляет многообразные возможности для понимания и прогнозирования процессов самополагания, позволяя перейти от детализированного качественного (Е.Б. Старовойтенко [115]) к «модельному» количественному подходу в трактовке личностной рефлексии.

Ниже представлена одна из *частных* форм сопряжения пространств личности, позволяющих проследить ближайшие и отдаленные эффекты испытания субъектом своих возможностей:

$$((((1 \rightrightarrows x) \rightrightarrows y) \rightrightarrows z) \rightrightarrows c) \rightrightarrows b) \rightrightarrows a$$

Разберемся в *стрелочках* и *буквах*.

Начнем со *стрелочек*: \rightrightarrows и \leftrightsquigarrow . Они символизируют оператор *метаимпликации* (обобщения «материальной импликации» для рациональных значений переменных на отрезке $[0, 1]$)⁷³. Интуитивный смысл оператора метаимпликации: пусть A – запрос субъекта (компенсирующий недостаток внутреннего ресурса, $I - A$) и B – внешний ресурс; $A \rightrightarrows B$ символизирует меру состоятельности субъекта (реализуемость запроса через внешний ресурс). Иными словами, \rightrightarrows – символ *опоры* («запрос A опирается на ресурс B »). Численно, $A \rightrightarrows B = I - A + A \times B$. Необходимо пояснить смысл этого определения: $I - A$ – это имеющийся внутренний ресурс, а произведение $A \times B$ – означает, что объем приобретаемого извне пропорционален величине внешнего ресурса и силе запроса (максимум – при запросе I и ресурсе I ; если хотя бы одна из этих величин равна 0 , то ничего не присваивается: либо приобрести нечего, либо приобретать незачем). «Развернув» стрелочку, мы меняем местами запрос и внешний ресурс. В этом случае имеем: $A \leftrightsquigarrow B = I - B + B \times A$ (ресурс A реализует запрос B). Заметим, что изогнутая стрелочка – своего рода графический компромисс между обозначениями разными обозначениями материальной импликации « \rightarrow » и « \supset ». Кроме того, здесь вырисовывается аналогия со знаком *включенности* одного множества в другое, « \supset », « \subset ». В нашей статье «Импликация: экспликация имплицитного» (В.А.Петровский [103]) приводятся аргументы, позволяющие рассматривать материальную импликацию « $A \rightarrow B$ » как отношение опосредствования A со стороны B ; бытие B *включено* в число необходимых условий бытия A). Использование нового символа могло бы послужить еще одной цели: вывести материальную импликацию за пределы привычной трактовки «если..., то...». В данном контексте известное своей *приблизительностью* осмысление данной операции по аналогии «если..., то...» было бы едва ли неуместно.

Рассмотрим теперь *символы*:

I – *личный потенциал активности S (пространство I)*,

⁷³ К идее метаимпликации автор пришел, отталкиваясь от «поразрядной импликации», реализуемой на булевых решетках (см. Т. А.Таран [117])

x – стремление *S* (пространство 2),
y – рефлексивный образ имеющихся у *S* возможностей (пространство 3),
z – усилия, мобилизуемые *S* (пространство 4),
c – контроль со стороны *S** над достижениями *S* (пространство 5),
b – избирательность *S** в общении (с ориентацией на успешных людей) в противоположность тотальному приятию (всеприятию) (пространство 6)

a – зависимость *S** от *S* (пространство 7)

Заметим сразу: из определения метаимпликации вытекает возможность упрощения записи. Действительно, $I \Leftrightarrow A = I - I + I \times A = A$, и таким образом мы можем «переписать» модель, приходя к следующей форме:

$((((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow c) \rightarrow b) \rightarrow a$

Попробуем прочесть эту запись (что непросто):

«Стремление *x* опирается на имеющиеся возможности *y*, рождающееся предчувствие достижения опирается на мобилизуемые усилия, *z*, что порождает определенный уровень удовлетворенности собой; далее достижения субъекта подлежат контролю *c* со стороны контрагента, оценка достигнутого, удовлетворяя ожидания партнера *b*, свидетельствует об определенном уровне его принятия партнером, а это, в свою очередь ведет к признанию субъекта со стороны партнера – в зависимости исходной заинтересованности в нем, *a*».

Разумеется, эта длинная фраза не может служить образцом описания происходящего. Она лишь поясняет формальную запись. В символической репрезентации логика «межпространственных переходов» становится обозримой, – надеюсь, оправдывая труд читателя по осмыслению «букв» и «стрелочек».

Сосредоточимся вначале на первых четырех пространствах модели. Перед нами та часть «континента личности», которая была описана нами в терминах «внутреннего» пространства – бытия *во мне*.

Примем во внимание некоторые допущения.

1. Сила стремления актуализировать неосвоенный потенциал возможностей соответствует объему этих возможностей. Тем самым перебрашивается «мостик» между *могу* и *хочу*. Иначе говоря, чем большие возможности я в себе ощущаю, тем сильнее я хочу их проверить. Если же эти возможности невелики, то и желание, соответственно, невелико.

2. Субъект рефлектирует себя, – имеет дело с образом себя в рефлексии. Иначе говоря, обладая внутренним миром, он, «как в зеркале», видит себя, осознавая свои желания и возможности. Принимаем более сильное, чем общепринятое, положение о том, что его (субъекта) рефлексивный двойник – не просто «отблеск», но существо, обладающее такими же желаниями и возможностями. Ранее мы отмечали, что субъективные возможности подразделяются на две категории: «во мне и при мне» («предсознательные» – пространство «2») и «имеющиеся у меня» («осознанные» – пространство «3»). Теперь мы подчеркиваем преемственный характер того,

что есть у меня, по отношению к тому, что есть во мне. Возможности, «существующие *при мне*», до-рефлексивны. В рефлексии они выступают как возможности, «существующие *у меня*». Различаясь *качественно* (пред-сознательное / сознательное), они равны друг другу *количественно* (рис. 21).

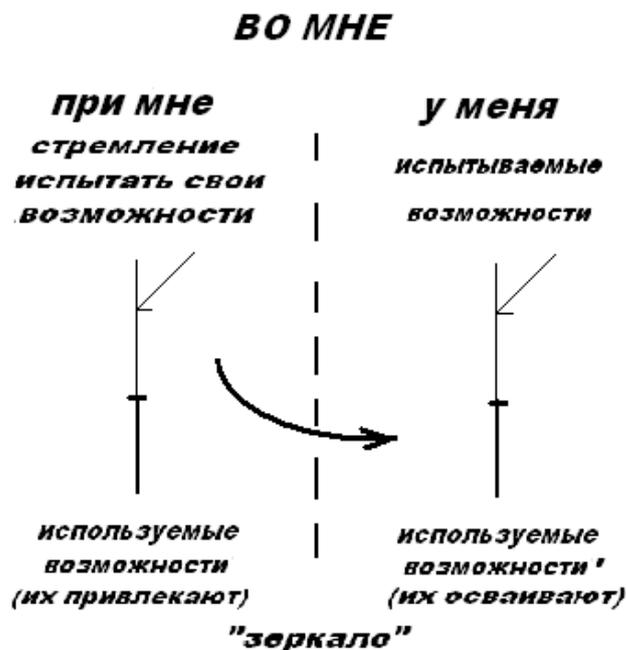

Рис. 21

Такое предположение кажется возможным, в случае, если речь идет о психическом воспроизводстве, копирующем информационные и другие свойства отражаемого (в частности, эмоциональные переживания). Сходное допущение принимается В. А. Лефевром, в его рефлексивной теории [40]. В этой теории субъект S строит образ себя S' , тот, в свою очередь, способен также строить образ себя S'' и т. д. Будем считать, что этим дублирующим друг друга существам свойственна «плоть» – энергия и информации, образующие динамический материал и форму испытываемых и используемых возможностей⁷⁴.

3. В процессе самоактуализации субъект опирается на копию-эквивалент (живой образ, «клон») опорных возможностей, возвращаемых ему зеркальным двойником-партнером. На рис. 20 и 21 это символизировано изогнутой стрелкой.

4. Субъекту удастся, на том или ином уровне, *пережить* возможность осуществления своих желаний. Мы описываем это состояние как *не-*

⁷⁴ Считаю важным подчеркнуть, в этой связи, что здесь мы ступаем на неосвоенную пока территорию *транзакций с неубывающим ресурсом*. Использование информации, поставляемой контрагентом, не ведет в данном случае к уменьшению его ресурса. Действительно, информации – необычный «товар», ее стоимость не определяется редкостью. В этой области действует правило: «Что сбережешь, то потеряешь, что отдашь, то сбережешь» (мысль, чувство).

реживание достижимости желаемого (при этом некоторая часть неосвоенных возможностей может остаться не востребованной – это, своего рода, запас на будущее⁷⁵ (рис. 22).

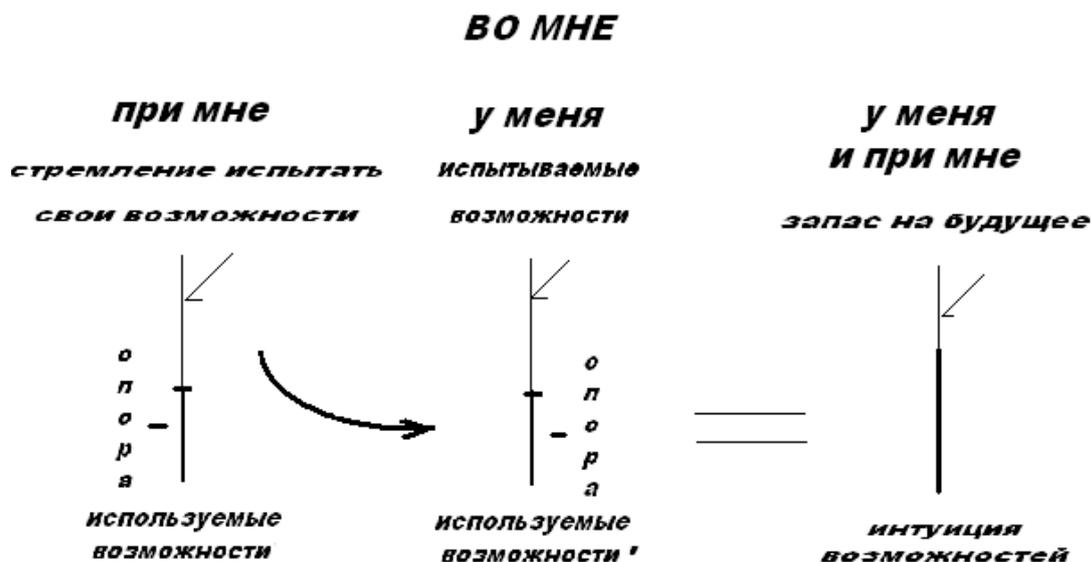

Рис. 22

В некоторых случаях, переживая свою дееспособность, субъект *принимает желаемое за действительное* – на рис. 3 изображена именно такая ситуация. В такие мгновения сбывается то, что мы интуитивно понимаем под «самоактуализацией»: человек чувствует свою состоятельность, единство «хочу» и «могу». Самоактуализация, согласно А.Маслоу, есть стремление человека стать тем, кем он может стать (Maslow, [137]).

Психолого-математическая задача заключается в том, чтобы определить, какими должны быть устремления субъекта, чтобы его удовлетворенность собой соответствовала им по уровню («была на уровне устремлений», если воспользоваться приведенной нами ранее формулировкой)?

Будем пока различать два аспекта состоятельности человека: *уровень предчувствий (интуиция возможностей)* и *уровень достижений*. Соответственно, разрабатываем две модели самополагания: *модель самоактуализации* и *модель самореализации*.

При разработке первой модели нас будет интересовать вопрос о том, насколько велико должно быть стремление к самоактуализации, чтобы оно воплощалось в адекватное ему по уровню предчувствие успеха. Очевидно, что речь идет о субъективной состоятельности, мере соответствия между стремлением осуществить себя («хочу») и переживаемой дееспособностью («могу», «смогу»⁷⁶).

⁷⁵ Мы рассматриваем этот аспект проблемы в статье [68].

⁷⁶ Нам кажется удачным предложенный К.С.Лисецким термин «смогу» (а не просто «могу») подчеркивающий несомненность благоприятного исхода самоиспытания [46].

При разработке другой модели, мы исходили из вопроса о том, при каких условиях достижения субъекта будут на уровне его устремлений.

Введем некоторые дополнительные символы и допущения, общие для обеих моделей (см. также рис. 4):

1) $w_{\text{САМОАКТУАЛИЗАЦИИ}} = x \Leftrightarrow y = \text{интуиция возможностей}$ – это показатель состоятельности субъекта w (от «well-being» – благополучие) на ступени самоактуализации. Опираясь на субъективно имеющиеся возможности, y , субъект стремится испытать еще неосвоенные им возможности, x , что и символизируется «стрелочкой» импликации (напомним, что сила стремления отвечает объему испытываемых возможностей). В результате рождается интуитивное предчувствие-предвосхищение позитивного или негативного исхода попыток этой «пробы себя».

2) $y = I - x$. Это условие означает, что испытываемые и используемые возможности дополнительны друг другу; таким образом, одна часть субъективного потенциала активности (испытываемые возможности, x , опирается на другую (используемые возможности, $I - x$). Мы уже отмечали это условие, говоря о «зеркальности» используемых возможностей («во мне» и «у меня»). Подчеркиваем, что это условие предполагается выполнимым для класса ситуаций, в которых человек решает задачу испытания своих возможностей.

Состоятельность самоактуализации: интуиция возможностей. В этой модели представлена левая «часть» мега-пространства личности, включающая в себя два элемента (фактически, их – три; но мы используем сокращенную запись, так как в крайнем слева ее фрагменте фигурирует форма $I \Leftrightarrow x = x$). Итак, речь идет о фрагменте

$$w = (x \Leftrightarrow y) \\ \text{самоакт}$$

Сама же модель состоятельности субъекта в данном случае определяется тем, что интуитивное предвосхищение благоприятного исхода попыток (мы говорим о нём – «интуиция возможностей») соответствует уровню устремлений, $w_{\text{САМОАКТ}} = x$ («могу, что хочу»). Заметим, что это равенство аналогично определенному В.А.Лефевром условию *интенциональности* выборов [40]. Кроме того, $y = I - x$ – таково принятое выше условие дополнительности испытываемых возможностей x и используемых возможностей y ⁷⁷.

$$w = x \Leftrightarrow y = x \Leftrightarrow (I - x) = x$$

Итак, необходимо найти x в уравнении:

$$x \Leftrightarrow (I - x) = I - x + x \times (I - x) = x$$

⁷⁷ Принципиально важное для некоторого класса ситуаций условие *дополнительности* стремлений по отношению к опорным ресурсам было сформулировано нами в ряде работ (В. А. Петровский [103], [104] и др.).

Раскрывая скобки и совершая элементарные преобразования, приходим к равенству:

$$x + x^2 = 1,$$

из чего следует, $x = 0,617$ («золотое сечение»).

Эмпирически, тенденция к самоактуализации изучалась нами в ситуации, получившей название «задача по вкусу». Мы предлагали испытуемым (50 человек) описывать свои мысли и чувства, возникающие при решении задач, которые они сами считают для себя наиболее подходящими и интересными для себя («Представьте, что речь идет о задаче, наиболее полно отвечающей Вашим вкусам, склонностям и интересам»).

Предполагалось, что именно в данных условиях актуализируется стремление испытуемых к самоактуализации и переживание возможности его воплотить, решая задачу, – предчувствие успеха.

Принимаются две гипотезы, вытекающие из теоретической модели:

Гипотеза 1: при решении «задачи по вкусу» испытуемые обнаруживают силу стремления к решению задачи на уровне «золотого сечения» (0,617);

Гипотеза 2: при решении «задачи по вкусу» испытуемые предчувствуют успех в соответствии с расчетным уровнем стремления к успеху: $w_{sub} = (0,617 \Leftrightarrow (1 - 0,617)) = x = 0,617$.

Было отобрано 8 вопросов, на которые должны были ответить испытуемые, оценивая свои состояния, возникающие в процессе решения «задачи по вкусу»⁷⁸. Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко – часто», отвечая на общий вопрос: «Как часто, при решении задачи, Вы:

1. Перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)?
2. Считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как был наталкивающий на открытие)?
3. Исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся Вам сомнительными?
4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)?
5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе?
6. Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)?

⁷⁸ Мы опускаем вводную инструкцию и описание процесса выбора испытуемыми «задачи по вкусу». В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры {интенция, предчувствие, прогноз}. В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопроса 7) (человек «в тупике») и вопроса 4) (человек «ищет соломинку»).

7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности?
8. Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно?

В ходе специальной обработки материала (модель определяется присутствием трех переменных: стремления, предчувствия, прогноз в каждом из восьми высказываниях в разных сочетаниях) выявлялся уровень субъективно продуцируемых импульсов к активному действию (сила стремления к самоактуализации, x^*), опорные возможности самоактуализации ($1 - x^*$), уровень предчувствуемого успеха $w^*_{САМОАКТ}$, резервные возможности ($1 - w^*_{САМОАКТ}$) (эмпирические величины, в отличие от расчетных, помечаем звездочкой (*) справа вверху над символом).

Рассмотрим каждую из фиксируемых переменных подробнее.

x^* – сила стремления к самоактуализации (стремления испытать свои себя, свои возможности). Исходим из того, что она характеризуется частотой активных попыток решения в процессе работы над задачей, то есть тем, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны предпринимать попытки решения вместо отказа от них.

Итак, показатель силы стремления произведен от частоты переживания таких состояний (в скобках – номера вопросов): «защита от сомнений» (вопрос №1); «скептицизм» (вопрос №3); «уверенность» (вопрос №5); «надежда умирает последней» (вопрос №8). *Сила стремления*, $x^* = f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Соответственно, оцениваются внутренние **опорные возможности** продвижения к успеху, используемые как ресурс в поддержку активным силам, мобилизуемых для достижения. Объем *опорных возможностей* продвижения к успеху, $1 - x^*$, представляют собой сумму: f_2 (ставка на судьбу – «везение») + f_4 (ставка на чудо – «солминка») + f_6 (ставка на «мудрость природы» – «всё образуется») + f_7 (провокация беспомощностью – «ну что, слабó?»)⁷⁹.

Тем же путем подсчитывается показатель **сила предчувствия**, определяемый состояниями: «защита от сомнений» (вопрос №1), «везение» (вопрос №2), «уверенность» (вопрос №5), «всё образуется» (вопрос №6). *Сила предчувствия* = $f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Подтверждаются ли сформулированные выше гипотезы 1 и 2?

Согласно *первой* гипотезе, сила стремления испытуемых к решению задачи по вкусу должна соответствовать «золотому сечению» (0,617). Вычисляя x^* , имеем:

$$x^* = 0,617 \approx x = 0,617 (p < 0,05) \text{ (первая гипотеза подтверждается)}$$

Согласно *второй* гипотезе, испытуемые предчувствуют успех в соответствии с расчетным уровнем стремления к самоактуализации: $w_{САМОАКТ} = (0,617 \Leftrightarrow (1 - 0,617)) = x = 0,617$.

⁷⁹ Нижние индексы при f здесь и везде далее маркируют номера вопросов.

Вычисляя $w^*_{САМОАКТ}$, имеем:

$$w^*_{САМОАКТ} = f_1 + f_2 + f_5 + f_6 = 0,597$$

При этом расчетный уровень предчувствий,

$$w_{САМОАКТ} = x^* \Leftrightarrow (1-x^*) = 0,617 \Leftrightarrow 0,383 = 0,617.$$

и, таким образом, $w^*_{САМОАКТ} \approx w_{САМОАКТ}$ ($p < 0,05$) (вторая гипотеза подтверждается).

Отметим, что в данном исследовании мы не имели дело с реальным уровнем трудности «задач по вкусу» и, соответственно, с переживанием успеха в результате решения. Однако допустимо предположить, что рано или поздно субъект переходит на этап *проверки* переживаемой дееспособности, – действуя во внешнем плане, он доказывает оправданность того, что чувствует (см. рис. 3), или, возможно, оспаривает свои ощущения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Состоятельность самореализации: уровень достижений. Здесь также представлена левая часть сопряженных пространств, но в ней уже три элемента – добавлен символ *усилий*, z :

$$w = ((x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z)$$

самореал

Здесь $w_{САМОРЕАЛ}$ – уровень фактических достижений, сопровождаемых чувством благополучия (той или иной степени). Другой возможный термин для обозначения состоятельности самореализации – «самоэффективность» (Ф. Бандура [32]).

Базовый вопрос заключается в том, какими должны быть *испытываемые* возможности, чтобы они, благодаря усилиям субъекта в некоторой ситуации, выступили перед ним как *объективные* возможности достижения желаемого.

Введем и обозначим некоторые новые понятия:

- ω – наличие шанса осуществить стремление. *Наличие* шанса мы отличаем от *величины* шанса, то есть *вероятности*. Нет шанса доказать пятый постулат Эвклида, построить вечный двигатель, осуществить квадратуру круга. Те, кто посвящал этому жизнь, были обречены на страдания или сумасшествие. Между тем, есть шанс, что монета при случайном подбрасывании, выпадет 100 раз подряд решкой. Вероятность этого события (величина шанса) ничтожна. Однако *наличие* шанса в данном случае *абсолютно* («вершитель судеб» подбрасываемых монеток запас для себя этот шанс). В отличие от вероятности p , способной принимать любые значения на отрезке $[0, 1]$, *наличие* шанса, s , может принимать только два значения: либо $\omega = 0$ (задача неразрешима, стремление не может быть удовлетворено ни при каких условиях), либо $\omega = 1$ (задача разрешима, существует некоторый шанс реализовать устремление).

- $z = z^* \times \omega$ – *рабочие усилия* субъекта, необходимые и достаточные для решения задачи. Разумеется, эти усилия имеют смысл, тогда, когда за-

дача имеет решение. Усилия z^* – мы называем *полезными* усилиями по решению задачи, если $\omega = 1$ (наличествует шанс решения), и – *бесполезными* усилиями, если $\omega = 0$ (задача не имеет решения); z – рациональное число, принадлежащее отрезку $[0, 1]$. Как видим, рабочие усилия и полезные усилия представляют собой одно и то же усилие при наличии шанса решения задачи, $z = z^* \times \omega = z^*$, а при отсутствии такого шанса, они равны друг другу только тогда, когда субъект отказывается от бесполезных усилий (то есть при $z^* = 0$).

Принимаем следующие допущения:

1) Объем усилий z ($= z^*$), выделяемых на выполнение задачи, в том случае, если она имеет решение, пропорционален реальной сложности задачи. Чем проще задача, тем меньше необходимая для ее решения энергия z , чем сложнее – тем больше энергетических затрат. Нелишне подчеркнуть, что z^* , в отличие от x , характеризует объективные, а не субъективные усилия. И в этом смысле z^* зависит не от того, существует или нет, с точки зрения субъекта, решение на выбранном пути, а от того, существует или нет объективно шанс решения. Сама по себе оптимистичность или пессимистичность прогнозов здесь не играет роли.

2) $w_{\text{САМОРЕАЛ.}} = w_{\text{САМОАКТ.}} \Leftrightarrow z = (x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z$. Это значит, что фактический уровень самореализации представляет собой результат двухступенчатой импликации: «Мои стремления, x , опираются на присущие мне возможности, y , что порождает мои предчувствия, w_{sub} ; а они, в свою очередь, опираются на усилия, z , объективно требуемые реализации устремлений, что и обуславливает определенный уровень достижений»⁸⁰.

⁸⁰ Форма двухступенчатая импликация (для четких значений переменных x, y, z, w), фигурирующая в данной работе, обязана своим происхождением автору рефлексивной теории, В. А. Лефевру. В. А. Лефевр исследует условие соответствие между *интенцией* к действию (она *субъективна*) и *готовностью* к нему (она *объективна*). Отсюда и определение «реализма» («интенциональных выборов»): уровень готовности к биполярному выбору равен уровню интенции субъекта (к чему субъективно склоняюсь, к тому и готов объективно). Интенциональному выбору соответствовала бы импликативная конструкция $x = (x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z^*$: готовность к действию определяется стремлениями, предчувствиями и усилиями, которые я готов вложить в дело (независимо от того, принесет ли мне оно успех или нет). Однако, мы включаем в формулу состоятельности символ z вместо z^* , так нас интересует достижения субъекта в результате решения задачи.

Итак, сохраняя импликативную форму, мы наполняем ее иным *содержанием*. В контексте исследования самоактуализации, рассматриваем условия *состоятельности* стремлений. «Состоятельность» – уровень обретаемого благополучия (подробнее – см. [104], [106]). На основе критерия состоятельности, можно описать феномены *сверхсостоятельности* (достигаю большего, чем запрашиваю), *собственно* состоятельности (что запрашиваю, то обретаю) и *несостоятельности* субъекта (достигаю меньше, чем запрашиваю). Таким образом, можно говорить об адекватном, завышенном и заниженном уровнях состоятельности. В частности, если я ничего не запрашиваю (ни к чему не стремлюсь), я чувствую себя, как говорят, «нормально» (адекватный уровень состоятельности) даже в тех случаях, когда отсутствует какие-либо внутренние и внешние ресурсы, на которые я мог бы, в случае необходимости, опереться. В том случае, когда я имею максимальный запрос, я могу быть состоятельным или несостоятельным в зависимости от величины имеющейся поддержки. В частности, уровень состоятельности может быть сведен к нулю, если максимальный запрос «разбивается» о несуществующий внешний ресурс.

3) $z = 1 - w_{САМОАКТ}$. Это условие означает, что субъект опирается на усилия z , компенсирующие дефицит его предчувствий $w_{САМОАКТ}$. Принятие этого условия подразумевает возможность свободного выбора субъектом задач, решение которых необходимо ему и достаточно для реализации собственных устремлений.

Сущность предлагаемой модели самореализация определяется равенством

$$x = w_{САМОРЕАЛ.} = w_{САМОАКТ} \Leftrightarrow z = (x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z \text{ (см. рис. 4).}$$

Исходя из принятых допущений, найдем решение поставленной выше задачи (установить условия, при которых уровень собственных достижений соответствует уровню устремлений). Таким образом, необходимо определить x, y, z в системе уравнений (см. рис. 4).

$$\begin{aligned} (x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z &= x \\ y &= 1 - x \\ z &= 1 - (x \Leftrightarrow y), \end{aligned}$$

из чего следует:

$$\begin{aligned} (x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z &= (x \Leftrightarrow (1-x)) \Leftrightarrow x^2 = (1-x^2) \Leftrightarrow x^2 = x, \\ x^2 + (1-x^2) \times x^2 &= x \\ 2x^2 - x^4 - x &= 0 \end{aligned}$$

Найдем все действительные корни этого уравнения:

- $x_1 = 0,617$ («золотое сечение»), $y_1 = 0,382$, $z_1 = 0,382$, $w_1 = 0,617$.

Проверим: $(0,617 \Leftrightarrow 0,382) \Leftrightarrow 0,38 = 0,617 \Leftrightarrow 0,382 = 0,617$

- $x_2 = 1$, $y_2 = 0$, $z_2 = 1$, $w_2 = 1$.

Проверим: $(1 \Leftrightarrow 0) \Leftrightarrow 1 = 1$

- $x_3 = 0$, $y_3 = 1$, $z_3 = 0$, $w_3 = 0$.

Проверим: $(0 \Leftrightarrow 1) \Leftrightarrow 0 = 1 \Leftrightarrow 0 = 0$

Первая тройка решений $(0,617; 0,382; 0,382)$ характеризует такую форму самореализации, которую можно назвать *самоподтверждением*.

Вторая тройка $(1; 0; 1)$ – *самоутверждение*.

Третья – *самоустранение* $(0; 1; 0)$ ⁸¹ (см. рис. 23; размеры букв символизируют количественные отношения между переменными):

⁸¹ В психологической литературе данная форма поведения получила название «прокрестинация». Есть основание полагать, что феноменологическая пассивность, «надситуативная пассивность» (Ф. Е. Василюк [17]) есть проявление «активности» особого субъекта, которого М. В. Бороденко описывает как «субъекта бездействия».

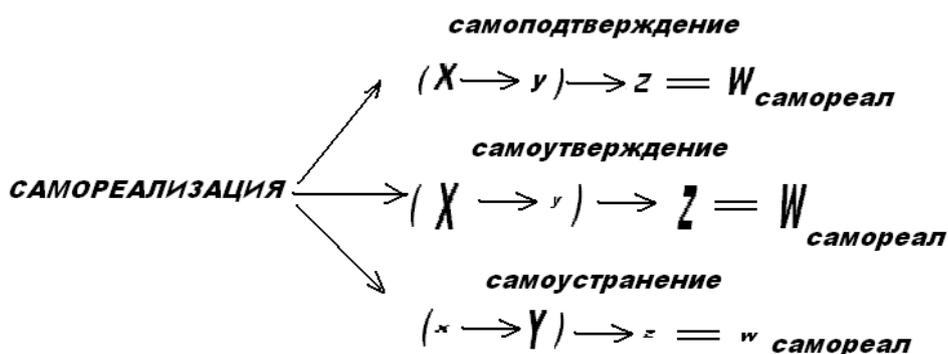

Рис. 23

Тенденция самореализации рассматривалась нами на материале исследований уровня притязаний личности. В поле нашего зрения – эмпирические данные, полученные другими авторами (начиная с исследований Норре Ф. [136]), богатая традиция исследований мотивации достижения, отраженная в фундаментальной монографии Х.Хекхаузена [127]. Общеизвестно, что определяющую роль в формировании гипотез и построения экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном [127], полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых. Согласно модели, одни из них должны предпочитать, скорее, задачи среднего уровня трудности, а другие – выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи. Модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов (см. [127]). Настоящим камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные, скорее, успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний* уровень трудности задачи (0,5), как предсказывала модель Аткинсона, а *повышенный* уровень трудности задач, вероятность решения которых находилась в диапазоне (0,3 – 0,4). Трудность избираемых задач, соответственно, оказывается в интервале (0,6 – 0,7).

Согласно нашей модели, именно в этом диапазоне трудности облюбовывают для себя задачу люди, *подтверждающие себя*, интуитивную оценку своих возможностей ($x_1 = 0,617, y_1 = 0,382, z_1 = 0,38, w_1 = 0,617$) И мы можем предсказать «центр» их предпочтений: 0,62 – «золотое сечение».

Но существуют, как мы помним, и другие варианты решения системы уравнений состоятельности:

Самоутверждающиеся люди выбирают сверхтрудные задачи, и, преодолевая себя (страх неудачи, дурные предчувствия), мобилизуют максимальные возможные усилия, чтобы решить задачу; если задача имеет решение, $c = 1$, то они, в конечном счете, способны решить ее, испытывая максимум возможного удовлетворения и достигая, таким образом, того, к чему стремятся ($x_2 = 1, y_2 = 0, z_2 = 1, w_2 = 1$)⁸².

⁸² Я уже цитировал слова А. А. Якобсона, литератора, учителя 2 физико-математической школы, сказанные о Б. Л. Пастернаке: «Раннего Пастернака я люблю так, что невозможно любить больше. А позднего – еще больше. *Через невозможное*».

Люди, использующие стратегию *самоустранения* (неуверенные в себе испытуемые) защищаются от ситуации самотестирования. Стремясь преодолеть свою неуверенность, они выбирают легкие задания. Вполне довольствуясь своими предчувствиями («вот-вот решу»), они ничего при этом не достигают, даже если задача имеет решение ($x_3 = 0, y_3 = 1, z_3 = 0, w_3 = 0$).

Можно убедиться в том, что стратегия «золотого сечения» обеспечивает решение двуединой задачи – адекватной самоактуализации (сила стремления испытать себя соответствует предчувствию успеха) и адекватной самореализации (силе такого стремления соответствует высота обретаемого благополучия): $x = w_{САМОАКТ.} = w_{САМОРЕАЛ.} = 0,617$. В других случаях имеет место расхождение между субъективным и объективным уровнями благополучия. По одну сторону – феномены надситуативной активности: «очертя голову в омут (авось выплыву)», «лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном», «не будешь покойник – будешь полковник», «поэзия вся – езда в незнаемое» и др. – *принцип активной неадаптивности* (В.А.Петровский [80], [82]). По другую – феномены «надситуативной пассивности»: «меньше знаешь, крепче спишь», «прежде чем дать подзатыльник, посмотри, чей затылок» (японская пословица) и т. д. и т. п. – всепобедительный принцип не-деяния.

Модель самореализации, как видим, «вбирает» в себя модель самоактуализации, но расширяет ее границы. Самоактуализирующийся субъект переживает единство или раскол между «хочу, что могу» (стремление «высвоить» потенциальные возможности) и – «могу, что хочу» (переживание состоятельности своих устремлений). Самореализующийся субъект *подтверждает* себя, поверяя свои предчувствия делом, *утверждает* себя, балансируя на границе возможного, или *уходит* в себя, хоронясь от дел и испытывая двойственные чувства защищенности и уязвимости.

Охарактеризуем кратко расширенную модель самополагания, включающую в себя модели *самопрезентации, самотрансляции и самотрансценденции*.

Состоятельность самопрезентации: успешность в глазах другого. «Саморепрезентация» – это еще одна форма самополагания. Не просто устремления и усилия в направлении решения задачи, но еще и особое действие, которое можно назвать, вслед за Альбертом Бандурой, «открытым поведением». Мы имеем в виду активность, результаты которого существуют на виду у других людей, хотя сам процесс может быть скрыт⁸³. Состоятельность самопрезентации – это переживаемая успешность осуществленного акта; автор действия как бы смотрит на себя со стороны, с позиции партнера, оценивающего результаты его достижений:

⁸³ Контраст между результатами действия и процессами, приводящими к результату, замечательно описывается Стефаном Цвейгом в книге «Лев Толстой».

$$w_{\text{самопрезент}} = (((x \ni y) \ni z) \ni c)$$

Для того, чтобы пояснить, как «работает» эта запись, нам достаточно рассмотреть два случая: $c = 0$ и $c = 1$ (напомним, что c – это уровень контроля со стороны партнера над результатами совершенного действия).

В первом случае, при любом значении выражения справа от c (то есть при любых значениях уровня достигнутого, $w_{\text{САМОРЕАЛ}}$), субъект S оценивается партнером одинаково высоко: «приемлемо всё» (позиция попустительства).

Во втором случае, при любом значении выражения справа от c (при любых значениях уровня достигнутого, $w_{\text{САМОРЕАЛ}}$), оценка действий субъекта со стороны его партнера совпадает с результатами собственного восприятия достигнутого. В этом смысле строгость эксперта есть гарантия адекватности переживаемых достижений внешним оценкам успешности. Иначе говоря, «чем строже контроль, тем меньше оснований считать, что меня недооценивают или переоценивают». Это соответствует педагогическому девизу (хорошо подкрепленному экспериментальными исследованиями): «Оценивайте не личность в целом, а поступки, конкретные действия».

Но это, в свою очередь, значит, что, при строгости экспертной позиции, оценка собственной успешности с позиции другого соответствует уровню собственных устремлений субъекта (если, конечно, его достижения адекватны его устремлениям), и таким образом прослеживается сквозное равенство:

$$x (\text{устремления}) = w_{\text{САМОАКТ}} = w_{\text{САМОРЕАЛ}} = w_{\text{САМОПРЕЗЕНТ}}$$

Состоятельность самотрансляции: «Меня принимают». Следуя далее за субъектом S , мы вместе с ним покидаем «событийную сферу», то есть пространство непосредственных контактов с партнером, и погружаемся в пространство жизни партнера; мы говорили, что это пространство инобытия человека в другом человеке. Цепочка сопряженных пространств здесь длиннее, к ней приращивается еще один элемент – b . Напомним, что b – избирательность в общении (с ориентацией на успешных людей).

Итак, перед нами то, что мы именуем «состоятельностью самотрансляции», $w_{\text{САМОТРАНСЛ.}}$:

$$w_{\text{самотрансл}} = (((x \ni y) \ni z) \ni c) \ni b)$$

Продолжая рассматривать конспективно правую часть модели, мы, как и ранее, не исследуем здесь все необходимые допущения и возможные решения уравнения $w_{\text{САМОТРАНСЛ.}} = x$. Однако, в порядке иллюстрации, обратимся к двум случаям:

$b = 0$ («Приветствую всех») и $b = 1$ («Привечаю только успешных»).

Очевидно, что в первом случае будет ощущаться принятие со стороны партнера независимо от того, насколько, в его глазах, ты сам успешен

(именно это чувствуют клиенты на сеансах личностно-центрированного психолога): $w_{\text{САМОТРАНСЛ.}} = w_{\text{САМОПРЕЗ}} \Leftrightarrow 0 = 1$.

Во втором случае, то есть при высоких стандартах отбора партнеров, только немногие из них чувствуют себя принятыми: $w_{\text{САМОТРАНСЛ.}} = w_{\text{САМОПРЕЗ}} \Leftrightarrow 1 = 1$. Это касается тех, кто ранее добился успеха или испытал иллюзию успеха (в случае снисходительного отношения партнера к его достижениям). Из этого следует, в частности, следует, что людям, избегающим решения сложных задач («самоустраивающимся»), не удастся завоевать себе место в жизни такого партнера, если тот строг в оценке их достижений. Отсюда и тактика «проникновения»: «Будьте ко мне снисходительны!..» Или: «О Вас говорят, что Вы – сноб.... Неужели?!..»

Состоятельность самотрансценденции: чувство востребованности. В фокусе внимания теперь – крайний правый элемент мегапространства личности – мера необходимости в том, чтобы S был включен в орбиту интересов S^* . Кратко, это зависимость S^* от S (символ a). Таким образом, мы прослеживаем эффекты «дальнодействия» субъекта за пределами собственного бытия, образующие его персоносферу. Исследуем то, что может быть обозначено как *состоятельность самотрансценденции*. Это значит – готовность поддерживать партнера, соблюдая суверенность его границ; что, в свою очередь, означает: поддерживать там и тогда, где и когда в этом реально нуждается его партнер. В этом случае, говорим мы, партнер способен признать в другом личность – уважая его «не включенность», когда в этом нет нужды, и участие, когда необходимость в поддержке существует. «Чувство востребованности» состоит в том, что я знаю: мне не придется искать возможность быть полезным другому; когда надо – меня позовут. Имеем:

$$w_{\text{самотрансц}} = (((x \Leftrightarrow y) \Leftrightarrow z) \Leftrightarrow c) \Leftrightarrow b) \Leftrightarrow a$$

Так же, как и в двух предшествующих случаях, мы не освещаем формальные условия и все решения уравнения $w_{\text{ПЕРСОН}} = x$, а рассматриваем лишь некоторые примеры-иллюстрации работы модели.

Положим, партнер вполне независим от меня, $a = 0$. В этом случае он способен признать меня, независимо от того, принимает ли он меня лично или нет (уровень принятия может быть любым)⁸⁴:

$$w_{\text{САМОТРАНСЦ.}} = w_{\text{САМОТРАНСЛ.}} \Leftrightarrow 0 = 1.$$

⁸⁴ В известных работах В. В. Столина [116] методом многомерного шкалирования показано, что эмоциональная привлекательность, уважительное отношение и готовность сотрудничать с другим человеком (и, как выяснилось, во взаимоотношениях индивидуума с самим собой) образуют независимые психологические измерения. «Принятие», на наш взгляд, являя собой многообразные варианты комбинаций этих факторов, включает в себе однако особое качество, не сводимое ни к одному из них: переживание *присутствия* другого во мне, неотчуждаемости его от меня. Известно, что потеря близкого может создавать ощущение вакуума в мире, как если бы мир уменьшился; депрессивная реакция – чувство того, что собственного «я» уменьшено, а то и разрушено.

Но в том случае, когда партнер нуждается нас, то есть когда $a = I$, чувство востребованности, которое мы испытываем, определяется тем, насколько мы способны «быть рядом», соучаствуя в его процессах:

$$w_{\text{САМОТРАНСЦ}} = w_{\text{САМОТРАНСЛ}} \Leftrightarrow I = w_{\text{САМОТРАНСЛ}}$$

Подведем **итоги**.

Могут быть выделены семь пространств (семь сфер) существования личности:

- *Во мне и со мной (сфера предсуществующего)*
- *Во мне и при мне (сфера дорефлексивной чувственности)*
- *Во мне – у меня (сфера самосознания)*
- *Мною и мне (сфера действия)*
- *Вне меня – у меня (со-бытийная сфера)*
- *Вне меня – от меня (сфера интродуктов)*
- *Вне меня – из-за меня (персоносфера)*

Стремление человека испытать себя, свои возможности, проявляется в актах самополагания. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать (воплотить) свои возможности.

Величина и качество объективируемых возможностей образует то, что мы называем *состоятельностью*. Волна самополагания развивается в семи выделенных пространствах личности, и соответственно, могут быть описаны:

- состоятельность *самоактуализации* (самополагание здесь захватывает первые три пространства, в процессе чего рождается чувство «смогу», интуиция возможностей)
- состоятельность *самореализации* (достижение желаемого – «я смог»)
- состоятельность *самопрезентации* (успешность в глазах другого)
- состоятельность *самотрансляции* («меня принимают»)
- состоятельность *самотрансценденции* (чувство собственной востребованности).

Предложена психолого-математическая модель, позволяющая прогнозировать состоятельность человека в разных сферах самополагания.

Эмпирические данные, полученные автором, а также другими исследователями, подтверждают модель состоятельности самоактуализации и состоятельности самореализации. Приводимые характеристики состоятельности человека в сфере самопрезентации, самотрансляции, самотрансценденции – имеют иллюстративный характер.

Вне нашего рассмотрения остаются контенты *границ* сопредельных сфер. На наш взгляд, это захватывающе интересная тема исследований. Действительно: каков онтологический статус «границ»? не является ли граница *сама по себе* побудителем активности к ее переходу? не замкнута ли модель мега-пространства «на себя», смыкая, подобно модели сферической Вселенной, контенты «во мне и со мной» с контентами «вне меня и из-за меня»? Один из этих вопросов, контурно, на другом материале был

затронут нами ранее (см. В. А. Петровский [105]). Другие вопросы требуют специального обсуждения.

ГЛАВА 14

Булева модель смысловых миров

*«Послушайте!
Ведь если звезды зажигают,
значит, это кому-то нужно!..»
В. В Маяковский*

Смыслы и ноумены. Эпиграф к главе выражает одну из «логик» смыслопонимания мира. Я приведу стихи раннего Маяковского полностью.

Послушайте!

*Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"*

*Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают -
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!*

В чем состоит, в данном случае, модель смыслопостроения мира? Очевидно, что *смысл* зажигающихся звезд здесь не только в том, что они *значимы* для человека, что они затрагивают его лично, что они привносят что-то в отношения с другими, что они вселяют надежды и т. д., – не только в этом... Да, безусловно, здесь есть то, о чем Д. А. Леонтьев [38] говорит как о системном качестве, именно *так* понимая смысл; я солидарен с ним в этом. Но здесь есть и *обратная* зависимость. Сами они – звезды – «звездное небо над головой» (тут уж как-то Кант вспоминается) зависят от человека, от его чувств, помыслов, чаяний, «морального закона внутри». Как если бы отсутствие любящих на Земле было способно упразднить само существования звезд на небосводе.

Проще всего, было бы сказать, что это «поэтическое преувеличение». Но, тем не менее, подобное мировосприятие не является прерогативой поэзии. Я мог бы обратить ваши взоры к философским, психотерапевтическим и психологическим системам, в которых присутствует такой взгляд.

О каждом из предметов этого мира (будь то вещь, процесс, событие, мысль, отношение, взгляд, действие, etc) человек может высказать три суждения.

Первое из них – о том, насколько значим данный предмет для него (затрагивает ли его интересы или нет, занимает ли какое-нибудь место в его жизни или в стороне от нее, играет ли какую-нибудь важную роль или совсем неважен и т. п.). Таким образом, это суждения, сфокусированные на *личностном смысле* объекта.

Личностный смысл объекта – это не то же самое, что коннотат. Это – не отношение к объекту. Это обращенность объекта к субъекту. Например, звезды, что зажигаются ночью, поддерживают меня, избавляя меня от «беззвездной муки». Это их, своего рода, «миссия». Это не «значение для меня». Это – «*предназначение*».

Второе из рассматриваемых суждений касается самого существования предмета (действительно ли он присутствует в мире, или, может быть, это плод фантазии, конструкт мышления, желаемое, но не реальное и т. п.). Это суждения, предметом которых является истинность бытия предмета в мире, его существование как *ноумена* (умопостигаемого объекта).

Ноумен – это не то же самое, что денотат. Знак указывает на денотат пальцем: вот он. Денотат, согласно Моррису, часть знаковой ситуации. Ноумен нечто большее, чем денотат. Он не дан нам непосредственно. Он входит в знаковую ситуацию, но не тождествен своей «видимой части». Например, «судьба», «время», «счастье» суть ноумены, хотя, «промельками», они даны нам денотативно.

Ноуменальность объекта означает признание того, что он обладает сущностью, что в нем спрятано проступающее во вне основание его существования. Мы говорим, что ноумен объекта *есть*, то есть присутствует в мире, если этот объект не есть *мираж*, не есть просто *видимость* в глазах

говорящего о нем человека. Но это не значит, что наблюдаемый объект (о нем мы говорим как денотате субъекта) *не есть* ноумен; напротив, мы могли бы сказать, что, по крайней мере, некоторые заключают в себе ноуменальность.

Так, треугольник любой формы (прямоугольный, остроугольный, равнобедренный и т. п.) я могу мыслить как совершенный (равносторонний) треугольник, но только наблюдаемый мною под определенным углом зрения, а, при учете величин сторон, – с определенного расстояния. Феномен произвольного по форме и величине треугольника я могу мыслить как воплощенную в нем «абсолютную идею» совершенного треугольника, о котором скажу «ноумен». И вот этот кубик, продолжу я, о котором мы все говорим «кубик» *никогда* не дан нам чувственно как фигура, содержащая в себе 24 прямых угла: в нашем *восприятии* (если мы имеем дело с прозрачным кубиком) нам дано разглядеть, максимум, восемь прямых углов: четыре на передней грани куба (квадрат спереди), четыре на задней грани (квадрат «по ту сторону» открытого доступа). И, тем не менее, перед нами именно кубик – мы осознаем его как единство, образуемое шестью квадратами, а не косоугольными параллелепипедами. Истинный, образуемый квадратами, куб есть ноумен, в то время как куб косоугольный видимый – феномен.

Некогда Даниил Хармс, писатель, философ, чье имя в должной мере не оценено философами, говорил о цифрах, что они не похожи на то, что они изображают (исключение – цифра «1», а мы бы добавили – «0»). Цифра «2» и цифра «3» не похожи на число 2 и число 3. Так и человек – говорил Хармс – не похож на того, *в ком* он, его облик и его суть не одно и то же. Так и Рильке говорил о «вещи в вещи», проводя различие между «Sache», вещь, и «Ding», суть вещи.

Особенно значимо введение конструкта «ноумен» в тех случаях, когда непосредственно видимого, чувственно данного объекта нет и не может быть. К ним относятся самые важные, смыслообразующие, категории его жизни, как *судьба*, *смерть* и сама *жизнь*. Да и сам *смысл* есть, безусловно, ноумен, если, конечно, мы верим в насущную действительность «смысла».

Я буду говорить об *идее* чего-либо, имея в виду не только его значение, будь то сигнификат, коннотат или денотат (см. Петренко [63]). Я буду иметь в виду также бытие этого нечто «во мне и для меня» (его «личностный смысл»), а также «вне и помимо меня» (то есть его существование как «ноумена»).

Наконец, третье суждение, которое мы могли бы высказать о мире, заключает в себе оценку совместимости в сознании субъекта первого и второго суждения. Предполагается, что, в принципе, возможно любое сочетание значений истинности указанных суждений: например, «этот предмет имеет смысл для меня», и «он существует *во вне*», или «этот предмет имеет смысл для меня», но «он существует *только во мне* (его нет

вне меня)», и т. д. и т. п.; важным здесь является то, как человек оценивает данное положение вещей: одни сочетания он может отвергнуть (они ему кажутся неприемлемыми, отталкивающими, несовершенными, несуразными, «О'К»), другие сочетания считает вполне допустимыми (естественными, привлекательными, правильными, нормальными, «О'К»).

Для хироманта, по-видимому, не является состоятельной идея того, что есть линии на руке, которые не обладают судьбоносным смыслом. Каждая линия о чем-то говорит. Или – для психоаналитика – не является экзистенциально состоятельной идея того, что есть «просто сны»: каждый сон что-то значит.

О суждениях третьего вида мы говорим, что они заключают в себе оценку *экзистенциальной состоятельности* идеи предмета⁸⁵.

Итак, мы могли бы принять допущение, что могут быть многообразные формы сосуществования смыслов и ноуменов (см. рисунок 23).

Рис. 24

Идея предмета могут быть полностью сосредоточена в мире субъекта, существуя как смысл («вещь – для – меня»). Вы помните, у Хармса. Я процитирую полностью, потому что очень люблю: «Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног... Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить».

Идея предмета может лежать по ту сторону интересов субъекта, выступая как ноумен («вещь – в – себе»).

Идея предмета может присутствовать на обоих полюсах (тут и смысл, тут и ноумен). Ну, например, то, чего у нас долго не было, а во всем мире было, а теперь и у нас есть – «кризис».

Идея предмета может одновременно отсутствовать как смысл и как ноумен. Например, я знаю, что подразумевается под словом «привидение», но для меня, в отличие от моих детей, это звук пустой, даже если он производится барабашкой.

⁸⁵ Интересный опыт соотнесения субъективных и объективных аспектов существования идеи предмета представлен в книге О. В. Лавровой [35], капитальном исследовании феноменов сознания и бессознательного, и в частности, «фантомам разума» – призрака, несуществующего вне его (М. Мамардашвили [48, 49]).

Опираясь на булеву алгебру, мы разрабатываем типологию смысловых миров, в которых представлены приемлемые с точки зрения субъекта сочетания смыслов и ноуменов предметов, или, в наших терминах, их экзистенциальная состоятельность.

Модель «преисполненности смыслом» (Табл.1). Базовая схема построения такого мира заключается в том, что существование ноумена опирается на существование смысла. Я предлагаю вам на рассмотрение такую формулу: $E(n) \rightarrow E(c)$; стрелочка « \rightarrow » знак материальной импликации.

На рисунке я изобразил логический каркас философии «преисполненности смыслом». Левый столбец – существует ли предмет ноуменально, средний столбец – существует ли смысл, правый столбец – состоятельность идеи предмета,

Иными словами, правый столбец говорит нам о том, является ли предмет представителем этого смыслового мира (идея предмета состоятельна, символ 1). В том же случае, когда импликация принимает значение 0, то это говорит о неправильном соотношении смысла и ноумена. Объект своим присутствием нарушает «правильность» данного смыслоустройства. Это «неправильный» предмет. Скорее всего, этот предмет – фантом, фикция, случайность, исключение из общего правила. Он не из этого мира (идея предмета несостоятельна, – символ 0).

Сущ. ноумена $E(n)$	Сущ. смысла $E(c)$	Состоят. идеи $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Табл.1

Суть модели в том, что существование ноумена имплицитно подразумевает существование смысла («смысл предсуществует ноумену»): $E(n) \rightarrow E(c)$.

В этой логике, как видим, только одна ситуация исключена: нечто есть в мире (существуя как ноумен), а смысл его отсутствует.

Что же это за мир? Если в нем что-то действительно есть, существует как ноумен, по ту сторону субъективного, то это сущее обладает смыслом. Иначе говоря, всё, что существует в действительности, осмыслено. Напрашивается гегелевская параллель: «всё действительное разумно». Поэтическая аллегория такой философии – это процитированные нами строки «Послушайте!...». А философским и психологическим версиям несть числа. Здесь – глубокие философские и психологические учения (абсолютный идеализм, философия Дао, представления о разумной Вселенной, концепция синхронистичности К.Юнга и др.), а также кажущееся курьезом, особенно в свете сегодняшней естественнонаучной парадигмы, языческие и антропоморфные толкования живой природы.

Сначала – о серьезном. Серьезнее – не придумаешь. Начнем с небольшого фрагмента из текста Корана.

66. Моисей сказал ему (Хидру): «Могу ли я последовать за тобой, чтобы ты научил меня о прямом пути тому, чему ты обучен?»

67. Он сказал: «У тебя не хватит терпения находиться рядом со мной.

68. Как ты сможешь терпеливо относиться к тому, что ты не объемлешь знанием?»

69. Он сказал: «Если Аллах пожелает, то ты найдешь меня терпеливым, и я не ослушаюсь твоего веления».

70. Он сказал: «Если ты последуешь за мной, то не спрашивай меня ни о чем, пока я сам не поведаю тебе об этом».

71. Они вдвоем двинулись в путь. Когда же они сели на корабль, он сделал в нем пробоину. Он сказал: «Ты сделал пробоину, чтобы потопить людей на нем? Ты совершил тяжкий поступок!»

72. Он сказал: «Разве я не говорил, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»

73. Он сказал: «Не наказывай меня за то, что я позабыл, и не возлагай на меня тяжелое бремя».

74. Они продолжили путь, пока не встретили мальчика, и он убил его. Он сказал: «Неужели ты убил невинного человека, который никого не убивал? Ты совершил предосудительный поступок!»

75. Он сказал: «Разве я не говорил тебе, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»

76. Он сказал: «Если я спрошу тебя о чем-либо после этого, то не продолжай путь вместе со мной. Ты уже получил мои извинения».

77. Они продолжили путь, пока не пришли к жителям одного селения. Они попросили его жителей накормить их, но те отказались принять их гостями. Они увидели там стену, которая была готова обрушиться, и он выпрямил ее. Он сказал: «Если бы ты захотел, то получил бы за это вознаграждение».

78. Он сказал: «Здесь я с тобой расстанусь, но я поведаю тебе толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением.

79. Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, которые трудились в море. Я захотел повредить его, потому что перед ними находился царь, который силой отнимал все целые корабли.

80. Что касается мальчика, то его родители являются верующими, и мы опасались, что он будет притеснять их по причине своего беззакония и неверия.

81. Мы захотели, чтобы Господь их даровал им вместо него того, кто будет чище и милосерднее к своим близким.

82. Что же касается стены, то она принадлежала двум осиротевшим мальчикам из города. Под ней находился их клад. Их отец был праведником, и твой Господь пожелал, чтобы они достигли зрелого возраста и извлекли свой клад по милости твоего Господа. Я не поступал по своему усмотрению. Вот толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением»⁸⁶.

Назвать то, с чем встретиться сейчас читатель, «иллюстрацией» философии преисполненности смыслом, я думаю нельзя. Перед нами сама

⁸⁶ Считаю невозможным дополнительно комментировать этот текст – пусть это сделают люди, более искушенные в исламе.

философия смысловой преисполненности, – мы застаем ее здесь при исполнении великой миссии быть истинным знанием-поучением.

Я процитирую здесь также текст создателя «логотерапии» (терапии, основанной на идее смысла как определяющего условия человеческой жизни), Виктора Франкла:

«Один студент-медик из Соединенных Штатов писал мне: “Недавно умер один из лучших моих друзей, потому что он не смог найти в жизни смысл. Сейчас я знаю, что, если бы он был жив, я смог бы, пожалуй, помочь ему средствами логотерапии. Его уже нет, но сама его смерть будет теперь всегда побуждать меня оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Я думаю, что не может быть более глубинного мотива. Несмотря на мое горе, вызванное смертью друга, несмотря на мое чувство вины в этой смерти, его существование – и его «уже-не-существование» наполнено смыслом. Если мне когда-нибудь достанет силы работать врачом и эта ответственность будет мне по плечу, значит, он умер не напрасно. Больше всего на свете я хочу одного: не допустить, чтобы эта трагедия случилась еще раз – случилась с другим”.

«В жизни не существует ситуаций, – отмечает В. Франкл, – которые были бы действительно лишены смысла».

И еще: «Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть».

Концепция Франкла была для автора этих строк ключевой в разработке идеи логически различимых смысловых миров, и, прежде всего, для осознания разницы между – «искать смысл» (что составляет суть взглядов Франкла) и – «конструировать смысл».

Поэтический язык феноменологии М.Хайдеггера позволяет передать присущее философу сокровенное ощущение одушевленности-осмысленности мироздания в каждом его проявлении. Иллюстрацией может служить небольшой фрагмент из «Проселка»:

«...Твердость и запах дуба начинали внятнее твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется всё долговечное и плодотворное, о том, что расти означает – раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек готов исполнять веления превышающих небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли.

И дуб продолжает по-прежнему говорить это проселку, который, не ведая сомнений в своем пути, проходит мимо него. Всё, что обитает вокруг проселка, он собирает в свои закрома, уделяя всякому идущему положенное ему».

...«Однако зов проселка, утешающий и увещающий, слышится лишь до тех пор, пока живы люди, которые родились и дышали его воздухом, которые могут слышать его»⁸⁷.

⁸⁷ Мартин Хайдеггер. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. Москва, «Гнозис», 1993. С.239 – 240.

Теперь о курьезном. Вот что пишет знаменитый психиатр Сикорский о духовных качествах быка. Перед нами явная проекция на быка парадигмы «всё осмыслено». Цитирую по В.М.Бехтереву («Общие основы рефлексологии человека», 1923 г.):

«Каким бы банальным ни казалось наблюдателю это четвероногое животное, не лишен глубокого психологического интереса тот факт, что с этим животным впервые начинается в зоологическом ряду чувство благоговения... Чувство благоговения можно наблюдать у рогатого скота на бойне. Многие из животных, ждущих своей очереди, глубоко понимают приближение своей смерти и, испытывая чувство удивления, вызванное неожиданностью события, испытывая также панический страх; они поддаются не этим двум чувствам, но гораздо более – сочувствию к товарищам, проливаемую кровь которых они чувствуют своим обонянием. ...Бык идет на смерть не в безумном страхе, как другие животные (свиньи, овцы), но с возвышенным чувством в душе, которое переполняет его в эту минуту».

Первая, встречаемая нами, модель смыслоустройства может получить разные названия – высокое и ироничное. «Высокое» уже прозвучало: модель «преисполненности смыслом». А ироничное – это «смысловый солипсизма, по аналогии с безупречной философией Д. Беркли: «Существовать значит восприниматься» (в данном случае: «существовать значит иметь смысл»).

Модель «смысловой экспансии». Базовая формула: $E(c) \rightarrow E(n)=1$ – «существование смысла опирается на существование ноумена». Данную модель, как и последующие, мы рассмотрим здесь конспективно, так как основные фигуры анализа уже заданы.

Модель «смысловой экспансии» – это Фрейд с идеей сверхдетерминации, это вера людей в вещие сны, это «магическое мышление», присущее, как выясняется, не только детям⁸⁸, но и взрослым⁸⁹, это В.Эрхардт, автор адлерианского эст-тренинга, провозглашающий: «Вы Бог в своем универсуме», это – психотерапевт, спрашивающий у клиента: «Как делаете вы себе тревогу?», говорящий ему: «Обидеть нельзя, можно обидеться». Уходя в чтение, мы предаем статус ноумена «Последнему Единорогу», подтверждаем знаменитое пушкинское – «Над вымыслом слезами обольюсь». Вера в сверхъестественное (я бы, вслед за В.И.Слободчиковым, предпочел говорить: «иноприродное») – это тоже смысловая экспансия в мир.

Но есть здесь и неожиданный естественно-научный поворот событий. С точки зрения некоторых физиков, отброшенная в результате выбора альтернатива продолжает «жить» в «другом эвереттовском мире», а вместе с ними и мы оказываемся живущими «там»⁹⁰. Не все из наших фантазий

⁸⁸ Разве не правда, что младенец, открывая и закрывая глаза, «включает» и «выключает» мир?

⁸⁹ Е.В.Субботский.

⁹⁰ М. Б. Менский. Человек и квантовый мир. Фрязино. 2005, С. 201. Захватывающе написанная книга доктора физ.-мат наук, профессора, вед. научного сотрудника Физического института им. Лебедева РАН М. Б. Менского (книге предпослано предисловие академика В. Л. Гинзбурга), ошеломляет идеей и способа синтеза современной квантовой механики и феноменологии сознания, «его необычных возможностей, которые на первый взгляд противоречат законам физики».

реализуется в параллельных мирах (в «других реальностях»). «... Можно заметить разницу между безудержной фантазией и эвереттовской реальностью: вообразить человек может всё, что угодно, а, непосредственно воспринимая «другую реальность», он может увидеть только то, что действительно может существовать, что является *реальной альтернативой*»⁹¹. Но и в «безудержной фантазии», замечу я, можно узреть «смысл», состоящий, например, в генерации фонда возможностей, лишь некоторым из которых суждено состояться хотя бы в одном эвереттовом мире (как если бы и здесь, как в социуме, имелось преимущество выбора «на альтернативной основе»).

В логическом смысле, есть единственный случай, когда осмысление мира в рамках этой модели оказывается невозможным. Это случай отсутствия ноумена, соответствующего значению имени. Но именно такая ситуация запрещена формулой импликации: ведь результат импликации должен быть равен единице, $E(c) \rightarrow E(n) = 1$, а это невозможно, если $E(n) = 0$ (см. табл. 2).

Суц. смысла предмета $E(c)$	Суц. ноумена предмета $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Табл.2

Как видим, здесь *невозможна* только ситуация отсутствия ноумена на фоне того, что смысл соответствующего объекта имени существует. Коротче, это тот случай, когда говорят: «Если бы этого не было, его необходимо было бы придумать». И ведь – придумывают!

Быть может, именно данное смыслоустройство «повинно» в творчестве, в движении «за черту» испытанного, предрешенного? (вспомним о феномене «презумпции существования решения», который был описан нами ранее – см. [80]).

Модель смысловой сопричастности миру. Базовая формула: $E(c) \sim E(n) = 1$ – «существование смысла эквивалентно существованию ноумена». В этой модели смыслы и ноумены вторят друг другу. Упраздняется всё то в мире сущностей «по ту сторону «я»», что не может быть укоренено в мире смыслов; отбрасываются, на корню, те «смыслы», которым ничего не соответствует или не может соответствовать в мире ноуменов. Что есть для меня, тому и быть в мире, а чего – нет, тому в мире не место. Смыслы и ноумены симметричны с точки зрения условий своего присутствия-

⁹¹ Там же.

отсутствия в универсуме. Перед нами философия взаимной разборчивости в в приветствиях «эссенции»-ноуменов и «экзистенции»-смыслов. Я бы сказал, что это – строгая модель смыслоустройства мира. Она может даже показаться кому-то не слишком просторной для мыслящих и чувствующих индивидов, но в тоже время она способна порождать в их сознании состояние «ясности и отчетливости» постигаемого; она допускает сомнение и даже взывает к сомнению, но с одной только целью – избавиться от него. Это также и философия ответственности – потому что, в этом случае, нет и не может быть пустых слов; потому что слова здесь – поступок, а поступок – деяние, и ответственность за себя индивид несет сам, особенно когда эффект его действий существенно отличается от преследуемой цели. «Не согреши в мыслях!..», «Все мысли – материальны», «Делай людям добро и оно вернется», «Поступай так, чтобы твои действия были образцом для всех», «Всё тайное становится явным», «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», «Не рой другому яму, сам в нее попадешь», «Человек есть мера всех вещей» – множество подобных заповедей-назиданий, заповедей-напоминаний, заповедей-откровений образуют вербальную логику в продвижении смыслов к ноуменов и ноуменов к смыслам. Это философия взаимосвязи, взаимной обусловленности, взаимного проникновения друг в друга субъективного и объективного, философия явных и тайных переходов внутреннего во внешнего, внешнего во внутреннее, философия равенства сфер «человека-в-мире» и «мира-в-человеке» (см. Табл.3).

<i>Суц. смысла предмета E (c)</i>	<i>Суц. ноумена предмета E (н)</i>	<i>Состоятельность идеи предмета E (н)→E(c)</i>
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	1

Табл.3

В данном смысловом мире выделяются два случая «правильных объектов» (есть смысл и есть ноумен, нет смысла и нет ноумена объекта), и два случая «неправильных объектов». В первом случае это бессмысленность объекта, в то время как ноумен его присутствует в мире: новый жанр «театр абсурда» вот тут наяву, на глазах у недоумевающей публики... Как если бы все ненароком свалились в сюжет «вас снимает скрытая камера». Во втором случае, это существование смысла, в то время как сам объект отсутствует в действительности («Красная Шапочка и Серый Волк⁹²», «Вечный двигатель», «Подпоручик Кижее», «Полтергейст»).

⁹² Тут я ошибся. Они, несомненно, есть среди нас. См. историю Красной шапочки в изложении Э. Берна (о «Красной шапочке в жизни»). Э. Берн. «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 2004

Модель смысловой автономии. Базовая формула: $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)) = 1$. Сказать по правде, автор отдает предпочтение этой модели. Речь идет о том, что возможны любые сочетания случаев присутствия или отсутствия смыслов, одной стороны, и – ноуменов, с другой. Смыслы и ноумены живут своей жизнью, не навязывая себя в сотоварищи друг другу. Льстецы существуют, но разговаривающие лисицы и падкие на лесть вороны – это побасенки (побасёнки). И ветер дует куда-то, в силу чего-то и почему-то, но не «зачем» и «не ради чего». И если я спрошу, положим, у ясеня, зачем ему стоять у дороги, ему только что и останется, что, не ответив мне, сокрушенно покачать головой.

Менее очевидный тезис состоит в том, что не всё в поведении и психике обладает смыслом. Но этот шаг уже был сделан нами ранее, когда мы описывали постулат сообразности и критиковали его. Эта критика, конечно, не подразумевает, что активность человека не включает в себе целей, мотивов и ценностей; не означает, что в ней «смысла нет». Смысл *есть*, но он есть именно *в ней* (внутри), и он не один, их множество. Нет всеобъемлющего смысла – о каких бы проявлениях активности, «больших» или «малых», сложных или простых не шла бы речь. Человек, в отличие от иных существ на земле, – двусмысленное, многосмысленное существо. Аристотелевская энтелехия не властвует над человеком.

Критика постулата сообразности заключается, таким образом, не в том, что провозглашается и универсализируется идея бессмысленности, а в том, что совокупность (сочетание) телеологических ориентаций рассматривается в качестве особой – нецелевой, не интерпретируемой в терминах «смысла» – реальности.

Нет дихотомии смысла и хаоса: на всех ступенях живого они неразлучны, они сочетаются как фигура и фон, они дополняют друг друга, они образуют стороны друг друга, они друг друга творят. Фанти, автор изумительной по своей необычности и я бы сказал темпераменту книги «Микропсихоанализ⁹³», прав и не прав, объявляя хаос первоисток. Он прав, говоря, что хаос – первоисток. Но он не прав, утверждая, что это *единственный* первоисток. Не прав, утверждая, что первоисток – это хаос. Он не прав, так как не договаривает главного: пустота – это всегда *конфигурированная* пустота, *ограниченная* пустота, пустота, *ограниченная* целевыми ориентациями, и стоящими за ними смыслами. Фигура (в семиотике иногда определяется как «пустое пространство») образована здесь «работающими на себя» целевыми тенденциями, которые, конечно же, совершенно не сговариваясь друг с другом, то есть, подчеркиваю, совершенно случайно, оформляют собой пустоту.

⁹³ С.Фанти. Микропсихоанализ. М., 1993

В дальнейшем мы наметим феноменологию «бессмысленности» как сочетания осмысленных тенденций, как возможный исток активности, порождающей саму возможность осмысления.

А в данном случае ограничимся указанием формального основания для выделения данной модели осмысления мира в особую форму, философию – «смысловой автономии».

Это – тождественно истинное высказывание $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)))$. «Тождественно истинное» здесь означает, что оно всегда принимает значение истинности 1:

$$E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c))) = 1$$

В нашем контексте анализа эта формула означает, что нет «неправильных» объектов имен; любой объект может иметь или не иметь смысл и, независимым образом, присутствовать или отсутствовать в мире как ноумен (см. табл.4)

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \rightarrow E(c)$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	1

Табл.4

Бытие объекта во мне и для меня, то есть смысл, выступает здесь в двойной роли – как нечто сущее ($E(c)$ в крайней левой части высказывания), *опирающееся*, в конечном счете, на себя ($E(c)$ в правой части). Перед нами еще один пример того, что являет собой принцип самопричинности, *causa sui*. Смысл возвращается к себе, опираясь на ноумен, опосредствованный смыслом. Если смысл объекта отсутствует, то это нормально, даже если ноумен присутствует в мире; если присутствует смысл объекта, то ничего не мешает ноумену отсутствовать в мире. Словом, «пусть расцветают все цветы», как некогда провозгласили в Китае, и при этом никто не скажет потом – «кроме – сорняков».

Могут быть отмечены и другие модели смыслоутройства. Я ограничусь пока только тем, что просто перечислю их и предложу соответствующие способы их формального описания.

Модель «перевернутых смыслов». Это философия дихотомии: либо смысл, либо ноумен. Своего рода схизма мира внутреннего и мира внешнего. Пассивное или воинственное противопоставление себя миру. Формула философии «перевернутых смыслов» может быть описана с помощью логического оператора Жегалкина, $x \oplus y$ (см. схему), представляющее со-

бой отрицание эквивалентности высказываний, $\neg (x \sim y)$, *неверно*, что X эквивалентно Y (см. табл.5)

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(n) \oplus E(c)$
0	0	0
0	1	1
1	0	1
1	1	0

Табл.5

Этот мир, отчасти, соответствует словам: «Я над всем, что сделано, ставлю “*nihil*” (В.Маяковский. «Облако в штанах), нигилистическому сознанию. «Нигилист... Это от латинского слова “*nihil*”, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признаёт?» (И. Тургенев, «Отцы и дети»). Мы говорим – «отчасти», потому что к этим словам необходимо добавить, что нигилист, отказываясь признавать то, что пребывает «по ту сторону» его «я», преисполнен ощущением значимости всего того, что существует «по сию сторону» «я».

Модель «обесмысливания». Это мир, в котором *всё* не имеет смысла. Формула этого мира, может быть выражена с помощью так называемой «стрелки Пирса». Стрелка Пирса – это новое высказывание, обозначаемое $X \downarrow Y$, истинное тогда и только тогда, когда оба высказывания ложны. Стрелке Пирса соответствует отрицание дизъюнкции, $\neg (X \vee Y)$, то есть *неверно*, что X или Y , или – конъюнкция отрицаний, $\neg X \& \neg Y$, то есть *не X* и *не Y* (см. табл.6)

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(n)$	«Правильность объекта» $E(c) \downarrow E(n)$
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	0

Табл.6

В «Индийском жизнеописании» из «Игры в бисер» Германа Гессе, некто Даса, молодой еще человек, но уже многое, что испытавший в жизни, открывается старику йогу, в надежде услышать сочувственное понимание и наставление.

«Мне несносна эта ужасная жизнь, – говорит Даса, – я хочу избавиться от нее». Улыбка играет на губах старика, потом она переходит в смех. Старик «с беззвучным смехом закачал головой и, смеясь, сказал:

– Майа! Майа!

Что приблизительно означают эти слова, Даса «наполовину знал, наполовину догадывался... Жизнь Дасы и жизнь всех людей – всё было в глазах этого старого йога майей, было каким-то ребячеством, зрелищем, театром, игрой воображения, было пустотой в пестрой оболочке, мыльным пузырем, чем-то таким, над чем можно было даже восторженно смеяться и что можно одновременно презирать, но ни в коем случае нельзя принимать всерьез.»

Благодаря старику, Даса получает шанс вновь прожить свою жизнь, избежать старых ошибок, испытать счастье, любовь, отцовство, власть, измену, потерю любимого сына, страх, отчаяние, но он, в конечном счете, приходит к пониманию правоты своего наставника, и думая о себе так: «Игрой он был и видимостью, обманом и сном, майей был он, прекрасный и страшный, восхитительный калейдоскоп жизни с ее жгучим блаженством и жгучей болью»⁹⁴.

Модель «ослепления смыслом». В этом мире возможно всё, кроме веры в возможность осмыслить что-либо как действительно существующее в мире. Сомнению в осмысленности – да! Принятию истины – нет! Тот случай, когда говорят: «смотрит, но не видит», а если и видит, «не верит глазам своим». Своего рода, непереносимость истины при встрече с нею лицом к лицу. В базовой формуле модели «ослепления смыслом», уместно использовать логический оператор «штрих Шеффера», $X|Y$, чему соответствует отрицание конъюнкции, $\neg(X \& Y)$, неверно, что X и Y , или дизъюнкция отрицаний, $\neg X \vee \neg Y$, неверно, что не X или не Y (см. табл.7)

Суц. смысла объекта $E(c)$	Суц. ноумена объекта $E(n)$	Состоятельность идеи предмета $E(c) E(n)$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	0

Табл.7

По-сути, это логика смыслоустройства мира невротического индивидуума. Бытует такая шутка: психотик считает, что дважды два это пять, и на этом настаивает; невротик знает, что $2 \times 2 = 4$, и это его раздражает...

Идея существования качественно различных смысловых миров может получить развитие, как минимум, в двух-трех направлениях.

Первое. Вполне вероятное признание того факта, что мир человека

⁹⁴ Герман Гессе. Избранное. Москва, «Радуга», 1991. С. 418, 431.

в целом неоднороден с точки зрения логик своего смыслообустройства. В разных сферах бытия имеют место разные способы соотнесения смыслов и ноуменов. Можно предположить, например, что присутствие человека в мире, так называемой, «неживой природы» (мире физических объектов без видимых признаков жизни и разума) для современного паранаучного, «но уж точно не языческого», обыденного сознания, гордо отделяющего себя от языческого, есть сфера реализации логики смысловой автономии (смыслы живут своей жизнью, ноумены своей, они сосуществуют, сочетаясь в любых вариантах), хотя, в науке, что может показаться парадоксом, этот взгляд не представляется уж столь бесспорным (см., например, поразительную по своей глубине и смелости книгу В.А. Лефевра, «Космический субъект»⁹⁵).

С другой стороны, мой внутренний мир, мир моей субъективности, будто послушен другой логике, философии, имя которой «смысловой солипсизм», или – «всё преисполнено смыслом». Этот мир буквально пронизан смыслами, без смыслов немислим, его ноуменальность всегда подразумевает осмысленность – реальную или потенциальную. Например, если в данный момент нечто, нежданно-негаданно, вдруг, не по графику, вне логики встреч, привычных визитов, незваным гостем, сюрпризом, является нам, то, уж точно со временем будет понято нами добрый знак, как подарок, как приз, который заслужен, как радость или, напротив, как черная метка, неизбежное зло, наказание, возмездие или напоминание о том, что «судьбу не обманешь» и «от судьбы не уйдешь». И таким образом здесь всё привходящее укореняется.

Или, положим, мир нашей деятельности, творчества. Мир – где, казалось бы, всё доподлинно повинует логике: что разумно (осмыслено), то и действительно, и столь же, что действительно, то и разумно. Как если бы это было суверенное и привилегированное поле действия философии смысловой сопричастности.

Или, например, игра как особая деятельность, где всё может стать всем»; или детские сны, где желания исполняются («исполнение желаний», по Фрейдю), или взрослые сны, где, как подметил еще Д.Н.Узнадзе, стоит подумать о чем-то, как оно тут же появляется, вырастает перед тобой («материализация представлений»). Чем не господство философии смысловой экспансии, поддерживаемое психоанализом и будоражащее фантазию тех, кто верит, положим, в «вещие сны»?

Исходя из этой общей гипотезы «фрагментированности» мира на зоны, входящие в компетенцию разных философий смысла, мы приведем данные эмпирического исследования, посвященного действию одной из описанных выше моделей смыслопонимания в сфере общения между людьми.

⁹⁵ В.А.Лефевр. Космический субъект. Москва. Ин-кварти. 1996.

Второе. По-видимому, не только мир человека неоднороден как поле проявления разных логик смыслоустройства, но и сам человек как мультисубъектное образование является носителем разных логик – даже тогда, когда он имеет дело с одним и тем же фрагментом действительности. В каждой из перечисленных сфер бытия человека могут заявить о себе субъекты всех перечисленных форм осмысления мира (назовем их на будущее «действующими лицами»). Вполне вероятно, нам станет известна, со временем, «излюбленная логика» внутреннего Ребенка, предпочитаемая логика внутреннего Взрослого, «единственно верная» логика внутреннего Родителя. В главе +++ мы рассмотрим подробно одну из возможных композиций эго-состояний личности в момент выполнения значимой деятельности («транзактный контур саморегуляции»). Забегая вперед, отмечу, что это особое эго-построение имеет вид двухступенчатой импликации:

$$L = (B \rightarrow P) \rightarrow D$$

Здесь L – символизирует личность, B – эго-состояние Взрослый, P – эго-состояние Родитель, D – эго-состояние Дитя; импликация \rightarrow интерпретируется как отношение «реализации через», отношение «опоры».

Положим, теперь, что B живет в мире смысловой независимости, P – смысловой экспансии, а D – смысловой сопричастности. Положим, речь идет о судьбе. Примем, что для эго-состояния Взрослый *вполне вероятно*, что цепочки событий под именем «судьба», которые были бы независимы от собственных усилий человек, нет. Согласно логике смысловой независимости, $E(c) \rightarrow ((E(n) \rightarrow E(c)))$, из принятого допущения вытекает уместность идеи «судьбы», как в том случае, когда имя «судьба» обладает смыслом для Взрослого эго, так и для того случая, когда это слово лишено какого-либо смысла в глазах Взрослого. В первом случае («смысл есть»), имеем: $1 \rightarrow (E(n) \rightarrow 1) = 1 \rightarrow 1 = 1$ (идея уместна в мире значений). Во втором случае («смысла нет»), $0 \rightarrow (0 \rightarrow 0) = 0 \rightarrow 1 = 1$ или $0 \rightarrow (1 \rightarrow 0) = 0 \rightarrow 0 = 1$, Мы видим, что, как в первом, так и во втором случае, $E(n)$ может варьировать, принимая значение 0 и 1 , но это никак не сказывается на результате двойной импликации: как в первом, так и во втором случае, идея «судьбы» вполне уместна в мире значений).

Рассматривая логику Родителя, живущего, согласно принятому здесь допущению, в мире смысловой экспансии, мы видим, что существуют случаи как уместности, так и не уместности идеи «судьбы» в мире значений: $E(c) \sim E(n)$ принимает два значения: 1 – в случае, если они одновременно присутствуют или отсутствуют в мире смыслов и, соответственно, в мире ноуменов; 0 – в случае асимметрии единовременного присутствия или отсутствия идеи «судьбы» в обоих мирах. В первом случае, идея «судьбы» уместна, а во втором – она исключается из мира значений («утрачивает свое значение»).

Кратко рассмотрим логику обращения с идеей «судьбы» в контексте «Дитя». Мы приняли выше, что это мир «смысловой экспансии»: $E(n) \rightarrow E(c)$. Здесь есть единственный случай, когда идея «судьбы» не-

уместна: $E(c) = 0$. Во всех остальных случаях идея судьбы, как можно легко убедиться, уместна.

Поставить теперь вопрос о том, насколько уместна идея «судьбы» в мире значений личности (L). «Заместим» L , B , P , D логиками построения их смысловых миров и проведем элементарные логические преобразования. Кроме того, упростим запись, опуская символ существования E в («есть», «existence») в буквосочетаниях $E(c)$ и $E(n)$, замещая их символами, соответственно, C и H . Итак, имеем (некоторые промежуточные результаты вычислений здесь опущены):

$$\begin{aligned} & ((C \rightarrow (H \rightarrow C)) \rightarrow (C \sim H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = \\ & = (1 \rightarrow (C \sim H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = (C \sim H) \rightarrow (H \rightarrow C) = 1 \end{aligned}$$

Иными словами, при данном соотношении «логик» Взрослого, Родителя и Дитя при данной их «композиции» в составе личности, идея «судьбы» уместна для личности в целом, независимо от того, осмыслена ли она и обладает ли ноуменом для каждого из действующих лиц.

Возможны, конечно, и другие соотношения логик, другие композиции «действующих лиц», в результате чего идея «судьбы» будет более уязвимой для личности в целом, подчиняясь прихоти сил, управляющих смыслами и ноуменами для каждого из субъектов, образующих личность.

Приведем один из примеров такой композиции:

$$L = ((C \rightarrow (H \rightarrow C)) \rightarrow (C \rightarrow H)) \rightarrow (H \rightarrow C) = H \rightarrow C$$

Здесь Взрослый, как и в первом примере, существует в мире смысловой автономии, $C \rightarrow (H \rightarrow C)$, Родитель – в мире «преисполненности смыслом», $C \rightarrow H$, а Дитя – в мире смысловой экспансии, $H \rightarrow C$. В результате чего личность, L , может исключить из своего мира идею судьбы как несостоятельную, $1 \rightarrow 0 = 0$. Ведь в данном случае, мысль о том, что судьба «есть» не затрагивает как Взрослое, так и Детское эго-состояния, $C=0$. Личность остается вполне равнодушной к идее «судьбы» на уровне своих чувств и эмоций.

Отметим также, что *рефлексия* смысловых миров, предметов, в них представленных, ведет к переакцентировки смыслов: ведь только что образ, в смысловом плане «пустой», благодаря тому, что он образует элемент экзистенциально состоятельной идеи, приобретает смысл:

Медуза

*Медуза скользкая мясиста,
она заметна без труда
вон там, где, цвета аметиста,
мерцает в глубине вода.*

*Почти не составляя груза
и омерзительна нежна,
ты, бесполезная медуза,
зачем на свете ты нужна?*

*Заполнив южные широты,
как стекловидное тряпье,
ты славилшь замысел природы
и бескорыстие её*⁹⁶.

Все, что было сказано нами о смысловых мирах, может быть операционализировано, что предполагает построение методик, фиксирующих неслучайность связи между «смыслами», «ноуменами» и оценкой состоятельности сочетаний между ними, применительно к таким «предметам», как «судьба», «жизнь», «смерть», «любовь», «счастье» т. д. и т. п. (это слова, порождающие разброс в распределении меры присутствия своих предметов в субъективной и объективной сферах бытия будущих испытуемых). Отклонения от статистически случайного распределения сочетаний «смысл-ноумен-оценка» может служить индикатором и критерием дифференциации «смысловых миров».

А есть ли смысл? Если верно, что истина «пристрастна» (А. Н. Леонтьев [38]), то пристрастны и мы, говоря о том, что мир, в котором живем, есть мир смысловой автономии. Я придерживаюсь того взгляда, что человек не только постигает некие «предсуществующие» смыслы, соотносящиеся с объектами-ноуменами. Он строит сам для себя смысловую перспективу будущих действий, понимая, что само существование таких объектов – под вопросом. Иначе говоря, исходный вопрос состоит не в том, что представляет собой искомое «х» (это может быть установлено позже), а в том, существует ли «х» в принципе (как ноумен). Ведь если поле будущих смыслов пусто, то косить – еще рано, жать – пока нечего; а семена, возможно, еще не посеяны. Более того – и такова суть нашего понимания – деятельность человека *всегда* включает в себе момент незаданности существования решения, и, следовательно, риск нереализуемости своего предмета во вне. Это мир, в котором нет места ни пессимизму, ни оптимизму, это мир «без кумиров» (будь то вещи, слова, позиции, или – «мои мысли», «чувства», «моя позиция»). Мир, в котором невозможно разочарование, потому что все идеи являются экзистенциально состоятельными. А. В. Брушлинскому [15] принадлежит замечательная мысль о том, что «мышление не делает ошибок», ибо каждый шаг – это путь к постижению цели, если, конечно, считать, что постичь цель это познать условия ее достижимости.

Как же фактически мы поступаем, когда ситуация ограничивает возможности рационально ее осмыслить? Ранее мы отмечали, что в разных фрагментах действительности люди могут использовать разные схемы построения своих смысловых миров. В эмпирическом плане мы рассмотрим сейчас «странности» в поведении людей, включенных в коммуникацию друг с другом.

⁹⁶ Евгений Винокуров. «Жребий», Москва, 1978.

Всевластный «постулат сообразности», критически проанализированный ранее, подсказывает, каким мог бы быть один из вероятных ответов на поставленный вопрос. В тех случаях, когда поведение, свое и чужое, не поддается непротиворечивому осмыслению, «смыслы» мы все-таки неудержимо привносим, интерпретируя ситуацию. Речь здесь идет не только о кажущемся рациональным поведением человека под влиянием скрытых аффектов или внушений со стороны других людей (в этих случаях смысл поведения есть, но искажен или замещен в сознании), Наш тезис состоит в том, что *во всех случаях* наблюдаемого неадаптивного поведения, мы субъективируем свои и чужие действия как осмысленные, реализуя модель «смыслового солипсизма».

Итак, феноменология реакции на смысловую неопределенность (и, не исключено, абсурдность) складывающихся ситуаций составляет специальный предмет настоящего исследования⁹⁷.

Теоретическая гипотеза исследования заключалась в том, что индивиды исходят из интуитивной концепции безусловной осмысленности ситуации действия («всё осмыслено»), сопротивляясь фактам, ставящим этот взгляд под сомнение. Иначе говоря, независимо от того, насколько ситуация может быть фактически осмыслена, индивиды защищают подобное убеждение.

Эмпирические референты. Операционализация понятия «безусловной осмысленности действия» предусматривала вовлечение испытуемых в деятельность, цель которой им была заранее не известна. О наличии безусловной осмысленности ситуации действия судили по готовности испытуемого выдвигать и проверять гипотезы о возможных общих основаниях действий, в которые его вовлекает экспериментатор. Различая возможность или невозможность фактического осмысления ситуации, мы говорим о наличии или отсутствии единого основания (целевого, логического), позволяющего согласовывать действия участников ситуации. В противоположность идее «все осмысленно», ситуация конструируется как потенциально абсурдная.

Эмпирические гипотезы исследования:

1. Восприятие ситуации как осмысленной (даже если она фактически лишена смысла или абсурдна) является необходимым условием участия в ней субъекта.

2. Наряду с априорными смыслами ситуации действия могут быть выделены апостериорные смыслы, определяемые постфактум (при завершении действия).

⁹⁷ В данном разделе использованы материалы защищенной под нашим руководством кандидатской диссертации Н. В. Зоткина «Смыслополагание в ситуации неопределенности», М., 2000.

3. В ситуациях смысловой неопределенности и абсурда выделяются три формы обращения к смыслу: поиск существующего смысла, конструирование смысла, отказ от установления смысла.

Введенные различия предварили создание специальных экспериментальных процедур и позволили интерпретировать результаты исследования феноменологии смыслообразования.

Для выявления особенностей осмысления деятельности с непредрешенным исходом, автором, совместно с Н.В.Зоткиным, была разработана экспериментальная ситуация, позволившая исследовать процессы смыслополагания в ситуации неопределенности. Это была неизвестная испытуемым игра «Задай вопрос», в которой испытуемому, в индивидуальной беседе, предлагалось задавать любые вопросы экспериментатору. От обычной игры экспериментальная ситуация отличалась тем, что не требовалось *отгадывать* или *прогнозировать* возможные ответы экспериментатора.

Основная «интрига» заключалась в том, что экспериментатор совершенно игнорировал содержание вопросов испытуемого, давая ответы «да» и «нет» по заранее составленной схеме (она была построена на основе метода случайных чисел). Последовательность ответов «да» и «нет» была одинакова для всех испытуемых и включала равное количество «да» и «нет». Поскольку содержание ответов не зависело от вопросов испытуемого, могла возникать ситуация абсурдной противоречивости в ответах. Пример (ответы экспериментатора выделены курсивом):

«Вы хотели бы защищать диссертацию?»

«Нет».

«Сейчас вы будете защищать диссертацию?»

«Да».

«Потому, что это нужно кому-то?»

«Нет».

«Ну, а вам нужна эта диссертация?»

«Нет».

«Разве ее нужно защищать, если она никому не нужна?»

«Да», и т. д., и т. п.

По ходу экспериментальной беседы испытуемым задавался вопрос на рефлекссию: «Зачем вы спрашиваете об этом?» и по окончании они писали рефлексивный отчет, отвечая на вопрос: «Как вы думаете, зачем я вас просил об этом?».

В эксперименте участвовали 54 человека – студенты психологического факультета Самарского госуниверситета в возрасте от 17 до 22 лет. Анализ результатов эксперимента позволил выделить ряд феноменов, выражающих существо стратегий.

Презумция существования смысла. Испытуемые исходили из представления о том, что ситуация заведомо осмысленна и отвечает целям и интересам экспериментатора или испытуемого. Они придавали смысл тому, что, по сути, смысла не имело, а именно: ситуации, совместному дей-

ствию, «логике» ответов. Даже тогда, когда испытуемые «тестировали» экспериментатора на предмет искренности его ответов (что было всего один раз из всего множества испытаний), существование скрытого, потаенного смысла ситуации не подвергалось никакому сомнению; комментарий испытуемого: «Немного сбивали с толку некоторые противоречия в ответах. Возможно, это противоречие было во мне». Презумпция существования смысла являлась источником последующего смыслового освоения ситуации.

В процессуальном плане выделяются способы смыслополагания – определенные *стратегии и тактики* испытуемых. С феноменом «презумпции существования смысла» связаны следующие три стратегии.

1. У испытуемого в ходе беседы возникает подозрение, что экспериментатор не искренен, способен на игру с ним, и он делает попытки *вскрыть смысловую игру* экспериментатора. При противоречиях в ответах он задает вопросы на истинность высказываний. Данная стратегия проявилась только у одного испытуемого (ниже приведен фрагмент диалога):

«Ответы, которые вы давали, они искренни?»

«Нет».

«Вам помогает психология в жизни?»

«Нет».

«Это правда?»

«Нет».

«Вы даете ответы наобум?»

«Да».

«Это нужно для эксперимента?»

«Нет». «Это правда?»

«Да».

«Этот эксперимент принесет пользу?»

«Да».

«Это правда?»

«Нет».

Реакции испытуемых:

1. Испытуемый *обнаружил* способ тестирования экспериментатора на искренность – это многократное задавание одного и того же вопроса. Еще одна испытуемая сделала предположение об «игре» экспериментатора в самоотчете: «Наверное, Вам нравится «прикалываться» над студентами». Остальные 52 испытуемых не сомневались в истинности и смысловой содержательности экспериментальной процедуры.

2. Испытуемые *пытаются разобраться в смыслах* эксперимента, его смысловой системе, смысловом содержании эксперимента (как вариант: в целях эксперимента) и возможных последствиях проводимой беседы. 25% испытуемых (13 человек) задавали ряд вопросов о целях, смысле и последствиях эксперимента. Трое испытуемых – полностью посвятили этому почти все свои вопросы, пытаясь разобраться в смысловом содержа-

нии эксперимента («Я хотел бы узнать про эксперимент, про его структуру, про его задачи, про его смысл»).

3. *Избегают смыслополагания.* Экспериментатор воспринимается как субъект смыслополагания и испытуемый не ищет скрытую логику поведения экспериментатора, не пытается выяснить смысл ситуации. Типичное объяснение при первом задавании вопроса на рефлексивную «Зачем вы спрашиваете об этом?» – «Потому, что вы попросили». Второй по частоте встречаемости ответ – «мне интересно» – говорил о мотивах испытуемого. В некоторых случаях испытуемые сознательно придерживались этой стратегии («Я делаю то, что вы просите, что вам нужно, и, так как я вам доверяю, я могу не стараться искать цели и причины, вопросы «зачем?» и ставить себе целью подняться над ситуацией, обнаружить ее»).

4. Многие испытуемые *продемонстрировали феномен «телеологического замыкания»* – убежденности в том, что всё происходящее имеет смысл. Хотя ситуация и производимые в ней действия были противоречивы и порой абсурдны, испытуемые интерпретировали происходящее как осмысленное («Но должна быть какая-то скрытая цель, которая и является главной и верной»). Испытуемые при этом могли быть уверены, что «знает» кто-то другой: «У вас есть какая-то цель, какая-то внутренняя, но я ее не знаю». Выяснить (конкретизировать для себя) этот смысл пытались многие испытуемые.

Данный феномен наиболее ярко проявился в стратегии «заданное смыслообнаружение». При написании отчета по следам испытания все участники эксперимента (за исключением одного, отказавшегося отвечать: «Не знаю, не могу ответить»), смогли высказать ряд предположений о смысле эксперимента, как если бы он был заложен экспериментатором. По их мнению, эксперимент выявлял:

- умение общаться (общительность, коммуникативные способности, специфику одностороннего общения, изучение ролевых позиций, общение с самим собой, построение образа человека при знакомстве);
- умение мыслить (строить логические ряды, осуществлять саморефлексию, проверять свободный поток мыслей);
- узнать, (а) что волнует, беспокоит, тревожит; проблемные зоны; (б) что интересует (круг интересов, целей, надежд, стремлений, желаний; личностную направленность);
- личностные качества; самооценка;
- особенности поведения или динамику хода мыслей в неопределенной, новой, нестандартной ситуации;
- тревожность, стрессоустойчивость, адаптацию;
- характер и содержание вопросов.

Испытуемые в ряде случаев *отказываются от разрешения противоречий*. Создается впечатление, что испытуемые утрачивают интерес к теме, предчувствуя необходимость умственных усилий и не желая их прилагать.

Игнорирование противоречий проявилось в следующих стратегиях.

1. *Обход противоречий.* Испытуемые считали, что если нет противоречия, то и нет необходимости его решать. (Эксп.: «Почему мы пытаемся избежать противоречия, с которым мы сталкиваемся?» – Исп-я: «Потому, чтобы лишний раз не ставить себя в конфликтную ситуацию. Чтобы опять не ставить себя перед выбором, нужно обойти противоречие».)

2. *Отказ от разрешения противоречия и поиска его смысла.* («Ну, ладно», после чего следует переход на другую тему.)

3. *Фиксация наличия противоречия,* без попыток дальнейшего его разрешения. Обычно сопровождалось также отказом, т. е. переходом на другую тему. («Странно»; «Это противоречие? – Да. – Ладно»; «Вам нравится работать в университете? – Нет. – То есть Вы не получаете никакого удовольствия? – Нет. – Тогда для чего?!»)

4. К отдельной стратегии можно отнести *«маргинальные»* вопросы, нечто среднее между тестированием экспериментатора и отказом в поисках смысла. Задавались вопросы, на которые невозможно ответить, но без осмысления причин того, почему ответы даются («Я буду жив через пять лет?»). Тот же испытуемый объясняет: «Мне интересно, что вы ответите на такие вопросы, ответ на которые вы в принципе знать не можете».

Попытки разрешить противоречия. Испытуемые в этом случае пытаются разрешить противоречия путем поиска удовлетворительного объяснения. Иногда это объяснение имеет совершенно иллюзорный характер. Две стратегии были характерны для этого феномена.

1. *Поиск объяснений, снимающих противоречие.* (а) Достаточно такому объяснению совпасть с ответом «да», чтобы испытуемый считал противоречие разрешенным. Фрагмент беседы, иллюстрирующий *отказ и поиск объяснений:*

«У вас есть дети?»

«Да».

«Мальчик?»

«Нет».

«Девочка?»

«Нет».

«И тот, и другой?»

«Нет». «А кто?!» (смех) ... У вас дома есть животное?»

«Да».

«Собака?»

«Нет».

«Кошка?»

«Нет».

«Попугай?»

«Да».

«Ммм...» (кивок, внешнее выражение удовлетворенности).

(б) Испытуемый выстраивает удовлетворяющее его, логически верное объяснение противоречивости в ответах. (Пример: «Вам понравился

наш выпускной? – *Нет.* – Нет?! А вы говорили, что «да». Вы, что, обманывали тогда? [не дожидаясь ответа] – Вы не хотели нас обидеть!)). Представляется, что в данном случае испытуемые используют тот прием мышления, который Н.Е.Веракса называет «действием диалектического опосредования» [21]. Данная стратегия является наиболее типичной и чаще всего встречается в экспериментальных беседах. При «удачном» завершении, она подкрепляет уверенность испытуемых в смысловой содержательности (истинности) происходящего.

2. *Проблемность*: откладывание вопросов, выясняющих противоречие, на «потом», на фоне веры в то, что разрешение противоречия существует. Испытуемый как бы отпускает вопрос, поясняя, что «может быть, какой-то другой вопрос придет в голову, который явно выяснит это противоречие».)

Как видим, каждый из эмпирически выделенных способов осмысления ситуации, содержащей в себе абсурд (телеологическое замыкание, игнорирование противоречий или попытки разрешить их) во всём многообразии своих форм, реализуют общую тенденцию: добиться полноты осмысления ситуации, реализуют модель «преисполненности смыслом». Другое имя этой модели выражает пристрастную позицию автора, в связи с выделением и критикой «постулата сообразности». Эта модель была названа выше «смысловым солипсизмом»: «существовать» значит «иметь смысл».

Д. А. Леонтьев, подлинный эксперт в области психологии смысла, автор ярких теоретических и экспериментальных работ, посвященных смыслу, «смыслотехникам», в конце своей капитальной монографии, «Психология смысла»[39], замечает (цитирую полностью):

«Легко также поддаться искушению принять предложенную в данной книге концепцию за высший объяснительный принцип применительно к регуляции деятельности и развитию личности. Действительно, смысловая регуляция специфична для человека, конституирует личность, дает человеку свободу от ситуации, позволяет ему взаимодействовать с миром в целом, осознанна, опосредована... Что еще надо для полного счастья и самоактуализации?»

Только одно: объяснение на основе смысловых механизмов в сочетании с более простыми логиками при всей своей изоциренности не выходят за пределы «постулата сообразности» (Петровский В. А., 1975–1996), поскольку налицо заданный изначально регуляторный принцип, определяющий иерархическую систему критериев, с которыми соотносится вся активность субъекта. Есть формы поведения человека, которые не поддаются смысловому объяснению. Это и описанные В. А. Петровским (там же) феномены неадаптивной активности, и сконструированная Ф. Е. Василюком (1984) ситуация ценностного выбора, когда оказывается невозможным

сравнить альтернативы в единой системе координат, как это происходит в более простых случаях (Леонтьев Д. А., Пилипко, 1995)⁹⁸.

Эта оценка, высказанная автором «Психологии смысла», на мой взгляд, подводит определенный итог исканиям, некогда поставившим под сомнение, казалось бы, бесспорное основание всей эмпирической психологии. Я имею в виду выделенный и критически проанализированный нами «постулат сообразности» [80,82], согласно которому «всё осмыслено», будь то сознание или поведение, деятельность или общение, витальные отношения с миром или самосознание человека. «Всё осмыслено», а если не так, то это значит, что мы еще не открыли тех смыслов, которые стимулируют и ориентируют нас в мире, то есть, как полагают носители парадигмы «смысловой сообразности», показатель ограниченности нашего знания.

Так, в истории физики, в связи с появлением квантовой механики, к феномену «случайности», установилось двойное отношение. «Случайность» – как фундаментальное свойство материи, и «случайность» – как феномен, для которого пока не найдено детерминистское объяснение, которое, в свою очередь, когда-нибудь будет найдено, что, в конечном счете, позволит выдворить эту «странность» случайности за пределы физической картины мира.

⁹⁸ Леонтьев Д. А. Психология смысла. Москва. Смысл. 1999. С. 443.

ГЛАВА 15

Парадокс адюльтера

Об интимном – невозможно безадресно и безлично. Поэтому автор будет обращаться к читателю непосредственно, как если бы мог поговорить с ним с глазу на глаз. Есть ли у Вас человек, которого Вы любите? Если – нет, ничего не поделаешь, мы встретимся с Вами в следующий раз... Итак у Вас есть человек, которого Вы любите (*Ваш муж? Ваша жена?*). Я не прошу Вас измерить Вашу любовь в баллах. В истории были попытки “баллировать” силу любви *в братьях*, но, думается, 40 000 – слишком большое число, чтобы обнять его в мысли. Вместо этого я попрошу Вас, как это принято в психосемантике, оценить субъективное расстояние между “точками” **Я** (это *Ваши* “я”) и **Я_{др}** (это “я” человека, которого Вы любите, – “я” другого). Вы, конечно, поинтересуетесь, на какой шкале должно быть отмечено данное расстояние. Давайте поэтому вначале создадим модель такой шкалы.

Представьте себе двух человек, которые, на Ваш взгляд, максимально далеки друг другу, их трудно представить вместе, в одной ситуации – о таких говорят, что они “совершенно несоместимы”. (Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой. Чем всё это закончилось, мы помним). Расстояние между “совершенно несоместимыми людьми” нарисуем на этом листочке.

Нарисуйте в этом месте отрезок, символизирующий расстояние между “совершенно несоместимыми людьми”.

Примем расстояние между “совершенно несоместимыми людьми” за максимум. Соответственно, близость к себе самому (между **Я** и **Я**) примем за минимум. Случай, когда “кто-то” воспринимается как существо более близкое мне самому, чем я сам, мы, временно, исключаем из рассмотрения, хотя понимаем, что такого рода явление могло бы заинтересовать кое-кого из наших коллег-психологов, укрепляющих свою клиентскую базу. Минимальное расстояние (между **Я** и **Я**) можно принять за интервал квантования. Если же это минимальное расстояние определяется как нулевое, мы имеем дело с непрерывной шкалой; в этом случае, определяя близость между собой и другим человеком, а также, попарно, между другими людьми, мы будем измерять отрезки, как это делается традиционно, когда пользуются шкалами Дембо-Рубинштейн.

Нарисуйте здесь отрезок, символизирующий Вашу близость к любимому человеку

(отрезок 1)

Теперь рассмотрим вопрос посложнее (голос автора становится вкрадчивым). Скажите, есть ли среди Ваших близких еще один человек, которого Вы *тоже* любите (еще раз напоминаю, я не спрашиваю о братских, сестринских и вообще родственных чувствах!)? Можете ли Вы с определенностью сказать мне “Да”? (Не отвечайте, пожалуйста, вслух). Итак, предположим, Вы подтверждаете, что такой человек есть. Попробуйте теперь, так же как и в первом случае, оценить расстояние, существующее между Вами и этим другим человеком (расстояние между “точками” Я и Я_{др}’).

Нарисуйте (но не показывайте никому) отрезок, символизирующий Вашу близость к *другому* любимому человеку

(отрезок 2)

Теперь предстоит сделать последний шаг (сделать шаг, который на практике может оказаться последним). Подумайте об обоих (обеих), мысленно объедините их в своем сознании, как если бы они оказались однажды вместе друг с другом и Вами (может быть, это уже было когда-то? – или происходит часто? – или это возможно лишь в воображении? – или это вовсе невообразимо?). Оцените теперь меру близости между двумя этими людьми в такой ситуации.

Нарисуйте отрезок, символизирующий меру близости между людьми, которых Вы любите, “когда вы втроем”

(отрезок 3)

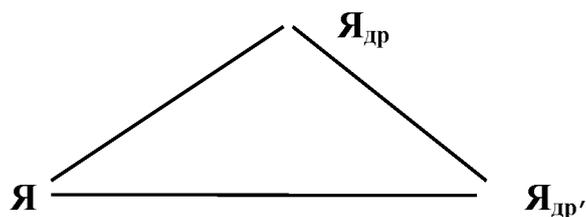
Завершающая операция будет заключаться в попарном суммировании отрезков 1, 2 и 3. Согласно “правилу треугольника”, должно выполняться:

$$(\text{отрезок } 1) + (\text{отрезок } 2) \geq (\text{отрезок } 3);$$

$$(\text{отрезок } 1) + (\text{отрезок } 3) \geq (\text{отрезок } 2);$$

$$(\text{отрезок } 2) + (\text{отрезок } 3) \geq (\text{отрезок } 1).$$

Если эти условия выполняются, нет проблем, и мы можем смело нарисовать, например, такую фигуру, символизирующую взаимоотношения между Я, Я_{др.} и Я_{др'}:

Да вот только оказывается (результат многочисленных наблюдений автора), что “правило треугольника” применительно к отрезкам 1, 2, 3 выполняется далеко не всегда! Итак:

три точки есть, а треугольника нет...

Парадокс? – Парадокс! Скажем о нем так: “парадокс адюльтера” (от фр. *adultère* – супружеская неверность, измена). Вполне допускаю, что педантичный читатель упрекнет нас в том, что мы, таким образом, несколько сужаем класс явлений, подпадающих под исследуемую категорию; и такой читатель, безусловно, прав: в более широком смысле д^блжно говорить, скорее, о “парадоксе ловеласа”, ибо последний необязательно обременен почетной ролью супруга. Однако это, по-видимому, не тот случай, когда, расширяя объем понятия, мы раширяем аудиторию понимающих. Наоборот, говоря: “парадокс ловеласа”, и расширяя, следовательно, сферу явлений парадоксального растроения треугольника, мы рискуем, тем самым, потерять львиную долю солидных читателей, для которых состояние адюльтера понятнее, чем маята ловеласа, заблудившегося в своих влюбленностях.

А теперь попробуем разобраться, в чем тут дело. Почему три названных точки в пространстве (разумеется, “субъективном пространстве”) не образуют для нас треугольника? И не следовало бы, в таком случае, присоединить наш “несуществующий треугольник” к серии “фигур невозможного”?

Первый допустимый ответ сводится к тому, что искомый треугольник в действительности существует, и весь вопрос теперь в том, как “примирить” между собой три интересующих нас “точки”: “Я”, “Я_{др}”, “Я_{др'}”. Нужный способ интерпретации в психосемантике есть. Некогда было сделано важнейшее открытие. Было показано, что аффект, вмещиваясь во взаимоотношения между объектами, ведет к изменению “мерности” субъективного семантического пространства (феномен его “уплощения”, понижения размерности под влиянием аффекта, был открыт В.Ф.Петренко и В. В. Кучеренко; высказывалась мысль о необходимости использования неевклидовых метрик для построения матрицы семантических связей. “Прибегая к метафорической аналогии, аффективную область можно сравнить с мощной гравитационной массой, трансформирующей пространство вокруг себя и изменяющей кривизну этого пространства” ([63])

Есть, между тем, и еще один путь интерпретации интересующего нас парадокса. Не будем прибегать к гипотезам, описывающим динамику раз-

мерности субъективного семантического пространства. Нет необходимости также и пересматривать метрику пространства (например, отказываться от евклидова расстояния между точками метрического пространства). Достаточно лишь предположить, так сказать, *размытость* положения сопоставляемых объектов в субъективном семантическом пространстве. Иными словами, – признать, что “точки”, символизирующие такие объекты нашей мысли, как **Я**, **Я_{др}**, **Я_{др'}**, суть не более чем фикции, если их рассматривать вне соотнесения друг с другом и другими объектами сознания.

Если придерживаться данного пути интерпретации, то мы увидим, что каждый из трех объектов предстает в виде **многообразия** точек субъективного семантического пространства. И перед нами, таким образом, не единственная изолированная “точка”, репрезентирующая значение объекта, а некоторое “облако” виртуальных состояний, совместно характеризующих положение данного объекта в пространстве. Каждое из таких состояний обнаруживает себя (выступает как изолированная “точка” многомерного пространства) на фоне другого объекта, с которым актуально соотносится первый. Но и этот другой объект представлен многообразием точек, лишь одна из которых репрезентирует данный объект на фоне первого. Подчеркиваем, такая взаимоактуализация точек, репрезентирующих объекты (“выступление” точек навстречу друг другу) происходит одновременно. Объекты как бы разом поворачиваются лицом друг к другу – каждый к каждому, и таким образом устанавливается особое расстояние между ними. “Если тебе хочется взять яблоко из блюда, не бери самое красное, а возьми то, которое на тебя смотрит” – поучают детей в детском саду. Ребенок смотрит на яблоко, яблоко – на ребенка; и становится ясно, к какому яблоку протянуть руку...

Вернемся к трем нашим “точкам”. Теперь мы знаем, почему потребовалось заключить это слово в кавычки: каждая такая “точка” символизирует многообразие точек в *n*-мерном пространстве; эти многообразия представляют собой области существования единого “трансцендентального” значения каждого из этих объектов в соотнесении с областью существования значений каждого другого. (Существует ли вообще подобное “трансцендентальное” значение – этот вопрос в данном случае мы не обсуждаем, предлагаем по этому поводу обратиться к интересным работам Д. А. Леонтьева [39]). Понятно, что попарные расстояния между тремя названными областями-многообразиями отнюдь не обязано подчиняться правилу треугольника. Положим, для простоты, что **Я**, **Я_{др}**, **Я_{др'}** представляют собой прямые, *скрещивающиеся* в пространстве; “расстояния” между каждой из двух может быть определено как минимальное возможное расстояние между точками первой и точками второй прямой: само собой разумеется, три отрезка, выражающие расстояния между тремя скрещивающимися прямыми, могут находиться в произвольных отношениях друг с другом.

В заключение отметим, что высказанная нами точка зрения ничуть не противоречит взглядам исследователей, резонно полагающих, что “зна-

чение есть процесс” (А. А. Леонтьев), и что субъективное семантическое пространство динамично – “пульсирует”, “дышит” (В. Ф. Петренко, [63]). Более того, в динамике значений мы видим и всегда видели единственную возможность выразить специфику того, что характеризует личностный смысл, в отличие от индивидуализированных значений (см. [72]). Но, тем не менее, мы должны подчеркнуть, что идея динамики значений, обусловленная динамикой размерности семантического пространства и модификацией метрик (первый рассмотренный нами подход), вполне совместима с предположением о том, что искомый треугольник всё-таки существует. Между тем, подлинно альтернативный путь интерпретации парадокса адюльтера (второй подход) состоит в том, что какого-либо треугольника, определяемого точками “Я”, “Я_{др}”, “Я_{др’}”, в действительности не существует, хотя *расстояния* между значениями “Я” и “Я_{др}”, “Я” и “Я_{др’}” и “Я_{др}” вполне реальны.

ГЛАВА 16

Алгебра когито

“Ум перенимает форму потенциальности, чтобы всё мерить модусом потенциальности, и форму абсолютной необходимости, чтобы всё мерить модусом единства и простоты, как то делает Бог, и форму необходимости связи, чтобы мерить всё с учётом его своеобразия, наконец, он перенимает форму детерминированной потенциальности, чтобы мерить всё в отношении к его существованию. Но ум мерит и символически, путем сравнения, как тогда, когда он пользуется числом и геометрическими фигурами и ссылается на них как на подобия”.

Николай Кузанский, предтеча «Игры в бисер»

Несовпадение принципов формальной логики и принципов функционирования обыденного мышления побудило исследователей к созданию различных "логик", ориентированных на преодоление этого разрыва. Наблюдается как бы встречное движение формально-логических и психологических разработок: складывается многообразие логических теорий (модальные, интенциональные, рефлексивные логики), формализующих некоторые аспекты живого человеческого мышления, протекающего в естественном языке, и вместе с тем, оформляются психологические концепции, описывающие и интерпретирующие своеобразие обыденного мышления, трудно поддающегося формализации (полярные попытки построения формально-математических моделей, описывающих, к примеру, развитие мышления в онтогенезе и – контрастные теории "аматематичности" реального мышления индивида.

В русле этих исканий – наш опыт создать то, что мы назовем “алгеброй когито”. “Когито” (“cogito”), означающее, как известно, “мыслю”, включает в себе нечто большее, чем указание на познавательный акт, символизируемый записью $S \rightarrow O$; в акте “когито” присутствует момент *само*-направленности ($S \rightarrow S$): “Я мыслю себя мыслящим” или “Я мыслю: “Я мыслю”. Можно утверждать, что когито присутствует в *любом* суждении живого языка, ибо, если следовать Г.Фихте, момент самополагания образует как бы изнанку любого суждения. При этом Я не просто мыслит себя (= полагает себя) в каждом суждении; Я мыслит себя в нем *определённым образом*. “Мыслить себя”, собственно, и образует *когито*, а говоря, что мы мыслим свою мысль *определённым образом*, мы задаем некий *модус* существования когито. Последним, по-существу, утверждается, что “когито” охватывает некоторое многообразие явлений; о них можно сказать, что они не только существуют “в уме”, но и имеют своим предметом то, что происходит во внутреннем, “умственном”, плане.

Примером может служить картезианское *сомнение* как источник *ясного и отчетливого* знания; очевидно, что оно образует лишь один из мо-

дусов когито (понятно, что *не сомневаюсь* столь же относимо к когито, как и сомнение). Кажется вероятным, что могут быть названы и другие способы существования когито (такие как “верю”, “допускаю” и т. п.). И тогда печать двойственности, угадываемая в общем суждении “Я мыслю”, должна быть присуща каждой из возможных его разновидностей. Так, например, “Я сомневаюсь” включает в себе, наряду с элементом проблематичности (сомнение как таковое), элемент утвердительности – “несомненности” (“не сомневаюсь в том, что я сомневаюсь”). Предположение, что один и тот же ментальный акт может быть представлен двояким образом: дорефлексивно – как что-то однородное, “простое”, и рефлексивно – как нечто двусоставное (что звучало бы на языке современной рекламы как “два в одном”), наводит на мысль о возможности создания *алгебры* когитальных актов, ибо алгебраические структуры подразумевают возможность каждый элемент структуры представить в виде композиции элементов той же структуры. Однако до сих пор, насколько нам это известно, такая задача не ставилась.

Итак, существует ли соответствие, – а речь здесь могла бы идти о построении **изоморфизма**, – между некоторыми алгебраическими структурами и некоторым множеством когитальных актов субъекта? Каковы эти гипотетические структуры и когитальные акты? В данной статье мы впервые обсуждаем эти вопросы. Назовем *когитальной образующей* некоторого утверждения мысль субъекта о собственной мысли как предмете данного утверждения. Считаю ли я мысль, воплощенную в своем высказывании (и заключенную в форму сделанного утверждения), истинной или, напротив, отказываю ей в этом? – отвечая на этот вопрос, я извлекаю когитальную образующую своего утверждения. Здесь возможны такие, внутренне парадоксальные, утверждения, как, например, “не мыслю истинности этого тезиса за пределами моей мысли о нём” или “не мыслю самой мыслимости этого тезиса для Я” и т. п. Говоря в этом контексте об истинности (неистинности) утверждения, мы, таким образом, имеем ввиду то же, что и характер *мыслимости* этого утверждения *для меня*, способ его *существования для моей мысли*. Когитальные образующие – каждая как определенный способ существования “Я мыслю” – внутренне включены в такие утверждения, которые относятся к так называемым “внешним” объектам (“внеположным” Я), а также и тем, которые Я полагает существующими “внутри” себя самого. Но последнее означает, что любая из разновидностей когито сама в свою очередь обладает когитальной образующей. И, следовательно, суждения когито, как говорят, “проникают друг друга”. Этим-то и определяется возможность представления сферы “Я мыслю” в форме алгебраической группы.

Напомним читателю обычные признаки группы (см. С. Ленг, Алгебра, М., 1968):

- наличие закона композиции на множестве S в себя, $S \times S \rightarrow S$, сопоставляющей каждой паре элементов из S некоторый элемент из S , то

есть $(a, b) \rightarrow c$, что именуют *произведением* a и b , обозначая его ab (в тексте настоящей статьи нам будет удобнее пользоваться записью $a \times b = c$); закон композиции ассоциативен: $a \times (b \times c) = (a \times b) \times c$ для всех a, b, c из S

- наличие единичного элемента e из S , то есть такого, что $e \times a = a \times e = a$

- наличие обратного элемента b для каждого a из S , то есть такого, что $a \times b = e$

Тривиальный пример группы когитальных суждений, который мы могли бы предложить: двухэлементное множество, образованное высказываниями: “Я утверждаю” и “Я отрицаю”. Закон композиции элементов заключается в связывании этих высказываний предлогом “что”. Имеем:

Я утверждаю, что Я утверждаю \sim Я утверждаю;

Я утверждаю, что Я отрицаю \sim Я отрицаю, что Я утверждаю \sim Я отрицаю;

Я отрицаю, что Я отрицаю \sim Я утверждаю;

Я утверждаю, что (Я утверждаю, что Я отрицаю) \sim (Я утверждаю, что Я утверждаю), что Я отрицаю \sim Я отрицаю;

Я отрицаю, что (Я утверждаю, что Я отрицаю) \sim (Я отрицаю, что Я утверждаю), что Я отрицаю \sim Я утверждаю; и т. д. и т. п.

Закон композиции тут, как подсказывает интуиция, – а мы обращаемся здесь к живому языку и поэтому апеллируем к языковой интуиции, – *ассоциативен*; высказывание “Я утверждаю” представляет собой *единичный элемент*; высказывания “Я утверждаю” и “Я отрицаю” – *взаимобратны*. Перед нами группа, изоморфная коммутативной группе $(+1, -1)$; связке “что” соответствует операция обычного умножения.

Только что приведенный пример важен для нас не столько как демонстрация или, сказать точнее, тренировочный полигон для первоначального освоения *алгебры* когито; мы обращаемся к этому очень простому примеру, чтобы пояснить, что выражения “Я утверждаю” и “Я отрицаю” выступают как суждения именно *когито*. Они могли бы быть осмыслены (“переведены” на язык когито) так: “Я мыслю себя в качестве утверждающего”, “Я мыслю себя в качестве отрицающего”. О том, что именно здесь утверждается или отрицается, нет речи; главное – это само утверждение или само отрицание как особые акты мышления Я. При этом “Я утверждаю” может рассматриваться как предмет суждения когито, и вместе с тем – как когитальная образующая в составе “Я отрицаю” и “Я утверждаю”. И в том же плане, “Я отрицаю” есть самый предмет мысли, утверждающей отрицание, и – когитальная образующая некоторого отрицаемого утверждения.

Нетривиальной версией искомой алгебры когито могло бы быть создание более богатой системы, не ограничивающейся лишь двумя полярными элементами, – утверждения и отрицания, – вместе с общеизвестными отношениями, связывающими их нацело (в силу чего названные элементы

и взаимоотношения между ними давно уже воспринимаются нами как достояние в равной мере логико-философской и логико-математической мысли). В данной статье мы покажем возможность построения группы, состоящей из *четырёх* когитальных суждений, – *четырёх* модусов “мыслю”.

Эти суждения содержат в себе ключевые слова: **“приемлю”, “воздерживаюсь”, “допускаю” и “сомневаюсь”**. Вообще говоря, предметом данных высказываний, по аналогии с уже рассмотренными, могут быть какие-либо высказывания, относящиеся к “внешним” объектам. Но в рамках когитальной алгебры эти высказывания имеют своим предметом друг друга (например, “я допускаю..., что я сомневаюсь...”, “я приемлю..., что я воздерживаюсь...” и, кроме того, замкнуты на себя (“я приемлю..., что я приемлю...”, “я воздерживаюсь..., что я воздерживаюсь...” и т. п.).

В своем развернутом виде эти когитальные утверждения таковы:

- **“я приемлю высказывание”** [= “я приемлю это (утверждение)”, “для меня приемлемо утверждение, что это так”, и т. п.]
- **“я воздерживаюсь от высказывания”** [= “я воздерживаюсь утверждать это”, “я воздерживаюсь от утверждения, что это так” и т. п.]
- **“я допускаю (= приемлю условно) высказывание”** [= “я допускаю это (утверждение)”, “я допускаю утверждение, что это так” и т. п.]
- **“я сомневаюсь в высказывании”** [= “я сомневаюсь в этом (утверждении)”, “я сомневаюсь в утверждении, что это так” и т. п.]

Первое высказывание – утверждение “**приемлю**” – обозначим символом “**П**”. Второе – утверждение “**воздерживаюсь**” – символом “**В**”. Третье – утверждение “**допускаю**” – символом “**Д**”. Четвертое – утверждение “**сомневаюсь**” – символом “**С**”. Способ соотнесения (“закон композиции”) между этими утверждениями, также как и в предшествующем случае, может быть выражен предлогом “**что**”. Введем для его обозначения специальный символ “**Ω**”. Используя традиционные логический знак эквивалентности “**~**” и скобки “**()**”, мы можем теперь в символической форме выразить отношения, которые, – *если довериться интуиции*, – существуют между означенными высказываниями:

- **(П Ω П) ~ П** [*“приемлю (это) высказывания, (а именно) что приемлю (это) высказывание” есть то же самое, что и “приемлю (это) высказывание”*⁹⁹]
- **(П Ω В) ~ (В Ω П) ~ В** [*приемлю высказывание, что воздерживаюсь от высказывания – то же самое, что и “воздерживаюсь от высказывания, что приемлю высказывания”, и оба этих сложных высказывания означают то же, что и “воздерживаюсь”*]

⁹⁹ В дальнейшем уточняющие слова (в скобках): “это”, “а именно” будут опущены в высказывании “приемлю”, а также и в других высказываниях алгебры когито, то есть в высказываниях: “воздерживаюсь”, “допускаю”, “сомневаюсь”.

- $(\Pi \Omega Д) \sim (Д \Omega \Pi) \sim Д$ [приемлю высказывание, что допускаю высказывание” есть то же самое, что и “допускаю высказывание, что приемлю высказывание”, и каждое из них – то же самое, что “допускаю высказывание”]

- $(\Pi \Omega С) \sim (С \Omega \Pi) \sim С$ [“приемлю высказывание, что сомневаюсь в высказывании” – то же самое, что и “сомневаюсь в высказывании, что приемлю высказывание”, и оба эти высказывания эквивалентны высказыванию “сомневаюсь”]

- $(В \Omega В) \sim Д$ [здесь и далее, чтобы не утомлять читателя, приводим сокращенные пояснения к символическим записям; в данном случае – [“воздерживаюсь, что “воздерживаюсь” есть то же, что и “допускаю”]

- $(В \Omega Д) \sim (Д \Omega В) \sim С$ [“воздерживаюсь”, что “допускаю” есть то же, что “допускаю, что воздерживаюсь”, и каждое из этих высказываний эквивалентно “сомневаюсь”]

- $(В \Omega С) \sim (С \Omega В) \sim \Pi$ [“воздерживаюсь, что сомневаюсь” эквивалентно что “сомневаюсь, что воздерживаюсь”, и оба высказывания суть “приемлю”]

- $(Д \Omega Д) \sim \Pi$ [“допускаю, что допускаю”, или, в другой формулировке, “приемлю условно, что приемлю условно” – то же самое, что “приемлю”]

- $(Д \Omega С) \sim (С \Omega Д) \sim В$ [“допускаю, что сомневаюсь” и “сомневаюсь, что допускаю” эквивалентны друг другу и оба – высказыванию “воздерживаюсь”]

- $(С \Omega С) \sim Д$ [“сомневаюсь, что сомневаюсь” эквивалентно “допускаю”]

Из приведенных соотношений следует, что “приемлю высказывание” (“ Π ”) может быть интерпретировано как **единичный элемент**, и кроме того, что каждому высказыванию соответствует высказывание, которое может интерпретироваться как **обратный элемент** (обратным элементом к высказыванию Π является само Π ; обратным элементом к $В$ – высказывание $С$; обратным элементом к высказыванию $Д$ будет $Д$; обратным элементом к $С$ – высказывание $В$ (для иллюстрации “работы” обратного элемента, объединим в пределах сложного высказывания два простых, такие как “воздерживаюсь” (“ $В$ ”) и “сомневаюсь” (“ $С$ ”): позволив себе некоторую не строгость в построении высказывания, имеем – “воздерживаюсь от сомнений” есть то же, что “приемлю” (“ Π ”). И наконец, читатель может самостоятельно убедиться в выполнимости условия **ассоциативности** композиции высказываний. К примеру: $В \Omega (Д \Omega С) \sim (В \Omega Д) \Omega С$, и т. п. (раскрывая скобки, мы получаем в только что приведенном примере два эквивалентных высказывания: “воздерживаюсь от высказывания, что воздерживаюсь от высказывания” и “сомневаюсь в высказывании, что сомневаюсь в высказывании”; они действительно эквивалентны друг другу, ибо каждое из этих высказываний образуют когитальное утверждение: “допускаю высказывание” (“ $Д$ ”).

Итак, выделенная нами группа высказываний образует именно *группу* в алгебраическом ее понимании. Естественно теперь поставить вопрос, какой из известных алгебраических групп **изоморфна** только что построенная.

Рассмотрим четверку *комплексных* чисел:

$$\mathbf{K} = \{ \mathbf{1}, \mathbf{i}, -\mathbf{1}, -\mathbf{i} \}$$

Определив произведение чисел из \mathbf{K} согласно обычному правилу умножения комплексных чисел, получаем коммутативную группу с единичным элементом $\mathbf{1}$ и взаимобратными элементами $\mathbf{1}$ и $-\mathbf{1}$ и \mathbf{i} и $-\mathbf{i}$:

$$\mathbf{1} \times \mathbf{1} = \mathbf{1}; \mathbf{1} \times (-\mathbf{1}) = -\mathbf{1}; \mathbf{1} \times \mathbf{i} = \mathbf{i}; \mathbf{1} \times (-\mathbf{i}) = -\mathbf{i}; \mathbf{i} \times \mathbf{i} = -\mathbf{1}; \mathbf{i} \times (-\mathbf{1}) = -\mathbf{i}; \mathbf{i} \times (-\mathbf{i}) = \mathbf{1} \text{ и т. п.}$$

Теперь остается поставить в соответствие элементы группы когитальных высказываний и закон композиции между ними элементам группы \mathbf{K} и закон композиции между последними:

$$\Pi \rightarrow \mathbf{1}, B \rightarrow \mathbf{i}, D \rightarrow -\mathbf{1}, C \rightarrow -\mathbf{i}; \quad \Omega \rightarrow x \quad (*)$$

Переходя к традиционной геометрической интерпретации комплексных чисел, образующих \mathbf{K} , и их произведений, мы можем сделать более наглядной картину взаимоотношений между суждениями из группы \mathbf{M} . Представим элементы \mathbf{K} в виде точек на плоскости, которая образована вещественной и мнимой осями. “Спроецируем” элементы группы когитальных высказываний на эти точки, отождествляя их в соответствии с правилом (*). Получаем следующую графическую модель рассмотренных изоморфных групп, сведенных для удобства вместе в пределах одного рисунка (см. рис. 25)

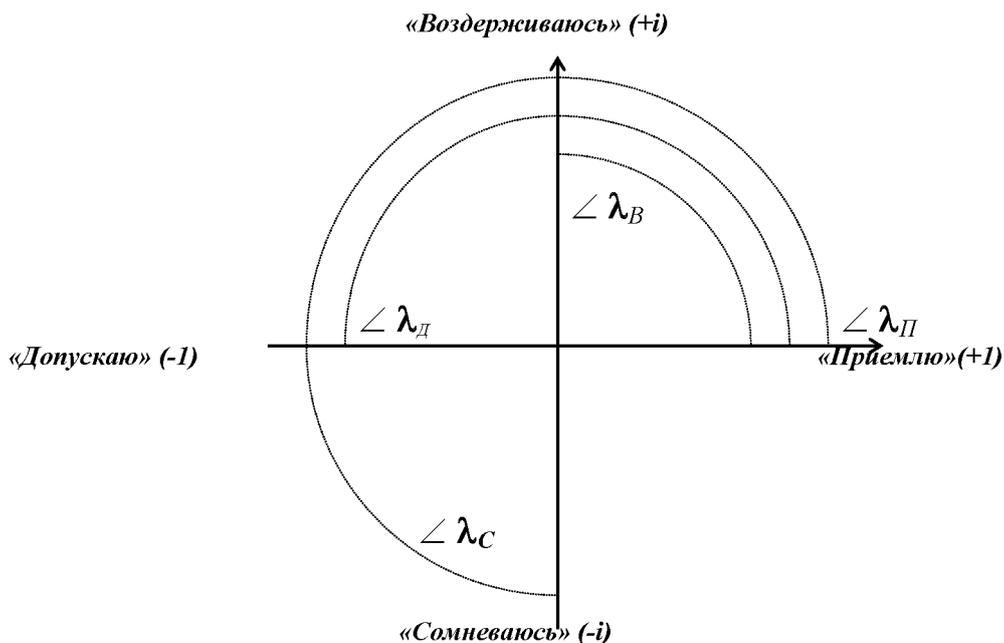

Рис. 25

Данная геометрическая модель дает нам очень удобное мнемотехническое, а точнее *когито-техническое*, средство эффективного освоения и использования правил обращения с высказываниями из M .

Два примера. Композициям $\Pi \Omega B$ и $B \Omega \Pi$ в группе M (“приемлю высказывание, что воздерживаюсь от высказывания” и “воздерживаюсь от высказывания, что приемлю высказывание”) соответствует B (“воздерживаюсь”); геометрическая интерпретация мгновенно подсказывает искомое решение, ибо достаточно сложить углы: $\angle \lambda_{\Pi} + \angle \lambda_B = \angle \lambda_B$, чтобы найти, что это точка $+i$. Точно также может быть легко найдено, что композиции $C \Omega C$ (“сомневаюсь, что сомневаюсь”) соответствует поворот единичного вектора на угол $\angle \lambda_c + \angle \lambda_c = \angle \lambda_d$, то есть точка (-1) (“допускаю”).

Геометрическая модель позволяет также со всей наглядностью проиллюстрировать такую важную черту группы когитальных высказываний как *цикличность*. Действительно, она содержит в себе два образующих ее элемента (группа определяется как *циклическая*, если существует такой элемент a в данной группе, что любой элемент той же группы может быть представлен в виде a^n , таких элементов в группе может быть несколько, и они называются *образующими* данной группы). В группе когитальных высказываний M такими образующими являются “сомневаюсь” и “воздерживаюсь”. Возводя любой из этих элементы в степень (в геометрической модели эта процедура сводится к многократному суммированию с самим собой угла в 90° , и, соответственно, угла в 270°); в итоге удастся воспроизвести (“навестить по кругу”), все элементы K (точки ее геометрической интерпретации).

Для завершения этого первого очерка алгебры когито, необходимо рассмотреть еще ряд вопросов, выходящих за пределы формальной задачи поиска изоморфизма (или, как иногда говорят, “фигуративной метафоры”) между такими математическими и “не-математическими” формациями, как *группа* и *когито*.

Почему не только *действительные*, но и *мнимые* числа появляются в алгебраической модели сферы когито? Как можно было бы *осмыслить* их в качестве образов высказываний из группы M ? Какова смысловая подоплека *изоморфизма*, существующего между группой когитальных высказываний M и группой комплексных чисел K ? Чем обусловлены различия **в знаках** перед вещественными и мнимыми числами в K , моделирующими высказывания из M ? Таков первый класс вопросов, естественно поднимаемых алгеброй когито.

Отвечая на первый вопрос – о содержательном смысле введения комплексных чисел для имитации взаимоотношений между высказываниями, – мы исходим из того, что тот, кто высказывает их, может вступать в сложные взаимоотношения со своим высказыванием. Так, субъект может внутренне соглашаться или не соглашаться с тем, что объект его суждения существует, но высказывается о нем как объекте, существующем *досто-*

верно. Различая два выделенных варианта высказываний, будем говорить в дальнейшем о *безусловно-достоверных* и *условно-достоверных* высказываниях. Читатель уже узнал в них, соответственно, высказывания: “я *приемлю*” и “я *допускаю*”. Мы видим, что они противопоставлены друг другу по признаку “безусловности – условности” высказывания. Кроме того, человек может отдавать себе отчет в том, что в его высказывании речь идет о чем-то заведомо вымышленном, кажущемся, не укорененном в его собственном мышлении, в его Я (что не означает, конечно, что человек имеет достаточные основания для того отвергнуть мысль о существовании объекта высказывания). Словом, речь идет о том, что открывается ему как *мнимое*, пока лишь *якобы существующее* для него. Бывает и иначе, когда существование объекта в высказывании отрицается, однако, в условном плане (когда Декарт “сомневается” в существовании внешнего мира, он проделывает это в условном плане, – лишь для того, чтобы доказать, что предмета сомнения существует в действительности). Таким образом, здесь приоткрывается еще одна категория высказываний, предметом которых является *мнимое* (иначе говоря, то, что мнится субъекту), причем данная категория высказываний подразделяется на два класса: *безусловно-мнимые* и *условно-мнимые* высказывания. Соответственно, таковы высказывания: “я *воздерживаюсь*” и “я *сомневаюсь*”.

Итак, вырисовываются основные оси и “полюсы” соотнесения и противопоставления высказываний из *М*, что удобно представить графически:

“Я *воздерживаюсь*”
(высказывание о *безусловно мнимом*)

“Я *допускаю*”
(высказывание об
условно достоверном)

“Я *приемлю*”
(высказывание о
безусловно достоверном)

“Я *сомневаюсь*”
(высказывание об *условно мнимом*)

Теперь очевиден смысл противостояния “*приемлю*” – “*допускаю*” и, соответственно, – противоположности знаков при символе **1** (если мы согласимся видеть в последнем символ *существования* чего-то в мысли): “*приемлю высказывание*” имеет своим предметом *безусловно достоверное (+1)*, а “*допускаю высказывание*” – *условно достоверное (– 1)*. Проясняется также смысл оппозиции “*воздерживаюсь*” ↔ “*сомневаюсь*” и, следовательно, противоположности знаков при символе **i**: “*воздерживаюсь от высказывания*” имеет своим предметом *безусловно мнимое (+ i)*, “*сомневаюсь в высказывании*” – *условно мнимое (– i)*.

Среди поставленных вопросов – наиболее сложный касается природы изоморфизма, установленного нами между группой когитальных вы-

сказываний и группой комплексных чисел. Пока мы могли сказать, что определенным метаморфозам, затрагивающим когитальные высказывания, соответствуют взаимопревращения комплексных чисел, когда они умножаются друг на друга или возводятся в степень. Каковы интуитивные истоки этого тайного и, мы бы сказали, чудесного соответствия? Ответ на этот вопрос мы попробуем здесь лишь наметить, полностью отдавая себе отчет в том, что его развернутое обсуждение требует особого места и времени.

В основе предлагаемого решения – анализ понятий *условности* и *мнимости*, ключевых для построения алгебры когито. Им, на наш взгляд, свойствен тот потенциал “отрицательности”, который объясняет взаимопереходы и самотрансформации всех высказываний в круге когито. Мы поясним сказанное тремя примерами: “саморефлексией” высказываний “я воздерживаюсь” и “я сомневаюсь”, образующих циклические элементы группы когитальных высказываний M , и являющихся прообразом мнимых чисел $(+i)$ и $(-i)$ в группе K , а также обращенным “на себя” высказыванием “я допускаю”, которое представляет собой обратный к себе самому элемент группы M .

Обратимся к словарным значениям интересующих нас слов (что естественно, – ведь для нас важен именно живой язык в его соотношении с формальным, языковая интуиция в соотношении с правилами формального оперирования с символами). Начнем, однако, с противоположного понятия – о *безусловном*: оно может рассматриваться как базовое. *Безусловный* – 1. Не связанный условиями, безоговорочный ...; 2. Несомненный, окончательный, полный”... (см. “Толковый словарь русского языка”, под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934). Оба значения слова, как видим, выражают идею тождества того, что *истинно для меня* (то что реально существует в моей мысли о чем-то) и того, что *делается мною*, когда я высказываюсь о чем-то, добиваюсь чего-то, поступаю как-то (словарными примерами *безусловного* служат здесь: *обязательство, успех, повинование*). Обратимся теперь к *условному*. “*Условный*” – 1. Установленный по условию, понятный, известный лишь тем, кто условился. 2. Оговоренный каким-нибудь условием, зависящий от условия, имеющий силу только при наличии каких-нибудь условий. 3. Истинный, действительный лишь в относительном смысле, могущий стать другим при других условиях, являющийся условностью (в смысле – “общепринятый, но лишенный реальной, действительной ценности обычай, порядок”). 4. Основанный на отказе от реалистического восприятия действительности, заменяющий подражание действительности ее символическим обозначением. 5. Содержащий в себе значение условия (“если”). Общим знаменателем всех этих значений слова, как видим, является **идея несовпадения мысли о чем-то и самого мыслимого** (поступок, высказывание, факт и т. п.). Обычный язык подтверждает введенный критерий для сравнения и различения *безусловного* и *условного*, – согласно характеру общности между высказыванием о существовании чего-либо и мысли, которая раскрывается, или, наоборот, скрывается за этим высказыванием.

Рассмотрим далее понятие “мнимость”. Что есть “ м н и м о с т ь ” вообще – в нашем обычном словоупотреблении? Это – отвлеченное существительное к “мнимый”, поясняет нам “Толковый словарь русского языка”, и раскрывает “мнимое” как “воображаемое”, “кажущееся”. Оттенки значений “мнимого” это – “притворный”, “ложный”, “*вымышленный*” (подчеркнуто мною – В.П.). Среди примеров, наряду “мнимым состраданием” и “мнимой смертью”, приводятся “мнимые знания”. Чуть далее в Словаре раскрывается значение слова “ м н и т ь ”, которое тоже должно быть рассмотрено, ибо очевидно, что “мнимое” происходит от слова “мнить”. Последнее означает “думать”, “считать”, “полагать”. Заметим, что в этих словах прямо не выражена какая-либо двойственность, отрицательность, присущая прилагательному “мнимый”. Налицо лишь принадлежность сфере мышления. *Вымышленность*, кажимость, иронический и самоиронический смысл (ранее мы подчеркнули слово “вымышленный”) присутствуют по тексту позже, в примерах: “Не то, что мните вы, природа” (Тютчев), “В семье я мнил найти отраду”; “я дочь свою мнил осчастливить браком” (Пушкин); “Пороки юности преступной я мнил страданьем искупить” (Лермонтов). Наконец, слово “ м н и т ь с я ” определяется как “думаться” (то есть “думать себе”, “надумывать себе самому” – В. П.), “казаться”.

Что же такое эти *мнимые, кажущиеся знания*, которые в то же самое время *думаются*, будучи *мыслью*? Мнимость – это то, что я мню, то есть то, что существует в мысли и только. “...*В мысли и только*”. Смысл *мнимости* как таковой, в силу этого словосочетания “и только”, совершенно парадоксален. Слово *вымышленность* и родственные слова позволяет уловить, локализовать, парадокс. *Вымысел, вымышленность* суть что-то *мыслью из мысли выведенное*, и “выведенное” тут как бы двоится, означая не столько дедукцию (некое следование за мыслью), сколько элиминацию (выдворение за пределы мыслимого). Конечно, *вымышленное* при этом не покидает сферы мышления бесповоротно. Оно только на время *выводится*. В том то и состоит внутренняя парадоксальность мнимости, что для того, чтобы заключить мысль в скобки мысли, сказав “только в мысли и существует данная мысль”, ее нужно предварительно вывести за эти скобки, – вывести, чтобы после опять ввести. “Воображаемое” – еще один оттенок значения “мнимого” несет на себе печать возвращения – введения в образ. След *иномыслия, бытия за пределами мысли, сбережен* в слове “мнить”.

Та же парадоксальность присуща и мнимым числам: они мыслятся как достояние мысли и только. Подчеркивая это, мы упреждаем возможный вопрос: а не искусственна ли параллель между значением слова “мнимое” в обычном языке и словом “мнимое” применительно к комплексному числу *i* в математике? Не ручаюсь за точность цитирования, но один из литераторов справедливо иронизировал, что если в стихотворении современного автора появляется слово “филин”, жди слова “Фили”. Не происходит ли чего-то подобного и со словом “мнимое”, для обозначения того, что может жить совершенно несходной жизнью в столь разных контекстах ис-

пользования, таких как язык повседневного общения и язык математики? Нет, отвечаем мы, не происходит. Подразумеваемое бытие за пределами мысли выступает в обоих случаях как “снятый” момент, – скрытый преследователь, придающий *мнимому* полумистический смысл присутствия несуществующего в существующем, существования в мысли того, что реально не существует для мысли.

Соотнесем *условное* и *мнимое*. Ранее мы могли убедиться в том, что за условностью высказывания вырисовывается некая оппозиция высказывающегося и мыслящего; говоря о чем-либо или ком-либо: “как бы”, “как будто”, “как если бы”, человек мысленно дистанцируется от своего высказывания, избегая совпадения себя в качестве субъекта мысли с собой как субъектом высказывания. Условность при этом определяется двумя началами, и о каждом из них человек мог бы сказать себе: “Я – мню”. В одном случае мнится сама *форма* высказывания: *говорение* о чем-либо не тождественно *мышлению* о говоримом. Мнимость *формы* в качестве одной из двух ментальных образующих условности обозначим – M_{ϕ} . Во втором случае, мнимо то, *что* условно, то есть само *содержание* высказывания. По примеру мнимости формы, мнимость содержания высказывания обозначим – M_c . Высказывание, имеющее условный характер, и рассматриваемое уже не частично, а как единое *целое*, может быть представлено в виде композиции (произведения) двух своих “образующих” – двух *мнимостей*: $M_{\phi} \times M_c$.

Что же должен представлять собой результат указанной композиции? Напомним, что высказывание, осуществляемое в условном плане, говорит о чем-то, лишенном силы бытийности, иными словами, само о себе свидетельствует, что внутри этого утверждения факт существования его объекта отрицается (несуществующее в существующем). Подобное “несуществование объекта” существующее в самой мысли о нем может быть выражено числом “– 1”. Из этого следует: $M_{\phi} \times M_c = (-1)$. Остается заметить, что мнимость *формы* существования объекта высказывания (M_{ϕ}) и мнимость *содержания* этого высказывания (M_c) заключают в себе качество мнимости как таковой, и в этом отношении качественно неразличимы в мышлении ($M_{\phi} = M_c$). Исходя из положения: $M_{\phi} \times M_c = (-1)$, мы можем теперь заключить: $M_{\phi} = i$ и $M_c = i$.

Ранее мы говорили о мнимом как производящем начале, своего рода корне условного. Уместно предположить, что условное как бы обратным действием могло бы быть восстановлено из своих корневых образующих:

мнимое мнимого = несуществующее несуществующего =
 = то, что нее существует в том, что не существует = то, что условно
 (*условное*)

В математике этому восстановлению следов прошлого, запечатленного в мнимых числах, соответствует произведение мнимостей на себя самое: $i \times i = -1$. Поэтому, думается, нет ничего удивительного в том, что мнимые числа рано или поздно должны были заявить о себе в качестве

средств анализа ментальных актов, – ведь “мнить” что-либо есть естественное, хотя и внутренне парадоксальное состояние.

Пока что, говоря о мнимом, мы не спрашивали, как существует мнимое, – оно было для нас чисто номинальным образованием – “*несуществующим*”. Наподобие скандальных *ста талеров*, о которых писал И. Кант, бытие которых неотлично от небытия, подразумевалось, что мнимое как таковое “нейтрально”: в нем бытие и небытие смыкаются, совпадают. Однако, в качестве смыслового центра высказываний круга когито, мнимое приобретает определенность, – как говорят сегодня, “доопределяется”. Ведь *воздерживаться от высказывания* – уже не просто указывает на *мнимость* того, от высказывания чего воздерживаются, а провозглашает *бытийность* этого мнимого, его *безусловность*. Точно также, высказывая *сомнение* в каком либо высказывании (то есть *у-со-мнив-шись*), мы разоблачаем мнимое как небытийное, или, скажем иначе, – облачаем его в ажурный наряд короля стоимостью в сто несуществующих талеров. Итак, мнимое, как смысловое ядро высказываний “*я воздерживаюсь*” и “*я сомневаюсь*” выступает в двух ипостасях, уже названных нами: “*безусловно мнимое*” и “*условно мнимое*”.

Алгебра когито в трансценденциях. «Чистое» cogito, ранее вращавшееся в кругу самосознания из высказываний способно вступить в соприкосновение с высказываниями по поводу внешних объектов. Мы опробуем открывающиеся здесь возможности, обсуждая фрагмент статьи З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [3].

Выделенные нами высказывания «Алгебры когито»

- $k_1 \sim$ «Я приемлю это высказывание», сокращенно, «**П**»
- $k_2 \sim$ «Я воздерживаюсь от этого высказывания», «**В**»
- $k_3 \sim$ «Я допускаю это высказывание», «**Д**»
- $k_4 \sim$ «Я сомневаюсь в этом высказывании», «**С**»

будем называть в дальнейшем «*свободными когитальными высказываниями*» и обобщенно записывать их как k_i а четырехэлементное множество, составленное из этих высказываний, будем называть группой свободных когитальных высказываний **K**:

$$K \sim \{k_i\}$$

Потребность соотносить эти высказывания, а также связывать их с другими высказываниями, лежащими за пределами множества **K**, порождает представление о *присоединенных (сложноподчиненных) когитальных высказываниях*. Мы получаем их из *свободных* когитальных высказываний посредством введения связки «а именно, что» (обозначим ее символом «**Ω**») и других высказываний (**X**), которые могут быть обозначены как *смежные высказываниями*.

Множество *смежных высказываний* включает в себе три подмножества:

- *Свободные когитальные высказывания алгебры когито*. Пример: «Я допускаю это высказывание, а именно, что я воздерживаюсь от этого

высказывания», Д Ω В, или, положим, «Я сомневаюсь в этом высказывании, что я сомневаюсь в этом высказывании», С Ω С и т. п. Из сочетания свободных рождается сложное когитальное высказывание. И таков первый вариант присоединенного высказывания. Заметим, что в приведенных примерах свободные когитальные высказывания, занимающие первую позицию в сложном (двухсоставном) высказывании, придают определенность смежному высказыванию, то есть в данном случае свободному когитальному высказыванию, занимающему вторую позицию в сложном высказывании. Тот же принцип может быть распространен на более длинные цепочки свободных высказываний: каждое предшествующее вносит определенность в последующее высказывание. Впрочем, в силу того, что свободные когитальные высказывания выявляют в себе свойства группы (к чему мы обратимся позже), мы не будем иметь дело на практике с «длинными» цепочками, и ограничимся только двухсоставными сложными высказываниями. Присоединенные когитальные высказывания, образуемые из свободных и только свободных, мы будем называть в дальнейшем *переходными когитальными высказываниями*.

- *Замыкающие высказывания*. Это – высказывания, которые возвращают нас к тем или иным свободным когитальным высказываниям или их сочетанию в сложном высказывании. Примером может служить высказывание -X, относящееся к только что озвученному свободному или сложному когитальному высказыванию:

-X ~ «Предыдущее высказывание истинно»,
или, что то же самое,
«То, что было только что сказано, – истинно»

Посредством этого высказывания мы получаем возможность перейти от свободных когитальных высказываний к *саморефлексивным высказываниям*:

«Я приемлю это высказывание, а именно, что предыдущее высказывание истинно» ~ «Я приемлю (именно) **это** высказывание»;

«Я воздерживаюсь от этого высказывания, а именно, что предыдущее высказывание истинно» ~

~ «Я воздерживаюсь (именно) от **этого** высказывания».

Точно также посредством смежного высказывания -X в саморефлексивные высказывания превращаются свободные когитальные высказывания «Я допускаю» и «Я сомневаюсь». При этом рождаются: «Я допускаю (именно) **это** высказывание» и, соответственно, «Я сомневаюсь (именно) в **этом** высказывании».

- *Привходящие высказывания*. Таковы высказывания, которые не включают в себе прямого указания на свободные и сложные когитальные высказывания. Точнее можно было бы сказать, что предметом этих высказываний не являются свободные когитальные высказывания и их сочетания. Наконец, еще более строго можно было бы определить их как высказывания, дополнительные к свободным и сложным когитальным высказываниям,

а также «замыкающим» высказываниям, если под «дополнительным» понимать принадлежность высказывания к универсуму высказываний вообще *минус* множество свободных, сложных, и замыкающих высказываний.

Примерами привходящих высказываний могут служить такие, как: «Параллельные миры существуют», «Большая теорема Ферма может быть доказана», «Этот материал обладает свойством U», «Это высказывание ложно» и т. п. Заметим, что и высказывание «(Я) мыслю» («*cogito*»), корневое, как мы уже говорили, по отношению к свободным высказываниям алгебры когито, мы должны также отнести к категории привходящих высказываний, ибо оно не содержит в себе прямого указания на эти высказывания. В результате присоединения к свободным и сложным когитальным высказываниям привходящих высказываний, рождаются, например, такие выражения, как: «Я допускаю это высказывание, а именно, что параллельные миры существуют», или «Я сомневаюсь в этом высказывании, а именно, что Большая теорема Ферма может быть доказана»¹⁰⁰. Присоединенные когитальные высказывания, завершаемые привходящими высказываниями, мы будем называть *трансцендирующими* высказываниями.

3. После введения всех этих определений, мы можем рассмотреть вопрос о взаимоотношениях между свободными, переходными, саморефлексивными и трансцендирующими высказываниями.

Особо подчеркнем, что при установлении этих отношений мы доверяемся **интуиции**. Мы уверены, что только интуитивное языковое чутье носителей или знатоков языка может быть источником уверенности в вопросе об истинности предлагаемых утверждений. Или, по крайней мере, мы рассчитываем на вердикт читателя в форме «допускаю это высказывание». Некоторые дополнительные основания, связанные с введением новых конструкторов и схем анализа сложных когитальных суждений содержится в нашей работе [88].

Посредством введения замыкающих и привходящих высказываний мы можем существенно расширить спектр приложений алгебры когито. Однако это было бы навряд ли возможно, если бы мы не приняли для себя следующий *постулат*:

$$(\Omega \text{ } k_{i(j-1)}) \Omega (k_{ij} \Omega X) \sim (\Omega \text{ } k_{ij}) \Omega (X)$$

Иллюстрация:

$$\begin{aligned} & (C \Omega П) \Omega (B \Omega \text{«Параллельные миры существуют»}) \sim \\ & \sim (C \Omega П \Omega B) \Omega (\text{«Параллельные миры существуют»}) \end{aligned}$$

¹⁰⁰ Просмотрев (впрочем, очень бегло, только Введение и Заключение) книгу одного из авторов, пишущих на эту тему, о Большой теореме Ферма, *я так и не понял*, располагает ли он ее доказательством или опровержением. Выражению «так и не понял» соответствует «воздерживаюсь». Но есть всё же основание сказать: «*Я сомневаюсь в этом высказывании, а именно, что автор книги доказал...*», так как полагаю, что мне, психологу по профессии, должно было бы быть известно о таком грандиозном событии, как доказательство Большой теоремы Ферма, из многих источников - чуть ли не из свежих газет. (Когда я впервые писал эти строки, я переоценил возможности средств массовой информации. Им удалось пройти мимо этого события – В. П.).

Данный постулат – мы назовем его *постулат автономизации* – позволяет «запустить» механизм взаимодействия свободных когитальных высказываний между собой без вовлечения в этот процесс привходящих высказываний; в итоге, в силу алгебраических отношений, существующих между свободными когитальными высказываниями, в конечном счете, всего одно из них вступает в плотное взаимодействие с привходящим высказыванием (в нашем примере это высказывание «Приемлю...»).

При выяснении того, как когитальные высказывания сочетаются с привходящими высказываниями в составе сложного целого, можно обратиться к особой возможности «перевода» алгебры когито на язык **кватернионов**. В этом случае каждое свободное когитальное высказывание по поводу явлений, событий, гипотез, оценок и т. п., содержащихся в привходящих высказываниях, может быть представлено как продукт диалога двух «голосов», звучащих в сознании аналитика. Положим, речь идет об оценке истинности тезиса «А», содержащегося в привходящем высказывании, в противовес тезису «не-А». Во внутреннем диалоге по этому поводу будем различать аргументы «За» и «Против» тезисов «А» и «не-А», принадлежащие мне самому («моему Я»), и чужие аргументы «За» и «Против» по поводу этих же тезисов, принадлежащие моему альтер-эго («моему Ты»). Кроме того, введем количественную оценку степени аргументированности осуществляемых высказываний, а именно: $x_{ij} = -1, 0, +1$.

Заполним таблицу, помещая в пустые клеточки оценки степени аргументированности тезисов «А» и «не-А»:

	Тезис “А”	Тезис “не-А”
Мои аргументы «За»	x_{11}	x_{12}
Чужие аргументы “Против”	x_{12}	x_{22}

Теперь мы можем иметь дело с высказываниями “приемлю”, “воздерживаюсь”, “допускаю” и “сомневаюсь”, ставя им в соответствие кватернионы (в матрицах, изображенных ниже, оставлены только значения x_{ij}):

“Приемлю” = +1	“Воздерживаюсь” = +i	“Допускаю” = -1	“Сомневаюсь” = -i
$\begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} 0 & -1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} -1 & 0 \\ 0 & -1 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} 0 & 1 \\ -1 & 0 \end{pmatrix}$

Взаимодействие между свободными когитальными высказываниями теперь можно интерпретировать как произведение кватернионов (разумеется, здесь выполняются все соотношения, позволяющие интерпретировать

данные высказывания как элементы группы). Таким образом, проясняется тот факт, что за любым из когитальных высказываний, ориентированных вовне, скрывается диалог-конфронтация исследователя с самим собой – многоголосье «за» и «против» по поводу альтернатив, лежащих «по ту сторону» его самосознания.

Может оказаться интересным использование развиваемых в алгебре когито схем анализа при интерпретации деятельности ученого, впервые высказывающего свои идеи, и отдающего себе отчет в их гипотетичности. Одним из наиболее ярких исследователей, чьи идеи не только удивляли, но нередко и эпатажили ученую публику, был, как известно, З. Фрейд. Может быть, именно поэтому особенно интересно, в контексте алгебры когито, проследить, как Фрейд убеждал своих оппонентов, выдвигая самые «дерзкие» из своих идеи. Ниже мы приводим некоторые примеры, имеющие отношение к метаморфозам и игре высказываний «приемлю», «воздерживаюсь», «допускаю», «сомневаюсь».

«*Я воздерживаюсь*». «Меня могли бы спросить, – писал Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия», – убежден ли я сам, и в какой мере, в развитых здесь предположениях.» (Фрейд здесь впервые высказывает идею «влечения к смерти» и более общее утверждение о «регрессивном характере влечений»). «Ответ гласил бы, – продолжает автор, – что я не только не убежден в них, но и никого не стараюсь склонить к вере в них. Правильнее: я не знаю, насколько я в них верю (**Я воздерживаюсь**). Мне кажется, что аффективный момент убеждения вовсе не должен приниматься здесь во внимание (**Я воздерживаюсь от Я приемлю = Я воздерживаюсь**). Ведь можно отдаться ходу мыслей, следить за ним, куда он ведет исключительно из научной любознательности (пока еще речь идет о «**Я допускаю**»), или, если угодно, как “advocatus diaboli” (поверенный дьявола), который из-за этого сам всё же не продается черту» (и тут же, вслед за «**допускаю**», следует: **Я сомневаюсь в своем допущении = Я воздерживаюсь**).

«*Я приемлю*». «Конечный результат тем менее надежен, чем чаще это делается («комбинация фактического материала с чистым размышлением» – В. П.) в процессе построения какой-либо теории (**Я сомневаюсь**), но степень ненадежности этим еще не определяется. Здесь можно счастливо угадать, но и позорно впасть в ошибку» (**Я воздерживаюсь от того, чтобы сомневаться = Я приемлю**). «Так называемой интуиции я мало доверяю при такой работе (**Я сомневаюсь**)... Но, к сожалению, редко можно быть беспристрастным, когда дело касается последних вопросов, больших проблем науки и жизни... При таких основаниях для недоверия не остается ничего другого, как благожелательная сдержанность к результатам собственного мышления» (**Я воздерживаюсь от Я приемлю = Я воздерживаюсь**). Однако – «Я только спешу прибавить, что такая самокритика не обязывает к особой терпимости (**Я воздерживаюсь**) по отношению к иным взглядам» (подразумевается, что они сомнительны, так как их первые шаги могут противоречить наблюдаемому) (**Я воздерживаюсь от того, чтобы**

разделять сомнение оппонентов = Я приемлю). «...При этом можно сознавать, что правильность выдвигаемой (нами) взамен теории есть лишь временное явление» (**Я допускаю**). Далее повествование непосредственно подводит нас к «оценке наших рассуждений о влечениях к жизни и смерти», к тому, что здесь «мы принуждены оперировать с научными терминами, то есть специфическим образным языком психологии» (мы понимаем эту ремарку, тем более что далее речь идет о «недостатке нашего описания» как указание на *условность* используемого языка, что означает для нас «**допускаю**»). Имеем: «**Я допускаю, что я допускаю = Я приемлю**). «Недостатки нашего описания (язык **допущений**), вероятно, исчезли бы, если бы (**допущение**) психологические термины мы могли заменить физиологическими или химическими терминами. Они, правда, тоже относятся к образному языку (вновь **допущения**), но к такому, с которым мы уже давно знакомы и который, пожалуй, более прост для нас» (мы, таким образом, должны были бы **допустить** для себя новое **допущение = Я приемлю**).

«С другой стороны, мы должны уяснить себе, что неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одалживаться у биологии» (**Я сомневаюсь**). «...Мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже» (**Я воздерживаюсь**). Имеем: **Я сомневаюсь в том, от чего воздерживаюсь = Я приемлю**). «Возможно, что как раз такие (открытия), что все наше искусное здание гипотез распадется» (**Я сомневаюсь**). «... Я не могу сказать, однако (**воздерживаюсь от сомнений = Я приемлю**), что некоторые аналогии, сопоставления или зависимости не казались бы мне все же заслуживающими внимания» (**Я приемлю**).

Мы видим, таким образом, как Фрейд первоначально как бы отступает на шаг («**Я воздерживаюсь**»), причем это состояние не столько афишируется, сколько подсказывается контактами между свободными когнитивными высказываниями «допускаю», «воздерживаюсь», «сомневаюсь», «приемлю», а потом приобщает читателя к позиции «**Я приемлю**».

Рассмотрим еще один класс вопросов, имеющих отношение уже не к самой по себе Алгебре когито, а к ее “прикладным” аспектам. Говоря на языке, который становится сегодня, увы, все более понятным и философам, и логикам, и лингвистам, и психологам, проблема могла бы быть сформулирована так: если верно, что Алгебру когито **акционирует** философская, логическая, лингвистическая и психологическая мысль, то в чем могли бы состоять возможные дивиденды?

Алгебра когито и философия. Рассмотрим две области философских разработок, для которых могли бы быть небезразличны контакты с Алгеброй когито.

Философия “Я”. Термин философия “Я” – чисто рабочий. Он указывает, скорее, на некоторую область возможных находок, чем на какую-либо строго очерченную предметную область в философии. Речь идет об

исследованиях, центрированных на проблеме “Я”, и само собой ясно, сколь разнородны и многообразны эти исследования. Должную определенность, пожалуй, вносит лишь конкретизация “Я” как *causa sui* (“причины себя”) – в каких бы конкретных обличьях не заявляло оно о себе в истории философии – “мыслящая вещь” Декарта, “яйность” Фихте, “монада” Лейбница и др. “Мысль о самой мысли”, “самополагание”, “самоопределение” и т. п. – всё это не разные имена для обозначения одного и того же. Да, речь идет о процессах, замкнутых на себя, производящих себя, производимых собою и в этом смысле одинаково “самопричинных”. Но анализ мог бы убедить нас в том, процессы, реализующие самопричинность Я, суть различные процессы (см. В. А. Петровский [82], 1996). И они замкнуты также друг на друга, обуславливают друг друга, нерасторжимы. Призрак мультипликативности (в том смысле, который придает этому слову математика) пронизывает тексты философов... В Алгебре когито он обретает реальность. Зачем?

Быть может, затем, чтоб вернуться?

Возьмем для примера принцип **сомнения**... “Подвергай всё сомнению!” Попробуем реализовать в полном объеме этот девиз. Мы помним, что Алгебра когито, открывая цикличность группы когито, подмечает, в частности, тот факт, что элемент *C* (“я сомневаюсь”) является одним из образующих элементов данной группы (многократное произведение этого элемента “на себя” воспроизводит все остальные ее элементы). Из этого следует, что если принцип сомнения у н и в е р с а л е н, то предметом сомнения должно выступить сомнение как таковое. И мы имеем тогда:

$C^2 \sim C \Omega C \sim D$ (“сомневаюсь, что сомневаюсь” эквивалентно “допускаю”). Далее (в силу той же непреклонной универсальности принципа), $C^3 \sim C \Omega C \Omega C \sim C \Omega D \sim B$ (... “сомневаюсь, что допускаю” эквивалентно “воздерживаюсь”). И наконец, $C^4 \sim C \Omega \Omega C \Omega C \Omega C \sim C \Omega B \sim P$ (... “сомневаюсь, что воздерживаюсь” ~ “приемлю”). (См. геометрическую интерпретацию этих композиций, и тогда метаморфозы самонацеленного сомнения выступают со всей наглядностью). Уничтожается ли тем самым фигура сомнения как одна из установок сознания? Разумеется, нет, ведь “я принимаю” также может быть подвергнуто сомнению, и круг таким образом замыкается на *сомнении*: $C \Omega P \sim C$ (“сомневаюсь, что приемлю” эквивалентно “сомневаюсь”). Однако, мы видим, что принцип сомнения в самом себе ограничен, “уравновешивает” себя производными от себя самого установками мысли.

Или – “пирроническое **воздержание**”, ελοχη, “состояние воздержания от всякого высказывания”, о котором Павел Флоренский говорил как о “последнем слове скепсиса” (П. А. Флоренский, т. 1, Столп и утверждение истины” (1), М., 1990, С. 35). Если высказывание ελοχη обратить к самому себе, то это “приводит к состоянию уже не просто сомнения (“в смысле неуверенности”), а к абсолютному сомнению”. В этом случае “началось, – отмечает автор цитируемого произведения, – абсолютное сомнение,

как полная невозможность утверждать что бы то ни было, даже свое неутверждение”¹⁰¹. И, продолжая мы, подобный вывод бесспорен, *если* исходить из идеи существования *вполне “не-условного”* (Флоренский) знания. Анализ, однако, показывает, что условное знание необходимо присутствует в любом высказывании Алгебры когито – либо непосредственно, как например, в высказываниях *я допускаю*, и *я сомневаюсь*, либо – опосредовано, как бы в спектральном разложении таких высказываний как *я воздерживаюсь* и *я приемлю*. Последовательная же реализация высказывания *я воздерживаюсь* в обращенности к себе самому циклически порождает все элементы группы когитальных высказываний, ибо *я воздерживаюсь* есть еще один (в дополнении к *я сомневаюсь*) образующий элемент этой группы.

Соотнесение гносеологических систем в философии. Конечно, философские аспекты формализации соотношений, присутствующих в когито, не ограничиваются философией Я. Например, саму типологию, взаимосвязь и взаимопродуцирование философских систем можно увидеть в контексте Алгебры когито. Так, позиция “*воздерживаюсь*” представлена философией **агностицизма**, “*допускаю*” – философией **позитивизма**, “*сомневаюсь*” – **картезианской** доктриной и современными ее импликациями, “*приемлю*” – “философией” **наивного реализма**.

Пожалуй, лишь последняя, то есть не критическая и не рефлектирующая себя вера в истинность того, что дано нам в первичном опыте (= опыте первоначальных суждений о мире, будь то опыт переживания “внеположности” мира или бытия Бога) не выходит за пределы себя. Но уже философия *допускаю*, представленная гипотетико-дедуктивными конструкциями, чревата философией *принятия* опыта, выраженного принципом верификации, то есть подтверждаемости теории опытом. По поводу принципа верификации, аналитики справедливо замечают, что реализация гипотетико-дедуктивных построений неизбежно приводит к парадоксальному результату: исходные допущения теории как бы встречаются сами с собой, ибо не существует такого опыта, который не зависел бы от исходных теоретических посылок (а они-то и лежали в основании накопления этого опыта)¹⁰². К этой встрече *условно достоверного* знания (посылки тео-

¹⁰¹ “Последовательно развиваясь, выявляя присущую ему in pace идею, скепсис доходит до собственного отрицания, но не может перескочить и через последнее, так что обращается в бесконечно-мучительное т о м л е н и е, в п о т у г и духа.” “Выходит даже не утверждение и отрицание, а безумное вскидывание и корча, неистовое топтание на месте, метание из стороны в сторону, - какой-то нечленораздельный философский в о п л ь. В результате же – воздержание от суждения, абсолютная елоух, но не как спокойный и бесстрастный отказ от суждения, а как затаенная внутренняя боль, стискивающая зубы и напрягающая каждый нерв и каждый мускул в усилии, чтобы только не вскрикнуть и не завывать окончательно безумным воем” (П. А. Флоренский).

¹⁰² “Моя точка зрения, вкратце, такова, что наш обычный язык полон теорий, что наблюдение есть всегда *наблюдение в свете теорий* и что только индуктивистский предрассудок заставляет людей, будто возможен феноменальный язык, свободный от теорий и отличимый от “теоретического языка” (K.R. Popper. The Logic of Scientific Discovery, p. 59). “...Нет такой вещи, как “чистый опыт”, но только опыт, интерпретированный в свете ожиданий или теорий, которые являются “трансцендентными” (Там же, стр. 425).

рии) с самими собой (ибо они вычитываются в материале эмпирических данных) можно относиться по-разному. Как призывному клику дурной бесконечности (зов всё нагнетаемой условности), что означало бы абсолютную невозможность эмпирического обоснования концепции. Или – как поводу вышагнуть за пределы условности в область достоверного знания. Именно такое решение и предлагается Алгеброй когито. Ведь то, что *факты*, обнаружение и описание которых опосредовано *допущениями* концепции, соответствуют *самим этим допущениям*, интерпретируется здесь как момент *допущения допущения*, то есть *приемлемости* таких положений. Преодолимо и “расстояние” между принципом верификации и принципом фальсификации, что был предложен К. Поппером. На философию “*допускаю*” Поппер отвечает “*воздерживаюсь*”, и “*допустив*” правомерность подобной *уклончивости*, разрабатывает свою философию *сомнения*, – ибо **что** есть предложенный им принцип фальсификации (провокации опыта на опровержение теории) как не провозглашение *условно мнимым* того, что должно быть в конечном счете оценено как *приемлемое*? Итак, следуя алгебраической модели когито, мы видим, сколь проницаемы барьеры, разделяющие противоборствующие философские системы, как велика интенция их соучастия и соприсутствия друг в друге.

Алгебра когито и лингвистика. В связи с разработкой алгебры когито, приобретают значимость некоторые новые вопросы внутри двух классических проблем: соотношения естественного и искусственного языка и – соотношения письменной и устной речи.

Гомологии естественного и искусственного языка. Согласно *истории* своего происхождения, язык любой формальной теории противостоит генезу любого естественного языка, представляя собой набор знаков и знакосочетаний, критериев подстановки и т. п., само введение которых фактически опирается на развитые формы естественного языка (хотя, конечно, вполне возможно вообразить шизофрению “саморазвития” формального языка в разлуке с языком естественным). Живой язык как среда существования формального языка – условие внятного говорения на этом искусственном языке (присутствие “метаязыка” обеспечивает осмысленность говорения) и – ясного понимания конструкций формального языка. Н. Бурбаки, в связи с последним, отказывается “обсуждать возможность обучать принципам формализованного языка существа, умственное развитие которых не доходило бы до умения читать, писать и считать” ([16], с. 26). В этом контексте естественный язык может рассматривать как первичный (первопричинный) по отношению к формальному языку.

С другой стороны, язык формальных теорий скрыто представлен в любом живом языке. Согласно *логике* своих взаимоотношений с естественным языком, он заключает в себе – говоря неформально – некоторую изнанку мышления в конструкциях естественного языка. Именно формальный язык – ближе всего к схематизмам мышления в терминах И. Канта. В этом смысле формальный язык объективно первичен по отношению

к естественному, – заключает в себе абстрактную основу существования живых языков.

При этом весьма сомнительна возможность, в конечном счете, отождествить формальный и естественный языки, например, полагая, что один из них может быть выведен из другого (известна попытка, "начав с понятий, заимствованных у формальных наук", разработать "некоторые центральные понятия физических наук", а потом с их помощью приступить к анализу "наук о поведении", и, более того, пройдя этот путь, превратить конец пути в начало нового, то есть вывести теперь уже понятия логики из понятий о поведении, тем самым, замкнув круг; – такая дерзновенная попытка принадлежала Р. Акоффу и Ф. Эмери, но она ограничилась, насколько нам это известно, только общими идеями).

В рамках интенциональных (эпистимических) логик, в которых "до известной степени учитываются знания, желания и интенции субъекта" (Б. М. Величковский, [20]) показана невозможность прямого переноса формально-логических правил умозаключения на реалии человеческого мышления, протекающего, отметим, в рамках обыденного языка ("Так, интенциональное высказывание "Гамлет хотел убить человека, скрывавшегося за занавесом", не позволяет произвести логическую подстановку "Полоний" вместо "человек, скрывавшейся за занавесом", поскольку Гамлет не знал, что за занавесом скрывался Полоний". – Цит. по [20], с. 268). Несовпадение формально-логического и "обычного" языкового мышления можно проиллюстрировать на примере пространственно-временного отношения, выражаемого словом "вместе". В формально-логическом смысле, оно, несомненно, обладает свойством "симметричности": "А вместе с В" эквивалентно "В вместе с А", – в каком бы то ни было контексте существования А и В, так что если в некоторый момент времени "А" (окажется) вместе с В", то в тот же момент времени "В (окажется) вместе с А". Однако, в живом языке вполне совместимы следующие высказывания: "Если я пойду с вами, то мы придем вовремя", но "Если вы пойдете вместе со мной, то мы опоздаем" (чистосердечное признание лирического героя автора. – В. П.). Исследуемое единство, но не тождество, языков, очевидно, должно проявиться и при сопоставлении систем, строящихся с опорой на формальный и естественный языки. Именно в этой связи, мы и обращаемся к сопоставлению алгебраических структур и структур мышления в естественном языке.

Поэзия философской речи, с ее чувствительностью к внутренней форме слова, с пафосом этимологических откровений, с ее восторгом от созерцания смысловых синергий в самой плоти слова... – не удивительно ли, что эта поэтическая речь философской мысли может быть насквозь математична? И что в ней, как в одном стихотворении Бунина, правят "упавшие с небес" – время, пространство, число¹⁰³?

¹⁰³ Мартин Хайдеггер, тексты которого укоренены в живом немецком в той же мере, в какой тексты Павла Флоренского – в живом русском языке, *вслушивается* в слова – и *зрит* геомет-

Предлагаемая в настоящей работе *форма* математической интерпретации когитальных высказываний исходит из идеи того, что слова и высказывания естественного языка допускают *алгебраическую интерпретацию*, могут быть выражены в виде **произведения** каких-либо языковых образований. Начнем с самого слова “произведение”. Оно включает в себе четыре момента. Начнем с завершающего. Речь в этом случае идет о произведении как особой целостности (то есть состоявшемся бытии, совершенном, свершённом); о нем, по аналогии с *произведением искусства* или *произведением научной мысли*, можно говорить как о том, что произведено, – “произведённом” (или выведенном, ведомом, – имея в виду результат некоторого акта познания). Рассматривать высказывание как произведение и ставить при этом акцент на его целостности, значит брать это высказывание в полном объеме свойственных ему смыслов, охватывая *представления, мысль, переживание, движение*¹⁰⁴. Далее в произведении обозначается то, *из* (или *от*) *чего* что-то берется, происходит, то есть – “производящее₁” (“ведбмое”). Следующий, спрятанный в *произведении* момент – это то, *чем* творится, строится что-то, а именно – “производящее₂” (“ведущее”). И наконец, в *произведении* содержится то, в *ходе чего* что-то свершается – “производство”(ведение). И таким образом произведение как целостность (как результат) есть *что-то, произведенное этим* (из) *этого*. Обратим внимание на возможность, в ряде случаев, опустить здесь скобки: когда что-то производится *тем*, что принадлежит тому, *из чего* производится. И мы тогда говорим – “производится *этим* *этого*”. Иными словами, говоря о произведённости “*этим* *этого*”, мы подразумеваем, что ведущая “часть” творимого целого инструментировала другую “часть” (или ту же самую, но только в качестве ведомой), как бы проращивая ее, вспоможествляя ей в ходе превращения ее в целое.

Итак, *произведение* как слово, которое к математическому языку, казалось бы, никакого отношения не имеет, глубинным образом адекватно *произведению* в алгебре групп – по крайней мере, по отношению к отдельным словам естественного языка (мы наблюдали их в алгебре когито). Каждое такое произведение здесь целостно, и вместе с тем каждое есть “часть” другого. Любое из них может браться как веду-

рию мира, *всматривается* в слова – и словно бы *осязает* его длящееся бытие. Позволим себе всего несколько примеров.

– О “близости” и “вещи”. “Приближать – вот сущность близости...” ...“Вещь не находится “в” близости, словно близость – это какой-то футляр. Близость правит в приближении, будучи веществованием вещи”.

– О “необходимости”. Она расшифровывается Хайдеггером как “не-обходимость” (пишется через дефис).

– О “присутствии”. Это есть то, что существует “при сути” и т. п.

– О “земле, небе, божественных и смертных”. “Они пребывают ... в простосложенности (в интерпретации Соловьева и Флоренского это могло бы прозвучать: “единомножии”. – В. П.) их единой изнутри себе самой расчетверенности” (см. [123]).

¹⁰⁴ О единстве категорий *представление, мысль, переживание, движение* в составе Я – см. [84].

щее и ведомое в составе целого. И наконец все высказывания способны к соучастию в производстве друг друга. Таким образом, создается **прецедент** для особой лингвистической работы: определения слов и высказываний, объединяемых общей судьбой – вмещать в себя смыслы других языковых сущностей этого круга, будучи частью и целым, действовать внутри друг друга, быть источником и средством порождения себя и другого.

Совершенно особую возможность в свете алгебры когито открывает анализ *звучащего слова, интонированной речи*. Сложные, в своем письменном оформлении, конструкции, типа: *“водерживаюсь от того, чтобы сомневаться”* и т. п. могут быть “свернуты” в высказывания, в котором будет произнесен вслух всего лишь один глагол, в данном примере, глагол “сомневаться”; оператором трансформации его значения выступит интонация, переносящая на него смысл другого глагола в структуре сложного высказывания (“воздерживаюсь”). Так, в нашем случае, “сомневаюсь” прозвучит с оттенком искреннего недоумения (“откуда, мол, берется это сомнение?!”), что, по-существу, и будет означать “приемлю”.

Алгебра когито и логика. Особый интерес представляет, на наш взгляд, соотнесение Алгебры когито со смежными попытками построения содержательных логик, имитирующих человеческую деятельность и живую человеческую мысль.

С *модальными логиками* Алгебру когито роднит отсутствие дихотомии “истина” ↔ “ложь” допустимых значений функции истинности.

С *рефлексивной логикой В. А. Лефевра* Алгебра когито едина в стремлении осмыслить феномен отраженности мысли в себе самой.

Область исследования *саморефлексивных высказываний* (известная, прежде всего своими *парадоксами*¹⁰⁵) может быть пополнена композициями группы когито.

Предвосхищая общий вывод предстоящих сравнительных исследований, автор исходит из *допущения*, что Алгебра когито нередуцируема ни к модальным логикам как таковым, ни к рефлексивной логике, ни к “парадоксологии” саморефлексивных высказываний и т. п. Предметом разрабатываемого подхода являются *модусы саморефлексии* в их взаимоотношениях друг с другом, что до сих пор не вычленилось в качестве особой проблемы ни в одной из указанных дисциплин. Можно предположить, что развитие идеи модусов саморефлексии в их взаимоотношениях друг с другом позволит установить более тесные связи между названными областями

¹⁰⁵ Приведем только один пример *рефлексивного парадокса* (Вейль, цит. по книге Дж. Литлвуду [45], с. 43): “Большинство английских прилагательных не *обладают* качеством, которое они обозначают; прилагательное “красный” само не красное. Однако, некоторые прилагательные обладают тем качеством, которое они обозначают; например, прилагательное “adjectival” (“употребленный в качестве прилагательного”, – русский переводчик предлагает еще один пример прилагательного: “выразительный”). Назовём прилагательное первого типа гетерологическим, а второго – гомологическим. “Гетерологический” – прилагательное; к какому типу оно принадлежит?

логических исследований. Но, разумеется, обоснование этого положения требует специальной работы.

Алгебра когито и психология. Перечислим здесь возможные сферы психологических разработок, где могла бы быть использована предлагаемая алгебраическая модель.

Парадоксы самосознания, суггестия и самосуггестия. Положим, мы говорим кому-нибудь: “Я вполне допускаю правомерность Вашего допущения”. Почему бы, отталкиваясь от этих слов, не сказать теперь собеседнику: “Давайте тогда примем...” (с тем, чтобы склонить его на свою сторону)? Но такой оборот дела, хотя, возможно, и оправданный стремлением убедить собеседника, логически вовсе не подготовлен. Противозаконность подобного логического тропа состоит в том, что здесь первый человек делает допущение по поводу допущения, сделанного вторым человеком, – и, стало быть, никакого обобщающего вывода тут сделать нельзя. Рассмотрим затем другой случай, когда субъектом и объектом высказывания “Я допускаю” будет сам человек, принимающий допущение: “Я допускаю, что я допускаю”. В этих обстоятельствах, как мы уже отмечали выше, тезис *приемлем*. Предположим, однако, что кто-либо отождествляет (“идентифицирует”) себя с другим человеком, так что голос другого сливается в его сознании с его собственным голосом. Тогда, автоматически, “Я допускаю, что Вы допускаете” протаскивает мысль о *приемлемости* тезиса. Налицо – суггестия, внушенный паралогизм! И точно также, в целях “согласия”, собеседник, грубо говоря, может “гнать” своего оппонента “по кругу”, тайком пожиная плоды *произведения* высказываний. Например, в угоду себе, он может *усомниться* в том, что кто-либо вправе позволить себе *воздерживаться* от высказывания, и тем самым, склоняя колеблющегося признать тезис *приемлемым*. В логическом отношении подобные манипуляции будут совершенно неправомерны, но зато весьма эффективны практически, – главное здесь только как следует “присоединиться”.

Иное дело, когда оба собеседника вполне сознательно исходят из конвенции *поиска компромисса*, то есть размышляют так, как если бы некий единый субъект в каждом из них стремился сгладить противоречия с самим собой. В таком случае эффекты круговращения когито – логически оправданы (возможно, и практически осуществимо построение “тренинга компромиссов”, основанного на этой идее).

Сложная психологическая проблема, вырисовывающаяся в контексте исследования когито, заключается в прозрачности, а то и призрачности перегородок, существующих между общающимися субъектами. Представляется вполне вероятным, что генез таких когитальных высказываний, как “я приемлю”, “я воздерживаюсь”, “я допускаю”, “я сомневаюсь” связан с усвоением точки зрения значимого другого (других) на высказывания самого субъекта (слово “со-мнение” выражает эту идею вполне наглядно). Где грань между Я и не-Я во мне, между моей

субъектностью и отраженной во мне субъектностью другого (см. [72]). Парадокс состоит в том, что с одной стороны чувство самотождественности в когитальных высказываниях: “я приемлю...”, “я воздерживаюсь...”, “я допускаю...”, “я сомневаюсь...”, может служить индикатором целостности его самосознания (по крайней мере в самом акте высказывания). С другой стороны, налицо возможность раздвоения Я на субъекта *первичного* высказывания и субъекта *когитального* высказывания. (Мы говорим о себе: “я вовсе не говорю о том, что...” – но ведь сказал! Или – говорим: “Я молчу”; но ведь мы говорим это! Фрейд отмечал, что если пациент говорит о себе: “Доктор у меня совсем не болит голова”, – значит болит!).

Трансактная модель описания личности (о ней уже шла речь в нашей книге). Согласно Э. Берну, каждый индивид воплощает в себе три эго-состояния: “Родитель”, “Взрослый”, “Дитя”. Выделяются две разновидности “Родителя” (“Контролирующий Родитель” и “Опекающий Родитель”) и две разновидности “Дитя” (“Естественное Дитя” и “Адаптированное Дитя”). “Взрослый” описывается как единое и неделимое образование. Однако, в контексте исследований Алгебры когито возможно более дифференцированное описание эго-состояния “Взрослый”, – выделение таких его ипостасей как “Приемлющий Взрослый”, “Воздерживающийся Взрослый”, “Допускающий Взрослый”, “Сомневающийся Взрослый”. И тогда любое решение, принимаемое “Взрослым” можно представить, по аналогии с судебным процессом, как результат четырехстороннего внутреннего диалога между Прокурором, – он представляет интересы “истца” – высказываемого тезиса (“Приемлющий Взрослый”), Присяжными (“Воздерживающийся – до поры до времени – Взрослый”), Судьей (“Допускающий Взрослый”) и Адвокатом (“Сомневающийся Взрослый”). По-видимому, нельзя полагать, что эти роли жестко закреплены за эго-состоянием “Взрослый” – ведь тогда, в силу непредвзятости “Взрослого”, их надо было бы рассматривать как контаминации (“склейки”) с эго-состояниями “Родитель” и “Дитя”. Перед нами – разные ипостаси “Взрослого”, но в том и только том случае, когда они пребывают в состоянии внутреннего взаимодействия (а следовательно, – и взаимопереходов), что не исключает, что в некоторые периоды реального времени на первый план может выдвигаться какая-либо одна из них.

Психометрика. В традиционном психологическом тестировании используются опросники, отвечая на которые испытуемый говорит: “Да”, “Нет”, “Не знаю”, или в баллах выражает *степень* своего согласия (несогласия) с пунктом опросника. Подразумевается линейная шкала упорядочивания ответов. Удобный в практических целях, этот подход может быть нечувствителен к нюансам испытываемого отношения. Новая форма опросника могла бы иметь следующий вид (содержание утверждения в данном случае несущественно):

1. Согласны ли Вы с высказыванием: “Сомневаюсь, что следовало бы пересмотреть стандартную форму опросников”?

☐ воздерживаюсь от этого высказывания	
☐ допускаю это высказывание	☐ приемлю это высказывание
☐ сомневаюсь в этом высказывании	

Вместо слова “сомневаюсь” в *вопросе* могли бы фигурировать другие слова, соответствующие позициям “воздерживаюсь”, “допускаю”, “сомневаюсь”, “приемлю”. (И таким образом можно было бы эмпирически проверить прогностическую ценность алгебраической модели когито).

Мышление и речь. Алгебра когито возвращает нас к проблеме “неизреченности” мысли. К примеру, “я сомневаюсь” и “я воздерживаюсь” – не менее парадоксальны, чем, например, “я лгу”. В любых проблематических суждениях обозначаются два слоя: первичное высказывание и модус отношения к нему субъекта. Верно, что вместе с мыслью рождается понимание этой мысли (М. К. Мамардашвили). Но не менее верно, что внутри понимания может таиться как признание мысли, так и недоверие к ней. “Безусловно достоверное” и “условно достоверное”, “безусловно мнимое” и “условно мнимое” – всё это разные отсветы и оттенки мысли, тут же и открывающиеся нам в специфических переживаниях. (С этой точки зрения, интересно было бы проследить, например, метаморфозы переживаний, выраженные в известных пушкинских строках – “Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад”, и др.). Подобные моментальные трансформации, взаимопереходы, “переливы” заключают в себе как бы опережающее отрицание истинности предстоящих высказываний, что, в частности, и выражено в общеизвестном тютчевском признании (назовем его намеренно – *изречением*): “Мысль изреченная есть ложь”.

Всё сказанное еще раз обращает нас к трудам Л. С. Выготского, посвященным мышлению и речи. Смещается лишь фокус проблемы. И вместо: “становление мысли в слове” мы должны будем прочитать иначе: “остановление ...”

Алгебра когито и «игра в бисер». Алгебра когито и есть игра в бисер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРСОНО-ЛОГИКА

ГЛАВА 17. ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: НАУКА ЛИЧНОСТИ

Не составляет какого-либо открытия тот факт, что «психология личности» сегодня - это не одна психология, а две: фундаментальная психология (ее называют ещё «академической») и - практическая психология (практика психологического консультирования). Каждая из двух занимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Рознь – во всем. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат – всё это разное. «Объективность», «Истина», «Детерминизм», «Гипотеза», «Операционализация терминов», «Статистические методы», «Интерпретация результатов», «Научение» и т.п. – таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «Свобода – Ответственность – Выбор», «Психотехнический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и приятие», «Рост личности изнутри» и т.п. – так «позиционирует» себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других (быть успешным практикующим психологом – это значит, худо-бедно, иметь средства к жизни, что отчасти объясняет волну перепрофилирования академических психологов, которые буквально хлынули в практику).

К факту сосуществования двух психологий можно относиться по-разному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают присутствия друг друга). Его можно принять как должное и, более того, - как веление времени. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего серьезного кризиса, – быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии. Симптомы кризиса - вдогон тому, о котором писал Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса». И в самом деле, разве не очевидна для нас преемственность сегодняшнего кризиса «двух психологий» с дуализмом «объяснительной» и «описательной» психологии начала XX века? Очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом.

Из двух возможных вариантов исхода этого кризиса: раскола психологии или синтеза ее направлений - рассмотрим вторую возможность. И заключается она, на наш взгляд, в том, чтобы содейство-

вать рождению особого направления в психологии, назовем его - «общей персонологией» (в развитие проекта «общей психологии» Л.С. Выготского, и раскрывая в ней новые грани).

Термин «персонология» уже существует в науке. Генри Мюррей называл свою психологическую теорию «персонологией». «Психологический словарь» Артура С. Ребера предлагает также еще одно значение термина: «изучение личности». Говоря об общей персонологии, мы имеем в виду нечто большее, чем психологическое исследование личности, резюмируемое в той или иной научной теории; общая персонология есть мета-теория по отношению к теоретико-экспериментальным исследованиям, центрированным на личности, а также фактам и наблюдениям из области многоплановой психологической практики развития и поддержки личности. «Общая персонология», в отличие от «персонологии» Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, *тестирует* себя, свою ценность, в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и, таким образом, «заставляет психологию переосмысливать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (подчеркиваем этой цитатой из Л.С. Выготского преемственность «общей психологии» и «общей персонологии»).

Итак, «общая персонология», если иметь в виду замысел ее построения, - это: психологическая теория личности, выступающая со стороны эффектов своего воздействия на личность; практическая психология как прикладная психология личности. Теория и практика – лицом к лицу.

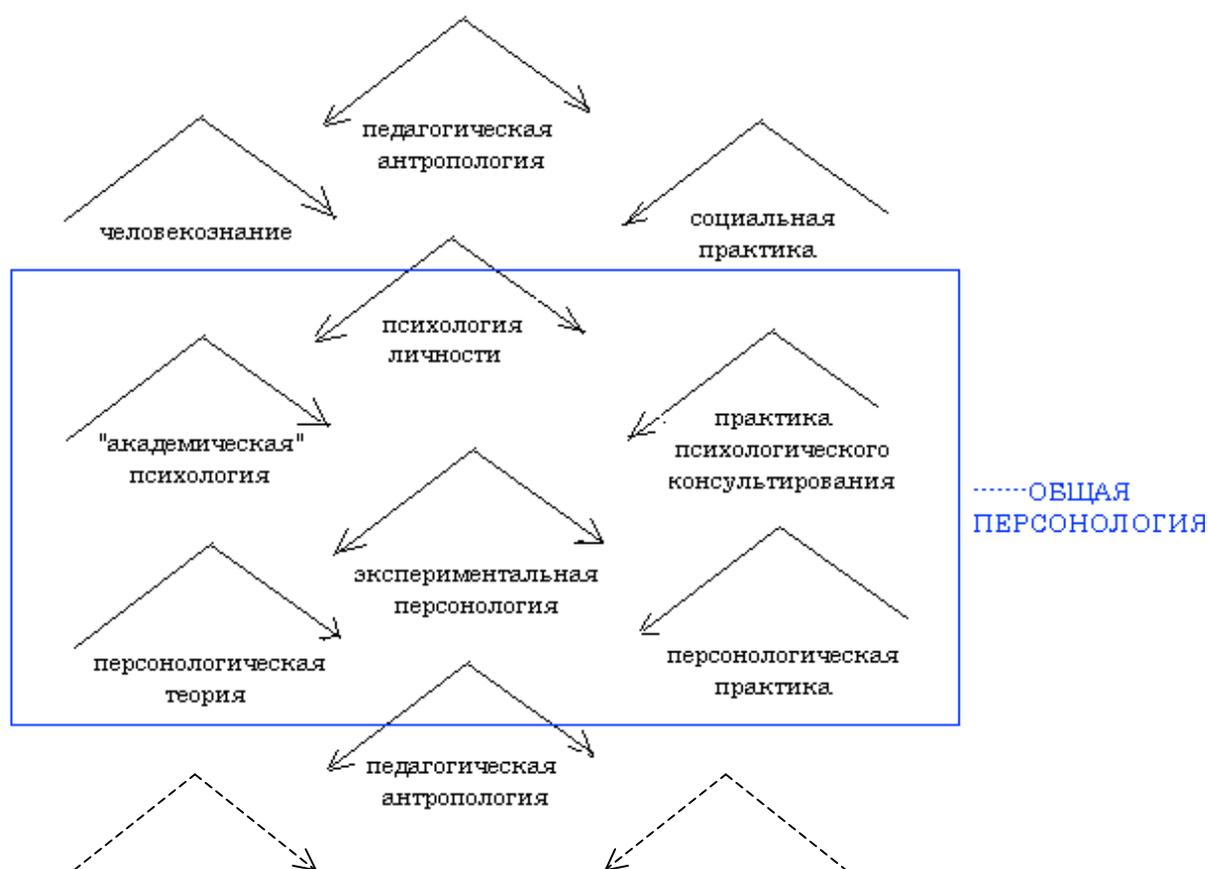
Контекст формирования новой персонологии - это:

- Человекознание
- Социальная практика
- Педагогическая антропология (осуществляющая связь первого и второго - см. рис.).

Разумеется, *человекознание* – это нечто большее, чем психология: это - философия, религия, наука, литература, искусство, свидетельства сознания субъектов истории (идеологов, политиков, духовных наставников). *Социальная практика* – это всё то, что относится к сфере «человеко-созидания» (в отечественной науке ранее это было принято обозначать как «духовное производство», «производство человека человеком»). Таково образование в самом широком смысле – как личностно-образовательное движение. *Педагогическая антропология* – это нечто базовое по отношению к «обучению», «воспитанию», «педагогической поддержке»... Это – определенным образом организованное и предъявленное совокупное знание человека о человеке; оно как бы высвечивается на экране общественного сознания и

может быть свободно присвоено (или отторгнуто) человеком в процессе его жизнедеятельности.

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Общая персонология намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и построениями, существующими в психологии как науке, отделяя их от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранаучных воззрений, научных, однако, «не-психологических», не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее, как часть более общей системы - педагогической антропологии - от «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Таким образом, факты персонологии – это, прежде всего результаты психологического исследования личности. Но не только. Это – феномены, затрагивающие саму личность, «цепляющие» ее за живое.

Поясним сказанное примером (впрочем, совершенно гипотетическим): «...Проверялась гипотеза о наличии связи между произвольными движениями глаз при восприятии движущихся в поле зрения объектов (виды, открывающиеся в окне движущегося поезда) и актуальным содержанием сознания испытуемых (воспоминания, мысли, намерения, ощущения, чувства, - всё то, что может быть названо «потокосом сознания»). Испытуемые – пассажиры пригородных электричек, согласившиеся ответить на вопросы интервьюера. Время проведения – день. Люди в вагонах могут свободно рассаживаться, выбирая место у окна. Подтвердилось, что пассажиры, сидящие по ходу движения поезда у окна по правую руку, чаще фантазируют о будущем, в то время как пассажиры, сидящие спиной к движению поезда у окна по правую руку (это место у другого окна, наискосок от первого в нашем примере) чаще предаются воспоминаниям. В двух оставшихся случаях также выявились определенные различия. В одном случае (место спиной к движению, окно по левую руку) человек как бы расстается со своим прошлым, освобождается от воспоминаний, испытывая облегчение (прошлое отдаляется). Во втором случае (место по ходу движения, окно по левую руку) человек погружается в размышления, вступает во внутренний диалог с собой». («Прошлое» и «Будущее» в электричках // Персонология N1, 200(.))

Предположим, что всё так и есть... Но может ли рассматриваться это исследование как пример собственно *персонологического* исследования? Если «да», то только – отчасти. Мы еще не знаем, насколько интересны и полезны результаты этого исследования для людей. Но, положим, мы продолжили исследование. Теперь каждый входящий в вагон электрички человек получает «памятку для пассажира», где изложены результаты этого психологического исследования. Скрыто понаблюдаем за поведением людей (многие ли из них начнут пересаживаться – как бы проверяя достоверность выводов, о которых только что прочитали? Многие ли оторвутся от книги, чтобы «просто» смотреть в окно?). Пассажиры, совершающие ежедневные поездки могут обнаружить новые предпочтения при выборе места – так ли это? Если нам при этом удастся показать, что информация, содержащаяся в «Памятке», способна повлиять на поведение людей, оживить их интерес к себе, помочь сделать для себя что-то, то в этом случае мы признаем проведенное исследование *персонологическим*, добытые факты – *фактами персонологии*. В противном случае – перед нами один из сотен и тысяч фактов, вполне вероятно, представляющих интерес для психологов, да вот только для них.

Эмпирического исследования, на которое ссылается автор этой статьи, проведено не было. Журнала «Персонология» не существует. Мы привели этот пример для того, чтобы прояснить для читателя суть ситуации, в которой персонолог находится, принимая решение о проведении персонологического исследования. Вот вопросы, на которые заранее он хотел бы знать ответ: «Захочет ли кто-нибудь – кроме его коллег - узнать о фактах подобного рода? (а Вы, читатель)? Может ли кто-нибудь предсказать, что получилось бы у исследователя в ходе такого эксперимента? Как повлияли бы факты, если бы они были именно таковы, на поведение людей? (А на Ваше?) Эти вопросы персонолог предварительно обсуждает с самим собой и судьей тут выступает его интуиция. Но требование в последующем состоит в проверке принятых допущений.

Итак, проблема состоит в том, что, возможно, не любое знание фактов значимо в плане существования и изменения человека, и что заранее, до проведения специальных исследований, невозможно предсказать, чем обернется для личности сам факт подобного знания. Для того, чтобы персонология в целом, как система «работающего знания», состоялась, «засуществовала», необходимо предъявлять совершенно особые требования к собираемым фактам: они должны быть нетривиальны, информативны, экзистенциально-значимы («вдохновляющие», «предостерегающие» и т.п.). Всего лучше, если всё это сочетается в них (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость), но об этом, пожалуй, можно только мечтать, - как о чуде. По аналогии с воскрешением Лазаря (это есть нечто такое, что возвышается над здравым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивают лично каждого). Но если факты и построения персонологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они, как минимум, должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

Все эти «параметры» фактов и их подачи – могут быть определены эмпирически¹⁰⁶.

Нетривиальность (*атривиальность*). Под нетривиальностью научного факта понимается мера несоответствие полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие “нетривиальности” операционализируется следующим образом. Группа экспертов (из числа пользователей этой продукцией), независимо друг от друга, должна выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробностях). Далее должна быть сопоставлена средняя оценка исследуемого параметра,

¹⁰⁶ Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос “ну и что?”) // Модели мира. М., 1966

согласно прогнозам экспертов, и - средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{\text{эксп.}}$ и $M_{\text{эмп.}}$ свидетельствует об атривиальности факта (можно было бы сказать - “феноменальности феномена”), а сближение средних - в пользу его тривиальности.

Информативность. Информативность научного факта может быть осмыслена как мера неопределенности, устраняемая в ходе эмпирической проверки гипотезы. Вполне возможно, что результаты прогнозов, касающихся исхода эксперимента, могут соответствовать последним по критерию совпадения выборочных средних значений ($M_{\text{эксп.}} = M_{\text{эмп.}}$); в то же время разброс экспертных оценок существенно превосходит разброс реальных эмпирических данных. Эмпирической мерой информативности научного факта в таком случае может служить статистически значимое различие между выборочными дисперсиями ($D_{\text{эксп.}} - D_{\text{эмп.}}$) или, соответственно, между выборочными стандартными отклонениями прогнозируемого и реального положения дел ($\delta_{\text{эксп.}} - \delta_{\text{эмп.}}$). Если окажется что разброс экспертных оценок *меньше* разброса эмпирических (при равенстве средних), то статистически достоверная разница выборочных дисперсий (стандартных отклонений) свидетельствует о *неоднозначности* научного факта.

Экзистенциальная значимость. Этот параметр оценки научного факта характеризует уровень заинтересованности научного сообщества в получении достоверной информации об исследуемом объекте. Понятие “значимость научного факта” операционализируется следующим образом. Эксперты, ранее уже высказавшие свое мнение относительно возможных исходов каких-либо испытаний, касающихся различных сфер действительности, имеют теперь возможность ознакомиться с реальным положением дел, то есть подлинными результатами соответствующих исследований. Необходимо при этом, чтобы число экспериментов, результаты которых прогнозировались экспертами (обозначим это число разнородных экспериментов как N) существенно превышало число экспериментов, с результатами которых разрешено ознакомиться экспертам (примем это число за n): $N \gg n$. В случае, если в число первых n выборов попадает оцениваемое явление (вывод, зависимость, закономерность и т.п.), это свидетельствует о значимости научного факта в глазах сообщества.

Остановимся на примере исследования *нетривиальности* факта (напомним, что это «расстояние» между точкой зрения здравого смысла и результатами эмпирического исследования).

Совместно с О.В. Митиной, мы протестировали «на нетривильность» знаменитый эффект Зейгарник (более высокие показатели запоминания прерванного задания по сравнению с завершенным) и феномен ролевой жестокости Милгрема. Напомним, что С. Милгрем создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением эксперимента-

тора должны были наказывать своих «учеников» за ошибки в работе электрическим током непереносимой болезненности; испытуемыми были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, назначавших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65% - 85% (!).

В нашем исследовании приняло участие 812 человек; из них психологов (дипломированных и студентов старшекурсников) было 231 человек. Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Зейгарник и Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, «Зейгарник» и «Милгрэм», при этом не упоминались. Нас интересовало, насколько точны будут «эксперты» в своих прогнозах: догадаются ли они (или, хотя бы, вспомнят) о том, какое задание – прерванное или завершённое – сохраняется в памяти испытуемых лучше (в экспериментах Зейгарник), а также, о том, каков был процент людей, проявивших «ролевою жестокость» и насколько они были жестоки (в экспериментах Милгрема)? Нас интересовало также, будут ли отличаться экспертные оценки психологов и не-психологов.

Процитирую выводы:

“1. Усредненные ответы-прогнозы исходов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвыборке психологов и не-психологов значимо отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема, согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2. Обе категории респондентов, психологи и не-психологи, по обоим задачам в большинстве своем дали неправильные ответы.

3. Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема – факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (этого и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов – явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, насколько это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Зейгарник и Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели

себя как “наивные” испытуемые (не-психологи), руководствующиеся обыденными житейскими представлениями”¹⁰⁷.

Нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость факта – все это характеристики субъективной ценности факта.

Но может быть установлена и объективная ценность фактов, полученных экспериментально. Это – их действенность, влияние. Эффекты, порождаемые психологическим знанием (знанием психологии). Между «фактами» и «эффектами» при этом могут складываться противоречивые отношения.

Вот, например, известная «дилемма узника». Испытуемые, в экспериментах Рапопорта, дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований, ошеломили публику: оказывается, наше себялюбие и недоверие к другому таково, что мы без зазрения совести готовы действовать себе во вред, - соображения разума не работают... После опубликования результатов эксперимента провели повторные замеры. Вопрос состоит в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответил вначале. Да, изменилось. Их стало *больше!* Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были...

Справедливости ради, должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Милгрема, тем, кто наказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что всё было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Многие из них горячо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения – они были готовы повторить всё сначала во имя науки.

Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще – хотя, как представляется, могли бы привести к пересмотру позиции. Примером может служить некорректируемость установок людей, под влиянием информации, разоблачающей происхождение этих установок. Назовем этот феномен: «Сердце подскажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщин на фотографиях; в то время как они разглядывают фотографии, в

¹⁰⁷ О.В. Митина, В.А. Петровский. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов. «Мир психологии», № 1, 2001.

наушнике они слышат биение своего сердца; при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускоряется или замедляется сердцебиение (всё, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об имитации.

Еще один факт – мы называем его «эффектом Эдипа» (В.А. Петровский, Т.А. Тунгусова, 1984). Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежеваться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интраверсии. (словом, «счастье – когда тебя понимают», но несчастье – когда тебя раскусили...). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не позволит думать иначе... Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

Я привожу все эти примеры для того, чтобы подчеркнуть неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей (дилемма Узника), частичная «реабилитация» себя (феномен Милгрема), упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса); факты могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа»). Но, по-видимому, и это еще не всё. От большинства фактов, пылящихся, по выражению Фресса и Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персонологии развития должны быть не просто значимы *статистически*. Они должны быть *лично*-значимы: должны обладать субъективной и объективной ценностью для него.

Особая проблема, которую мы здесь только упоминаем, - это форма предъявления психологических сведений аудитории «пользователей психологическим знанием» (термин А.С. Огнева). Достояния фундаментальной науки должны быть особым образом предъявлены, иначе они окажутся деструктивными, или, по меньшей мере, совершенно незначимыми для людей. Одно следует подчеркнуть сразу: сведения, «предъявляемые» персонологом, не имеют самодовлеющего характера; они вплетены в общение, опосредствует взаимоотношение в системе «персонолог – пользователь психологическим знанием». Факты, при всей «упрямости» этой вещи, не есть инструмент внушения. В психологии личности нет выводов неоспоримых. Даже тогда, когда они основаны, бесспорно, на фактах. Каждый такой вывод, каждое положение психологии личности, заключают в себе элемент неопределенности, как бы окружены ею. Неопределенность, сопутствующая рождению фактов (пробелы при обосновании сбора эмпирических данных – где и как их искать, каковы способы операционализации теоретических переменных, что представляют собой пути построения эмпирических гипотез и т.д. и т.п.) и неопределенность в процессе освещения фактов (эллипсы в описании, неполнота в интерпретации), то есть всё то, что образует неустранимый фон научного знания, персонология превращает в фигуру. И, таким образом, осуществляется «поворот» опытных данных к личности, превращение их в инструмент самостроительства¹⁰⁸.

Иными словами, любой факт психологии личности открывает самой личности «фронт работ» – осмысления. «Пускай Вы не можете как ученый безукоризненно обосновать ответ – нутром Вы же чувствуете?» – вопрошает один из собеседников в книге Скиннера «Семья и как в ней уцелеть» (стр. 229). И другой собеседник отвечает: «Моя един-

¹⁰⁸ В настоящее время нами готовится к опубликованию статья, в соавторстве с Ю.Д. Бабаевой и О.В. Митиной (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова), где описывается один из фактов, прошедших «персонологическое тестирование» и доказавший свою нетривиальность: уровень развития интеллекта младшего ребенка в семье отличается от соответствующего показателя старшего (оставляем читателя в состоянии задумчивости, кто из них обнаруживает более высокий интеллект – быть может, так мы могли бы лучше проиллюстрировать идею «экзистенциальной значимости» научного факта). Теперь легко вообразить следующий «тур» экспериментов - с варьирующим стилем предъявления этого факта старшим и младшим детям в семье - и последующим замером уровня их интеллектуального развития. Вполне вероятно допустить, что директивный характер предъявления этого факта может усугубить различия (так ли это?). (Здесь перед нами повод к новому витку персонологического исследования). При ином способе предъявления этого факта, не говоря уже о перестройке внутрисемейного взаимодействия с учетом этого факта, допустимо предположить, что эти различия будут сглаживаться (так ли это?). Любой факт персонологии – при разумной его подаче - оставляет место для самоопределения личности, переопределения ситуации и т.п.

ственная «догадка» близка к уже «запатентованной»...». Персонология имеет дело не только с «запатентованными» данными, - она имеет дело с примыкающими к ним «догадками». Но это не мифы. Это - *идеи* (то есть, в данном случае, допущения, истинность которых предполагает логику самообоснования: «если мы *допустим* это, *то...*»). Персонология – субъектна. Она - на острие движения *научной* мысли и мысли «пользователей».

Общая персонология, в той ее форме, которая рисуется нам сегодня, – не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно оформляет себя персонологическая теория (я называю этот процесс построения: «Персонология-1») и, соответственно, складывается - персонологическая практика (процесс построения персонологической практики я называю «Персонология-2»).

...Перед нами как бы лодка на две персоны, лодка-двойка – на два весла. *Персонолог-теоретик*, будем считать, у весла слева. Налегая на весло теории, он следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он рассуждает так: «Теория, конечно, теорией, но она должна быть практико-ориентированной»; он строит практико-ориентированную теорию. А *персонолог-практик*, будем считать, что он у весла справа, налегая на весло практики, также следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он строит теоретико-ориентированную практику, отбирая для себя то, что всерьез применимо... Персонология-1 и Персонология-2 должны быть синхронизированы, синергичны (а иначе лодка будет вращаться волчком). Кто в этой лодке обеспечивает сочетание интересов, синергию усилий? Возможный ответ: некий виртуальный субъект, равным образом представленный, «живущий» в голове обоих гребцов. Он олицетворяет собой фигуру *персонолога-экспериментатора*, позволяющего каждому оказаться «по ту сторону» своей собственной роли, - в терминах Ж. Пиаже, децентрироваться, «превращаясь» в партнера. Итак:

Схема построения Персонологии-1:

Фундаментальная психология → Экспериментальная персонология → Персонологическая теория
--

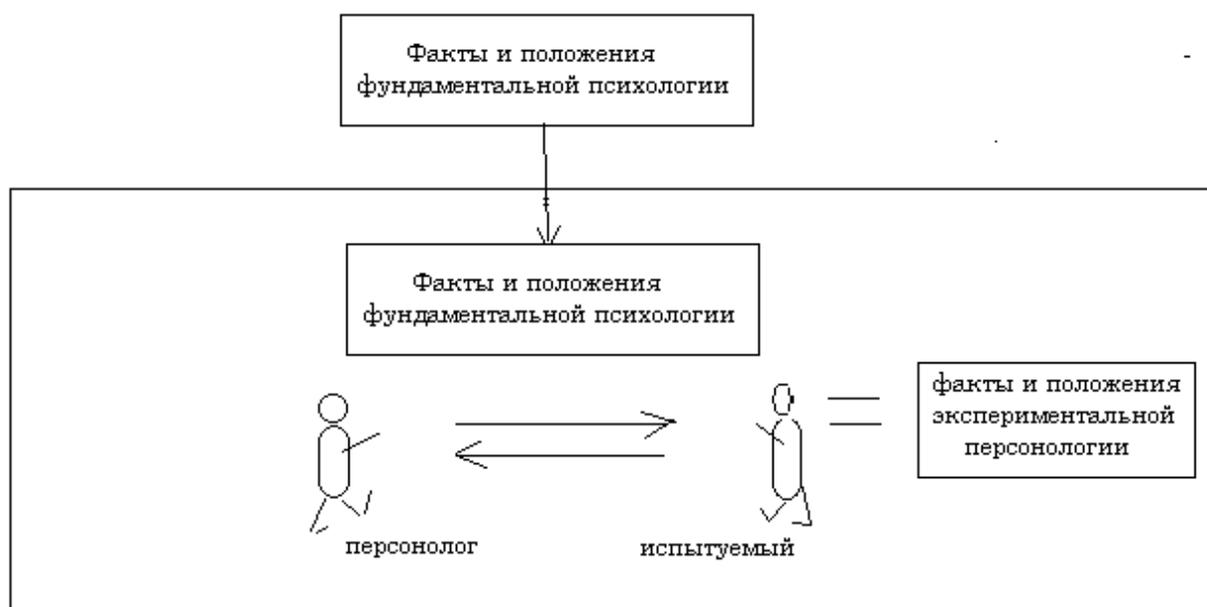
Схема построения Персонологии-2:

Практика психологического консультирования → Экспериментальная персонология → Персонологическая практика
--

(на рисунке 1 эта логика переходов символизирована диагональными стрелками)

На следующем рисунке изображена:

Схема построения экспериментальной персонологии

Персонология-1 и Персонология-2, в целом образуют то, что мы называем «Общей персонологией» - условием синтеза фундаментальной и практической психологии. Общая персонология позволяет фундаментальной психологии рефлексировать эффекты своего воздействия на личность, видеть себя в зеркале самой личности (вопросая при этом: значимы ли добытые в исследовании факты и положения? представляют ли они интерес? какой в них прок? и т.д.). Прикладная психология личности (персонологическое консультирование), не подменяя собой практику психологического консультирования и психотерапии, предоставляет людям возможность взглянуть в лицо реальности, увидеть себя на фоне других, опереться на факты, с которыми трудно не посчитаться.

ИТОГИ. Общая персонология – новое направление в психологии, исходящее из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности; психологическая теория личности, предъявляющая свои конструкты и факты людям и рефлексивная, таким образом, свое влияние на поведение и сознание людей; практика психологического консультирования, ориентированная на психологическую теорию личности; теория и практика лицом к лицу.

Возникновение общей персонологии - реакция исследователей на произошедший в мире раскол психологии на «академическую» и «практическую», интенция синтеза «двух психологий». Общая персонология, таким образом, – не только теория, имеющая своим предметом личность, но также и практика «ращения» личности: свод знаний, идей, техник, содействующих становлению личности, ее росту, развитию. Последнее подразумевает, что общая персонология, если

иметь в виду перспективу ее собственного становления, является инструментом саморазвития личности, «*психологическим орудием*», *принадлежащим личности*. С этой точки зрения, общая персонология не есть только наука о личности, но есть также наука для личности – «наука личности».

Общая персонология – не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно складываются и обуславливают друг друга персонологическая теория и, соответственно, персонологическая практика. Персонологическая теория – это *практико-ориентированная теория* личности. Персонологическая практика – это *теоретико-ориентированная* практика развития личности. Процессы их взаимопостроения должны быть синхронизированы, синергичны.

Согласование двух ветвей общей персонологии осуществляет *экспериментальная персонология*. По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и метаанализ Гравве по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (неожиданная, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов).

Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (возвышаются над точкой зрения «здравого смысла»), *информативность* (снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *экзистенциальная значимость* (вызывают живой интерес, ориентируют поведение).

Все эти «параметры» *субъективной* ценности фактов персонологии могут быть определены эмпирически.

Персонологическое знание должно обладать также *объективной* ценностью, предоставляя личности действенные инструменты и ориентиры развития; эмпирическое определение не только субъективной, но и объективной ценности фактов – необходимое условие построения персонологии.

Парадокс состоит в том, что между фактами фундаментальной психологии личности и эффектами их влияния, как показывают уже проведенные психологами эксперименты, могут складываться *противоречивые отношения*. Факты могут стимулировать, наряду с позитивными, также и негативные тенденции; факты могут побуждать людей упорствовать в своих установках; факты могут стимулировать защитные тенденции; и, наконец, факты могут оставлять людей вполне равнодушными.

Помимо требований, предъявляемых к научным идеям и фактам, общая персонология призвана исследовать *способы предъявления*

данных психологической теории людям – развивающие техники общения персонолога с аудиторией.

ГЛАВА 18. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПСИХОЛОГИИ: «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»¹⁰⁹

В терминах «категориальный строй психологии» автор, совместно с А.В.Петровским, предложившим идею «теоретической психологии», охарактеризовали систему категорий, с помощью которых можно структурировать и содержательно описать психосферы.

Удалось построить К. с. п. как структурную и логически упорядоченную картину психосферы:

<i>Индивидуум</i>	<i>Направленность</i>	<i>Активность</i>	<i>Когнитивность</i>	<i>Отношения</i>	<i>Со-бытийность</i>	<i>Действительность</i>
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
Личность	Идеал	Свобода	Разум	Смысл	Соучастование	Эйкумена
Я	Ценность	Деятельность	Сознание	Чувство	Общение	Персонасфера
Субъект	Мотив	Действие	Образ	Переживание	Интеракция	Ситуация
Самость	Потребность	Установка	Анимум	Значимость	Сосуществование	Предметность
Организм	Нужда	Катексис	Сигнал	Избирательность	Синергия	Среда

Категориальность системы психологии предполагает расположение категорий на пяти уровнях. Нижний уровень детерминирован биосферой, значение которой убывает по мере перемещения в направлении к социоцентрическому уровню. В свою очередь, верхний – социоцентрический - уровень детерминирован ноосферой и значимость этой детерминации убывает в направлении к биоцентрическому ряду.

Между биоцентрическим (“Организм”, “Нужда”, “Метаболизм”, “Сигнал”, “Избирательность”, “Синергия”, “Среда”) и социоцентрическим уровнем расположены собственно психологические уровни (плеяды) категорий: протопсихологический, базисный и метапсихоло-

¹⁰⁹ В данной части работы использованы материалы статьи А.В.Петровского и В.А.Петровского «Категориальная система психологии» (Вопросы психологии, № , 2000)

гический. Хотя каждый из них содержит семь категорий, это число не может рассматриваться как конечное и, т.о., сохраняется необходимая открытость для включения новых категорий, если в этом возникает необходимость.

Протопсихологический ряд включает категории “Индивид”, “Потребность”, “Рефлекс”, “Чувствительность (Восприимчивость, Селективность)”, “Аффективность”, “Существование” и “Предметность”. Каждая из указанных категорий выступает как явление по отношению к биоцентрическому уровню (к примеру, “Нужда” – “Потребность”, “Сигнал” – “Ощущение” и др.). В свою очередь, каждая из категорий, входящая в эту плеяду, оказывается сущностью по отношению к ряду категорий базисного уровня.

Базисный уровень включает в себя категории “Я”, “Мотив”, “Действие”, “Образ”, “Переживание”, “Интеракция”, “Ситуация”. Т.о., если “Аффективность” выступает как явление по отношению к “Избирательности” как сущности, то “Переживание” рассматривается в качестве явления по отношению к “Аффективности” как сущности.

Следующий уровень – метапсихологический – объединяет категории “Субъект”, “Ценность”, “Деятельность”, “Сознание”, “Чувство”, “Общение”, “Персоносфера”. Здесь “Сознание” - это то, в чем проявляется и обнаруживает себя “Образ” как сущность, который, в свою очередь, был явлением по отношению к “Сигналу”.

Социоцентрический уровень не является, подобно биоцентрическому, собственно психологическим, и если психология представлена в этой плеяде, то только наряду с категориями философии, этики, эстетики, социологии и культуры в целом. Такова плеяда, состоящая из категорий “Личность”, “Идеал”, “Свобода”, “Разум”, “Экзистенция”, “Соучастование”, “Эйкумена”.

Любой из описанных столбцов матрицы заключает в себе специфическое обобщение и противостоит другому. Так, кластер “Нужда” - “Потребность” - “Мотив” - “Ценность” - “Идеал” может быть обозначен как кластер “Направленности”, а вертикаль “Метаболизм” - “Рефлекс” - “Действие” - “Деятельность” - “Свобода” поименован кластером “Активности”. По такому же принципу названы и другие кластеры: “Субстанциональности”, “Когнитивности”, “Субъективности”, “Со-бытийности”, “Действительности”.

Могут быть специфицированы как “параллели” (плеяды), так и “меридианы” (кластеры) категорий. Характеризуя плеяды категорий, мы выскажем здесь всего два суждения, обоснование которых требует специальной работы.

1. Каждая из категорий любой из строк, при всей своей специфичности, неотделима от каждой другой категории той же строки (например, категория “Я” из плеяды метапсихологических категорий немислима вне соотношения с категориями “Ценность”, “Деятель-

ность", "Чувство", "Сознание", "Общение", "Предметность", а категория "Образ" (плеяда базисных психологических категорий) неотделима от категорий "Субъект", "Действие", "Переживание", "Интеракция", "Ситуация").

2. Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуется особым познавательным статусом. Нижняя первая строка таблицы, т.е. плеяда биологических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, "извне", подобно тому, как физики изучают объекты "подведомственной" им области знания. Интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем естественной причинности. Вторая строка таблицы — плеяда протопсихологических категорий — включает в себе то, что на языке философии обозначается как ноумены — умопостигаемые сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю непосредственно ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как рефлекс, не может быть осмыслена без введения особых конструкторов, природа которых исключает возможность их "созерцания" (например понятия о "промежуточных переменных" у Э. Толмена, "настроения" у М.Я. Басова и т.п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, "Потребность" приоткрывается нам исключительно в виде мотивов — переживаемых побуждений к действию). В отличие от плеяды протопсихологических категорий следующая плеяда — базисные психологические категории — включает в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это — плеяда феноменов. Данное положение справедливо даже по отношению к такой трудно уловимой категории, как "Субъект" (мы ощущаем свою субъектность, когда, например, совершаем выбор между двумя возможными действиями, или тогда, когда неожиданно обманываемся в своих ожиданиях, или тогда, когда действуем намеренно неадаптивно — в направлении непредрешенных исходов возможного опыта и т.д.). Метапсихологические категории — это плеяда идей. Каждая идея — это не просто мысль о чем-либо; это — единство мысли и мыслимого, мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Например, категория "Я". Она представляет собой идею самоотраженности субъекта. А это значит, что сама мысль о себе как субъекте, способном себя созерцать, переживать, мыслить, творит его Я, ведя за собой процесс отражения. Вот почему невозможно изучать Я подобно тому, как мы изучаем физические тела. "Я", "Ценность", "Деятельность", "Чувство", "Сознание", "Общение", "Предметность" — все это идеи, творящие свой объект. И, наконец, — плеяда экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они будто иг-

рают в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь как бы отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. С каким, например, наслаждением признал свое "поражение" в попытках "понять" личность один из выдающихся ее исследователей, Р. Кеттелл, говоря, что личность подобна любви, все знают, что она есть, но никто не знает, **что** она есть. Напомним: споры об идеалах; принципиальная невозможность построить алгоритм творчества; сопротивляемость личностных смыслов переводу их на чужой язык; сокровенность миропостижения; интимность соучастования. Все это — приметы категорий особого рода; они могут быть названы "категории-контроверзы".

Обсудим теперь подробнее кластеры категорий, образующие столбцы приведенной матрицы.

Кластеры категорий психосферы ("меридианы", вертикали, столбцы матрицы). Каждый из столбцов матрицы содержит в себе вполне определенный кластер категорий. Мы говорим о кластерах категорий, потому что каждая из вертикалей символизирует, и притом вполне отчетливо, то или иное фундаментальное психологическое измерение бытия человека.

Кластер субстанциональности. Объединяет в себе такие категории, как "Организм" (нулевой уровень), "Существо", "Субъект", "Я", "Личность" (высший уровень). Действительно, если под субстанциональностью понимать то, что соответствует этому термину в истории человеческой мысли, а именно - свойство быть первоосновой чего-либо, что в конечном счете означает "быть причиной себя" ("causa sui"), то можно убедиться в том, что именно такова суть всех категорий означенной вертикали. Свойство субстанциональности при этом все более полно раскрывает себя при переходе с нижней на более высокие ступени в этом ряду. Так, если качество "самопричинности" применительно к организму раскрывается весьма ограниченно, означая "не более чем" жизнеспособность органического тела живого существа при взаимодействии с окружающей средой (воспроизводство собственной телесной целостности), то применительно к человеку данное качество означает также превращение окружающей природы в органическое тело самого человека (что предполагает уже не просто приспособление к природной среде, но и ее подчинение своей собственной воле). Точно такое же "нарастание" силы по мере продвижения вверх каждой из родовых категорий, охватывающих каждую из вертикалей, обнаруживается во всех других отраженных в кластере феноменах.

Кластер направленности; синонимы: "телеология", "устремленность". Включает в себя категории "Нужда" (нулевой уровень), "Потребность", "Мотив", "Ценность", "Идеал" (высший уро-

вень). Категория "Нужда", характеризуя то, что насущно необходимо, не означает, что необходимое для существования организма изначально уже "записано" в нем, — речь может идти лишь о том, в чем совершенно объективно нуждается организм; иными словами, последний может, "и не догадываться" о своих подлинных интересах, и даже более того — никоим образом не обнаруживать их вовне. Что же касается потребности, то она как бы сама заявляет о себе активностью (потребность есть "зависимость как источник активности"). Далее — категория "Мотива"; в отличие от потребности вообще, мотив есть не что иное, как субъективированная устремленность — феноменальная данность потребности. Продолжая подъем "вверх" по вертикали, мы застаем такую форму интенциональности, как "Ценность" — здесь перед нами признанный самим индивидом, ставший целью его собственных действий мотив. И, наконец, — "Идеал": осознанная личностью ценность, направляющая его деятельность, и более того, предьявляемая в общении как образец для всех.

Кластер активности. Обобщает в себе такие категории, как "Метаболизм" (нулевой уровень), "Рефлекс", "Действие", "Деятельность", "Свобода" (высший уровень). Здесь сохраняется та же логика все более глубокого и существенного раскрытия родового определения бытия человека, что и в других случаях. Каждый шаг продвижения вверх внутри кластера раскрывает категорию активности все более полно. Предлагаемая трактовка "активности" объединяет в себе две эпохи философии причинности: кантианско-гегелевскую и античную. В определении "активности" вообще мы следуем наиболее емкому из всех мыслимых определений, принадлежащему И. Канту: "Активность есть причинность причины". Высший уровень активности — "первопричинность" или, что то же самое, — "свободная причинность". В развитие взглядов Гегеля, свободная причина может быть осмыслена как *causa sui* ("причина себя"), что и задает нам общее представление о высшей категории кластера активности ("Свобода"). Такое понимание применительно к категориям психосферы конкретизируется в соответствии с учением Аристотеля о четырех причинах ("материальной" — имеется в виду то, из чего строится что-либо; "формальной" — то, по форме чего строится; "действующей" — то, что или кто строит и "целевой" — то, ради чего строится) и гегелевским пониманием "свободной причины".

Первый уровень кластера активности — "Метаболизм". Организм воспроизводит свою собственную телесность, а именно то, из чего он состоит, "материю" своего бытия; в этом случае мы говорим о материальной самопричинности; формальная, действенная и целевая причинности здесь еще не выступают самостоятельно: внутри самого тела не "записано", в каком направлении, кто и зачем будет действовать. Чтобы представить происходящее, можно воспользоваться ана-

логией "круговорота воды в природе": нет здесь ни формальной, ни действующей, ни целевой причинности, между тем как материальная самопричинность, сохранение водной массы, налицо.

Второй уровень кластера — "Рефлекс" (целостный рефлекторный акт поведения). Рефлекторная активность образует условие осуществления метаболизма, когда он невозможен в настоящем или, если ничего не менять, — в будущем. В этих случаях организм осуществляет "опережающее отражение действительности" (П.К. Анохин), восстанавливающее или подготавливающее протекание метаболизма. Перед нами проявления формальной причинности, выступающие самостоятельно в качестве условия существования организма (однако здесь еще рано говорить об автономизации действующей и целевой причинности). Метаболизм обеспечивает превращение как бы случайного, пробного, разового акта опережающего отражения собственно в рефлекс, играя роль "подкрепления"; в результате воспроизводится не просто материальный состав организма, а целостность более высокого порядка — тело, наделенное рефлексом. На языке концепции причинности, перед нами в рефлексе формальная самопричинность, что означает проявление свободы.

Третий уровень кластера — "Действие". Действие ("произвольная активность") выступает на передний план тогда, когда свободное протекание рефлекторного акта без дополнительных преобразований обстоятельств невозможно сейчас или потом, и для его обеспечения живое существо должно строить помимо образа среды еще и образ себя во взаимодействии с ней. В этом случае рождается собственно субъектность ("кто") — действующая самопричинность (еще одно, более высокое проявление свободы).

Четвертый уровень — "Деятельность". Здесь обеспечивается само существование деятельной способности субъекта, что и составляет конечный ориентир активности, — ее целевую причинность. Деятельность объединяет в себе множество действий, субъекты которых могут не быть идентичны. Иными словами, тот, "ради кого" осуществляется деятельность, и тот, "кто" действует, не обязательно одно целое. Таким образом, "целевая причинность" может выступать здесь обособленно от "действующей" и, соответственно, "формальной" и "материальной" причинности. И наконец, об успешности деятельности говорят лишь в том случае, когда она воспроизводима; а это, в свою очередь, свидетельствует о целевой самопричинности деятельности, — свободе субъекта в ее осуществлении.

На пятом, высшем, уровне активности четыре причины выступают совместно, опосредствуя друг друга, содействуя друг другу, принадлежа друг другу и образуя подлинную цель друг для друга, что и означает - "Свобода".

Кластер когнитивности; синонимы: "идеальность", "запечатленность", "репрезентированность", "отраженность", "отображенность". Данный кластер включает в себе категории "Сигнал" (нулевой уровень), "Ощущение", "Образ", "Сознание", "Разум" (высший уровень). Общим для всех этих категорий является то, что они обозначают факт представленности чего-либо в чем-либо, "бытия вещи вне самой вещи" (Э.В. Ильенков, 1962). Проследившая путь восхождения от "Сигнала" к "Миропостижению", мы видим, как все более приоткрывается мир человеку, как освобождается картина мира от гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, "наводки" ценностей человека. Относительно более простая способность организма отзываться на биологически значимое воздействие (уровень сигнала) перерастает в значительно более сложную и загадочную "раздражимость" особи к абиотическим воздействиям (способность ощущения), превращается далее в способность субъекта к перцепции (возникновению образов), приходит далее к способности личности осознавать мир и, наконец, восходит на ступень миропостижения, на котором человеку открываются принципиально разные, принципиально незавершимые в своей распахнутости или потаенности миры. Перед нами ступени продвижения к истине ("ясному и отчетливому", "подлинному", "аутентичному", "всеобщему" или, наоборот, "уникальному" знанию).

Кластер пристрастности; синонимы: "значимость", "субъектность". Термин "пристрастность" может рассматриваться как возможное обозначение для родовой категории, объединяющей в себе "Избирательность" (нулевой уровень), "Аффективность", "Переживание", "Чувство" и "Смысл" (высший уровень). В то время как "Избирательность" еще совершенно "безадресна", объективна, телеологически нейтральна (хотя, разумеется, и не беспричинна), "Смысл" включает в себе вполне осознанное личностью самоценное чувство, не только выражающее, но и превосходящее частные интересы деятельности и общения. Таковы лишь полярные категории, репрезентирующие атрибут "пристрастности", — специальный анализ может показать, как при подъеме вверх по "меридиану" все плотнее и нерасторжимее связываются в "пристрастности" многообразные проявления бытия человека. По сути, речь идет об углублении процессов субъективации при восхождении к бытийным "смыслам".

Кластер со-бытийности. Синонимы: "социальность", "общность", "сопричастность". Включает в себя категории "Синергия" (нулевой уровень), "Сосуществование", "Интеракция", "Общение", "Соучастование" (высший уровень). Восхождение по ступеням этого ряда — это переход от идеи функциональной связанности, нерасторжимости двух частей организма или двух существ к идее автономии и в то же время отраженности бытия их друг в друге (со-бытийность на

ступени "Сосуществования" характеризуется тем, что особи принимают друг друга в расчет только в той мере, в какой их присутствие может нарушить естественные проявления их собственной жизнедеятельности (это существование "рядом", но не "вместе"). Со-бытийность на ступени "Интеракции" означает взаимную поддержку, иначе говоря, реализацию хотя бы одним из субъектов инструментальной функции по отношению к другому (предоставление информации, присоединение собственных усилий, в том числе и физических и т.п.). Общность на ступени "Общения" — это, собственно, "производство общего" (В.А. Петровский). Подобное "производство" может и не иметь своей подлинной целью достижение отраженности, "присутствия" человека в человеке. Но если признать правоту М. Хайдеггера в том, что "человек есть присутствие", то надо будет признать также и то, что "человеческое в человеке" достижимо лишь на высшей ступени со-бытийности, знаменуемой соучастованием (термин, широко использовавшийся А.Н. Радищевым) людей.

Кластер действительности. Включает в себя категории "Среда", "Предметность", "Ситуация", "Персоносфера", "Эйкумена". По мере продвижения вверх по вертикали категории, как и в других кластерах, переходя от сущности к явлениям (и к явлениям как сущности), все шире раскрывают область бытия сущего на каждом из его уровней. "Среда" — это область физико-химических предпосылок и результатов функционирования организма. Следующая категория - "Предметность" - центральная для развертки общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, характеризует среду существования организма как источник удовлетворения его нужд ("опредмечивания" потребностей, становления избирательных сигнальных отношений с биологически значимыми агентами окружения, в т.ч. и себе подобными).

Термину "Ситуация" соответствуют такие понятия, как "проблемная ситуация", "проблема" (познавательная, экзистенциальная и тому подобная социальная ситуация развития (Л.С. Выготский, Л.И. Божович); говоря о ситуации, мы подчеркиваем, что субъект действует, разрешая ее, "поднимаясь над ней". Следующая категория — "Персоносфера". В настоящее время персоносфера выступает в качестве гипотетической конструкции, предполагающей глобальную систему взаимопересечений персонализаций населяющих земной шар людей. Категория персоносферы не ограничивает универсум человеческого бытия областью межсубъектных контактов; персоносфера не означает только лишь общение *vis-à-vis*, хотя и вбирает его в себя. Персоносфера — это невидимая сеть актуальных и потенциальных предметных соединений и контактов, объединяющих всех людей в единое человечество, преодолевающая государственные, религиозные, этнические и иные границы. Множество реальных и возможных

пересечений персонализаций и взаимовлияния людей друг на друга, в том числе людей, живущих вдали друг от друга и в разные эпохи истории, образуют единое пространство персоносферы.

Завершающая и высшая категория кластера – “Эйкумена”. Слово “эйкумена” (“ойкумена”) происходит от греческого “oikumene”, что означало, с точки зрения древних греков, все то, что заселено человеком. Данная категория постепенно “обживается” психологами. Ближе всего к ней подступает категория “Жизненный мир” в интерпретации Ф.В. Василюка. Категория “Эйкумены”, однако, шире и, в отличие от категории “Жизненный мир”, охватывает и связывает воедино пространство жизни многих субъектов, множество жизненных миров. Эйкумена шире также и области взаимодействия людей в условиях совместной деятельности. Эйкумена – то же, что и “Мир” в понимании С.Л. Рубинштейна. Перед нами “множество миров” (А.Г. Асмолов), единство качественно своеобразных, но сквозь пространства и времена соприкасающихся друг с другом жизненных пространств индивидов. Эйкумена, т.о., есть не только многомерная, но и о многомирная целостность. Персоносфера, являясь сущностью, обнаруживает себя в пространстве Эйкумены, в античные времена сжатой до размеров Средиземноморья и ближайших к нему территорий, в настоящее время охватывающей весь земной шар. Ныне проявление персоносферы в пределах мирового обжитого пространства, предельно усиливается за счет средств массовой информации и прежде всего Интернета – технической “всемирной паутины”, сквозь которую прорастает психологическая “всемирная паутина” – персоносфера.

Итак, выше сделана попытка дать обобщенную характеристику кластеров и плеяд, с помощью которых оказывается возможным описание структуры и содержания психосферы.

Каждая категория теоретической психологии является родовой по отношению к определенному кругу психологических понятий. Так, например, категория “Образ” может быть конкретизирована в таких понятиях, как “Восприятие”, “Представление”, “Воображение”, “Память” и т.д.

В категориальной системе психологии получают фактическое воплощение три объяснительных принципа построения психологического познания: принципы детерминизма, развития, системности.

Категории каждой из вертикалей таблицы в своей эмпирической реализации детерминированы как “снизу”, так и “сверху”. Так, категория “Я” (метапсихологическая) включает в себя (в снятом виде) биологическое начало, поскольку сохраняет типологические и индивидуальные особенности нервной деятельности организма. Но в то же время приоритетной для этой категории детерминантой (если иметь в виду эмпирическое ее наполнение) выступает ноосфера, порождая бесчисленное множество вариантов межличностных проявлений. Т.о.,

обусловленность со стороны биосферы не теряет здесь своей силы, хотя приоритет в данном случае бесспорно принадлежит культурно-исторической детерминации.

Следовательно, в категориальной системе мы имеем дело со встречной детерминацией социокультурного и биологического факторов. Каждая категория – это “место встречи” указанных детерминант.

Переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному. Протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма, в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне. При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали; она носит характер примата по отношению к категории, находящейся “выше”, имеющей, соответственно, характер деривата. “Оформляющие” категории выступают в качестве условий “проращивания” возможностей, присущих категориальному ядру. Категория “Ценность” является прямым развитием категории “Мотив”, получая свое “оформление” через категории “Переживание”, “Отношение” (“Интеракция”), “Действие” и др.

Итак, характеризуя, взаимоотношения между категориями, входящими в плеяду, расположенные ниже в матрице, и категориями плеяды последующего, более высокого уровня, мы видим, что первые являются определяющими для вторых, убеждаемся в том, что посредством “ядерных” и “оформляющих” категорий удастся ввести в психологию новые категории, дать им начальные, “стартовые” определения.

Конкретизация (развитие) категорий становится возможным благодаря соприкосновению с другими категориями вбирающего их в себя кластера. Взаимоотношения между категориями внутри плеяды можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительные определения.

В логике развертки категорий представлена реальная история развития человеческого рода и конкретного индивида — как социо-, так и онтогенеза. Категории, выстроенные по вертикали и расположенные на четырех горизонталях таблицы, образуют узловые пункты развития психосферы. Так, категория “Личность” появляется лишь на высшей ступени социо- и онтогенеза и т.п. В приведенной выше категориальной системе (сетке) в полной мере представлен принцип системности, столь важный для теоретической психологии. К сожалению, многократно и на протяжении последних двух-трех десятилетий принцип системности хотя и декларировался как приоритетный для психологической науки, но так и не получил конкретного воплощения и теоретического обоснования. Не были выделены общепсихологические системообразующие признаки и принципы. Приметой системно-

сти настоящей категориальной сетки является уже сам факт реализации в ней идеи восхождения от абстрактного к конкретному. Это представлено положением о преформизме переходов между категориями разных уровней, выделением категорий, имеющих характер примата и деривата, "ядерных" и "оформляющих", участвующих в категориальном синтезе. Это обнаруживается также в демонстрации идеи восходящего и нисходящего детерминизма (представленной положением об эмпирическом наполнении каждой из категорий содержаниями вышележащих и нижележащих уровней, — в конечном счете граничащих с ноосферой и биосферой). Т.о., можно говорить о единстве социо- и онтогенеза.

Рассмотрение любого категориального уровня выявляет его патогенетический аспект. Если выпадает или нарушается функционирование одной из расположенных на "горизонтальной" линии категорий, системное качество категориального уровня оказывается деформированным, что сказывается на всех других его компонентах.

Все это позволяет видеть в категориальной системе возможности обращения не только к фило- и социогенезу, но и к патогенезу личности.

Категориальная система психологии не может быть выращена из какого-то одного-единственного "зернышка". Это особенно важно подчеркнуть, потому что для каждой сколько-нибудь значимой в истории психологии теоретической системы (научной школы) были характерны поиски "клеточки", которая могла бы стать отправной точкой для построения общей конфигурации заявляемого учения. Первым на бесперспективность такого подхода обратил внимание М.Г. Ярошевский в начале 1970-х гг. Для адептов физиологии ВНД такой гипотетической "клеточкой" был "условный рефлекс", для реактологии — "реакция", "структурной" психологии — "гештальт", для бихевиоризма — "стимул — реакция", для раннего З. Фрейда — "либидо", в общепсихологической теории А.Н. Леонтьева — "деятельность", в учении Д.Н. Узнадзе — "установка", в трудах В.Н. Мясищева — "отношение" и т.д.

Видимо, испытывая неудовлетворенность результатами поиска подобной "клеточки", идеолог этих изысканий Л.С. Выготский последовательно переходил от "речевого рефлекса" к "знаку", затем — к "значению", далее фигурировали "смысл", "переживание". Не исключено, что если бы так рано не оборвалась жизнь замечательного ученого, он бы отказался от этих фактически безнадежных поисков и попытался найти иное теоретическое решение. Характерно то упорство, с которым советские психологи были заняты поисками этой сакральной клеточки психического. Представлялось более чем соблазнительным перенести в сферу психологических построений классическую "клеточку" политэкономии марксизма — "товар". В ходе

последующего критического рассмотрения каждая из этих "клеточек" так и не выступила единственным создателем психического, что привело к невозможности обрести целостную картину психического мира. Основа содержательной интерпретации психосферы — это не отдельно взятая "клеточка" в ее развитии, а сложная, многоступенчатая, внутренне связанная, но качественно своеобразная система категорий, находящая источники своего развития и внутренней организации в природе и обществе.

Не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система категорий способна охватить и отразить в себе психосферу, психический мир человека. Этим же объясняется отказ от претензии построить одну-единственную, все объясняющую теорию психологии. Вместе с тем есть основания полагать, что практически каждая из включенных в рассмотренную выше систему категория оказалась основой для построения какой-либо психологической теории, сохраняющей место в истории психологической науки. При всей невозможности создать единую психологическую теорию, целесообразна попытка сохранить и реализовать стремление сконструировать теорию теорий психологии.

Предложенная категориальная система теоретической психологии включает в себе искомую модель "теории теорий" — один из инструментов разрешения исторического кризиса психологии, о котором некогда писал Л.С. Выготский.

ГЛАВА 19. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

При создании «категориального строя», авторами разработки, А.В. Петровским и В.А. Петровским были намечены логические условия синтеза каждой категории системы с другими. Отметим, конспективно, в чем была суть решения:

1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтеза системобразующих (ядерных) и оформляющих категорий (см. рис.);

2) сущность как явление и явление как сущность;

3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы.

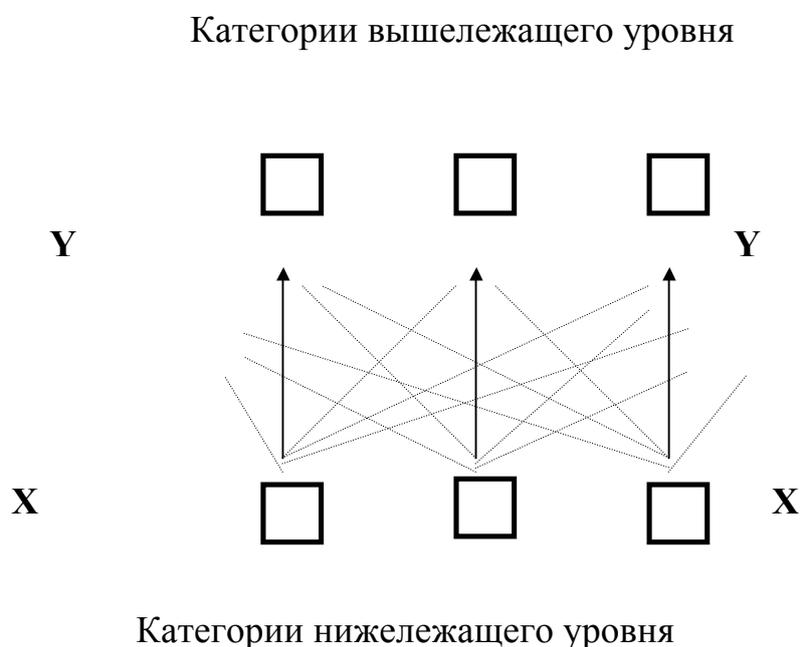

Рис.5. Схема взаимосвязей категорий

Подобная логика взаимосвязи имеет прямое отношение к матрице персонологическим проблем и способом их разрешения в контакте с консультируемыми. Опираясь на различные методы ведения консультативной беседы и методики психотерапевтического воздействия консультант может использовать матрицу проблем как инструмент диагностики и интервенции. Например, уже на первом этапе консультирования – «ориентировка в проблеме» - он может, с помощью матрицы, смещать фокус внимания клиента с заявленной проблемы на ее возможные истоки, представленные на вышележащих или нижележащих уровнях или переформулировать проблему в рамках категорий того же уровня. Полнота ориентировки в проблеме как

консультанта, так и консультируемого, очевидно, углубляется, что само по себе имеет терапевтический, конструктивный эффект. Например, заявленная проблема – «пустота жизни», а корневая проблема – «кризис выбора» или «потеря идентичности».

Каждая из клеток категориальной системы заключает в себе кусть проблем, осознание и решение которых подразумевает участие психолога-консультанта.

ПРОБЛЕМЫ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Субстанциональность</i>	<i>Направленность</i>	<i>Активность</i>	<i>Когнитивность</i>	<i>Субъективность</i>	<i>Со-бытийность</i>	<i>Действительность</i>
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
ЧЕЛОВЕК <i>Потеря или отсутствие идентичности</i>	ИДЕАЛ <i>Бездуховность, разочарованность в жизни</i>	СВОБОДА <i>Аддикции</i>	РАЗУМ <i>Кризис мировоззрения</i>	ЭКЗИСТЕНЦИЯ <i>Потеря смысла</i>	СОУЧАСТВОВАНИЕ <i>Невозможность, одиночество</i>	ЭЙКУМЕНА <i>Пустота бытия, изоляция</i>
ЛИЧНОСТЬ <i>Раздвоение, схизис, «множественность» личностей (в противоположность единомножию «я»)</i>	ЦЕННОСТЬ <i>Кризис выбора</i>	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ <i>Апатия, безучастность</i>	СОЗНАНИЕ <i>Доминирование неосознанного и бессознательного; дереализация и др. изменен. состояния сознания</i>	ЧУВСТВА <i>Индифферентность, Эмоциональная уплощенность, «рекетные эмоции»</i>	ОБЩЕНИЕ <i>Кризис неперсонализированности</i>	ПЕРСОНОСФЕРА <i>Отсутствие референтного круга лиц, близких людей, одиночество</i>
Я <i>Деперсонализация</i>	МОТИВ <i>«Подавление», механизмы психологической защиты</i>	ДЕЙСТВИЕ <i>Абулия, «выученная беспомощность», нерешительность</i>	ОБРАЗ <i>Иллюзии, нарушение когнитивных карт</i>	ПЕРЕЖИВАНИЕ <i>Бедность, и недифференцированность чувственной сферы</i>	ИНТЕРАКЦИЯ <i>Нарушение центрации, децентрац. коммуник., избегание и поверхностность контактов, ролевые кризисы</i>	СИТУАЦИЯ <i>Давление обстоятельств, неопределенность, экстремальность, риск</i>
ИНДИВИД	ПОТРЕБНОСТЬ	РЕФЛЕКС	ОЩУЩЕНИЕ	АФФЕКТИВНОСТЬ	СОСУЩЕСТВОВАНИЕ	ПРЕДМЕТ-МЕТ-

<i>Диссоциация (расщепление) психофизиологических функций,</i>	<i>Неопределенность или деструктивность влечений, перверсии</i>	<i>Патологические рефлексы</i>	<i>Сенсорный голод, Пониженная или повышенная чувствительность</i>	<i>Импульсивность, ригидность аффекта</i>	<i>Симбиоз</i>	НОСТЬ <i>«Барьеры», недостижимость значимых объектов</i>
ОРГАНИЗМ <i>Нарушение гомеостаза и др.</i>	НУЖДА <i>Отсутствие нужд («смертельный покой»)</i>	МЕТАБОЛИЗМ <i>Нарушение обмена веществ, энергообмена</i>	СИГНАЛ <i>Физиологические ограничения в передаче сигналов</i>	ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ <i>Сверхбдительность или всеядность (отсутствие селективности)</i>	СИНЕРГИЯ <i>Отторжение – поглощение</i>	СРЕДА <i>Бедность стимулов, чрезмерность стимуляции</i>

Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуются особым познавательным статусом. В дальнейшем мы убедимся в том, что своеобразие познавательного статуса плеяд служит разделению всей области консультативной психологии на соответствующие разделы.

Нижняя (первая) строка таблицы, то есть плеяда биологических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, «извне», подобно тому, как физики изучают объекты «подведомственной» им области знания (что, конечно, не исключает необходимости моделирования происходящего «внутри» изучаемых объектов и фактов влияния измерительных приборов на эти объекты в процессе регистрации их «поведения»); интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем естественной причинности.

Функция психолога консультанта в работе с проблемами плеяды биологических категорий – опосредствование взаимодействий консультируемого со специалистами медицинского профиля (терапевтами, невропатологами, психиатрами).

Вторая строка таблицы – плеяда протопсихологических категорий – включает в себе то, что на языке философии обозначается как ноумены - умопостигаемые сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю непосредственно ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как рефлекс, не может быть осмыслена без введения особых конструктов, природа которых исключает возможность их «созерцания» (например, понятия о «внутренних переменных» у

Толмена, «настроения» у Басова и т.п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, «потребность» приоткрывается нам исключительно в виде мотивов - переживаемых побуждений к действию).

Психолог-консультант выступает здесь – 1) как посредник, ориентирующий клиента на взаимодействие с психиатром, - 2) как клинический психолог (при соответствующем образовании), 3) как психотерапевт (например, «работа с телом» в рамках телесно-ориентированного подхода).

В отличие от плеяды протопсихологических категорий, следующая плеяда – базисные психологические категории – включают в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это – плеяда феноменов. Данное положение справедливо даже по отношению к такой, трудно уловимой, категории, как «Субъект» → «Я». В логике «восхождения от абстрактного к конкретному» категория «субъект» может рассматриваться в качестве базисной при построении метапсихологической категории «Я». Может быть предложено следующее понимание «Я» (в ранге дефиниции): Я есть идея самобытия (в терминах Гегеля, «в-себе-» и «для-себя-бытия»), присущая субъекту. Эта идея включает в себя столь же субъекта, сколь и присущие ему образ и переживание себя в системе взаимоотношений с другими субъектами, а также - процессы самоотражения и «само-строительства» как его внутренне мотивированные действия (самоценность cogito и самополагания).

Функция психолога-консультанта – как посредническая (направление к клиническому психологу и врачам), так и собственно консультативная (связанная с необходимостью решения проблем более высокого порядка, например, источником деперсонализации может быть дисгармония во взаимодействии эго-состояний личности или потеря социальной идентичности)

Метапсихологические категории – это плеяда идей. Каждая идея – это не просто мысль о чем-либо; это – единство мысли и мыслимого, мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Например, категория «Личность». Она включает в себе идею самоотраженности индивида. А это значит, что сама мысль о себе как индивиде, способном себя созерцать, переживать, мыслить, творит его личность, ведя за собой процесс отражения. Вот почему невозможно изучать личность подобно тому, как мы изучаем физические тела. «Личность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Ценность» - всё это идеи, творящие свой объект.

Сама природа категорий этого уровня адекватно специфике консультирования как ориентирования человека в системе взаимоотношений с собой и миром. Консультант оказывает психологическую помощь в установлении и отборе этих ориентиров, его мысль, соеди-

няясь с мыслью клиента, обладает силой «порождения» новых реалий. Здесь психолог консультант – «у себя дома», это именно его профессиональная роль.

Пятая строка таблицы. Она представлена плеядой экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они как бы играют в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь «отталкивает» от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. Неуловимость в определении «человеческого в человеке»... Споры об идеалах. ...Принципиальная невозможность построить алгоритм творчества¹¹⁰, дать исчерпывающее (общее для всех) понимание свободы. ...Спротивляемость личностных смыслов переводу их на чужой язык¹¹¹. ...Невозможность - для индивидуального сознания - охватить, «объять необъятное» разума (уразуметь его) ...Интимность соучастования. ... Споры о тварном и вечном...

Тайна, спрятанная внутри экстрапсихологических категорий, заключается в их неотделимости от личностных смыслов тех, кто пытается их определить. Они несут на себе печать индивидуальности, которая, в свою очередь, есть нечто «неотразимое» (В.А. Петровский, 2006). Всё это свидетельство категорий особого рода; они могут быть названы: «категориями-контроверзами».

Функция психолога-консультанта – осуществление «философского консультирования». При всей непривычности словосочетания «философ-консультант», - это одно из важнейших направлений психологического консультирования (онтологическое и персоналистическое направление экзистенциального консультирования и др .)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В первой части книги мы предложили способ логически выстроить ряд категорий, описывающих человека, – механизм рефлексивной дедук-

¹¹⁰ В.А. Петровский. К пониманию творческой активности субъекта // Семинар по методологическим проблемам творчества, под ред. М.Г. Ярошевского, М., 1974.

¹¹¹ «И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И в самое сердце проник.» -
весьма саркастически писал Осип Мандельштам.

ции. Таким образом, возникает цепочка категорий, *индивид* → *субъект* → «я» → *личность* → *индивидуальность*, каждое звено которой включает в себя отражение предыдущего звена (или, как в случае с индивидуальностью, недостижимый результат саморефлексии).

Во второй части книги были представлены авторские модели логико-математического описания индивидуальности: транзактная модель триумвирата субъектов, импульсная модель экзистенциального выбора, модель четырех ресурсов состоятельности, модель гедониста, а также – модель саморегуляции индивидуальности, «парадокс адюльтера», булева типология смысловых миров; алгебра когито.

За исключением «парадокса адюльтера», который автор использовал как способ релаксации читателя, пребывающего в булевых решетках математических построений, во всех случаях использовались логико-математические операторы: импликация ($X \rightarrow Y$), дизъюнкция ($X \vee Y$) и конъюнкция ($X \& Y$), стрелка Пирса ($X \downarrow Y$), штрих Шеффера ($X | Y$), оператора Жегалкина ($X \oplus Y$) и др. В «алгебре когито» мы обращались к идее *группы*, среди элементов которой было мнимое число i . Может показаться, что мы преследовали цель средствами математики освоить психологические объекты и отношения. Отчасти, это именно так: мы строили формальные модели трудно формализуемого знания. И с этой точки, развивали *математику «я»*.

Но такой была только одна из целей работы. Другая заключалась в том, чтобы построить *психологические* модели математических объектов и отношений. Иначе говоря, мы стремились психологически освоить смысл математических символов и построений, подобно тому, как физики открывают их *физический* смысл. Нас интересовал их *психологический* смысл. Мы пытались «обжить» математику средствами психологии.

Математика, имея дело с априорными содержаниями души, ближе всего к психологии, науке о душе. В каком-то смысле, и математика – наука о душе. И хотя она (математика), по словам Ст. Лемма, порой подобна сумасшедшему портному, шьющему одежды, которые никто не будет носить, она всё-таки способна дать человеку то, чего он не мог бы получить ни от одной из других наук: точную форму высказываний о себе самом.

Есть алгебра высказываний, между тем, как психология нуждается в алгебре высказывающихся. Математика «я» (математическое моделирование в психологии) и «экзистенциальная математика» (психологическое моделирование в математике), со временем, будут уравнивать друг друга.

В третьей части книги представлены логико-психологические основы формирования трансформационных моделей – базовые идеи мультисубъектной персонологии.

Логика «Я» - не статическая система знания, и не отражение какой-либо статика. Она пребывает в динамике становления, она производна от нашей воли, она есть **идея** как единство мысли и мыслимого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алахвердов В. М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология.– Т. 1.– СПб., 2000.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека.– М., 2007.
3. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. «Психотерапия».– М., 2008.
4. Абульханова-Славская К. С. Стратегии жизни.– М, 1999.
5. Базылевич Т. Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности.– М., 1998.
6. Бауэр Т. Психическое развитие младенца.
7. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики.– М.: Худ. лит., 1975.
8. Белянская Е. П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива.– М.: Прометей; МПГУ, 2005.
9. Берн Э. Групповая психотерапия. Академический Проект.– М., 2000.
10. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. Академический Проект.– М., 2001.
11. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности.– М.: Медицина, 1966.
12. Бороденко М. В. Два лица Януса-смеха.– Ростов н/Д, 1996.
13. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер 14, Психология.– 1981.– № 2.
14. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура.– М., 1994.
15. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке.– М, 2000.
16. Бурбаки Н. Теория множеств.– М., 1965.
17. Василюк Ф. Е. Психология переживания.– М.: Изд-во Московского Университета, 1984.
18. Василюк Ф. Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система. Дисс. на соиск. уч. ст. докт. психол. наук.– М., 2007.
19. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов.– М., 1998.
20. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: Изд. МГУ, 1982.
21. Веракса Н. Е. Методологические основы психологии. М.: Академия, 2008.
22. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т.– М., 1984.
23. Гелель В. Ф. Наука логики. Т. 3.
24. Гессе Г. Избранное.– М.: Радуга, 1991.– С. 418, 431.

25. Горбов Ф. Д. Я – ВТОРОЕ Я.– М. – Воронеж, 2000.
26. Грязева-Добшинская В. Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы.– Изд-во Академический проект, 2004.
27. Джонс В. Стюарт Я. Современный трансактный анализ.– СПб, 1996.
28. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир.– М.: Смысл, 1993.
29. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии.– М., 1994.
30. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности.– М.: Наука, 1980.
31. Корнилова Т. В. Смирнов С. Д. Методологические основы психологии.– М.: Питер, 2006.
32. Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии.– 1994.– № 6.
33. Крылов В. Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии.– Янус-К., 2000.
34. Кудрявцев В. Т. Креативная тенденция психического развития ребенка // I Давыдовские чтения.– М., 1998.
35. Лаврова О. В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации.– СПб., 2001.
36. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание.– М.: Наука, 1980.
37. Левин К. Теория поля в социальных науках.– СПб.: Речь, 2000.
38. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.– М.: Политиздат, 1975.
39. Леонтьев Д. А. Психология смысла.– М.: Смысл, 1999.
40. Лефевр В. А. Космический субъект. В. Космический субъект.– М.: Ин-кварти, 1996.
41. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры.– М., 2000.
42. Лефевр В. А. Алгебра совести.– М., 2004.
43. Мерлин В. С. Психология индивидуальности.– М.: Институт практической психологии, 1996.
44. Лепский В. Е. Проблемы субъектов в постнеклассической науке.– М.: Когито-центр, 2007.
45. Литлвуд Дж. Математическая смесь.– М, 1979.
46. Лисецкий К. С. Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности. Дисс. на соискание ученой степени доктора психол. наук.– М., 2008.
47. Мак-Вильямс. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе.– Изд-во Класс, 1998.
48. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути.– М., 1995.
49. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути.– СПб., 1997.
50. Менский М. Б. Человек и квантовый мир.– М.: Фрязино, 2005.
51. Минделл А., Минделл Э. Вскать, задом наперед: Процессуальная работа в теории и практике.– М.: Независимая фирма “Класс”, Издатель-

- ство Трансперсонального института, 1999. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 73).
52. Миракян А. Н. Контуры трансцендентальной психологии.– М., 1999.
 53. Митина О. В. Исследование личностных характеристик на основе модели рефлексивного выбора. Тезисы III Международного симпозиума 8–10 октября 2001 г., Москва.
 54. Митина О. В., Петровский В. А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов (совместно с О. В. Митиной) // Мир психологии, 2001.
 55. Моросанова В. И. Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Введение) // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека.– М.: ПИРАО, 2006.
 56. Мухина В. С. Личность. Мифы и реальность.– Екатеринбург, 2007.
 57. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования.– Спб.: ПИТЕР, 2001.
 58. Непомнящая Н. И. Опыт системного исследования психики ребенка.– М., 1975.
 59. Никольская О. С. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма.– М., 2000.
 60. Орлов А. Б. Эмпирическая личность и ее структура // Вопр. психологии.– 1995.– № 2.– С. 5–19.
 61. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопр. психол.– 1996.– № 1.– С. 5–19.
 62. Панов В. И. Психологическая модель природной динамики психического состояния // Материалы конференции «Психология XXI века глазами молодых ученых».– М.: МГППУ, 2002.
 63. В. Ф.Петренко, Психосемантика сознания. Изд. Московского университета, 1988. С. 74–75).
 64. Петровский А. В. Персоносфера // Общая психология. Под редакцией А. В. Петровского. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь.– М. – СПб., 2005.
 65. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология.– М., 2001.
 66. Петровский В. А. Экспериментальное изучение риска как тенденции личности // Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов.– Тбилиси, 1971.
 67. Петровский В. А. К психологии активности личности // Вопр. психологии.– 1975.– № 3.
 68. Петровский В. А. Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу.– М., 1976.
 69. Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска. Автореф. соиск. уч. ст. канд. психол. дисс.– М., 1977.

70. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопр. философии.– 1982.– № 3.
71. Петровский В. А., Уварина Е. Ю. Влияние фактора личностной идентификации на результаты мыслительной деятельности // Психология учебной деятельности школьников.– Тула, 1982.
72. Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопр. психологии.– 1985.– № 1.
73. Петровский В. А. Понятие отраженной субъектности в концепции персонализации // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе.– Ч. 1.– Даугавпилс, 1985
74. Петровский В. А., Крупенин А. Л. Личность в общении и деятельности.– Ульяновск, 1985.
75. Петровский В. А., Гуренкова И. П. Новая модификация фрустрационного метода. Личность в общении и деятельности.– Ульяновск, 1985.
76. Петровский В. А., Черепанова Е. М. Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания // Вопр. психологии.– 1987.– № 5.
77. Петровский В. А. Дубов И. Г. Перестройка личностных структур учащихся при персонализации личности педагога // Психология развивающейся личности.– М., 1987.
78. Петровский В. А., Кузьмина Е. И. Надситуативная активность и ее исследование в детском возрасте // Личность и межличностные отношения в коллективе.– Ульяновск, 1988.– С. 105–110.
79. Петровский В. А. “Активность”, “Активность личности”, “Индивид”, “Субъект”, “Активность надситуативная”, Психология. Словарь.– 2-е изд.– М.: Политиздат, 1990.
80. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности.– М.: Российский открытый университет, 1992.
81. Петровский В. А. Идея “Я = Мир” в развитии личности // Новые ценности образования: десять концепций и эссе.– М., 1995.
82. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности.– Ростов н/Д: Феникс, 1996.
83. Петровский В. А. Активность: Учеб. для пед. вузов. Гл. 10 «Введение в психологию» / Под общ. ред. проф. А. В. Петровского).– М.: Академия, 1996.
84. Петровский В. А. Идея свободной причинности в психологии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты.– М., 1996.
85. Петровский В. А., Огнев А. С. Основные положения психологии субъектогенеза // Ежегодник Российского психологического общества.– Т. 2. Вып. 1.– М., 1996.
86. Петровский В. А. Теория свободной причинности // Вестник Самарского государственного университета.– 1996.– № 1.
87. Петровский В. А., Грязева В. Г. Одаренные дети и экология творчества.– Челябинск, 1996.
88. Петровский В. А. К построению алгебры когито: опыт игры в бисер // Модели мира / Под ред. профессора Д. А. Пospelова.– М., 1997.

89. Петровский В. А. Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») / Под ред. Д. А. Поспелова // Модели мира.– М., 1997.
90. Петровский В. А. Философия «Я»: транзактный подход // Послесловие к книге Э. Берна «Групповая психотерапия».– М.: Академ. Проект. 2000.
91. А. В. Петровский, В. А. Петровский. Категориальная система психологии // Вопр. психологии.– 2000.– № 5.
92. Петровский В. А. Метасловарь транзактного анализа // Предисловие к книге Э. Бёрна «Транзактный анализ в психотерапии».– М.: Академический Проект, 2001.
93. Петровский В. А. Философия «Я»: Транзактный подход // Послесловие к книге Э. Берна «Групповая психотерапия».– М., 2001.
94. Петровский В. А. Транзактная модель рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление / Тезисы III Международного симпозиума 8–10 октября 2001 г., Москва.
95. Петровский В. А. «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору / Тезисы конференции по практической психологии.– Москва, МГУ, 2002.
96. Петровский В. А. Метаимплицативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион».– Самара, 2002.
97. Петровский В. А., Таран Т. А. Модель рефлексивного выбора: транзактная версия (Тезисы КИИ, 2002).
98. Петровский В. А., Таран Т. А. Импульсная модель экзистенциального выбора // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием.– Т. 1.– М.: Физматлит, 2002.
99. Петровский В. А. Митина О. В. Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6–7 февраля 2004 г.: Сборник статей.– Самара, 2004.– С. 138–145/
100. Петровский В. А. Психология: «непредметность предмета» // Труды ярославского методологического семинара «Предмет психологии».– Ярославль, 2004.
101. Петровский В. А. Мультисубъектная персонология // Сб. трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнетворчества.– М., 2004.
102. Петровский В. А. Уровень трудности задачи: метаимплицативная модель мотивации выбора // Психологический журнал.– М., 2006.– № 1.
103. Петровский В. А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление.– М., 2006.
104. Петровский В. А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики.– 2008.– Т. 5.– № 1.

105. Петровский В. А. Мотив границы: знаковая природа влечения. Мир психологии.– 2008.– № 3.
106. Петровский В. А. Булева типология смысловых миров личности // Психологические исследования. Сб. научных трудов.– Самара: Изд-во Универсгруп, 2009.
107. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии.– М., 2003.
108. Прангишвили А. С. Психологические очерки.– Тбилиси, 1975.
109. Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психагогика.– М., 2005.
110. Равич-Щербо И. В. Психогенетика.– М., 2000.
111. Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. К.: Ваклер, 1997.– С. 28–83). К.: PSYLIB, 2005.
112. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии.– М.: Педагогика, 1973.
113. Сайко Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального.– М. – Воронеж, 2006.
114. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе.– Изд-во Школьная пресса, 1995.
115. Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений.– М.: Академический проект, 2004.
116. Столин В. В. Самосознание личности.– М.: Изд-во Московского Университета, 1983.
117. Таран Т. А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление / Сб. статей.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.– С. 122–132.
118. Таран Т. А. (2001) Формальные принципы рефлексивного управления.
119. Таран Т. А. Основы дискретной математики.– Киев, 2003.
120. Таранов П. С. 106 философов.– Симферополь: Таврия, 1995.
121. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова.– М., 1934.
122. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.– М., 1956.– Т. 26.– С.412.
123. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка.– М.: Гнозис, 1993.– С. 239–240.
124. Улыбина Е. С. Психология обыденного сознания.– М.: Смысл, 2001.
125. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования.– М., 1966.
126. Хараш А. У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // Вопр. психологии.– 1980.– С. 3.
127. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. / Под ред. Б. М. Величковского.– М.: Педагогика, 1986.
128. Чесноков С. В. ДА-система (детерминационный анализ) руководство пользователю.– Контекст, 1997.
129. Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных.– М.: Наука, 1982.
130. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени.– М.: Прогресс; Универс, 1993.

131. Цвейг С. Новеллы, Эссе, очерки.– М.: МАКСИМ, 1994.
132. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. М: Университетская книга; Логос, 2006.
133. Atkinson J. W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review.– 1957.– № 64.
134. Atkinson J. W. An Introduction to motivation.– N. J.: Princeton, 1964.
135. Bandura A. Social foundation of thought and action. Englewood Cliffs.– NJ: Prentice-Hall, 1986.
136. Hoppe F. Untersuchungen zur Handlungs- und Affektpsychologie. IX. Erfolg und Mißerfolg.– Psychologische Forschung, 1930, 14.
137. Maslow A. H. Motivation and Personality (3 rd ed.).– New York: Harper and Row, 1987.